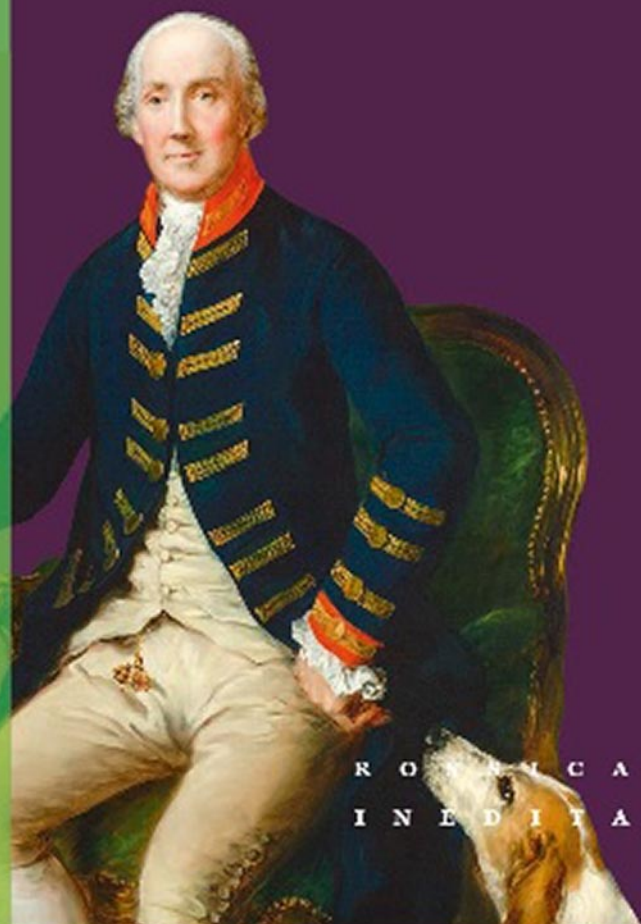

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

«...ДУШЕВНО К ВАМ ПРИВЯЗАН»:

Переписка графа Александра Воронцова
и бригадира Алексея Дьяконова
(1780-е годы)

КОПИКА
ИНДИКА

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ

ROSSICA INEDITA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ЦЕНТР ИСТОРИИ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ ШКОЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

«...ДУШЕВНО К ВАМ ПРИВЯЗАН» :

Переписка графа Александра Воронцова
и бригадира Алексея Дьяконова
(1780-е годы)

Составитель
и научный редактор
Майя Лавринович

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
МОСКВА, 2022

УДК 929
ББК 63.2
Д86

<https://elibrary.ru/bdozoa>

Издание подготовлено при поддержке
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Серия основана в 2018 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Департамента истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге *Евгений Анисимов*; доктор исторических наук, профессор, руководитель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ *Александр Каменский*; PhD, директор Центра истории России Нового времени Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ *Игорь Федюкин*

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:

Игорь Федюкин

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

кандидат исторических наук *Андрей Серков*;
кандидат исторических наук *Денис Сдвижков*

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ К ПУБЛИКАЦИИ:

Майя Лавринович

СОСТАВИТЕЛЬ И НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР:

Майя Лавринович

ДИЗАЙН СЕРИИ: ABCdesign

Иллюстрация на обложке — Томас Гейнсборо. Портрет Уильяма Энн Холлиса, 4-го графа Эссекса, вручающего кубок Томасу Клаттербаку из Уотфорда (1784–1785)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2581-4

ISBN 978-5-7598-2581-4 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-2492-3 (e-book)

© Составление, научная статья, составление
указателя. Лавринович М.Б., 2022

Содержание

8	От редактора
10	Список сокращений
13	<i>Майя Лавринович. Жизнь между службой и поместьем: покровительство, дружба и амбиции в частной переписке 1780-х годов</i>
17	«...помнится, бригадир»: реконструкция биографии А.С. Дьяконова
52	А.Р. Воронцов: эпизоды биографии
83	От ложи до суда: как познакомились Воронцов и Дьяконов
101	«Нового у нас ничего нет»: режимы переписки
114	«Вас искренно люблю...»: дружба неравная и чувствительная в конце XVIII в.
137	«Деревенская жизнь zaczynaет казаться постылою...»: апология гораианства и полемика с ним в эписюлярии Воронцова и Дьяконова
152	Последние годы Дьяконова: «аглинские мысли» и прожектерство
171	Письма
172	1783
172	№ 1. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 10 февраля
176	№ 2. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 4 ноября
183	1784
183	№ 3. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 22 сентября
186	1785
186	№ 4. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 3 января
188	№ 5. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 16 июля
193	№ 6. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 25 августа

- 195 № 7. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 5 октября
 199 № 8. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 9 октября
 202 № 9. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 21 октября
- 203 1786
- 203 № 10. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 27 февраля
 206 № 11. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 14 марта
 208 № 12. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 23 марта
 209 № 13. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 14 июня
 211 № 14. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 2 июля
 212 № 15. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 8 июля
 213 № 16. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 28 июля
 214 № 17. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 3 октября
 215 № 18. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 29 октября
 216 № 19. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 2 декабря
 217 № 20. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 7 декабря
 218 № 21. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 12 декабря
- 219 1787
- 219 № 22. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 6 февраля
 221 № 23. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 22 марта
 223 № 24. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 28 апреля
 227 № 25. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 10 мая
 229 № 26. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 26 мая
 231 № 27. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 30 августа
 232 № 28. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 14 сентября
 235 № 29. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 23 сентября
 239 № 30. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 24 сентября
 240 № 31. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 10 октября
 242 № 32. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 5 ноября
 243 А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 6/н
- 244 1788
- 244 № 33. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 30 сентября
 247 № 34. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 18 октября
 254 № 35. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 23 ноября
 257 № 36. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 25 ноября
 260 № 37. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 21 декабря
 264 № 38. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 25 декабря

- 267 1789
267 № 39. А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 20 февраля
270 № 40. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 29 июня
272 № 41. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 17 июля
273 № 42. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 5 августа
276 № 43. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 13 августа
277 № 44. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 20 августа
279 № 45. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 1 сентября
280 № 46. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 6 сентября
281 № 47. А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 11 сентября

283 Приложения

- 284 1. Благоволение императрицы, выданное А.Р. Воронцову
и А.В. Нарышкину за сенаторскую ревизию (1785 г.)
284 2. Письмо К.Е. Сутгофа к А.Р. Воронцову (24 апреля 1788 г.)
285 3. Рапорт А.Р. Воронцова и А.П. Шувалова о заготовке хлеба
в Санкт-Петербурге и в губерниях Новгородской, Тверской,
Рижской и Олонецкой (декабрь 1786 г.)
287 4. Завещание Дьяконова и крепостная запись дарственной
на его имение (1789 г.)
292 Аннотированный именной указатель

От редактора

Публикуемые в данном томе документы представляют собой комплекс переписки между графом А.Р. Воронцовым и бригадиром А.С. Дьяконовым, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА), в двух делах описи 3 фонда 1261 (Воронцовы), и охватывающей период с 1783 по 1789 г. Письма Воронцова отложились в деле 68, письма Дьяконова — в деле 541. Переписка отражает повседневные заботы двух корреспондентов, помещика — пусть и не самого типичного — и придворного, вельможи и крупного администратора, позволяя в то же время взглянуть изнутри на внутривполитические коллизии той эпохи, «услышать» суждения, размышления и сомнения современников.

Письма публикуются хронологически, в порядке их написания; одно из писем дополнено хранящимися здесь же черновиками. При публикации сохраняются, за исключением оговоренных ниже деталей, особенно орфографии и синтаксиса, присущие каждому из корреспондентов. Шероховатости стиля, пропуски, скачки мысли в написанных наскоро (особенно это относится к Воронцову) письмах передают живую речь и даже вовлекают читателя в эпистолярные диалоги. Следует, однако, учитывать, что публикуемая подборка писем неполна, поскольку многие письма оказались утеряны (прежде всего письма Дьяконова к Воронцову).

Текст документов передается с точным сохранением стилистических и фонетических особенностей документа (т.е. с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук). Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современным нормам; также восстановлена буква «й», которую Воронцов практически не использовал. Деление текста на слова и предложения проводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, проставляются необходимые по смыслу знаки препинания. Приписки, сделанные в документе автором, вносятся в строку и оговариваются в примечаниях, причем авторские знаки сноски снимаются (за исключением одного случая). Текст, вносимый публикатором, в том числе пропущенные в документе

и восстановленные по смыслу слова, обозначается квадратными скобками []. Неразобранные слова отмечаются [нрзб].

Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре не используются. Написанные сокращенно имена и названия в тексте не раскрываются, но поясняются в комментариях.

Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в основном в соответствии с современными правилами орфографии. Исключение составляет слово «Город», используемое корреспондентами как обозначение Санкт-Петербурга. Явные описки (двукратное написание отдельных букв, слогов, слов, перестановка букв) устраняются в тексте и не оговариваются.

В письмах, в особенности у Дьяконова, встречается авторская редактура — зачеркивания и внесение поправок над строкой. Зачеркивания отдельных слов в публикации сохраняются, за исключением редких случаев, когда их не удалось разобрать, а поправки выделяются курсивом и вносятся в строку. Авторские подчеркивания, обозначающие, как правило, цитату или слова третьих лиц, сохраняются.

В приложениях публикуются некоторые документы, выявленные в ф. 1261 (Воронцовы) РГАДА и непосредственно касающиеся событий и лиц, речь о которых идет в переписке. Из них самый большой интерес представляет завещание Дьяконова.

В аннотированный именной указатель включены лица, упомянутые как в переписке, так и во вступительной статье и комментариях. В аннотации сведения о лицах приводятся в основном применительно к периоду переписки (1780-е годы).

***

Составитель выражает искреннюю признательность Т. Костиной, без которой разбор почерка и полноценное прочтение писем А.Р. Воронцова были бы невыполнимой задачей. Неоценимую помощь в работе над изданием оказали Е. Акельев, В. Борисов, С. Калинина, А. Костин, К. Лаппо-Данилевский, С. Польской, А. Феофанов. Вся ответственность за остающиеся в тексте ошибки и неточности, разумеется, лежит на научном редакторе.

М. Лавринович

Список сокращений

АКВ — Архив князя Воронцова: в 40 кн. / под ред. П.И. Бартенева. М.: Тип. А.И. Мамонтова и др., 1870–1895.

д.м.п. — души мужского пола.

КФЖ — Камер-фурьерский церемониальный журнал. Алфавитный указатель, приложения и дополнения к Камер-фурьерскому журналу 1782 года. СПб.: Б.и., 1882; То же 1785 года. СПб.: Б.и., 1885; То же 1786 года. СПб.: Б.и., 1886; То же 1787 года. СПб.: Б.и., 1886.

НИА СПбИИ РАН — Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург).

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ПСЗ РИ I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825. СПб.: Тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1830.

РБС — Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. Т. 1–25. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив
(Санкт-Петербург).

С6РИО — Сборник Русского исторического общества: в 148 т. СПб.:
Тип. А. Траншеля и др., 1867–1916.

СПбВ — Санкт-Петербургские ведомости. СПб.: При Имп. Акад. наук,
1728–...

СРП XVIII — Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред.
А.М. Панченко, Н.Д. Кочеткова. Вып. 1. Институт русской
литературы АН СССР (РАН) (Пушкинский дом). Л.: Наука.
Ленингр. отд., 1988; Вып. 2–4. СПб.: Наука. С.-Петербург. отд.,
1999–2020.

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред.
С.Г. Бархударов. Вып. 1–... Институт русского языка АН СССР
(РАН). М.: Наука, 1975–...

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / гл. ред.
Ю.С. Сорокин. Вып. 1–6. Институт русского языка
АН СССР (РАН). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1984–1991; Вып. 7–...
СПб.: Наука. С.-Петербург. отд., 1992–...

ГРМ — Государственный Русский музей.

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея.

ЦГИА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
(Санкт-Петербург).

Жизнь между
службой и поместьем:
покровительство,
дружба и амбиции
в частной переписке
1780-х годов

Майя Лавринович

Для социальной и культурной истории XVIII в. документы личного происхождения, или эго-документы, — важный, если не основной, источник, и частная переписка, наряду с дневниками, занимает здесь одно из главных мест. Основная ценность переписки — содержащееся в ней «свидетельство о себе», далеко не всегда тождественное тому, о чем идет речь в самих письмах. Под «свидетельством о себе» понимают факты «внутренней», неформальной, биографии, рефлексии и саморефлексии, транслируемый личный опыт, переживания и чувства. В эго-документах исследователь сталкивается с авторским «я» как одновременно пишущим и постоянно присутствующим в тексте субъектом описания. При этом произошедший в последние десятилетия в гуманитарных науках пересмотр отношений субъекта с текстом позволяет исследователю, работающему с перепиской, увидеть, как в процессе письма создается субъективность¹. Все это делает переписку, тем более — переписку в России XVIII в., важнейшим источником, позволяющим исследовать социальную самоидентификацию ее авторов и процесс ее складывания, а также социальные связи, менее уловимые в других источниках. Личные письма представляют в ином, нежели официальная и деловая корреспонденция, ракурсе отношения, сформировавшиеся как внутри тех или иных социальных групп, так и между представителями разных слоев общества, а также нормы повседневного поведения, письма и речи. Исследователи даже говорят о «правдивости» частной переписки, помогающей избежать общих штампов и документировать или, напротив, поставить под сомнение сложившиеся в историографии представления о жизни общества².

Публикуемые в данном томе документы — яркий пример переписки, отражающей возникновение в России XVIII в. нового в социальном смысле индивида и нового языка как способа говорить о себе. Переписка эта служит средством поддержания личных отношений между двумя корреспондентами, свидетельствуя при этом о постоянном неподдельном интересе к внутреннему миру, здоровью, успехам и несчастьям друг друга. Последнее тем более примечательно, что корреспонденты — один из влиятельнейших сановников екатерининского царствования граф Александр

¹ Зарецкий Ю.П. Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет // Автор и биография, письмо и чтение: сб. докладов / сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 26–29.

² Новахатко О.В. Частная переписка XVII века (к постановке вопроса) // *Paleobureaucratica*: сб. ст. к 90-летию Н.Ф. Демидовой / сост., ред. Ю.М. Эскин. М.: Древлехранилище, 2012. С. 246–263, здесь с. 246–247.

Романович Воронцов (1741–1805) и армейский бригадир Алексей Степанович Дьяконов (1734–1789), имя которого едва ли что-то скажет даже историку. Проступающие в переписке близкие и доверительные отношения между этими людьми ломают наши представления о жестком словесном порядке и формальной иерархии в Российской империи XVIII в. Помимо этого, переписка отличается интенсивной рефлексией по поводу межличностных отношений, которую редко встретишь в эго-документах XVIII в. до того, как сентиментализм и его язык полностью завладели умами образованного слоя. К 1780-м годам «языком чувств» уже владел А.Н. Радищев, предлагавший читателю «Дневника одной недели» разделить с ним свой «аффективный опыт»³. В десятилетие, следующее за тем, на которое приходится публикуемая переписка, появились «Бедная Лиза» и «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, где герой оказывался в особом поле общих эмоций, связывавших «узами чувствительности» всех, кто только был способен эти эмоции испытывать. В переписке Воронцова и Дьяконова мы видим, как образованная элита «примеряет» на себя эту модель и учится переводить «житейскую фактуру» на «язык эмоциональных реакций»⁴.

Переписка в XVIII в. — обязательная, необходимая часть жизни, способ функционирования в обществе, а письма — также и средство самоидентификации и саморепрезентации⁵. Благодаря распространению письмовников переписка как социальная практика охватывает все новые слои общества, и все больше грамотных людей стремятся овладеть также и умением писать письма — умением, позволявшим повысить социальный статус⁶. Поскольку число разного рода присутственных мест росло с каждым новым этапом реформирования системы управления, росло и число претендентов на должности разного уровня. Соответственно, росли объемы переписки, особенно прошений, обращенных к высокопоставленным чиновникам, а значит, и рекомендательных писем. Показателен

³ Бодэн Р. «Дневник одной недели» А.Н. Радищева: реальное время русского сентиментализма // XVIII век: сб. 26 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2011. С. 289.

⁴ Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: НЛО, 2016. С. 105, 150.

⁵ Houdt T. van, Papy J. Introduction // Houdt T. van, Papy J. et al. Self-Presentation and Social Identification. The Rhetoric and Pragmatics of Letter Writing in Early Modern Times. Leuven: Leuven Univ. Press, 2002. P. 3.

⁶ Dierks K. The Familiar Letter and Social Refinement in America, 1750–1800 // Letter Writing As a Social Practice / D. Barton, N. Hall (eds). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2000. P. 31–32.

в этом смысле эпистолярный архив Воронцова, объемы которого поражают: этот вельможа «обрабатывал», пусть даже с помощью секретарей, и служебную корреспонденцию, и личную — родственную, дружескую, прошения и просьбы от близких и дальних знакомых, рекомендации для незнакомых. В списке корреспондентов, составленном после его смерти и охватывающем лишь 1780–1800-е годы, значатся почти две сотни имен, но он, конечно, неполон⁷.

В публикуемой переписке мы видим Воронцова в его ипостаси частного человека: обремененного государственной важности делами, но вникающего в повседневные заботы своего корреспондента и пекущегося о собственном комфортном существовании в приватной и придворной сферах. Показательно, что у Воронцова не возникало внутренних противоречий между желанием проводить время в уединении в поместье и необходимостью заседать в Совете при высочайшем дворе, ездить с сенаторской ревизией по губерниям или пытаться устроить своего протеже на службу. Такое существование одновременно в двух «сообществах»: космополитическом текстуальном, сформированном литературными образцами (произведениями Геснера, Руссо, Стерна), и ограниченном национально-сословном — уже в следующее десятилетие будет восприниматься как проблематичное⁸.

В новейшей историографии бытует мнение, что дворянская переписка екатерининского царствования отличается сверхкритичностью по отношению к складывавшейся бюрократической системе и отражает кризис традиционных ценностных ориентиров дворянства, эрозию «основ официального и господствующего сознания»⁹. Однако в откровенной и неформальной корреспонденции Дьяконова и Воронцова, действительно зависевших, как и многие их современники, от милости государыни, невозможно найти следов ни кризиса, ни оппозиционности, несмотря на обсуждение в ней лиц, занимавших высшие должности в государстве и в придворной иерархии, происходивших при дворе событий и грядущих или текущих войн. Будучи как политик, вероятно, достаточно циничным, Воронцов к тому же вызывал у современников подозрения в наличии у

⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3109. Л. 1–9.

⁸ Пример напряжения между двумя полюсами демонстрируют письма М.Н. Муравьева 1797 г. к отцу и жене Е.Ф. Муравьевой (см.: Зорин А.Л. Указ. соч. С. 121, 126).

⁹ Марашинова Е.Н. Образ императора в сознании элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам эпистолярных источников) // Царь и царство в русском общественном сознании / под ред. А.А. Горского и др. М.: Институт российской истории РАН, 1999. С. 170.

него личной заинтересованности в лоббируемых им от имени государства коммерческих предприятиях. Дьяконова, однако, нисколько не забоят предполагаемое корыстолюбие или коррумпированность Воронцова. Более того, он вообще не мыслит этими категориями. В основе его взаимоотношений с придворными лежат концепты милости, преданности и участия в состоянии другого. В письмах Дьяконова действительно можно наблюдать спектр эмоций, который Е.Н. Марасинова описывает как характерные для переписки второй половины XVIII в.: раздражение, негодование, гнев, досада, уныние, острое ощущение неблагополучия, конфликтность с окружающим миром и собственной личностью¹⁰. Однако их источники — не «недовольство самовластным правлением» или коррумпированным чиновничеством, а невозможность автора встроиться в бюрократическую иерархию в ранге, который соответствовал бы его представлениям о собственных достоинствах, предшествующей военной карьере и уровню его покровителей. По словам А.Л. Зорина, — и это видно в письмах Дьяконова — интериоризация ценностной системы службы делала карьерную неудачу невыносимой для дворянина, лишала его жизнь смысла, а сам чин был и показателем его социальной состоятельности, и гарантией моральных качеств его обладателя¹¹.

Если биография А.Р. Воронцова в целом известна, хотя и требует еще полноценного исследования, то жизненный путь Дьяконова при подготовке настоящего издания пришлось реконструировать буквально с нулевой отметки: без воссоздания более или менее целостной картины его жизни было бы невозможно понять и прокомментировать его переписку с Воронцовым. Эта растянувшаяся на годы работа — увлекательная сама по себе — открыла большой пласт социальной реальности и культурных контекстов, объединявших влиятельного сановника, аристократа и придворного с армейским бригадиром, родившимся в далекой провинции.

«...помнится, бригадир»: реконструкция биографии А.С. Дьяконова

Алексей Степанович Дьяконов, которому было суждено дослужиться к 1775 г. до армейского бригадира, не был дворянином по рождению. О семье его мы ничего не знаем, но когда в апреле 1750 г., в возрасте 16 лет,

¹⁰ Там же.

¹¹ Зорин А.Л. Указ. соч. С. 120; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века по материалам переписки. М.: РОССПЭН, 1999. С. 81.

Дьяконов поступал на вакантное место копииста в Петербургскую таможню, в документах Печатной конторы он был записан подьяческим сыном¹². Менее чем через десять дней, впрочем, он написал челобитную об определении его в той же таможне досмотрщиком и действительно получил это место по указу Коммерц-коллегии в июле 1750 г. — и в этой записи он именовался «купцом»¹³. Что автор этих прошений и интересующий нас корреспондент Воронцова — один и тот же человек, подтверждается тем, что Петербургская таможня была местом, хорошо знакомым Дьяконову: об этом он упоминал в одном из писем к Воронцову в 1788 г. (письмо № 37)¹⁴.

Еще одна деталь ранней биографии Дьяконова, которая мелькает в его переписке с Воронцовым, — место его рождения. В письме от 27 февраля 1786 г. сановник, объезжавший губернии с сенатской ревизией, сообщал Дьяконову с дороги: «В отчизне вашей я время проводил изрядно, и Вологдою доволен...» (письмо № 10)¹⁵. И именно Вологда указана в документах как место рождения Алексея Дьяконова — копииста в чине сержанта, служившего с декабря 1752 г. в канцелярии Лейб-компани, привилегированной роты личных гвардейцев императрицы Елизаветы Петровны. Поскольку, как указано в списке роты, этот Дьяконов поступил туда из копиистов Камер-коллегии, в введении которой находились и таможни, можно быть уверенными, что речь идет об одном и том же человеке¹⁶.

¹² РГАДА. Ф. 265. Оп. 1. Кн. 124. Л. 61. Нельзя исключать, что он просто назвался этой фамилией, связанной с родом деятельности его семьи.

¹³ Там же. Л. 470 об. — 471. «Купечеством» после введения подушной подати и до реформы налогообложения городского населения в 1775 г. называлось все «регулярное» городское население. Согласно «Регламенту Главному магистрату», оно делилось на две гильдии: первостатейных и мелких торговцев, а остальные, «обретающиеся в наймах и черных работах», причислялись к «подлым людям» (см.: ПСЗ РИ I. № 3708. Гл. VII (О разделении гражданства)). В 1730–1740-е годы штат портовых таможен, за исключением высших должностей обер-инспекторов и директоров, комплектовался из лиц недворянского происхождения: выходцев из купечества, подьяческих детей (канцеляристов), дворцовых служителей, отставных солдат и других разночинцев. Досмотрщики обязаны были до отплытия корабля «бессходно» находиться на нем для наблюдения, «чтоб без пошлин товары с кораблей не свозили» (см.: Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — нач. 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. С. 71).

¹⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 23 об.

¹⁵ Там же. Д. 68. Л. 13 об. (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

¹⁶ Именной список Ее Императорского Величества лейб-компани чинам 1741–1759 годов // Русский архив. 1880. № 5. С. 134. Дьяконов был среди тех, кто находился с императрицей в Лефортовском дворце во время случившегося там

Итак, юный Алексей Дьяконов проделал в 1750 г. или чуть ранее путь из Вологды до Петербурга, оставив позади привычную социальную среду и образ жизни, возможно, и родителей — ради чего? Похоже, не ради того, чтобы стать мелким канцеляристом, пусть даже в Лейб-компании. Стоит напомнить, что начиная с 1745 г. во главе канцелярии этого элитного подразделения стоял драматург и поэт Александр Петрович Сумароков — протеже фаворита императрицы и командира лейб-гвардейцев Алексея Григорьевича Разумовского¹⁷. И именно с Сумароковым оказывается связано карьерное продвижение нашего героя в 1750-х годах. Когда Сумароков именным указом Елизаветы Петровны от 30 августа 1756 г. был назначен директором учреждаемого русского «для представления трагедии и комедии» театра, служивший на протяжении нескольких предшествующих лет под его началом Алексей Дьяконов получил тем же указом должность надзирателя над предоставленным театру Головкинским домом и пожалован чином армейского подпоручика с жалованьем в 250 рублей в год¹⁸.

Театр под началом Сумарокова известен, среди прочего, тем, что именно там выступал со своей труппой, привезенной им из Ярославля, Федор Григорьевич Волков. В «Кратком известии о театральных в России представлениях» Я.Я. Штелина мы находим упоминание, проливающее, возможно, дополнительный свет на биографию нашего героя. Как пишет Штелин, в 1750 г. к «обществу» Федора Волкова в Ярославле «пристали Бухарин, Дьяконов, Сочков и многие другие разнаго состояния люди»¹⁹.

21 января 1754 г. пожара, см.: Ассигнация, кто именно из чинов Ее Императорского величества лейб-компания поставлены в казенном Лефортовском дворце и под какими номерами [Публ. В.И. Егорова] // Вестник архивиста. 2008. № 1 (101). С. 253; в пожаре он лишился «портупей с позументом» (Егоров В.И. Гренадеры Лейб-компании императрицы Елизаветы Петровны — постояльцы Лефортовского дворца. 1740–1750 гг. // Там же. С. 256).

¹⁷ Степанов В.П. Александр Петрович Сумароков // СРП XVIII. Вып. 3: Р–Я. СПб.: Наука, 2010. С. 185.

¹⁸ ПСЗ РИ I. Т. 14. № 10599 (здесь опечатка: Головинский вместо Головкинский); копия: РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3021. Л. 9–9 об. Дом, принадлежавший вице-канцлеру М.Г. Головкину (1699–1754) и построенный в 1720-х годах, был взят в казну после ссылки его хозяина, последовавшей за воцарением Елизаветы Петровны. Он находился на месте юго-восточной части нынешней Академии художеств на Васильевском острове («близ кадетского дому»).

¹⁹ Штелин [Штелин] Я.Я. Краткое известие о театральных в России представлениях, от начала их до 1768 года, сочиненное на немецком языке его превосходительством, действительным статским советником Я.Я. Стелином // Санктпетербургский вестник. 1779. № 8. С. 83–95, здесь с. 92. (Курсив в цитате мой. — М. Л.). Ярославцы были вызваны в Петербург в начале 1752 г. по

Идет ли здесь речь именно об Алексее Степановиче Дьяконове, неизвестно: дело в том, что прозвище «Дьяконов» (по роду деятельности своего отца) носил и входивший в труппу Волкова известный русский актер Иван Афанасьевич Дмитревский. С одной стороны, Штелин не мог об этом не знать; с другой — к 1770-м годам, когда он писал свое «Краткое известие», так Дмитревского уже давно никто не именовал. Если допустить, что речь тут идет все же не о Дмитревском, а о нашем герое Алексее Степановиче, то становится понятнее, почему именно безвестный копиист Дьяконов был предложен на должность надзирателя Головкинского дома. Вполне может быть, что, двигаясь из Вологды в сторону столиц, Дьяконов оказался в Ярославле, где и пристал к труппе Волкова — случайно или намеренно. Служба в Петербургской таможне, куда он определился в том же 1750 г., могла, таким образом, быть для молодого человека лишь вынужденным шагом, способом зацепиться в Петербурге. Возможно, уже тогда он поставил себе целью увидеть театр, а может, и самого Сумарокова, к тому моменту составившего себе репутацию как автор «Хорева» (1747). Узнать о нем Дьяконов мог опять-таки в Ярославле от Волкова, который в 1748 г. вернулся в город из Петербурга и набрал свою первую труппу²⁰.

Переписка Дьяконова с Воронцовым также подтверждает, что не карьера на таможне, а именно возможность служить под началом Сумарокова — хотя бы и копиистом в канцелярии — привлекала нашего героя: он именует драматурга не иначе как своим «покойным благодетелем» (письмо № 2)²¹. Вероятнее всего, что как раз Сумароков и предложил Дьяконова на должность надзирателя над театральным домом,

требованию императрицы. Перечисляя актеров, отправлявшихся с ним в Петербург, сам Волков Дьяконова не упоминает, но это естественно, поскольку Алексей Степанович (если это был он) оставил Ярославль еще в 1750 г. и к 1752 г. был уже в Петербурге. Что характерно, актеры ярославского театра, подобно Дьяконову, происходили из городской среды — канцеляристов и церковников: канцеляристами были Иван Иконников и Яков Попов, пищиком — Семен Ку克林, сыном дьякона — Иван Дмитревский (наст. фамилия Нарыков или Дьяконов), из посадских происходил Семен Скочков и т.д. (Север Н.М. Летопись Театра имени Ф.Г. Волкова. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1973. С. 23.). В публикации «Мемуары о театре в России», в которой аккумулированы и заново переведены на русский язык несколько сохранившихся в архивах рукописей Штелина, фрагмент о театре, устроенном Ф. Волковым в Ярославле, отсутствует, и Дьяконов не упоминается (см.: Малиновский К.В. Материалы Якова Штелина. СПб.: Круга, 2014. С. 121–173, особ. с. 141–143 (§ 11)).

²⁰ Север Н.М. Указ. соч. С. 11.

²¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 3.

поскольку тот к этому времени уже несколько лет не только служил под его началом, но и выполнял некоторые личные поручения, в том числе связанные с литературной деятельностью. Из записи в журнале выдачи книг библиотеки Академии наук, например, видно, что в 1755 г. копиист сержант Алексей Дьяконов взял для Сумарокова шесть томов греческих драм и два тома Пиндара, все на французском языке²². К середине 1750-х годов, таким образом, из доступных нам разрозненных свидетельств начинается вырисовываться портрет довольно амбициозного молодого простолюдина-провинциала, не просто стремящегося в столицу, но полного надежд стать причастным к театральному искусству.

***

Именно в этот период должно происходить формирование и культурного облика Дьяконова, и его социального этоса. Примечательна в этом смысле присущая ему специфическая орфография, бросающаяся в глаза в публикуемых письмах. Прежде всего, характерно написание Дьяконовым *а* вместо *о* в безударных словоформах (п*а*том, г*а*тов, *а*ни, к*а*торы, х*а*зяйство, сп*а*койный), что не только не соответствовало норме, но и шло вразрез с региональным произношением, которого от него можно было бы ожидать: родом с русского севера, Дьяконов должен был окать, т.е. произносить отчетливое *о* в словоформах с безударным *о*. Такое произношение, как и написание, Антиох Кантемир в 1740-е годы определял как «правильное», или «народное». Благородные же «*и те, кто им подражает*, часто меняют *о* на *а* как в начале, так и в середине слов, откуда происходит два типа произношения, отличающие благородных людей от народа. Одни [благородные] говорят агурец, акошко, пападья, башмак, а другие [простолюдины] огурец, окошко, попадаья, бошмак», — отмечал Кантемир. Таким образом, аканье Кантемир выделял как социальный диалект, присущий *gentilhommes*²³. С другой стороны, уже в середине

²² Левитт М. Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук // XVIII век: сб. 19 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 1995. С. 56. В делах Сената по Военной коллегии (РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3021) все копиисты Лейб-компании именуется сержантами, несмотря на то что Дьяконов, например, на тот момент и не имел военного чина.

²³ Лингвист Е.Э. Бабаева подчеркивает, что это уникальное свидетельство, позволяющее характеризовать аканье именно как социальный диалект (см.: Бабаева Е.Э. Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники // Кантемир А.Д. Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: в 2 т. / вступ. ст. и публ. Е.Э. Бабаевой. М.: Азбуковник, Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. XLVI (Курсив в цитате мой. — М. Л.)).

XVIII в. аканье, приписывавшееся не книжному, не письменному языку, стало отличительной чертой «московской нормы» произношения, распространившейся и в Петербурге. Это заметил историк Август Людвиг Шлёцер в своей «Русской грамматике» в главе «О гласных»: «О, если оно кратко и нет на нем ударения, в московском наречии, которое также господствует в Петербурге, произносится как *a*, напр. подобен, *padoben*; хорошо, *charascho*; говори, *gawari*»²⁴.

Выбор Дьяконовым определенной орфографии, таким образом, случаен и приобретает особое значение в контексте культурной ситуации, сложившейся вокруг Сумарокова, бывшего в 1750-е годы шефом Дьяконова. Программа Сумарокова, опиравшаяся на норму современной ему западноевропейской культуры и нацеленная на молодых дворян, прежде всего — кадет Сухопутного шляхетного корпуса, подразумевала, что правильно говорить было не менее важно, чем правильно писать. К тому моменту, когда Дьяконов поступил на службу копиистом под начало Сумарокова, тот был уже не просто успешным драматургом («Хорев» и «Гамлет» появились в 1747 и 1748 гг. соответственно), но и претендовал на роль наставника благородной молодежи в том, что касалось культуры и литературного стиля²⁵. Строго говоря, в силу своего происхождения

²⁴ Шлёцер А.Л. Русская грамматика // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 13. СПб., 1875. С. 431 (§ 21); ориг.: *Schlözer A.L. Rußische Sprachlehre. Bde. 1–2. St. Petersburg, 1763–1764*. В этот период (середина XVIII в.) указания на особую красоту и правильность московского говора довольно часты у Сумарокова, Тредиаковского, Ломоносова и др. По словам В.М. Живова, это отражение пуристического тезиса о превосходстве столичного диалекта, характерное для языковой программы классицизма (см.: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 302). О превращении московской фонетической нормы в социальную свидетельствует и то, что в 1780-е годы она внедряется на театральной сцене: крестьян из малороссийских сел Шереметевых, взятых в усадебный театр в Кускове, заставляли переучивать их партии, переписывая роли для всех окружающих с заменой безударной *o* буквой *a* (см.: Станюкович В. Домашний крепостной театр Шереметевых XVIII века. Л.: Государственный Русский музей, 1927. С. 63). Это уравнивало социально героев пьес и опер, которых представляли актеры, с их благородными зрителями.

²⁵ Осоват К.А. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: НЛО, 2020. С. 65–66, 72; «Почти нет большого несовершенства в знатном человеке, как не уметь хорошо изъяснять свои мысли на словах или на письме. [...] Французской или Российской дворянин должен стараться уметь писать чисто и исправно по Французски или по Русски», — утверждалось в русском переводе педагогического трактата Локка, опубликованном в 1759 г. под названием «О воспитании детей» (Там же. С. 72).

Дьяконов не был адресатом сумароковских наставлений. Однако тот же Сумароков в сатире «О благородстве» (а до него — Кантемир во II сатире «На зависть и гордость дворян злонравных») увязывал истинное благородство не столько с чистотой родословной, сколько с личными заслугами:

А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титуле — в действии быть должен дворянином.

<...>

А если ни к какой я должности не годеи, —
Мой предок дворянин, а я не благороден²⁶.

В основе этого нового понимания благородства лежали тексты Горация, вошедшие в сложившийся как раз в середине XVIII в. в русской придворной среде литературный канон²⁷. Гораций, писал его переводчик И.С. Барков в жизнеописании поэта,

доказывает, что прямое благородство состоит не в знатности и древности предков и не в великом достоинстве, но единственно в добродетели, которой знатные Римские вельможи для безмерной роскоши весьма мало последовали²⁸.

В сумароковской культурной программе, кодифицированной в «Двух эпистолах», умение понимать и производить литературные тексты было неотъемлемой чертой человека образованного и благородного. Дьяконов, не имевший «по породе ни с кем из патрициев ни малейшая связи» (письмо № 1)²⁹, мог надеяться, что приобретение требуемых

²⁶ Цит. по: Сумароков А.П. О благородстве // Сумароков А.П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 189–191. Ср. у Кантемира в его «Предисловии» ко «Второй сатире»: «...гнусно дворянину завидовать благополучию подлейших себе, коли они чрез добрые свои дела в честь и славу происходят»; и в его же «Примечаниях» о намерении «Второй сатиры»: «...обличить тех дворян, которые, лишены будучи всякого благонравия, одним благородием хвастают, и к тому завидят всякому благополучию в людях, кои чрез свои труды из подлости в знатную степень происходят» (цит. по: Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С. 77, 368).

²⁷ *Ospovat K. Mikhail Lomonosov Writes to his Patron. Professional Ethos, Literary Rhetoric and Social Ambition* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N.F. 2011. Bd. 59. No. 2. S. 242.

²⁸ Барков И.С. Житие Квинта Горация Флакка // [Квинт Гораций Флакк] Квинта Горация Флакка сатиры или Беседы с примечаниями, с латинского языка предложенныя российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым. СПб.: При Императорской Академии наук, 1763. Б.п. [с. 4]; *Осповат К.А.* Указ. соч. С. 73.

²⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 1.

добродетелей и культурного багажа даст и ему право претендовать на благородство по духу, а впоследствии из «человека безродного» стать благородным и в формально-юридическом смысле, обретя соответствующий социальный статус.

Поддерживая московское аканье как норму произношения, Сумароков выступал тем не менее против ее отражения в орфографии. Так, в очерке «О правописании» он нападал на Ломоносова за аканье на письме, но подчеркивал, что тот был обманут московским произношением и перенес его в правописание и как «провинциальный уроженец», и как простолюдин:

Г. Ломоносов родом не Москвитянин; так ево произношение Московское часто обманывало: и претворял он ради того <...> *литеру О в литеру А; ибо везде где над литерою О нет силы, то есть ударения, претворяется она во произношении, между О и А, Водà, вóды: горà, гóры, и протч: <...> а многия не размышляя, таковыя ево ошибки приняли украшением пиитическим, и употребляют оныя к безобразию нашего языка, что г. Ломоносову яко провинциальному уроженцу простительно, как рожденному еще и не в го-роде, и от поселян; но протчим, которыя рождены не во провинциях и не от поселян, сие извинено быть не может*³⁰.

Однако Дьяконов, как мы видели, пренебрегает установками своего «благодетеля» — запретом на письменное аканье. Как кажется, показать себя на письме частью благородного общества Дьяконову было настолько важно, что ради этого можно было пренебречь и связью этого диалекта с Москвой, где он никогда не жил, и даже мнением Сумарокова, который иронизировал над «акающим правописанием», высмеивая его как «дамское», а позднее и вовсе отнес его к диалекту, заявив, что «прекрасное произношение московское» употребляют «почти одни только приближенные к Москве крестьяня»³¹. Можно предположить, что Дьяконов имитировал аканье в письменной и прежде всего в устной речи как престижное произношение, характерное для складывавшегося в 1750-е годы вокруг канцелярии Лейб-компании культурного кружка, принадлежать к которому он так стремился³².

³⁰ Сумароков А.П. О правописании // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова. Изд. 2-е. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787. Ч. X. С. 7 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

³¹ Бобрин М.А., Зорин А.Л. К истории московского самосознания (статья «О московском наречии» и ее автор) // Ново-Басманная, 19: сб. ст. М.: Художественная литература, 1990. С. 25, 29 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

³² Отмечу, что в свидетельстве о свободном состоянии Ореста Кипренского, написанном в 1788 г. при отдаче мальчика в Академию художеств (в объявлении

Пикантность ситуации состоит в том, что Сумароков, «благодетель» Дьяконова, помогавший его карьерному продвижению и оказывавший, видимо, большое влияние на его культурное развитие, сам питал при этом искреннюю ненависть к подьячим и в целом служителям канцелярий как профессиональной группе³³. Именно на годы службы Дьяконова при Сумарокове — 1750-е — приходится пик нападок поэта и драматурга на подьяческий язык и подьячих как социальную прослойку, «которых едино имя возмущает весь мой дух»³⁴. В поэтических сочинениях он не скрывал своего раздражения:

Я правду доношу, хоть верь, хоть нет:
Что Хамово то племя,
И что крапивно семя,
И что не возлетят их души к небесам,
И что наперсники подьячия бесам,
Я все то знаю сам³⁵.

В прозаическом этюде «О почтении Автора к приказному роду» он злобно называет приказных служителей «высокомудрыми писателями», у которых удобно научиться «риторствовать»³⁶.

По мнению К.А. Осповата, за сатирическим осмеянием подьячих у Сумарокова стояло стремление к идеалу «незамутненного сообщения» между верховной властью и подданными, которое должно было покоиться на фундаменте прозрачного делопроизводства, базирующегося на ясном и понятном языке. Поэтому Сумарокову было важно реформировать язык не только изящной словесности, но и других жанровых форм: личного письма и сферы «гражданской услуги»³⁷. Для Сумарокова подьячий —

по ошибке — «Академию наук»), Дьяконов использует в орфографии литературную норму, строго выводя «о» в безударных позициях (см.: РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 1036а. Л. 1 об.). См. подробнее об этом ниже (сн. 114). Таким образом, он владел в действительности несколькими орфографическими регистрами (см.: Алексеев А.А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 174).

³³ Характерно название его сочинения: «К подьячему, писцу или писарю, то есть к таковому человеку, которой пишет, не зная того, что он пишет» (цит. по: Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. IX. С. 275).

³⁴ Сумароков А.П. О копиистах // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. VI. С. 371.

³⁵ Сумароков А.П. Две дочери подьячих // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. VII. С. 287–288.

³⁶ Сумароков А.П. О почтении Автора к приказному роду // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. X. С. 137–140.

³⁷ Осповат К.А. Указ. соч. С. 76, 79.

тот, кто не обладает должным уровнем знания языка и ненадлежащим образом исполняет служебные обязанности: «Подьячий то[т], кто писати правильно не умеет и берет за плутни Акциденцию [взятки]», — утверждал Сумароков в 1759 г. в статье «О копиистах», противопоставляя копиистов подьячим. Подьячество здесь предстает как неизжитый атавизм темной, непросвещенной «старины», как необразованные регистраторы и секретари, которые «Подьячие потому только, что они пишут <...> так и я Подьячий; ибо и я пишу». Другое дело — обучавшиеся у него самого копиисты, поскольку они уже представители нового петровского государства, переписчики его сочинений:

а в России мало еще людей, которые по правописанию копировать могут, и ежели и сие ободрение [право носить шпагу] отнять у обучаемых от меня людей; так ни когда путнова Кописта я не увижу; ибо всякой писец лутче захочет быти безграмотным Регистратором и грабить, нежели обучаться правописанию и таскаться без шпаги³⁸.

Очевидно, что для обладавшего прекрасным почерком копииста Дьяконова было важно «изжить» свое «подьячество» и показать себя образцовым копиистом, достойным как права переписывать сочинения самого Сумарокова, так и права носить шпагу. Судя по его успешно развивавшейся карьере, все это Дьяконову, очевидно, удалось.

В его письмах к Воронцову можно заметить, что Дьяконов хотя и рефлексирует по поводу своего (низкого) происхождения, но прямо это происхождение нигде не проговаривает и с подьячими себя нигде не связывает. Так, он напоминает Воронцову о том, что не имеет «по породе ни с кем из патрициев ни малейшая связи», что он «человек безродный» и «пробивается собою» (письма № 1 и 2)³⁹, а 23 ноября 1788 г. как бы к слову цитирует фрагмент из притчи Сумарокова «Заяц» — переложения басни Жана де Лафонтена «Les oreilles du Lievre» (1668), герой которой — подьячий:

Подьячей лют,
Подьячей плут,
Подьяческая души,
Лехко пожалуют в рога большие уши;
А ежели судьи и суд меня оправят,
То справки выписки адни тогда задавят⁴⁰.

³⁸ Сумароков А.П. О копиистах // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. VI. С. 374.

³⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 1, 3 об.

⁴⁰ Там же. Л. 19.

Эту цитату в его памяти вызвала оборотистость местных почтовых комиссаров, которые сумели повернуть в свою пользу повышение платы с лошади за версту пути, объявленное в связи с начавшейся войной со Швецией в двух «прифронтовых» губерниях: Санкт-Петербургской и Выборгской. Очевидным образом, авторы указа имели в виду сообщение между столицей и действующей армией, однако почтовые служащие, опираясь на него, повышали расценки на провоз курьеров и воинских команд между Нарвой и границей Ревельского уезда⁴¹:

... он [указ] так ясен и чист, <...> в нем точно сказано: платить прогоны по четыре копейки на лошадь за версту едущим от С: Петербурга в Финляндию. Но здешние почтовые комиссары искривили прямизну указа, давши толк полезной <...> Алчной корысти, и емлют по всей сдешней дороге до самого Ревельскаго уезда, то есть пять верст за Нарву по четыре же копейки на лошадь за версту (письмо № 35)⁴².

Эта, в сущности, незначительная махинация — речь шла всего о пяти лишних верстах — приносила им по 10 копеек дополнительного дохода с лошади. Такого рода «искривления» были для Дьяконова, как и для Сумарокова, проявлениями специфического «подъяческого» мышления, способного превращать заячьи уши в рога. Обличая и высмеивая чиновников-«подъячих», Дьяконов умело отстранялся от них как от социальной группы.

***

Именно причисление к сумароковскому театру оказывается переломным моментом в карьере Дьяконова, кардинально изменившим его социальный статус. Как уже упоминалось выше, Сумароков, желая «возвысить их [актеров] звание и поселить в них чувство благородной гордости», испросил для них у государыни, благоволившей ему и покровительствовавшей талантливым актерам, право носить шпаги, как дворянам. Впоследствии недоброжелатели обвиняли Сумарокова в том, что он будто бы дал возможность пользоваться этим правом не только артистам, но и многим *копиистам*⁴³. Двадцатидвухлетний копиист

⁴¹ ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16683 (3 июля 1788 г.). По указу 1783 г. плата, за некоторыми исключениями, составляла 2 коп. за версту с лошади (ПСЗ РИ I. Т. 21. № 15703). См. подробнее коммент. к письму № 35.

⁴² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 18–18 об.

⁴³ О конфликте с придворной конторой и ее главой К.Е. Сиверсом, запретившим копиистам в театре носить шпаги, Сумароков упоминает в сатирической статье «О копиистах». Клоп, живущий в телогрее некоего высокопревосходительства (Сиверса), доносит: «...а ныне мною усмотрено, что обретающиеся при

Дьяконов и в самом деле начал с этого времени носить шпагу — но не столько благодаря потворству Сумарокова, сколько по праву, как армейский подпоручик. Этот чин (13-й по «Табели о рангах»), полученный Дьяконовым по тому же именному указу от 30 августа 1756 г., наделял его обладателя и потомственным дворянством, и правом приобретать населенные имения, которым Дьяконов, правда, воспользуется лишь двумя десятками лет позже.

Заниматься театральными делами под началом Сумарокова, однако, Дьяконову было суждено недолго: в Европе начиналась большая — Семилетняя — война. Прежде не имевший никакого отношения к военной службе, в 1758 г. Дьяконов был направлен в действующую армию. В чине подпоручика он начал службу адъютантом в составе Кексгольмского пехотного полка, воевавшего в составе 3-й дивизии⁴⁴. С начала 1758 г. полк прошел территорию современной Литвы и через Ковно (Каунас) вышел к Торну (совр. Торунь), откуда двинулся к Познани, а затем к Кюстрину (совр. Костшину), атакованному и успешно взятому русскими войсками 8 августа 1758 г. Участие в «отаке на Кистрин» записано в полковой сказке Дьяконова, как и ранение в проигранном вскоре сражении при Цорндорфе: «...на баталии августа 14 <...> ранен в левое плечо кантузиею»⁴⁵. Не участвуя, видимо, из-за последствий ранения в сражениях 1759 г., он получил должность полкового квартирмистра и только через год, уже в чине поручика, принял участие в боевых действиях: в стычке у местечка Гунствилде (Гунсфельде) недалеко от Бреславля (совр. Вроцлав), а затем и во взятии Берлина в сентябре 1760 г. в составе корпуса

вышеобъявленном Тейтре Копеисты шпаги носят, от чево протчим Приказным служителям не без обиды; <...> и дабы от Вашего Высочайшего превосходительства воспоследовала резелюция, чтоб у вышеупомянутых Копеистов шпаги отобрать, невзирая на то, что главному рода нашего неприятелю С*** [Сумарокову] смертно досадно будет» (цит. по: Сумароков А.П. О копиистах // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. VI. С. 373. Впервые: Трудолюбивая пчела. 1759. № 12. С. 760).

⁴⁴ Кексгольмского пехотного полку именной список о старшинстве и достоинстве поручиков. Учinen 2 апреля 1762 года // Адамович Б.В. Сборник военно-исторических материалов лейб-гвардии Кексгольмского императора австрийского полка. Т. 3. Ч. 5–6. СПб.: Военная типогр., 1910. С. 92 (указан как Дьяков); «Известно и ведомо да будет каждому...». Книга записи патентов, выданных Военной коллегией в 1723–1796 гг. / сост., вступ. ст. К.В. Татарникова. М.: Старая Басманная, 2020. Т. 1: 1723–1778. С. 543.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 205. Л. 337; Мередик В.Ф. 165 лет Кексгольмского гренадерского императорского Австрийского полка 1710–1875. Варшава: Б.и., 1876. С. 25 (указан как Дьяков). Под контузией в XVIII в. понимали сильный ушиб. О Кексгольмском полку в кампании 1758 г. см.: Там же. С. 20–25.

генерал-поручика 3.Г. Чернышева, хотя неизвестно, принимал ли он участие непосредственно в боях. В 1761 г. Дьяконов участвовал в походах в Силезию до Швейдница (совр. Свидница). После этого полк вернулся в Померанию, чтобы под общим командованием генерал-поручика П.А. Румянцева предпринять новую попытку взять крепость Кольберг (совр. Колобжег) — на этот раз успешную: «А по возвращении армии в Померании и во особливом detaшamente к городу Колберху при отоке [атаке] и взятие онаго находился»⁴⁶. В 1762 г. Дьяконов получает капитанский чин и переходит в другой полк — Казанский пехотный⁴⁷. После войны он находился у производства следственных дел в Воронеже по крайней мере до 1764 г.⁴⁸, когда получил чин премьер-майора и должность кригс-цалмейстера в Кригс-комиссариате⁴⁹. Переход в это ведомство впоследствии обернулся для Дьяконова проблемами с производством в чины и всей его военной карьеры. В 1769 г. он был назначен в расквартированные в прибалтийских губерниях полки кригс-комиссаром в чине подполковника («[п]ри Лифляндской и Эстляндской дивизии»); в 1772 г. он получил чин обер-кригс-комиссара, что соответствовало полковнику пехоты⁵⁰. После этого он перешел в том же чине на службу в должности инспектора гарнизонных войск на приобретенных в результате раздела Речи Посполитой территориях (письмо № 2). Проведя в этом качестве смотры гарнизонных войск, он удостоился за них похвалы от самого Г.А. Потемкина и президента Военной коллегии графа 3.Г. Чернышева. В конце 1775 г. Дьяконов получил чин бригадира, но после этого оказался

⁴⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 205. Л. 337; Кексгольмского пехотного полку имянной список... С. 92; *Мередиш В.Ф.* Указ. соч. С. 32–45.

⁴⁷ «Известно и ведомо да будет каждому...». Т. 1. С. 543; РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 205. Л. 336 об.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 205. Л. 337.

⁴⁹ Список находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб офицерам. На 1767 год. СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1767. С. 21.

⁵⁰ Дьяконов Алексей Степанович // Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729–1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству. Т. 1: А–М / сост., вступ. ст., коммент. К.В. Татарникова. М.: Русская панорама, 2019. С. 723; Список Военному департаменту, и находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб офицерам. На 1770 год. СПб.: При Государственной Военной коллегии, [1770]. С. 27; То же. На 1771 год. СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1771. С. 27; Дьяконов (Дьяков) Алексей Степанович (Семенович) // Серков А.И. Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XVIII. Т. 1. М.: Ганга, 2019. С. 515 (здесь он «соединен» с Алексеем Семеновичем Дьяковым).

в ожидании новой должности бессрочно «до вакансии в отпуску в доме», обернувшись в итоге постоянным пребыванием «сверх комплекта»⁵¹.

До этого момента карьера Дьяконова развивалась вполне успешно, а учитывая его происхождение — даже блестяще. Параллельно с продвижением на государственной службе он, как выясняется, делает не менее успешную карьеру и в масонском сообществе (что нередко способствовало продвижению также и в «Табели о рангах»⁵²). Один из самых значимых документов, в котором упомянут Дьяконов, наряду с указом 1756 г. о создании «русского театра», — протокол допроса Николая Ивановича Новикова в 1792 г. В ответ на требование С.И. Пешковского перечислить всех, кто входил в масонские ложи английской системы («Члены его [Елагина] лож, которых могу вспомнить...»), Новиков называет Дьяконова и прибавляет: «...помнится, бригадир»⁵³. И действительно, уже к началу 1770-х годов Дьяконов обладал в масонской иерархии довольно высоким статусом, поскольку в протоколе открытой в 1773 г. в Петербурге Ложи Уединенной Музы Урании, отпочковавшейся от елагинской Ложи Девяти Муз, он значится как один из «заводителей» этой новой ложи⁵⁴. Мастером ее стал Василий Игнатьевич Лукин — писатель, переводчик и к тому моменту Великий секретарь провинциальной ложи (России), подчинявшейся Великой ложе Англии. Заседания Ложи Урании до августа 1774 г. проходили в его доме, а оттуда переместились к его старшему товарищу и покровителю, Великому провинциальному мастеру Ивану Перфильевичу Елагину в его петербургский дом на острове, получившем позже его имя. Ложа собиралась там по крайней мере до 1777 г.⁵⁵

⁵¹ Список Воинскому департаменту... На 1776 год. СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1776. С. 178; РГВИА. Ф. 12. Оп. 2/61. Д. 11021. Л. 521; РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 2; Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729–1796 гг. Т. 1: А–М. С. 723–724. (Дьяконов числился в списках чинов вплоть до 1794 г. — видимо, Военная коллегия не знала о его смерти в 1789 г.)

⁵² Смит Д. Работа над диким камнем: масонский орден и русское общество в XVIII веке. М.: НЛО, 2006. С. 26.

⁵³ Цит. по: Новые документы по делу Новикова // СБРИО. Т. 2. СПб.: Типогр. Акад. наук, 1868. С. 145.

⁵⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 1 об.

⁵⁵ Кросс Э.Г. Северные братья: неопубликованная переписка И.П. Елагина с Великой ложей Англии (1772–1780) // XVIII век: сб. 25 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2008. С. 282–283; Степанов В.П. Елагин Иван Перфильевич // СРП XVIII. Вып. 1: А–И. Л.: Наука, 1988. С. 307; Степанов В.П. Лукин Владимир Игнатьевич // Там же. Вып. 2: К–П. СПб.: Наука, 1999. С. 240; Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во

Правда, в дневной записке Ложи Урании Дьяконов упомянут всего лишь один раз — 14 февраля 1773 г. при самом учреждении Ложи, однако понятно, что «заводителями» новой ложи не могли быть случайные люди: к этому времени у него должна была быть уже достаточно серьезная масонская репутация. Одним из трех «заводителей» новой Ложи Уединенной Музы Урании был «почтенный брат» (т.е. занимающий определенные посты в иерархии) Бальтазар Бергман, еще в 1750-е годы упоминавшийся как член капитула Феникса, основатель Ложи Меча в Риге⁵⁶. Рига буквально кишела масонами, и это обстоятельство позволяет предположить, что Дьяконов мог приобрести серьезный масонский опыт во время службы в остзейских губерниях. Сам Дьяконов и третий приглашенный братьями заводитель Яков Наврозов значатся в дневной записке как «любезные братья» (т.е. как рядовые братья-масоны)⁵⁷.

Очевидно, что масонский круг был той средой, где сконцентрировались социальные связи, накопленные Дьяконовым за десятилетия службы. Прежде всего, сам Сумароков числился в самой первой из известных в России лож — так называемой Ложе 1756 года, в которой состояла элита елизаветинского царствования, а Р.И. Воронцов был «гранметром»⁵⁸. Первые контакты Дьяконова с масонскими кругами завязались, вероятно, во времена его службы в Лейб-компании благодаря Елагину, которого он упоминает своих письмах к Воронцову среди своих благодетелей. С 1748 г. Елагин в чине поручика состоял писарем в канцелярии Лейб-компании⁵⁹, в 1751 г. он стал генеральс-адъютантом командира роты А.Г. Разумовского, а в 1752 г., когда на службу в канцелярию поступил Дьяконов, был зачислен в штат Лейб-компании. В.И. Лукин, в свою очередь, поступил на службу в канцелярию Лейб-компании

им. Н.И. Новикова, 1999. С. 49; Елагин Иван Перфильевич // Серков А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 517–519; Лукин Владимир Игнатьевич // Там же. Т. 2. С. 59–60.

⁵⁶ Она же Ложа К мечу, Ложа Северной звезды (см.: Бергман (Берхман) Бальтазар (Балтазар), Борис фон // Там же. Т. 1. С. 161). В 1763–1773 гг. Бергман служил в Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел, а затем — обер-фискалом Лифляндского надворного суда. Дьяконов мог быть с ним знаком по службе в Риге.

⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 1 об.; Наврозов (Навросов) Яков // Серков А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 163.

⁵⁸ Сумароков Александр Петрович // Там же. Т. 2. С. 499–501; Донесение о масонах // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 4. М.: Типогр. Грачева, 1862. Отд. III. С. 51.

⁵⁹ Степанов В.П. Елагин Иван Перфильевич. С. 304; Елагин Иван Перфильевич // Серков А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 517.

копиистом как раз в 1756 г.⁶⁰, за несколько месяцев до того как Дьяконов был назначен заведовать Головкинским домом. Елагин многое сделал для продвижения Лукина как по государственной службе (устроив его своим секретарем в Канцелярии у принятия прошений в 1760-е годы), так и среди вольных каменщиков, и за эту поддержку Лукин платил искренней признательностью — например, он посвятил Елагину свои «Сочинения и переводы» (СПб., 1765), — всегда оставаясь при этом в тени своего патрона.

К 1780-м годам, однако, отношения Дьяконова с масонской средой были явно напряженными, хотя источник этого напряжения нам неизвестен. Если Елагин оставался для Дьяконова «благодетелем», то Лукин, правая рука Елагина и великий провинциальный секретарь, напротив, для него — то ли соперник, то ли объект личной неприязни. Отзвук каких-то давних дел между ними — письмо 1775 г., с которым Лукин послал неуставленному лицу вексель от Дьяконова на 400 руб.⁶¹ 16 июля 1785 г. Дьяконов из Петербурга пишет находящемуся в поездке Воронцову о большом обеде и фейерверке, устроенных накануне по поводу именин Лукина, куда его явно не позвали («гостей не знаю, кто были»); а в 1787 г. заявляет что «в одном мерлоге [одной берлоге] никак невозможно двум ужиться медведям, то есть мне и Лукину» (письмо № 29)⁶². Имел ли он в виду под «берлогой» ложу? Это вполне возможно, поскольку Урания продолжала свою работу на протяжении 1780-х годов, хотя официально Елагин закрыл свои ложи в 1784 г.⁶³, а Новиков помнит Дьяконова бригадиром — в чине, полученном им в конце 1775 г.

***

Причины поворота, который происходит в жизни и карьере Дьяконова в середине 1770-х годов, не вполне понятны. Материальное положение его было к этому времени вполне завидным. В 1774 г. он стал

⁶⁰ Степанов В.П. Лукин Владимир Игнатьевич. С. 236; Лукин Владимир Игнатьевич // Серков А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 59.

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1452. Л. 1.

⁶² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 35 об. (1785), 33 (1787). Отметим, что не мог ужиться с Лукиным — своим товарищем по службе при Кабинете ее императорского величества в 1760-е годы — и Д.И. Фонвизин. Фонвизин презирал Лукина за его происхождение, душевную низость и бездарность; по его мнению, Лукин обманом вкрался в доверие к честному Елагину. На протяжении 1760-х годов Фонвизин жаловался на козни Лукина и ненавидел его всю жизнь (см.: Лютстов М. Фонвизин. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 54–55).

⁶³ Кросс Э.Г. Северные братья... С. 293; Степанов В.П. Елагин Иван Перфильевич. С. 307.

помещиком, приобретя мызу Нежинскую в Копорском уезде Санкт-Петербургской губернии⁶⁴ с восемью деревнями, «с людьми и со крестьянами». Продал ее Дьяконову генерал-майор Сергей Владимирович Салтыков, участник Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и литератор⁶⁵. Обстоятельства приобретения и уплаченная Дьяконовым цена нам неизвестны, но купчая между ними была совершена в Москве 14 апреля 1774 г.⁶⁶ Помещицья усадьба находилась на левом берегу реки Сисы, севернее одной из деревень — Павловой, вблизи Сойкинского полуострова, выходящего в Финский залив. Площадь Нежинской мызы — 21 гектар⁶⁷. На момент совершения купчей в деревнях жили 580 д.м.п. крепостных, что

⁶⁴ Сегодня — деревня Нежново, административный центр Нежновского сельского поселения Кингисеппского района Ленинградской области.

⁶⁵ По окончании войны он вышел в отставку в чине генерал-майора и жил в своих поместьях в Смоленской губернии. См. о нем: Кукушкина Е.Д., Муллин В.Н. Салтыков Сергей Владимирович // СРП XVIII: Вып. 3. С. 86–87. Видимо, Нежинское оказалось ему не нужно, и он его продал в последний год войны.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 1244. Л. 136. Я благодарю к.и.н. В.Е. Борисова за эту находку. Дьяконов подтвердил совершение этой сделки в своем завещании, подписанном 11 октября 1789 г. (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 399. Л. 1. См. здесь: Приложение № 4). В литературе встречается ошибочное, ни на чем не основанное мнение, что Дьяконов приобрел Нежинское у Трубецких или Лопухиных (Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. *Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Кингисеппский район*. СПб.: Информ. центр «Выбор», 2003. С. 164). Имя Лопухиных возникло, возможно, потому, что Федор и Василий Аврамовичи (Абрамовичи) Лопухины получили эти земли во время большой раздачи земель в Ингерманландии при Елизавете Петровне в 1746 г., но их обоих не стало еще в 1757 г. (см.: Анонасенко А.Н. *Из истории землеустройства Ингерманландии в 1712–1800 гг.*: Лисинская мыза Копорского (Софийского) уезда Петербургской губернии // *Северо-Запад в аграрной истории России: межвузовский тематический сб. науч. тр.* Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта, 2008. С. 61–65). Вероятно, С.В. Салтыков купил поместье у Лопухиных не позднее 1757 г. или же у их наследников.

⁶⁷ Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Указ. соч. С. 164. На протяжении почти десяти лет соседом Дьяконова в этом неприметном уголке Ингерманландии был А.Н. Радищев, один из самых близких Воронцову людей среди его протеже. Чуть южнее Нежинской, в деревне Пустомержке Опольевской волости, находилось имение Онстопель (Анстопель), купленное в 1770-е годы Василием Кирилловичем Рубановским — отцом Анны и Елизаветы, будущих венчанной и невенчанной жен Радищева. В доме тестя Радищев с женой поселились в 1775 г. после свадьбы — тогда же, когда Дьяконов, уйдя в бессрочный отпуск, поселился в Нежинской. Радищев переехал в Петербург с детьми и Елизаветой Рубановской после смерти своей супруги в 1783 г., а Онстопель, Пустомержка, Карповая (Корпово) и Ямсковичи перешли по наследству к Елизавете Васильевне (см.: Воронцов А.П. *Сестры Анна и Елизавета Рубановские в судьбе писателя Радищева* // Воронцовы — два века в истории России.

сразу позволяет записать Дьяконова в число крупных помещиков. Конечно, офицерского, пусть даже полковничьего, жалованья на такую покупку ему бы никогда не хватило, тем более что, как правило, его не хватало даже на повседневные расходы. Это заставляет предположить, что или у него были какие-то побочные доходы, например, взятки на таком «хлебном» месте, как снабжение армии, которым он занимался по должности, или же деньги ему дал в долг кто-то из высоких покровителей (не Воронцов ли?). В 1777 г., после очередного межевания в Ингерманландии, Дьяконов прикупил еще земли по соседству у надворного советника Крестьяна Криднера⁶⁸. На это приобретение он мог потратить деньги, взятые под залог уже имевшихся душ в Дворянском банке, которому, как мы увидим позже, он был должен.

Сам ли Дьяконов попросился в отпуск «до вакансии» или был вынужден в него уйти? Возможно, именно покупка имения подтолкнула его к такому решению, или, быть может, наоборот, он и купил его, уже планируя удалиться от дел? Вообще, чин бригадира приобретает в тот период характер имени нарицательного: в нем уходят в отставку те, кто не имеет дальнейших карьерных перспектив или амбиций. Неслучайно именно этим чином «наградил» современник Дьяконова Фонвизин героя своей комедии; неслучайно и пушкинский «смиранный грешник Дмитрий Ларин» был «господний раб и бригадир». Для того чтобы понять не вполне прозрачные, а для современного читателя даже и вовсе темные обстоятельства отставки Дьяконова, необходимо погрузиться в «технические детали» существовавших тогда правил чиновничества и происхождения службы.

Дьяконов даже объясняет (письмо № 2), как он пришел к своему нынешнему положению — фактической «отставке без отставки». По его словам, в середине 1770-х годов, перед уходом в бессрочный отпуск, он пытался выторговать себе или старшинство в том же чине или повышение — должность коменданта, вероятно, в каком-то гарнизоне в Прибалтике: «...я просил сперва о старшинстве полковничьем, а буде нельзя, то о определении в коменданты, и до вакансии об отлучке в дом <...> я никак не мог бóлее служить с зачетом, какой делала коллегия комиссариатским чином». Он хотел добиться «старшинства полковничьего» и не хотел более служить «с зачетом»: т.е. с зачетом лет, фактически проведенных в должности, в данном случае — обер-кригс-комиссара.

Труды Воронцовского общества. Вып. 9 / ред., сост. В.Н. Алексеев. Петушки: Б.и., 2004. С. 10).

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 399. Л. 2.

Причиной тому был принятое в кригс-комиссариате счисление чинов: они номинально были равными армейским, но старшинство считалось на ранг ниже⁶⁹. Поэтому, будучи формально в 6-м (полковничьем) классе по должности обер-кригс-комиссара, по старшинству Дьяконов числился только с подполковниками (7-й класс), не будучи при этом приписанным ни к одной армейской части, что существенно затрудняло его чинопроизводство. Его это больше не устраивало, и он просил или о «старшинстве полковничьем» — уже о фактическом уравнивании его звания с армейским полковником (в чем ему отказали, потому что тогда и «другия моя братья [служащие по кригс-комиссариату] просить бы [старшинства] стали»)⁷⁰ — или же о должности коменданта, которая считалась наравне с армейскими чинами и опять-таки позволила бы ему стать «полноценным» полковником.

Ситуация осложнялась тем, что Потемкин с Чернышевым за заслуги в инспекторских смотрах произвольно, широким жестом наградили Дьяконова бригадирским чином, но не подумали о том, что соответствующей должности для него нет. Более того, он не был «полноценным» бригадиром, поскольку для этого чина ему не хватало выслуги лет полковника. Однако никто не смел, конечно, отменить пожалование, исходившее от таких высокопоставленных лиц, и он фактически оказался в карьерном тупике. Как следствие, он остался «сверх комплекта», а фактически — в бессрочном отпуске в ожидании «ваканции» в действующей армии: ситуация, вовсе не уникальная для «потемкинской» эпохи, когда контроль за соблюдением порядка чинопроизводства ослаб до крайности. Наиболее реальным выходом из этого тупика оставался переход на статскую службу, поскольку тогда бы его формальный чин учитывался, — этого он и будет так добиваться на протяжении 1780-х годов⁷¹.

Показательно, что, даже поселившись в имении, купленном в разгар всех этих перипетий, Дьяконов вплоть до 1787–1788 гг. сохраняет какие-то амбиции. В 1781–1783 гг. он служит на выборной должности — заседателем совестного суда от дворянства по Санкт-Петербургской губернии; выборная должность могла стать первым шагом к занятию

⁶⁹ Это правило отчетливо видно в «Списке Воинскому департаменту... На 1796 год» (СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1796. С. 74 и далее) в разделе «Воинские чины главного Кригс-Коммиссариата»: на полях у старшинства имен офицеров приписано: «Старшинством считаются по прежним чинам» и указаны даты возведения в эти чины.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 2 об.

⁷¹ Искренне благодарю А.В. Дмитриева и А.М. Феофанова за разъяснения о порядке чинопроизводства в этот период.

места в статской службе⁷². Примерно в эти же годы у него появилась было надежда получить должность при посредничестве самого Потемкина, который якобы вдруг вспомнил прошлые заслуги Дьяконова: «...через 6 лет [т.е. в 1781 г.] после инспекторского смотра, явил было князь милость превеликую, расположением своим примет в генерал контролары» (письмо № 2)⁷³. Из этого, однако, ничего не вышло, поскольку на Дьяконова-де «ополчились» «окольные» Потемкина, и особенно член Военной коллегии Аким Иванович Апухтин: «...тут зависть воскипела до крайности, и неприятели мои ополчились на меня злобные и яростные, нежели на Христа жида», «выдумали и взвели всякия козни; и довели до ушей княжеских [Потемкина]», распространяли «клеветы» и «злословия»⁷⁴. Как следствие, назначения Дьяконов не получил, и его возвращение на военную службу не состоялось.

Это фиаско во многом предопределило центральный мотив переписки, которую он ведет с Воронцовым в 1780-х годах: это желание вернуться на службу, хотя бы даже и на статскую, и фрустрация из-за того, что вернуться никак не получается. И действительно, на протяжении семи лет, которые охватывает доступная нам переписка, Воронцов предпринимает несколько попыток найти Дьяконову должность. Излагая в письме от 4 ноября 1783 г. свои злоключения последних лет, бригадир упоминает, что Воронцов хотел «сделать меня вице губернатором», но тут опять «умножилась на меня зависть до крайности, каторыя и изрещи я не могу»⁷⁵. Сопоставляя круг лиц, упоминаемых в переписке Дьяконова и Во-

⁷² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1781. СПб.: При Имп. Академии наук, [1781]. С. 138; Месяцеслов... 1782. С. 135; Месяцеслов... 1783. С. 148.

⁷³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 2 об. Должность генерал-контролера не существовала до 1781 г., когда была воссоздана Счетная экспедиция Военной коллегии, упраздненная Елизаветой Петровной (ПСЗ РИ I. Т. 21. № 15292). В обязанности Счетной экспедиции, возглавляемой генерал-контролером, входил надзор за финансами армии: ревизия счетов, производство начетов и взысканий (см.: Столетие военного министерства в России. 1802–1902. Т. 1. Исторический очерк развития военного управления в России / сост. Н.А. Данилов; гл. ред. Д.А. Скалон. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1902. С. 41). Счетную экспедицию действительно возглавил военный в чине бригадира: Месяцеслов... 1782. С. 54. Значит, переговоры об этой должности Дьяконов вел в 1780–1781 гг., имея, таким образом, все шансы стать первым генерал-контролером. Эта должность соответствовала четвертому классу по «Табели по рангам», т.е. генерал-майорскому, к которому так стремился Дьяконов (его бригадирский чин был пятым по «Табели»).

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 2–3 об.

⁷⁵ Там же. Л. 3.

ронцова, с событиями, происходившими вокруг них в те же годы, можно утверждать, что речь идет о Псковском наместничестве. Туда в 1782 г. вице-губернатором был назначен Харитон Лукич Зуев — объект зависти и нападок в письмах Дьяконова. В 1788 г. Дьяконов с явной горечью пишет о назначении Зуева уже псковским губернатором (в должности правителя наместничества) вместо И.А. Пиля⁷⁶. В Семилетнюю войну Зуев служил на писарской должности в канцелярии обер-аудитора Заграничной армии и вполне мог быть знаком Дьяконову, и потому его успех вызывает особенную ревность нашего героя. Сначала прокурор Смоленской губернии, затем прокурор в новообразованной Могилевской губернии и наконец, председатель уголовной палаты опять в Смоленске⁷⁷, Зуев был замечен в 1780 г. самой императрицей во время ее визита в этот город вместе с императором Иосифом II. В ходе той же поездки императрица посетила Псков и осталась недовольна тем, как вел дела тамошний губернатор А.Н. Кожин. Пользуясь недовольством императрицы положением дел во Пскове и лично Кожиным, Воронцов вполне мог попытаться пристроить туда вице-губернатором своего «безработного» протеже, но вместо него это место и чин статского советника достались в 1782 г. Зуеву⁷⁸. Когда в 1783 г. был, наконец, смещен губернатор Кожин, Воронцов сумел через А.А. Безбородко провести на его место еще одного своего протеже, рижского губернатора И.А. Пиля. Дьяконову опять оставалось только сетовать на несправедливую к нему судьбу.

Несмотря на эту неудачу, Воронцов и дальше не отказывается от своей роли покровителя Дьяконова. Он добывает для него некий «диплом» через секретаря русского посольства в Варшаве И.Ф. Аша и переписывается о нем с екатеринославским губернатором И.М. Синельниковым. Возможно, речь шла о должности в новых губерниях на юге России, однако и эти хлопоты оказались безуспешны (письма № 6, 7, 13). Особые надежды возлагал Дьяконов на места, открывавшиеся в связи с реформой банков в 1786 г. В октябре 1786 г. Воронцов сообщает

⁷⁶ Там же. Л. 14 об.

⁷⁷ Месяцеслов... 1772. С. 171; Месяцеслов... 1776. С. 289.

⁷⁸ Месяцеслов... 1782. С. 182. Степанов В.П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795): [Список по Месяцесловам: Справочник-указатель]. СПб.: Академический проект, 2003. С. 246. Кораблев Н.А., Мошина Т.А. Преемник Г.Р. Державина олонекский губернатор Х.Л. Зуев // Державинский сборник-2018. Карельский филиал РАНХиГС / отв. ред. Р.Р. Пивненко, М.Л. Гольденберг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2018. С. 82. Зуев вступил в должность 15 апреля 1782 г., как следует из документов ревизии Псковской губернии 1785 г. (Ф. 1261. Оп. 12. Д. 177. Л. 138).

Дьяконову, что «много говорил» о нем с «графом А[ндреем] Петровичем [Шуваловым]», который «рад будет иметь вас в банке и очень хорошо о вас и способностях ваших отзывался»⁷⁹. Вскоре после этого он даже «возил» Дьяконова к Шувалову — директору нового Ассигнационного банка: об этом Воронцов напоминает в письме от 10 мая 1787 г. из Саратова⁸⁰. Весной 1787 г. Дьяконов все еще предается «мечтаниям» о месте в Ассигнационном или Заемном банке. В Петербурге он «услышал ненарочно», что в новоучрежденном Заемном банке советники чина коллежского советника «старее бригадиров, то есть сидят выше», докладывал он Воронцову 28 апреля 1787 г., примеривая на себя должность советника⁸¹. Надежды на новый чин и должность Дьяконов связывает с грядущим празднованием 25-летия восшествия на престол Екатерины II. По слухам, юбилей должен был ознаменоваться раздачей наград и чинов («беспримерными государыни нашей милостями и благодеяниями»), и Дьяконов рассчитывал, что получит следующий по «Табели», т.е. четвертый, чин действительного статского советника, соответствующий генеральскому (письмо № 24)⁸².

Однако ни должности в банке, ни следующего чина Дьяконов не дождался. Тем более болезненно реагировал он на успехи других знакомых ему лиц. В письме от 10 мая 1787 г. Воронцов чувствует себя обязанным объяснять Дьяконову, почему на должность в банк определен чиновник гражданской палаты Санкт-Петербургской губернии коллежский советник Василий Дмитриевич Львов:

...многие ... [и] Львов помещены были в банк после того, как я возил вас к Г[рафу] А[ндрею] Петровичу [Шувалову]. Верьте мне, что он основывается на наружности, и я б вам оное доказал, естли б я мог открыть все обстоятельства сего дела, и как впредь вы оное узнаете, то вы и сами подивитесь...⁸³

Воронцов, как мы видим, оправдывается, уличая Шувалова в том, что тот основывает свое суждение на «наружности» человека, не учитывая его истинных свойств, знаний и склонностей. Неясно, впрочем, почему

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 18.

⁸⁰ Там же. Л. 31. Поскольку в середине января 1787 г. Воронцов отправился с ревизией в черноморские губернии, на Кавказ, в Поволжье и в Оренбург, откуда вернулся лишь в июне, то визит к Шувалову должен был состояться не позднее конца 1786 г.

⁸¹ Там же. Д. 541. Л. 10–10 об. Чин коллежского советника принадлежал к шестому классу по «Табели».

⁸² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 10.

⁸³ Там же. Д. 68. Л. 31.

Воронцов договаривался о назначении Дьяконова не с близким к нему П.В. Завадовским — директором Заемного банка, а с Шуваловым, враждебно настроенным к Воронцову и считавшим его, наряду с Завадовским и Безбородко, человеком «вреднейшим» для государства⁸⁴. Обещание, а потом отказ принять на службу его протеже были для Шувалова, похоже, способом дополнительно уколоть Воронцова.

Если в 1787 г. Дьяконов был еще окрылен ожиданием получения нового чина, то в 1788 г., когда от этих надежд ничего не осталось, он пишет о своих рухнувших мечтах с глубокой обидой:

Не то прискорбно, что не вашол я в службу и не воспользовался ею, да что не мог войтить <...> Да и в какое же наконец малое и мелкое место, каков есть Ассигнационный банк, в которой и могуществом, и силою господина Рибаса ко удивлению тогда всех введен коллежской советник Львов, не быв перед тем и года в том чине, а по Банку через год же и в Штатския советники вышел. ...[Что же] до способностей господина Львова, то я ведаю их досканально: они отнюдь не есть чтобы из 7 ранка в 5й через два года выпрыгнуть (письмо № 36)⁸⁵.

Возмущение Дьяконова понятно: в 1787 г. В.Д. Львов получил чин статского советника (5-й), не выслужив, по его сведениям, нужного числа лет в предыдущем (6-м) чине⁸⁶. Однако здесь можно разглядеть и недовольство собственным патроном: Львов получил место благодаря близкому к Г.А. Потемкину Осипу Михайловичу де Рибасу, его «могуществом и силою», которых или не достало Воронцову, или же он решил уступить противной партии в чем-то не самом значительном, чтобы позднее рассчитывать на ответный шаг. Дьяконов, кажется, это понял и то ли упрекал Воронцова, то ли указывал ему на нехватку «ресурса» в одном из сохранившихся черновиков: «...сколь великое число в сии годы поделали Вы [нрзб] рода дел [нрзб] наместников, губернаторов, кавалеров разных орденов, а Владимирских больших крестов, как например [нрзб] и прочие малых и говорить нечево, но моеи участи переменить не могли»⁸⁷.

⁸⁴ Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 82; Кобеко Д.Ф. Ученик Вольтера... Андрей Петрович Шувалов (1774–1789) // Русский архив. 1881. № 6. С. 275; цит. по: Гарновский М.А. Записки Михаила Гарновского. 1786–1790 // Русская старина. 1876. Т. XVI. С. 226.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 21 об.

⁸⁶ В 1787 г. В.Д. Львов значится в правлении Ассигнационного банка еще коллежским советником (чин 6-го класса), а в 1788 г. — уже статским советником (5-й класс) (см.: Месяцеслов... 1787. С. 99; Месяцеслов... 1788. С. 93).

⁸⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 37.

Если эти слова и не попали в отправленное письмо, то во всяком случае Воронцов их увидел, разбирая письма Дьяконова после его смерти.

***

Поселившись в своем поместье, Дьяконов, подобно многим другим дворянам той поры, принялся за чтение. О его образовании и интеллектуальном багаже (приобретенном, вероятно, еще в годы службы в канцелярии Лейб-компании) мы ничего не знаем. Некоторое представление о нем дают письма Дьяконова, характеризующие отставного бригадира как просвещенного помещика: он цитирует Сумарокова (упомянутую притчу о зайце и далеко не самую известную трагедию «Ярополк и Димиза»⁸⁸), проповедь Феофана Прокоповича «Слово похвальное о битии Полтавской»⁸⁹, 26-й псалом в переложении Ломоносова⁹⁰. Размышления о здешнем «свете» и о мирах — лучшем и худшем — со ссылками на вольтеровского «Кандида» проходят лейтмотивом через всю его переписку, причем разочарование Дьяконова в «лучшем из миров» нарастает⁹¹. Здесь он предвосхищает ту злую иронию, с которой меньше чем через десятилетие будет упоминать профессора Панглосса другой протеже Воронцова, Радищев, описывая патрону свои мытарства в ссылке⁹². В марте 1786 г. Дьяконов сообщает Воронцову, что читает «римскую повесть»,

⁸⁸ Представлена впервые в Петербурге в 1758 г. — в год отъезда Дьяконова в армию.

⁸⁹ «Слово похвальное о битии Полтавской, проповеданное в Санктпетербурге в церкви Живоначальной Троицы июня в 27 день 1717 года» Феофана Прокоповича; подробнее см. коммент. к письму № 2.

⁹⁰ См. подробнее коммент. к письму № 2.

⁹¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 1, 3, 2 об., 9 об., 13 об., 19.

⁹² «Панглосс говаривал, что мы живем в наилучшем из возможных миров. Но этот добрый философ после своего повешения был выкуплен с каторжной галеры. Я подумал о превратностях этого мира. Мужество, терпение!.. Прекрасный девиз! Я бы желал лишь одного, чтобы когда-нибудь настало счастье увидеть того, кому я обязан тем слабым дыханием, которое поддерживает мою жизнь» (т.е. Воронцову) (цит. по: А.Н. Радищев — А.Р. Воронцову, 5 апреля 1791 г., Тобольск // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 361–362). «Мы живем в лучшем из миров, как сказал мне вчера вечером Панглосс, с которым я беседовал. Панглосс, почему я не такой философ, как ты! Тебя вешают, а ты говоришь, что это к лучшему!» (цит. по: А.Н. Радищев — А.Р. Воронцову, 20 января 1792 г., Илимск // Там же. С. 412–413). При этом сам Воронцов относился к Лейбницу, которого Вольтер высмеивал под именем профессора Панглосса, без всякой иронии: его рациональному складу ума не была чужда уверенность в возможности устройства общества в соответствии с естественным порядком вещей (*Дорохова Н.Е.* «Российские тори» и общественно-политическая мысль западноевропейского Просвещения

предположительно — многотомную «Римскую историю» Шарля Роллена в переводе В.К. Тредиаковского⁹³. Он достаточно подкован в античной истории и прибегает к античным аллюзиям в своих историсофских построениях, рассуждая о том, как отличать «правильных монархов» от тиранов и злодеев на троне: «...и в доказательство истины моей донесу в краткости: что при Титах, Веспасианах и Аврелиях был он [свет] миллион раз лутче, нежели при Тибериях Клавдиях, Калигулах и при Неронах»⁹⁴. Круг чтения провинциального дворянина, описанный С.Л. Пештичем для рубежа 1750–1760-х годов, вполне соотносим с интересами Дьяконова и его кругозором: «Краткий российский летописец» М.В. Ломоносова (1760), «Древняя история» и «Римская история» Ш. Роллена, «Родословец Российский»⁹⁵ вполне могли составлять его библиотеку в Нежинской мызе.

Знание античной и современной литературы, большой кругозор и умение писать — все это, вероятно, было результатом самообразования, помогшего ему найти нужных покровителей и сделать карьеру. Дьяконов должен был уметь читать по-французски (писать и говорить на этом языке, видимо, он не мог), чтобы пользоваться книгами, которые он брал для своего «благодетеля» Сумарокова в библиотеке Академии наук. Так, в черновике письма 1788 г. Дьяконов цитирует по-французски строфу из трагедии Вольтера «Меропа», очевидно, по памяти — ошибаясь в написании слов и искажая смысл:

quant'on a tout perdu
quant'on n'a plu despoir
La vie est un opropre
Et l'amor est une devoire⁹⁶.

на рубеже XVIII–XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. Томск: Томский гос. ун-т, 2006. С. 36).

⁹³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 8. См. коммент. к письму № 11.

⁹⁴ Там же. Л. 23.

⁹⁵ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 13 (источник для этих построений — дневник курского помещика И.П. Анненкова: Там же (сн. 14)).

⁹⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 16 об. Черновик здесь не публикуется, поскольку в основном его повторяет письмо Дьяконова от 18 октября 1788 г. (№ 34). В оригинале трагедии Вольтера «Меропа» (Mérope) в VIII акте читаем:

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est un opprobre, et a la mort un devoir.

Русский перевод был опубликован в середине 1770-х: [Вольтер.] Меропа: Трагедия Господина Вольтера / переложенная из русския прозы Васильем

Однако вместо «смерти» (*mort*), как в оригинале у Вольтера, в этом пассаже фигурирует «любовь» (*amour*). Неясно, сознательно ли Дьяконов производит эту замену, и если да, то стоят ли за этим какие-то события из его жизни? Возможно, однако, что Дьяконов держал в уме не саму трагедию Вольтера, а сумароковского «Хорева», где эти строки вложены в уста Оснельда в следующем переложении:

Когда погибло все, когда надежды нет,
Жизнь бремя, и одна она покой дает (IV, 7).

В этом случае замена *mort* на *amour* у Дьяконова оказывается не случайной аберрацией памяти или намеком на какие-то личные обстоятельства, а следует несколько абсурдной логике Сумарокова, у которого жизнь дает покой, несмотря на свою обременительность, а смерть вовсе не упомянута⁹⁷. С другой стороны, эти строки были написаны Дьяконовым в тяжелые минуты: он был уже тяжело болен, и мысль об оставлении этого «лучшего из миров», который в последние годы приносил ему одни огорчения, не покидала бригадира⁹⁸.

Нельзя исключать, что, интересуясь сельским хозяйством, он выписывал и «Труды Вольного экономического общества». Точно можно сказать, что Дьяконов был подписчиком как минимум двух периодических изданий: «Санкт-Петербургских ведомостей» и журнала «Утренний свет»⁹⁹.

Майковым. М.: При Государственной военной коллегии, 1775. В переводе Майкова эти строки звучат следующим образом:

Когда погибло все, когда надежды нет,
Тогда несносна жизнь; и долг оставить свет (с. 35).

⁹⁷ См. об этом: Николаев С.И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (Очерк проблематики) // XVIII век: сб. 23 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2004. С. 8 (ср. слова Дьяконова: «Признаюсь искренне, что я хотел бы лутче в сие время умереть, нежели столько страдать, да и не видеть конца жестокому сему беспокойству, а закривши вечна глаза, не видели бы бо́лея сего кандидова наилутчаго из всех возможных света, который все из нас каждой во свое время оставить должны» (письмо № 34)).

⁹⁸ Как писал П.А. Радищев, его отец, допуская самоубийство как возможный для себя выход, приводил в обоснования такой позиции именно эти строки Вольтера (см.: Зорин А.Л. Указ. соч. С. 131). 6 октября 1785 г. «Меропа» была представлена французским театром в Санкт-Петербурге (*Evstratov A. Le théâtre francophone à Saint-Petersbourg sous le règne de Catherine II (1762–1796). Organisation, circulation et symboliques des spectacles dramatiques. Vol. 2. Paris: Univ. Paris-Sorbonne (Paris IV), 2012. P. 125*). Не исключено, что Радищев мог видеть постановку пьесы Дьяконов, судя по письму от 9 октября 1785 г., собиравшись в эти дни в Петербург, но приехать, видимо, не смог (письмо № 8).

⁹⁹ На «Утренний свет» Дьяконов подписался в январе 1778 г.: «Его Высочородие Алексей Степанович Дьяков [sic]» значится в списке «Особы,

Последний издавался Н.И. Новиковым в Петербурге с сентября 1777 по август 1780 г. и был одним из важнейших периодических изданий десятилетия с тиражом более 1000 экземпляров. Его целью было донести до широкой публики доктрину и цели первых трех степеней масонского ордена, предлагая их то в литературной форме, то в форме философского эссе, то в виде писем в редакцию¹⁰⁰. Для сравнения, в подписном списке Воронцова «Утреннего света» нет, но есть «Экономический магазин», а также исторические сочинения: «Краткое историческое и географическое описание Царства Арменского» А. Шаамирянца (1786 г.) и «Деяния Петра Велико-го» И.И. Голикова в 12 частях (1788–1789)¹⁰¹.

Публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях» становятся поводом для обсуждения в переписке Воронцова с Дьяконовым и, вероятно, позволяют отставному бригадиру ощущать себя несколько менее оторванным от того информационного поля, в котором вращается его

подписавшиеся в Январе месяце: В Санктпетербурге» (Утренний свет. 1778. Ч. 2. № 2 (февраль). Б.п.). Подобная опечатка в фамилии была нередкой, но обращение «высокородие» относилось только к офицерам 5-го ранга, т.е. к бригадирам. В том же месяце на два экземпляра журнала подписался «Его *высокоблагородие* Александр Андреевич Безбародько» (Безбородко находился в чинах ниже Дьяконова). Ранее, в ноябре 1777 г., на журнал подписался Иван Логгинович Голенищев-Кутузов, нарвский приятель Дьяконова.

¹⁰⁰ «Утренний свет» и следовавшие за ним московские журналы, издававшиеся уже не при прямом участии Новикова, но под его общим руководством, были частью большой программы Новикова: по утверждению исследовательницы Р. Фаджонато, журналы создавали базу для возникновения новой модели человека, открытого новыми идеям, честного гражданина и хорошего христианина, сознававшего, что счастье, к которому стремился каждый человек по воле бога, может быть достигнуто только солидарностью и взаимным уважением, равенством прав и обязанностей, прописанным в законах. Отправной точкой для достижения этой цели была радикальная реформа «умственной вселенной». Содержание публикаций сходно с содержанием речей С.И. Гамалеи, А.М. Кутузова и Новикова на ученических собраниях в эти годы (см.: *Faggionato R. A Rosicrucian Utopia In Eighteenth-Century Russia: The Masonic Circle of N.I. Novikov*. Dordrecht: Springer, 2005. P. 121, 168 (fn. 23)). Стоимость годовой подписки на «Утренний свет» составляла вначале 3 руб. 50 коп., потом была повышена до 4 руб., но читатели могли уплатить любую сумму, поскольку доходы от издания шли на благотворительность. К сожалению, «Московское ежемесечное издание» (1781) и «Вечерняя заря» (1782) не содержат сведений о подписчиках, подобных «Утреннему свету».

¹⁰¹ Самарин А.Ю. Писатели XVIII века в списках подписчиков на книги и журналы (1762–1800) // XVIII век: сб. 29 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова, С.И. Николаев. СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 538. По подсчетам Самарина, всего в последней трети XVIII в. в России по подписке получали издания 8500 человек (Там же. С. 531).

корреспондент, имеющий доступ к последним новостям в столице и при дворе. «По случаю войны любопытно весьма ныне читать [Санкт-Петербургские] ведомости», — пишет Дьяконов Воронцову 23 сентября 1787 г. (письмо № 29)¹⁰². Европейские новости переплетаются в переписке с сообщениями о происшествиях в частной жизни. Так, описывая свои домашние «приключения», а точнее, оправдываясь перед Воронцовым за то, что не сразу отправился по его поручению с письмом к Безбородко в столицу («притчина медления моего в деревне»), Дьяконов пишет о своем падении с досок, положенных на время ремонта в качестве пандуса при входе в дом: «...я полетел, как воздушные путешественники, с тою только разницею, что я полетел вниз, и ушибся изрядно» (письмо № 5)¹⁰³. Шутливое упоминание «воздушных путешественников» должно быть откликом на новости об опытах братьев Монгольфье с шарами, наполненными горячим воздухом, о которых Дьяконов мог прочитать, например, в номере «Ведомостей» от 6 октября 1783 г. По сообщению газеты, наполненный «горючим воздухом» шар «произвел в зрителях столь великое любопытство, что Принцы, министры, ученые и многия другия особы пожелали видеть еще и другой над большим шаром»¹⁰⁴. Всю осень 1783 г., как сообщали газеты, Монгольфье проводил опыты со своей «машиной», разыскивая «охотников к предприятию воздушнаго путешествия»¹⁰⁵. Наконец, долгожданный полет состоялся: шевалье Орланд и Пилатр де Розье доказали возможность воздушных путешествий, пробыв в воздухе 20 минут. Как писали «Ведомости», построенная Монгольфье «машина»

при помощи Западнаго ветра... перелетела чрез реку Сейну, а наконец и через весь Париж, где всеми вообще жителями была видима. Г. путешественники хотели было над самым Парижем опуститься для свидания со знакомыми: однако опасаясь, чтоб ветер не нанес их на дома Сент-Жерменскаго предместья, решились продолжать путь свой далее, и перелетев через Париж, по ту сторону Монмартскаго предместья <...> спустились на чистом поле по своему желанию и без всякаго удара¹⁰⁶.

С этими «путешественниками» и отождествил себя иронически Дьяконов, провалившись в подпол своего дома через полтора года после публикации этого сообщения.

¹⁰² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 33.

¹⁰³ Там же. Л. 34.

¹⁰⁴ СПбВ. 1783. № 80. 6 октября. Б.п.

¹⁰⁵ Там же. № 81. 10 октября. Б.п.; № 82. 13 октября. Б.п.; № 85. 24 октября.

Б.п.

¹⁰⁶ Там же. № 100. 15 декабря. Б.п. (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

Другое упоминание в переписке газетных публикаций связано с революционными событиями во Франции: «Я уповаю, что вы газеты сп [санкт-петербургские] получаете», — пишет взволнованный новостями из Парижа Воронцов Дьяконову 5 августа 1789 г.¹⁰⁷ В газетах, продолжал Воронцов, «напечатано много примечательного о всем происходящем во Франции. Чем сия каша кончится, трудно предугадать»¹⁰⁸ (письмо № 42). «Санкт-Петербургские ведомости» еще до событий 14 июля 1789 г. помещали в каждом номере сообщения о «несогласии» между «государственными чинами» во Франции, о «великих беспокойствах», которыми сопровождалось заседания Генеральных штатов¹⁰⁹. Сообщение о взятии Бастилии, однако, появилось в «Ведомостях» лишь во вторник 7 августа¹¹⁰, т.е. только через два дня после упоминания Воронцовым о приключившейся в Париже «каше». Разумеется, в отличие от Дьяконова, он получал сведения о происходившем во Франции из дипломатических депеш при дворе, до появления сообщений в газетах. О смене кабинета во Франции и «бунте» стало известно не из газет, а из перлюстрации корреспонденции послов 26 июля. На следующий день (27 июля) в Петербург приехал курьер из Парижа с известием,

что сколь скоро ведали в Париже о перемене министров, а особливо Неккера, то народ взволновался, взяли подозрение на королеву, разбили Бастилию; les gardes françaises [французская гвардия] пристали к народу. Король приходил в Собрание депутатов, из коих несколько отправилось в Париж для усмирения народа, но тут и утвердили свою милицию, над коею начальник de la Fayette¹¹¹.

В письме от 19 июля н.ст. русский посол в Париже И.М. Симолин сообщал о событиях 14 июля в Париже: «Революция во Франции совершилась, и королевская власть уничтожена», приложив подробный

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 39 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 39.

¹⁰⁹ СПбВ. 1789. № 53. 3 июля. С. 833; Там же. № 54. 6 июля. С. 849 и т.д.; о конфликте мещанства и духовенства с дворянством в Народном собрании: Там же. № 56. 13 июля. С. 880–881; о «беспокойствах» от черни и ее «наглостях»; об отставке Неккера и изгнании его из Франции: Там же. № 62. 3 августа. С. 974–976.

¹¹⁰ Там же. 1789. № 63. 7 августа. С. 989–991.

¹¹¹ О «перемене министров» писали к французскому послу Сегюру из Парижа 7 (18) июля (см.: Храповицкий А.В. Дневник. 1782–1793. М.: Фонд Сергея Дубова, 2003. С. 167. Записи от 26, 27 и 29 июля). По датам записей видно, что курьеры из Парижа доезжали до Петербурга приблизительно за две с половиной — три недели.

«Дневник событий, имевших место в Париже с 11 по 17 июля 1789 г.»¹¹² Эти бумаги должны были прийти в Россию к концу июля (ст.ст.), т.е. к 5 августа Воронцов мог знать подробности французских событий, но отсылал Дьяконова как непосвященного к газетам.

К сожалению, писем от Дьяконова за эти месяцы не сохранилось, поэтому мы не знаем, какие мысли приходили ему в голову при чтении новостей из Парижа. Застав в последние месяцы своей жизни ключевое событие в истории XVIII в. — Французскую революцию, Дьяконов не успел, конечно, осознать его масштаба. Его корреспонденту же придется в конце жизни расхлебывать эту «кашу» и, увы, безуспешно: Воронцов умрет через две недели после сражения при Аустерлице.

***

Несмотря на свое вполне благополучное материальное положение, Дьяконов никогда не был женат; не было у него и законных детей. Примечательно поэтому, что если имя Дьяконова и упоминается исследователями, то только в связи с обстоятельствами рождения одного из крупнейших русских художников-романтиков, Ореста Адамовича Кипренского¹¹³. Местом рождения Кипренского была мыза Нежинская, и на этом основании в литературе уже издавна воспроизводятся указания на Дьяконова как на возможного биологического отца художника. Ни исключить, ни опровергнуть эту гипотезу невозможно: никаких документов, подтверждающих, что Кипренский — сын Дьяконова, в нашем распоряжении нет. Публикуемая переписка также не проливает света на этот вопрос, тем более что рождение мальчика приходится на 1782 г., а самое раннее из дошедших до нас писем Дьяконова — на 1783-й.

¹¹² Черкасов П.П. Екатерина II и крушение старого порядка во Франции (1789–1792) // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 4. М.: Наука, 2001. С. 76–77.

¹¹³ В качестве первоисточника этой версии указывают на Н.Н. Врангеля, автора небольшого обзора выставки О.А. Кипренского в 1911 г. (Петрова Е.Н. Орест Кипренский в зеркале источников // Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников / сост., вступ. ст., коммент. Я.В. Брука, Е.Н. Петровой. СПб.: Искусство, 1994. С. 19–20.) Однако при обращении к заметке Врангеля выяснилось, что в ней нет ни слова о происхождении художника (Врангель Н.Н. Выставка произведений О.А. Кипренского // Старые годы. 1911. Ноябрь. С. 40–42). В.М. Зименко говорит об отцовстве Дьяконова как об установленном факте, опираясь на написанную И.М. Степановым еще в 1930-е годы работу о Кипренском, хранящуюся в архиве Государственной Третьяковской галереи (см.: Зименко В.М. Орест Адамович Кипренский. 1782–1836. М.: Искусство, 1988. С. 21). Ознакомиться с диссертацией И.М. Степанова не удалось.

Определенно известно лишь, что Кипренский действительно появился на свет в Нежинской, принадлежавшей Дьяконову, и был крещен священником Спасо-Преображенского собора в Копорье Петром Васильевым как незаконнорожденный без указания родителей¹¹⁴. Легкость, с которой в одних документах (запись о крещении) он может быть показан как незаконнорожденный, а в других, предъявленных при поступлении в Академию художеств в 1788 г., уже как законный сын Адама Карпова (Швальбе), причем оба документа подписывает один и тот же священник Петр Васильев; легкость, с которой в свидетельстве о законнорожденности, подписанном тем же крестившим Ореста священником, год рождения 1782-й превращается в 1783-й¹¹⁵; полное игнорирование чиновниками того обстоятельства, что у законного сына Карпова (Швальбе) совсем иная, ни на что не похожая фамилия Кипрейский (Кипренским Орест стал уже в Академии¹¹⁶), — все это говорит об очень специфическом характере бюрократизации в Российской империи и возможностях

¹¹⁴ Документы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга опубликованы в: Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников. С. 200, 610 (неверно назван архив: РГИА вместо ЦГИА СПб.); впервые опубликовано с правильным указанием архива (ЛГИА, переименованный затем в ЦГИА СПб.) в: *Летопись жизни и творчества О. Кипренского // Орест Адамович Кипренский (1782–1836): к 200-летию со дня рождения. Живопись. Каталог. Л.: ГРМ, 1988. С. 13–15. Статус «дворовый человек» отца Кипренского, лютеранина Адама Швальбе, ни у кого не вызывал вопросов. Скорее всего, Швальбе был из немецких колонистов, но каким образом произошло его закрепощение, непонятно. Немецкие колонии существовали вокруг Санкт-Петербурга еще с 1760-х годов. Одна из шести колоний находилась близ Ямбурга, недалеко от Нежинской. Эти колонии называются «старыми петербургскими колониями», в отличие от основанных позже, при Александре I, «новых» (см.: Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом: Страницы истории XIX–XX веков / сост. М.В. Левицкая. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. С. 9). Радищев писал, что крестьяне Санкт-Петербургской губернии «суть двух родов: казенные и помещичьи; третьяго рода крестьяне суть колонисты» (цит. по: *Радищев А.Н. Описание Петербургской губернии // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 130*).*

¹¹⁵ Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников. С. 201, 611.

¹¹⁶ Как полагает Е.Н. Петрова, Швальбе нигде не упоминает своего имени (как не упоминают его в своих свидетельствах ни Дьяконов, ни священник Васильев), чтобы не закреплять за мальчиком фамилию крепостного (дворового): *Петрова Е.Н. Указ. соч. С. 20*. Отдавая в Академию художеств сына Александра в 1800 г., он уже подписывается своим именем: «Adam Schwalbe», поскольку после смерти Дьяконова получил свободу согласно его обещанию (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 1509. Л. 21; о свободном состоянии Ореста и освобождении его родителей после смерти Дьяконова см. далее).

достаточно легко менять свой статус и маневрировать в рамках социальной и иных иерархий.

Историки искусства, писавшие биографии Кипренского, ничего не зная о самом Дьяконове, шли на поводу в этом вопросе за самим Кипренским — романтиком, окружавшим свое происхождение умолчаниями и легендами; вместе с тем, вероятно, и у самого художника также оставались вопросы о его происхождении. Это тем более облегчало ему создание своего «личного мифа» — мифа о «царском сыне», подброшенном в простую семью. Миф этот Кипренский культивировал с детства: он отделял себя от своей семьи (утверждал, что не имел никаких родственников, хотя у него был брат Александр, поступивший в Академию художеств в 1800 г., и три сестры, одной из которых, Анне, он всю жизнь помогал деньгами); подчеркивал свою романтическую фамилию, связанную якобы с Кипридой — богиней любви Афродитой (хотя не исключено, что изначально фамилия была связана с Копорьем); неоднократно менял свой возраст (последний раз в 1836 г.: собираясь жениться в Италии на юной девушке, он назвал священнику 46 лет вместо настоящих 54)¹¹⁷. Как бы то ни было, отцом своим художник считал Адама Швальбе и в набросках к его портрету пытался высчитать его возраст и год рождения¹¹⁸. Учитывая, что брак между Швальбе и крестьянкой Анной Гавриловой, матерью Кипренского (в факте которого никто не сомневается), был заключен 23 июля 1783 г., а мальчик родился 13 марта 1782 г., то Кипренский, кто бы ни был его настоящим отцом, считался незаконнорожденным. В метрической записи о браке родителей художника Дьяконов был поручителем, а крестьянка Гаврилова (мать Ореста) была показана отпущенной на волю¹¹⁹.

Исследовательница Е.Н. Петрова, размышляя об «отцовстве» Дьяконова, достаточно убедительно предполагает, что если бы он хотел

¹¹⁷ О сознательной мифологизации своей биографии Кипренским см.: *Сарабьянов Д.В.* Орест Адамович Кипренский. Л.: Художник РСФСР, 1982. С. 12–13; этот подход подвергнут критике: *Е.Н. Петрова*. Указ. соч. С. 12, 21. О мифе как о неотъемлемом атрибуте художника-романтика: *Чайковская В.И.* «Личный миф» Ореста Кипренского // *Человек: иллюстрированный научно-популярный журнал*. 2016. № 5 (сентябрь–октябрь). С. 159–160.

¹¹⁸ *Алексеева Т.А.* Исследования и находки. М.: Искусство, 1976. С. 53. Имеется в виду «Портрет отца», или «Портрет родителя моего» (ГРМ; повторение при участии неизвестного художника: ГТГ) (см.: *Клементьева Е.* Орест Кипренский. М.: ГТГ, 2016. С. 6).

¹¹⁹ Свидетельство о браке Швальбе и Гавриловой из метрической книги опубликовано в: Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников. С. 200, 610 (см. также примеч. 114 выше).

«загладить свою вину» в рождении Кипренского, то выдал бы свою крепостную замуж не через год с лишним после рождения ребенка, а раньше. Если же «Дьяконов любил Анну Гаврилову», то он мог бы и вовсе сам жениться на ней и дать мальчику свою фамилию¹²⁰. Действительно, Анна была отпущена на волю перед самым замужеством (но затем опять стала крепостной, когда обвенчалась со Швальбе, человеком Дьяконова). Но была ли она свободна на момент рождения Ореста? В действительности жениться на крепостной дворянин не мог по закону (хотя были и исключения), как не мог он и дать свою фамилию ребенку, рожденному до брака¹²¹. Анализируя запись Кипренского в альбоме 1807 г. («Отцу и матери Аз по греху принесен за то, что не соглашалась бедная невеста-рабья с ними с барами»), Петрова делает вывод о том, что никакого барина художник своим отцом не считал, но родился у матери тогда, когда она уже была невестой Швальбе¹²². При этом исследовательница небезосновательно полагает, что Кипренский, искавший равенства с аристократией, не умолчал бы о своем кровным родстве с помещиком, если бы таковое действительно имело место.

Намек на некоторые отношения, связывавшие Дьяконова с Кипренским, Петрова усматривает и в эпитафии на могиле Дьяконова на Лазаревском кладбище Санкт-Петербурга. В ней упоминаются некие «утесненные», которым покойный по своему человеколюбию был «помощником... по самую кончину». Таковыми вполне могут быть Анна Гаврилова, Орест и вся семья Швальбе. Петрова находит определенную логику в гипотетических поступках Дьяконова, но видит тут поведение не помещика, стремящегося скрыть свой грех, а доброго и просвещенного человека, чьи действия не вполне стандартны, но и не так уж и уникальны¹²³. Как просвещенный человек, каким мы видим его в письмах к Воронцову, а также в его завещании (о чем речь пойдет далее), Дьяконов мог разглядеть талант крестьянского мальчика и, пользуясь своими

¹²⁰ Петрова Е.Н. Указ. соч. С. 16–17.

¹²¹ Соборное уложение 1649 г. // ПСЗ РИ I. Т. I. № I. С. 130 (Гл. XX. Ст. 80). Тем не менее на своей крепостной женился в 1780-е годы Петр Никитич Трубецкой — родной брат С.Н. Трубецкого, ссора с которым омрачила жизнь Дьяконова в 1782–1783 гг.

¹²² Петрова Е.Н. Указ. соч. С. 18.

¹²³ Версия Е.Н. Петровой, что Анна была крепостной не Дьяконова, а чьей-то еще, а Алексей Степанович мог ее выкупить, в данном случае не очень убедительна потому, что в 1780-е годы происходило ровно обратное: Дьяконов активно избавлялся от «лишних» душ, по крайней мере мужского пола. См. об этом ниже.

связями в Петербурге, составить ему протекцию в Воспитательное училище Академии художеств. В ту же логику вписывается и подписанное им в 1788 г. свидетельство о том, что Адам Карпов сын Швальбе с женою будут вечно вольными после его смерти, а их дети, в числе которых и Орест Кипрейский, свободны с самого рождения. Это свидетельство было необходимо, поскольку крепостных в Воспитательное училище при Академии не принимали¹²⁴. Во всяком случае, ни подтвердить, ни опровергнуть легенду о кровном родстве Дьяконова и Ореста Кипренского на этом основании невозможно.

Вне зависимости от того, был ли или не был Дьяконов биологическим отцом крупнейшего русского художника-романтика, косвенным свидетельством его участия в судьбе ребенка может быть уже само полученное мальчиком необычное имя. Будучи вполне православным, оно тем не менее прежде всего ассоциируется с героем древнегреческих трагедий — сыном Агамемнона и Клитемнестры, братом Ифигении и Электры. Примечательно, что среди книг, записанных в 1755 г. в журнале библиотеки Академии наук за «благодетелем» Дьяконова Сумароковым, числится и «*Théâtre des Grecs*» («Греческий театр») — многотомное издание, содержащее все дошедшие до нас трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида в переводе с древнегреческого, выполненном профессором риторики и математики, иезуитом Пьером Брюмуа (1688–1742)¹²⁵. Среди прочего в этом издании были опубликованы и трагедии «орестова цикла». Сюжеты этого цикла активно разрабатывались в драматургии XVIII в., причем в 1750 г. посвященная Оресту трагедия вышла из-под пера самого Вольтера¹²⁶. Наибольшей популярностью среди сюжетов этого цикла у европейских композиторов XVIII в. пользовалась история Ифигении, сестры Ореста. В придворном театре Зимнего дворца оперу на этот сюжет (композитор Франческо Арайа, либретто Джузеппе Бонекки, основанное на пьесе М. Леклерка в соавторстве с Ж. Кора, 1675–1676)

¹²⁴ Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников. С. 201–202. В самом завещании Дьяконова речи об освобождении кого бы то ни было из его крестьян не идет. Вероятно, это обещание было оформлено отдельно или же было дано устно.

¹²⁵ Запись под № 15: «*Le Théâtre des Grecs. № 360–365*». М. Левитт идентифицировал издание: [Brumoy P. *Le Père*]. *Le Théâtre des Grecs*, Par Le P. P. Brumoy, de la Compagnie de Jesus. 6 vols. Amsterdam: Aux dépens de la Compagnie, 1732. в работе: Левитт М. Указ. соч. С. 56–57. Переводы выполнены в основном прозой и лишь частично — стихами, содержат указания для актеров и постановщиков.

¹²⁶ Voltaire M. *Arout de. Oreste, tragédie*. Paris: Mercier et Lambert, 1750.

впервые играли силами итальянских актеров 16 августа 1758 г. В том же году Дьяконов отправился в действующую армию, но он вполне мог заставить репетиции этой оперы и получить доступ к ним как член столичного театралного сообщества. В последующие годы эта и другие оперы и пьесы на тот же сюжет неоднократно ставились в Санкт-Петербурге и Москве¹²⁷. Не будет слишком большой натяжкой предположить, что вовлеченность Дьяконова в театральную жизнь 1750-х годов сыграла роль в выборе имени для крепостного мальчика, родившегося в Нежинской в 1782 г. Для Дьяконова, как мы увидим, этот сюжет мог показаться особенно значимым и в связи с тем, что одно из центральных мест в нем занимает тема преданной дружбы, прочно ассоциирующаяся в европейской культуре с историей Ореста и его друга Пилада, ради спасения которого Орест готов был готов пожертвовать собой¹²⁸.

В силу отсутствия прямых наследников Дьяконов завещал Нежинскую мызу с деревнями и заложенные в банке крестьянские души своему свойственнику — так он обозначает этого человека — мужу сестры (о которой прежде он нигде не обмолвился ни словом) премьер-майору Григорию Ивановичу Жукову. Начав службу в 1765 г., Жуков служил поручиком в Тверском карабинерном полку (1771), затем ротмистром в Московском карабинерном полку, в 1776 г. в чине секунд-майора — в Ревельском гарнизонном полку, в 1777 г. — батальонным командиром в том же чине в нарвском гарнизоне. В начале 1790-х ему было около 48 лет. Как следует из записи в дворянской родословной книге Санкт-Петербургской губернии, его супруга была дочерью нотариуса

¹²⁷ Датировки постановок можно найти в работе: [Барсов Е.В.] Хроника русского театра Носова: с предисловием и новыми разысканиями о первой эпохе русского театра Е.В. Барсова. М.: Имп. ОИДР, 1883. С. 130, 141, 216, 268, 314–315. К сожалению, достоверность труда Носова, второстепенного актера петербургской труппы в 1820–1830-х годах, апеллировавшего к несохранившемуся бумагам самого И.А. Дмитриевского (ум. 1821), не слишком высока (см. об этом: *Старикова Л.М.* О Федоре Волкове: в поисках истины, 1729–1763. М.: ГЦТМ, 2013. С. 31–32). Тем не менее дата последней упомянутой постановки — 1768 г. — совпадает с той, что приводится в анонимном издании: *Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех Российских театралных сочинений и переводов.* М.: Типогр. А.А., 1787. С. 65–66), поэтому, учитывая возможные погрешности, мы все же оставим здесь сведения из «Хроники» Носова.

¹²⁸ «Дружество не может произвести больших движений на театре, исключая того случая, когда друг один отваживает жизнь свою за другого, которой в опасности», — записал в эти годы М.Н. Муравьев (Чтения мои для трагедии. 1778 // ОР РНБ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 30. Л. 44).

и звали ее Елизаветой Григорьевной, поэтому приходится Дьяконову родной сестрой она никак не могла¹²⁹. Возможно, именно благодаря такому неожиданно всплывшему свойству гарнизонный офицер Жуков, находившийся к тому же в 1780-е годы в отставке (сведений о его службе в это время нет), сумел продвинуться в карьере: в 1791 г. он оказывается гофмейстером в Морском кадетском корпусе, главным директором которого был адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов — нарвский приятель Дьяконова¹³⁰. Впоследствии Жуков перестроил усадьбу в Нежинской — перенес ее на другой берег реки, оставив в старой части только хозяйственные постройки¹³¹.

А.Р. Воронцов: эпизоды биографии

В отличие от безвестного отставного бригадира Дьяконова, его корреспондент Александр Романович Воронцов, казалось бы, хорошо известен историкам. Тем не менее при ближайшем рассмотрении видно, что в историографии фигура Воронцова находится несколько в тени его младшего

¹²⁹ Так согласно: *Дворянская родословная книга Санкт-Петербургской губернии*. Ч. 3. 1792–1795 // РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 450 (Благодарю за это указание А.М. Феофанова); «Известно и ведомо да будет каждому...». Т. 1. С. 828; *Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии. 1729–1796 гг.* Т. 1. С. 775. Если родство не было фикцией, то, возможно, супруга Жукова приходилась Дьяконову сводной сестрой по матери или двоюродной сестрой; именование ее дочерью нотариуса, впрочем, вполне соотносится с тем, что Дьяконов значился сыном подьячего: служащий, обозначаемый согласно стандарту русской социальной номенклатуры подьячим, вполне мог выполнять функции нотариуса. См. примеры употребления: *Нотариус, нотариий, нотор* // СРЯ XVIII. Вып. 15: *Непочатый — Обломаться*. СПб.: Наука, 2005. С. 186.

¹³⁰ *Месяцеслов... 1777*. С. 212; *Месяцеслов... 1791*. С. 48; Жуков Григорий; Жуков Григорий Иванович // Степанов В.П. *Русское служилое дворянство*. С. 227.

¹³¹ *Мурашова Н.В., Мыслина Л.П.* Указ. соч. С. 164. Утверждение авторов, что Г.И. Жуков купил эту усадьбу в 1810 г., таким образом, не основано на документах. Более близкую к настоящему положению вещей версию высказал В.М. Зименко, ссылавшийся на неопубликованную работу И.М. Степанова: Г.И. Жуков был якобы племянником Дьяконова, не имевшего собственной семьи (*Зименко В.М.* Указ. соч. С. 21). Мызу Нежинскую с девятью деревнями унаследовали от Г.И. Жукова его сыновья: флота лейтенант Павел и полковник Андрей Григорьевичи (племянники Дьяконова); в 1818 г. имение было разделено между братьями и их сестрами. Наследники в следующем поколении продали имение в 1860 г., а в 1877 г. в усадьбе произошел большой пожар, уничтоживший старый дом (см.: *Мурашова Н.В., Мыслина Л.П.* Указ. соч. С. 164–165).

брата, многолетнего посла в Англии Семена Романовича, и особенно его сестры княгини Екатерины Романовны Дашковой. Несмотря на масштабность его фигуры, настоящей научной биографии А.Р. Воронцова до сих пор не написано, хотя время от времени появляются статьи, посвященные отдельным эпизодам из жизни и государственной деятельности Воронцова¹³². Отчасти это связано с огромным объемом его архива — деловых бумаг и корреспонденции, разбросанных между несколькими хранилищами¹³³.

Вместе со своими младшим братом и сестрой Воронцов воспитывался в доме их дяди, вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова. Уже в весьма юные годы Александр вникал в ход европейских дел и был в курсе всех политических событий: и сам он, и его семья полагали, что своим происхождением молодой человек предназначен к роли министра в значении XVIII в., т.е. к дипломатической карьере — «...к чему я имею склонность, и думаю, что могу быть и способен, то есть к министерству»¹³⁴. В 1758 г., после назначения его дяди новым канцлером Российской империи, молодой Воронцов отправляется учиться во Францию: французский посланник Лопиталь взялся ходатайствовать перед королем Людовиком XV о зачислении этого иностранца в *chevaux légers* — престижную гвардейскую часть легкой кавалерии, расквартированную в Версале. Не довольствуясь тем обучением, которое он мог получить в *chevaux légers*, молодой человек счел нужным нанять себе еще нескольких учителей: «...сверх того имею мастеров особенных, которые учат истории, белльлетру, фехтовать и танцевать»¹³⁵. Стараясь «просветиться, как можно более, в комерции», он противопоставляет свою цель образования во Франции расхожим стереотипам: необходимо «знать ее [Францию]

¹³² См., напр., издание Воронцовского общества «Воронцовы — два века в истории России» (1993—...).

¹³³ См. об архиве Воронцова: Джинчарадзе В.З. Обзор фонда Воронцовых, хранящегося в РГАДА // Исторические записки. 1950. Т. 32. С. 242–265; Петров В.А. Обзор собрания Воронцовых, хранящегося в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР // Проблемы источниковедения. М., 1956. С. 102–105. Также значительный объем документов А.Р. Воронцова хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 60). Его большую часть составляют документы, касающиеся землевладения и управления имениями.

¹³⁴ А.Р. Воронцов — Р.И. Воронцову, 20 апреля/1 мая 1759 г. Цит. в работе: Заозерский А.И. Александр Романович Воронцов // Исторические записки: сб. ст. Т. 23 / отв. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 106.

¹³⁵ А.Р. Воронцов — Р.И. Воронцову, 17/28 октября 1759 г. (цит. по: Заозерский А.И. Указ. соч.). Однако изучение латыни, естественного права и философии так и осталось благим пожеланием (Там же. С. 116).

не так, как наши господа ее знают, то есть спектакли и променады, но знать всю ее комерцию»¹³⁶.

Благодаря положению своей семьи, а также, вероятно, и проявленному им интересу к государственной деятельности, Воронцов уже в 20 лет был определен сначала поверенным в делах в Вену, а затем полномочным послом в Голландию. Когда ему едва исполнился 21 год, он уже был посланником в Англии (1762 г.). Однако в 1764 г. Воронцова пришлось перевести обратно в Голландию, поскольку в Лондоне он близко сошелся с представителями парламентской оппозиции, причинявшей затруднения английскому правительству, что могло иметь отрицательные последствия для отношений Санкт-Петербурга с этой могущественной державой. В Голландии Воронцов скучал, не находя там себе дела, и просил об «отозвании», но вынужден был провести в этой стране четыре года (до 1768 г.)¹³⁷.

Одной из целей европейского путешествия Воронцова в 1759–1760 гг. было также и личное знакомство с теми, чьи имена были на слуху в образованном обществе. Отдавая дань моде на поддержание интеллектуальных связей с представителями Просвещения, он познакомился в том числе с Д'Аламбером, а также с Вольтером, с которым затем переписывался на протяжении 1760-х годов¹³⁸. Воронцов и сам был не чужд литературных и переводческих амбиций, опубликовав еще в 1756 г., до отъезда во Францию, в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения» переводы произведений Вольтера «Мемнон, желающий быть совершенно разумным» и (возможно) «Микромегас»¹³⁹.

Своей успешной карьерой в начале 1760-х годов Александр, несомненно, был обязан тому фавору, в котором находилась семья Воронцовых

¹³⁶ Заозерский А.И. Указ. соч. С. 130.

¹³⁷ Огарков В.В. Воронцовы, их жизнь и общественная деятельность. СПб.: Б. и., 1892. С. 27, 32.

¹³⁸ Воронцов познакомился с Вольтером в июле 1758 г. в Мангейме на обеде у курфюрста Пфальца и получил от него советы о том, где ему лучше всего было бы учиться (в Страсбурге) и чему (естественному праву и истории древней и новой). Затем Воронцов заехал к Вольтеру в Женеву на пути из Испании в Париж («Несказанное удовольствие иметь можно, как только его услышишь говорить»). Он познакомился также и с Д'Аламбером (вероятно, в Париже), но не смог увидеть Руссо: «...толь он дико живет» (см.: Заозерский А.И. Указ. соч. С. 116–117).

¹³⁹ Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер: XVIII — первая треть XIX в. Л.: Наука, 1978. С. 12, 13; Лаппо-Данилевский К.Ю. Воронцов Александр Романович // СРП XVIII. Вып. 1. С. 176–177. Впрочем, эти переводы так и остались единственными его публикациями.

при Елизавете Петровне, а затем и при Петре III. 25 декабря 1761 г., в день смерти императрицы, фаворитка императора Елизавета Романовна Воронцова была «переменена» из фрейлин в камер-фрейлины, а уже на следующий день получили новые чины ее братья: камер-юнкер Александр Романович стал камергером в числе семи других представителей первых фамилий империи, а камер-паж Семен Романович был выпущен офицером в престижнейший Преображенский полк. Как отмечает О.Г. Агеева, за этими назначениями стояли далеко идущие планы и амбиции Воронцовых¹⁴⁰. Удастся ли Воронцовым сохранить свои позиции в царствование Екатерины II, было вопросом открытым, и если еще одна сестра Александра — Екатерина Романовна Дашкова — сыграла важную роль в перевороте, то его брат Семен Романович в качестве поручика Преображенского полка предпринял отчаянный демарш — попытку предотвратить присягу императрице Екатерине 28 июня 1762 г.¹⁴¹ Не случайно, наверное, по возвращении в Россию Александр Воронцов в течение пяти лет исполнял только свои придворные обязанности. В 1773 г., однако, он сменил И.Э. Миниха на посту президента Коммерц-коллегии и получил чин тайного советника. В 1779 г. Воронцов стал сенатором в третьем департаменте Сената, а в 1784 г. повышен до действительного тайного советника¹⁴².

***

Карьерный взлет и рост политического влияния Воронцова, как и любого другого крупного сановника, были неразрывно связаны с построением им обширной сети клиентов и союзников. Воронцов при дворе возглавлял сплоченную группу — «социетет», как выражался в своих записках адъютант Потемкина М.А. Гарновский, — ядром которой, помимо самого Александра Романовича, были А.А. Безбородко и П.В. Завадовский. К этой группе примыкала широкая клиентская сеть, члены

¹⁴⁰ Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М.: Наука, 2008. С. 152–153.

¹⁴¹ См. подробнее: Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Семен Романович Воронцов. Биография. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей; Политехника-Сервис, 2020. С. 36–37.

¹⁴² В начале 1779 г. Безбородко писал П.А. Румянцеву, что надеется на назначение А.Р. Воронцова в третий департамент Сената, где всякий «только и занят мнимым своим... возвышением». С «посаждением» туда Воронцова и М.Ф. Соймонова он «стал снабден людьми дельными» (А.А. Безбородко — П.А. Румянцеву, 18 января 1779 г. (цит. по: Письма А.А. Безбородка к графу П.А. Румянцеву. 1775–1793 гг. / с предисловием и примечаниями П.М. Майкова // Старина и новизна. Кн. 3. СПб., 1900. С. 37).

которой были объединены их «неукорененностью» в русской элите. Сами Завадовский и Безбородко, приехавшие в столицу «в обозе» П.А. Румянцева после окончания войны с Османской империей (1768–1774), начинали как парвеню. Выходцы из украинской старшины без прочного места в русском обществе и связей в столице, они познакомились на службе в малороссийской канцелярии Румянцева с молодым боевым офицером графом С.Р. Воронцовым, который вместе с братом Александром стал их покровителем и ближайшим другом. Сюда же примыкают иностранные профессионалы, приехавшие в Россию или по высочайшему приглашению, как доктор Томас Димсдейл, или просто в поисках заработка, как другой доктор — Джон Сэмюэль Роджерсон, ставший лейб-медиком императрицы; шотландский моряк и будущий русский адмирал Самуил Грейг; поэт и драматург из Женевы Франц Герман Лафермьер, поступивший на службу секретарем к бывшему канцлеру М.И. Воронцову во время его поездки по Европе в середине 1760-х годов, и его друг по страсбургскому университету Людвиг Генрих фон Николаи (последние двое — ученики Дидро). Принадлежность к кругу Воронцовых наделяла их всех местом в обществе и чувством специфической идентичности¹⁴³.

У clientela Воронцова был еще один сегмент, центральным звеном которого, несомненно, был Петр Васильевич Бакунин Меньшой — фигура, сопоставимая с Воронцовым как по своему политическому влиянию, так и статусу в неформальной иерархии патронажа. Единомышленник Александра Романовича, ловкий политик, Бакунин приходился Воронцовым свойственником: он был женат на двоюродной сестре Романовичей Анне Сергеевне Татищевой. Начиная секретарем в канцелярии М.И. Воронцова, он в 1780 г. стал членом Секретной экспедиции и вторым человеком (в 1780–1781 гг. — после своего брата П.В. Бакунина Большого, с 1782 г. — после А.А. Безбородко)¹⁴⁴ в Коллегии иностранных дел, помогая Воронцову держать ее под контролем. Бакунин определенно имел все шансы со временем встать во главе внешней политики империи, пусть даже неформально. Прусский посланник фон Герц в записке, составленной для наследного принца Генриха к его приезду в Россию в августе 1780 г., утверждал, что влияние Бакунина на иностранные дела очень велико, подчеркивая при этом сплоченность воронцовского «социетета»:

¹⁴³ Kenney J.J. The Vorontsov Party in Russian Politics, 1785–1803. An Examination of the Influence of an Aristocratic Family at the Court of St. Petersburg: Ph.D. Diss. Yale Univ., 1975. P. 43–46.

¹⁴⁴ Месяцеслов... 1780. С. 66; Месяцеслов... 1781. С. 39; Месяцеслов... 1782. С. 42.

он [Воронцов] также друг действительного статского советника Бакунина <...>. Безбородко, частный секретарь императрицы, пользующийся полным ее доверием, есть подчиненный Бакунина и друг графа Семена [Воронцова]. Эти три osoby, тесно связанные между собою, по их личным достоинствам или по их местам, весьма важны и на них можно рассчитывать всего больше, если удастся разположить их в свою пользу¹⁴⁵.

Потеря П.В. Бакунина, скончавшегося в мае 1786 г., была для Воронцова серьезным ударом. Вернувшись в апреле 1786 г. из сенаторской ревизии по Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерниям, Воронцов застал Бакунина уже умирающим. В последние две недели его жизни он «без исходно почти был у него», а потом долго не мог свыкнуться с потерей. В двух письмах Дьяконову подряд он упоминает, что лишился друга, не забывая подчеркнуть, что это потеря и для государства («Служба в нем потеряла человека и нужного и полезного, а я лишился друга»; «не говоря уже о потере государством в нем сделанной»¹⁴⁶) (письма № 13, 14). Своим душеприказчиком Бакунин назначил Воронцова,

родственного друга и милостивца моего <...> коему с полною доверенностью на его ко мне во всю жизнь мою испытанную дружбу и милость поручаю детей моих, а особливо пристроение во свое время меньшей дочери моей в отеческое попечение, покровительство и точную опеку, на основании законов до двадцати пяти летняго их возраста. Относительно до имения, достоящегося им после меня, так чтоб они онаго без воли и позволения его Сиятельства ничего ни продать, ни заложить не могли¹⁴⁷.

Смерть Бакунина доставила Воронцову не только много душевных переживаний, но и массу хлопот. «Я нонишное время довольно пользуюсь Муриным, езда изредко и то по нужде в Город и в Царское Село», — писал Воронцов 14 июня 1786 г. Дьяконову¹⁴⁸. В Царском Селе он обсуждал окончательные формулировки манифеста о Государственном заемном банке, а в Петербурге занимался делами покойного друга. Согласно завещанию, он был обременен опекой над всем имуществом Бакунина¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Герц А. фон. Российский двор в 1780 году // Древняя и новая Россия. 1879. № 10. С. 87 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 10 (14 июня 1786 г.), 11–11 об. (2 июля 1786 г.).

¹⁴⁷ Цит. по: Там же. Оп. 13. Д. 335. Л. 12. В браке с А.С. Татищевой у Бакунина было четверо детей: Павел, Елизавета, Модест и Елена. Старшая дочь Елизавета (1763–1798) вышла замуж в 1783 г. за князя М.А. Долгорукова и поэтому не фигурировала в завещании и документах об опеке.

¹⁴⁸ Там же. Оп. 3. Д. 68. Л. 10.

¹⁴⁹ Там же. Л. 9–11 об.

С мая и до осени Воронцов уплачивал долги Бакунина мастеровым, парикмахеру, портному, художникам¹⁵⁰. Помимо этого, он занимался сдачей внаем принадлежавших Бакунину домов — на Миллионной улице и загородного — на Выборгской стороне¹⁵¹.

Брат Бакунина Михаил Васильевич был женат на Любви Петровне Мышецкой, сестра которой Авдотья была замужем за обер-прокурором Сената Алексеем Афанасьевичем Дьяковым. Их дочери выйдут замуж за поэтов Н.А. Львова (1780), В.В. Капниста (1781) и Г.Р. Державина (1795), эстетически и мировоззренчески близких А.Р. Воронцову¹⁵². Эти поэты, а также И.И. Хемницер и М.Н. Муравьев, вместе составят группу поэтов, известную как «львовско-державинский кружок». Его неформальным лидером в конце 1770-х и в 1790-е годы был Николай Александрович Львов — один из самых разносторонне талантливых творческих людей второй половины XVIII в.¹⁵³ Просвещенные ценители искусств, такие как П.В. Бакунин, А.А. Безбородко и А.Р. Воронцов, вовлеклись в орбиту гения Львова не только через тонкие нити покровительства или более надежные нити родства¹⁵⁴, но и потому, что, например, вкусы Воронцо-

¹⁵⁰ Расписки мастеров в уплате им причитающихся денег, выданные Воронцову, сохранились в деле: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 11. Д. 2400. Л. 1–14.

¹⁵¹ Там же. Оп. 13. Д. 341. Л. 43–43 об; Там же. Д. 249. Л. 20–22 об; Там же. Д. 329. Л. 6–9 об. К 1789 г. Воронцов передал все движимое и недвижимое имение сыновьям Бакунина — своим двоюродным племянникам, поскольку согласно завещанию опека длилась до их 25-летия (род. в 1762 и 1765 гг.). Об окончании срока опеки Воронцов доносил в Сенат в августе 1789 г.: Там же. Оп. 13. Д. 340. Л. 1–3.

¹⁵² Грот Я.К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. С. 450–451; Лаппо-Данилевский К.Ю. О тайной женитьбе Н.А. Львова // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 132–144.

¹⁵³ В 1780-е годы он фактически не существовал (в основном в силу физического отсутствия членов кружка в столице из-за их служебных обязанностей) (см.: Лаппо-Данилевский К.Ю. О литературном наследии Н.А. Львова // Львов Н.А. Избранные сочинения / вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Вена; Кельн; Санкт-Петербург: Böhlau; Пушкинский дом; Акрополь, 1994. С. 13).

¹⁵⁴ Львов приходился двоюродным племянником президенту Берг-коллегии М.Ф. Соймонову и был вхож во многие дома в Петербурге. Грот Я.К. Указ. соч. С. 187. Безбородко в письме Воронцову назвал Львова одним «из самых добрых моих приятелей» (А.А. Безбородко — А.Р. Воронцову, 4 октября 1779 г. // АКВ. Кн. 13. М.: Типогр. Лебедева, 1879. С. 12. Вернувшись летом 1777 г. из поездки курьером в Париж, Мадрид и Лондон, Львов поселился в доме Бакунина в Петербурге и устроил там домашний театр, в котором играли сестры Дьяковы (см. о Бакунине и его домашнем театре под руководством Львова в письмах М.Н. Муравьева отцу Н.А. Муравьеву: Письма русских писателей XVIII века.

ва, получившего образование в 1750-е годы, были, несомненно, близки к установкам поэтов этого кружка с их нормативной классицистической эстетикой и подражанием природе через искусство¹⁵⁵. Многие из них были причастны в конце 1770-х годов к изданию «Санкт-Петербургского вестника» и привлекались Е.Р. Дашковой к изданию первой части «Собеседника любителей русского слова», принимали участие в литературных полемиках и были связаны между собой сложносплетенными нитями дружеских, служебных, родственных отношений, включавших в себя и патрон-клиентские¹⁵⁶.

Муравьев, самый молодой среди этих поэтов, обладавший, по определению В.Н. Топорова, «положительно-приемлющей» эстетической позицией и широтой взглядов на поэзию, искусство и вообще окружающий мир¹⁵⁷, познакомился со Львовым не позднее начала 1776 г. Под влиянием Львова он увлекся итальянской литературой, театром, совершенствовался в поэзии. В 1785 г. один из придворных (вероятно, А.В. Нарышкин, товарищ Воронцова в ревизских поездках 1780-х годов) рекомендовал Муравьева императрице как талантливого и высокообразованного офицера. В результате Муравьев был взят в «кавалеры», а затем на должность воспитателя и учителя русской истории, словесности и нравственной философии к великим князьям Александру и Константину Павловичам¹⁵⁸. Его письма 1780-х годов к сестре Федосье Никитичне и зятю С.М. Лунину составляют важный «параллельный текст» для понимания публикуемой

Л.: Наука, 1980. С. 268, 331, 332, 333. См.: Лапто-Данилевский К.Ю. Новые данные к биографии Н. А. Львова (1770-е годы) // Русская литература. 1988. № 2. С. 135–142, особ. с. 137).

¹⁵⁵ Никаких программных документов кружок не оставил, и об эстетических принципах участников можно судить только по творениям самих поэтов. Авторитетами для его участников были Никола Буало, Жан Батист Руссо и Шарль Баттё, чьи переводы Горация прославляли природу и естественность, обладая определенными «жизнестроительными» мотивами. О львовско-державинском кружке см.: Лапто-Данилевский К.Ю. Львовско-державинский кружок // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: в 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1: А–М. СПб.: Б.и., 2001. С. 567–568. Шарф К. Горацианская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века: сб. ст. / под ред. О. Глаголевой, И. Ширле. М.: НЛЮ, 2012. С. 406–408.

¹⁵⁶ Лапто-Данилевский К.Ю. О тайной женитьбе Н.А. Львова. С. 132. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. 2: М.Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. Кн. 2. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 331, 396, 646, 919.

¹⁵⁷ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 919.

¹⁵⁸ Западов В.А. Муравьев Михайла Никитич // СРП XVIII. Вып. 2: К–П. СПб.: Наука, 1999. С. 310.

здесь переписки Воронцова и Дьяконова не только в силу дружбы Муравьева со Львовым и соприкосновения, пусть и опосредованного, с Воронцовым через службу при дворе, но и потому, что с А.С. Дьяконовым Муравьева также связывали какие-то не улавливаемые источниками, «нематериальные» нити. Известный в XIX в. гравер Н.И. Уткин, сын М.Н. Муравьева от крепостной девушки, был отдан в Воспитательное училище при Академии художеств в возрасте пяти лет, а через несколько лет там же оказался юный Орест Кипрейский (Кипренский). Впоследствии, в 1812–1816 гг., оба они будут жить в доме вдовы Муравьева Екатерины Федоровны на Фонтанке в Петербурге; значительная часть знаменитых гравюр Уткина будет выполнена с портретов, созданных Кипренским, а сам он напишет карандашный портрет Уткина¹⁵⁹. Составитель «Петербургского некрополя» утверждал, будто именно Муравьев был автором эпитафии Дьяконову на его могиле в Александро-Невской лавре, гласящей:

Оный, мужеством по службе в армии и в делах гражданских своим благо-
разумием и трудом отличившийся, приобрел себе многих друзей и почи-
тателей; был непристрастный подражатель правды, щедр, человеколюбив
и утесненным с отличною ревностью помощник. По самую кончину сему
великодушному мужу да будет вечная память¹⁶⁰.

Какого-то подтверждения этой версии — хотя бы одного упоминания бригадира Дьяконова в обширнейшей эпистолярной, записных книжках и тетрадях Муравьева, просмотренных нами в различных архивах, — найти пока не удалось. Несомненно только, что в 1770-е годы Муравьев имел множество знакомых в масонской среде Петербурга. Именно там он познакомился с Н.И. Новиковым, как мы помним, хорошо знавшим бригадира Дьяконова¹⁶¹.

¹⁵⁹ Валицкая А.П. Орест Кипренский в Петербурге. Л.: Лениздат, 1981. С. 131; Яцевич А.Г. Пушкинский Петербург. СПб.: Петрополь, 1993. С. 25; Литературный музей Пушкинского дома Российской Академии наук. Санкт-Петербург / вступ. ст. и сост. Е.Г. Агамаян, Е.В. Кочнева и др. М.: Дар; Белый город, 2012. С. 12.

¹⁶⁰ Цит. по: Николай Михайлович (вел. кн.). Петербургский некрополь. СПб.: Б.и., 1912. Т. 2. С. 105–106.

¹⁶¹ М.Н. Муравьев — Н.А. Муравьеву, 7 августа 1777 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 50. Л. 8 об.; Письма русских писателей. С. 268. С 1773 г. Муравьев был знаком, например, с поэтом М.М. Херасковым, будущим куратором Московского университета (с 1778 г.), розенкрейцером в теоретическом градусе и членом Капитула Провинциальной ложи (с 1784 г.). (ОР РНБ. Ф. 499. Д. 28. Л. I; о нем упом. в письме: Н.М. Муравьев — Н.А. Муравьеву, 27 ноября 1776 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 49. Л. 4).

На фоне этого круга — близких ко двору, к Воронцову и его кругу, занимающих те или иные государственные должности фигур, — Дьяконов, конечно, выделяется как чуждый двору и столице в силу своего происхождения и не отличавшийся, по крайней мере в 1780-е годы, какой-то профессиональной востребованностью. Однако за его продвижением в чинах на военной службе должны были стоять какие-то факторы, о значимости которых мы можем только гадать: это может быть и принадлежность в прошлом к окружению Сумарокова, и участие в много значившей для Воронцова театральной жизни, и карьера на масонском поприще. Всю жизнь «пробивавшийся собою» (впрочем, как и другие члены воронцовской клиентелы), он все же принадлежал кругу Воронцовых — пусть даже его периферии — и мог, как мы видим из писем, рассчитывать на поддержку высокопоставленных придворных.

Собирая вокруг себя обязанных ему продвижением по службе и наградами амбициозных людей, Воронцов, с одной стороны, действовал как просвещенный светский человек. Согласно наставлениям для юношества, которые он должен был усвоить еще в отрочестве, благородному человеку следовало уважительно вести себя по отношению к тем, кому не посчастливилось родиться равными с ним: «Весьма щастлив тот человек, кто в дворянстве родился; но понеже сие не от нас зависит, то благородному отнюдь не должно худородных (кто не из дворян) презирать»¹⁶². С другой стороны, он выстраивал таким образом прочную сеть личной поддержки, в том числе среди провинциальных администраторов. Характерный пример здесь — И.А. Пиль, еще один клиент и корреспондент Воронцова в 1780-е годы, нуждавшийся в его «милостях» и действительно их получивший, в отличие от Дьяконова. Рижский губернатор, он усилиями Воронцова стал правителем наместничества во Пскове в 1783 г. и, наконец, генерал-губернатором иркутским и колыванским в 1788 г. На протяжении всего периода, охватываемого его перепиской с Воронцовым (по крайней мере, до конца 1788 г.), Дьяконов уверен, что вельможа сделает все от него зависящее, чтобы найти достойное место и для него тоже, — и поэтому сравнивает себя с Пилем, подобно ему выслужившим дворянство, но обошедшим его по карьерной лестнице¹⁶³.

¹⁶² *Le Noble E. L'Ecole Du Monde, Ou Instruction D'un Pere A Un Fils, Touchant la Maniere Dont Il Faut Vivre Dans Le Monde*. Paris, 1695. P. 50 (цит. по рус. пер.: Волчков С.С. Светская школа, или Отеческое наставление сыну о обхождении в свете, чрез Г. ле Нобль. СПб.: При Имп. Академии наук, 1761. С. 46).

¹⁶³ «Не из дворян, а дослужились до обер афицерства», — сказано в ведомости Астраханского полка 1756 г. об Иване Пиле и его брате Александре:

В качестве патрона Воронцов более всего известен, наверное, как покровитель и даже спаситель А.Н. Радищева. В 1780 г. обер-инспектор рижской таможни Г.Ю. Даль был вызван в Петербург и назначен руководить Казенной палатой новоучрежденной Санкт-Петербургской губернии с заданием от императрицы сделать «начало в здешней губернии порядкам экономическому и таможенному». Его заместителем («в помощь») Воронцов устроил своего протеже А.Н. Радищева, служившего начиная с 1778 г. под началом Александра Романовича в Коммерц-коллегии¹⁶⁴. По мнению исследователя А.И. Старцева, личные отношения Радищева с Воронцовым основывались на объединявшем их глубоко отрицательном отношении к екатерининско-потемкинскому режиму. Воронцов ценил критический ум Радищева и называл его «зрителем без очков», а Радищев видел в Воронцове исключение среди оголтелых крепостников, сибаритов и казнокрадов, заполнявших ряды высшей администрации. И если главная вина Радищева в глазах императрицы действительно состояла в том, что в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» он отважился критиковать Потемкина, то неудивительно, полагает исследователь Р. Бодэн, что Воронцов был готов защищать его как пострадавшего от общего врага¹⁶⁵. Обладавший специальной юридической подготовкой, Радищев должен был произвести хорошее впечатление на Воронцова еще своим выступлением против мнения его и остальных членов коллегии в деле о браковщиках пеньки в

РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 459. Л. 419 об. За указание на этот документ я благодарю А.М. Феофанова. Отец братьев Пилей, Алферий Павлович, находился на русской службе с 1686 г. Участник Крымского и Азовского походов, штурма Нарвы, он провел 10 лет в шведском плену, после чего определен в гарнизон в Азовскую губернию. Дослужившись к 1712 г. до полковника, он не успел, видимо, получить до рождения сыновей патент на дворянство по указу 16 января 1721 г., объявлявшему всех обладателей обер-офицерских чинов дворянами (ПСЗ РИ I. Т. 6. № 3705) (см.: «Известно и ведомо да будет каждому». Т. 1. С. 311; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска: сб. документов / сост. К.В. Татарников. М.: Старая Басманная, 2016. С. 1077). Милости Воронцова И.А. Пиллю были «столь нужны, сколь и собственная моя жизнь», — высокопарно писал рижский губернатор, а супруга его не забывала посылать Воронцову пастилу нескольких видов, вишневую наливку, варенье и т.п. (НИА СПб И РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1217. Л. 9–9 об., 11 и далее.)

¹⁶⁴ Указ о назначении Даля и Радищева последовал 30 марта 1780 г. (см.: Старцев А.И. Радищев. Годы испытаний: Очерки. М.: Советский писатель, 1990. С. 214–215).

¹⁶⁵ Старцев А.И. Радищев. Годы испытаний. С. 204. Baudin R. The Public Self and the Intimate Body in Radishchev's Letters from Exile // Canadian Slavonic Papers. 2008. Vol. 50. No. 3–4. P. 300.

1778–1779 гг., заставившим коллегию оправдать их, и участием в расследовании злоупотреблений на таможне («дело Кокса») в 1778–1780 гг., которое помогло Воронцову взять под свой контроль Петербургскую таможню¹⁶⁶. Следует помнить, впрочем, что вельможа издавна знал отца Радищева — соседа Воронцовых по их пензенскому имению: «Я его [А.Н. Радищева] Государыне рекомендовал, так как наипрележнейшего человека и который со временем может полезным быть в службе; сверх того самого скромного и честного поведения. Николай Афанасьевич [Радищев] может радоваться своему сыну»¹⁶⁷.

Учитывая семейные связи и личные достоинства Радищева — проявленное им при решении сложных дел стремление к справедливости и пользе дела, — Воронцов мог доверять ему больше, чем просто подчиненному. На службе Радищев должен был заниматься как текущими делами, находившимися в ведении самого президента коллегии, присутствуя на сенатских заседаниях по вопросам, относящимся к сфере компетенции Коллегии, так и делами по Комиссии о коммерции¹⁶⁸. Поэтому Радищев не был просто «благоприобретателем» милостей Воронцова. В 1785 г., пока сенатор разъезжал с ревизиями по губерниям, Радищев не только посылал ему подробные отчеты по службе — о таможенных доходах; происшествиях на таможне и недостатках, предлагавшихся к исправлению; о здоровье своего начальника, небезразличного Воронцову Г.Ю. Даля, — но и заботился о его петербургском доме: «По консаментам вашего сиятельства все вещи доставлены в дом ваш в целости» (24 июня 1785 г.); «Вновь никаких вещей на имя вашего сиятельства нет; которые были, те все доставлены в дом ваш» (1 августа 1785 г.); «От брата из Архангельска я получил два ящика с костяными вещами, которые я доставил в дом вашего сиятельства» (26 января 1787 г.)¹⁶⁹. В свою очередь, на протяжении всей ссылки Радищева Воронцов поддерживал его, помогал ему материально и обеспечивал сравнительно комфортное пребывание в Сибири — благодаря своей обширной клиентеле и прежде всего И.А. Пилю, назначенному в 1788 г. его же усилиями иркутским и

¹⁶⁶ Старцев А.И. Радищев в годы «Путешествия». М.: Советский писатель, 1960. С. 48–51, 64–71.

¹⁶⁷ А.Р. Воронцов — Р.И. Воронцову, 3 июля 1780 г. // АКВ. Кн. 5. М.: Типогр. Готье, 1872. С. 394.

¹⁶⁸ Старцев А.И. Радищев. Годы испытаний. С. 212; Старцев А.И. Радищев в годы «Путешествия». С. 47.

¹⁶⁹ Цит. по: Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 315, 318, 325. Брат — Моисей Николаевич Радищев — служил советником в Архангельской таможне по рекомендации А.Р. Воронцова (Там же. С. 612).

колыванским генерал-губернатором¹⁷⁰. Как писал сам Радищев, единственной причиной особого отношения к нему в ссылке со стороны местных чиновников было далеко простиравшееся покровительство Воронцова¹⁷¹. Эта принципиальная позиция Воронцова может быть интерпретирована одновременно и как понятный нам сегодня человеческий жест, и как исполнение обязательств патрона по отношению к своему клиенту, и, наконец, как поддержка своего союзника, если помнить о противостоянии Воронцова с Потемкиным.

***

В 1780-е годы политические возможности и придворная стратегия и тактика Воронцова во многом определялись его острым соперничеством с Г.А. Потемкиным и его окружением. Воронцов испытывал и личную, и идейную враждебность к Потемкину с самого его появления при дворе в начале 1770-х годов. В 1780-е он находился практически в состоянии войны с ним и его фактотумом — новым фаворитом императрицы Александром Матвеевичем Дмитриевым-Мамоновым¹⁷². Причинами раздражения и враждебности с его стороны были и происхождение Потемкина — выходца из мелкопоместных дворян (в отличие от Воронцовых, считавших себя потомками боярского рода); и его участие в перевороте 1762 г., который не поддержали ни Воронцовы (за исключением Е.Р. Дашковой), ни их ближайший союзник П.А. Румянцев¹⁷³; и политический курс Потемкина, диктовавшийся его невероятными амбициями.

Начиная с 1785 г. Воронцов участвовал в работе сразу над тремя торговыми соглашениями: с Англией, причем предполагалось, что к нему могла бы примкнуть и Австрия; собственно с Австрией; и, наконец, с Францией. Уполномоченными по переговорам, помимо А.Р. Воронцова как главы Коммерц-коллегии, императрица назначила представителей Коллегии иностранных дел А.А. Безбородко, И.А. Остермана и П.В. Бакунина Меньшого¹⁷⁴. При этом Воронцов, придерживаясь линии на союз

¹⁷⁰ См. об этом коммент. к письму № 34.

¹⁷¹ А.Н. Радищев — А.Р. Воронцову, 26 ноября, 4 декабря 1791 г. // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 408.

¹⁷² Так утверждал в своем сочинении французский писатель Жан-Анри Кастера, пользовавшийся сведениями, полученными от дипломатов: *Castéra J.-H. Vie de Catherine II, Impératrice De Russie*. Paris: F. Buisson, 1797. Т. 2. Р. 297.

¹⁷³ *Kennedy J.J.* Op. cit. Р. 78–79.

¹⁷⁴ *Ibid.* Р. 85; *Черкасов П.П.* Русско-французский торговый договор 1787 года // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 4 / отв. ред. П.П. Черкасов. М.: Наука, 2001. С. 46.

с Англией как в торговле, так и во внешней политике в целом, был противником заключения торгового договора с Францией, переговоры о котором начал в 1785 г. при поддержке Потемкина новый посол в Петербурге Луи Филипп Сегюр. Целью Потемкина было снять запретительные пошлины с французских товаров и тем самым склонить Францию к поддержке России в грядущей войне с османами¹⁷⁵. По сведениям Сегюра, вынужденный вести переговоры о договоре с Францией, единомышленник Воронцова «бессовестный» Бакунин утешал себя надеждами на получение подарка после подписания договора, поскольку якобы состоял «на жалованье» не только у Австрии, но у Англии¹⁷⁶.

Основываясь на своем опыте более чем двухлетних переговоров, Сегюр в мемуарах характеризовал Воронцова как человека «придирчивого и упрямого», восстававшего против «роскоши». Несомненно, курс Воронцова на сдерживание конкуренции на российском рынке вытекал из его общеэкономических представлений: с помощью запретов и пошлин он стремился сократить ввоз в Россию иностранных товаров; при этом, однако, все торговые привилегии он считал нужным предоставлять английским купцам¹⁷⁷. Когда после заключения политического союза между Россией и Габсбургами в 1781 г. начались переговоры о заключении между ними и торгового соглашения, австрийская сторона сразу подметила, что основная часть русской торговли связана с Великобританией, конкуренция иностранных держав за доступ на российский рынок практически отсутствует, а сама экономика России носит сырьевой характер¹⁷⁸. Курс

¹⁷⁵ Докладывая находившемуся в поездке с сенатской ревизией А.Р. Воронцову летом 1785 г. о планах Потемкина, Безбородко писал: «Князь Григорий Александрович мнит, что, дозволяя им [французам] свободу от ефимков [т.е. право уплачивать пошлины рублями, а не серебряной монетой], сделав малую скидку на их вина, не равняя однакож с Венгерским, Греческим и Гишпанским, и дав известную уступку в Черноморском торгу, мы очень их поласкаем, и при том и для своего торгу получить можем некоторые выгоды» (цит. по: АКВ. Кн. 13. С. 78).

¹⁷⁶ Цит. по: Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко. Т. 1. 1747–1787. [СБРИО. Т. 26.] СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1879. С. 121; Черкасов П.П. Русско-французский торговый договор... С. 46; на то, что Австрия оплачивала деятельность группировки в составе братьев Воронцовых, Безбородко, Завадовского (и, прибавим, Бакунина), обращают внимание: Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Указ. соч. С. 74–75.

¹⁷⁷ Кетпеу J.J. Op. cit. P. 45–47; Кинни не исключал, что Воронцов использовал связи с английскими купцами в пользу себя лично и П.В. Завадовского.

¹⁷⁸ Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М.: Наука, 2011. С. 313.

на сдерживание конкуренции, ограничение допуска французских товаров на внутренний рынок и ввоза предметов роскоши — а значительную часть французского экспорта наряду с другими предметами роскоши составляли вина, прежде всего шампанские¹⁷⁹, — вытекал не только из внешнеполитической обстановки и возможной личной заинтересованности министра, но и из его экономических убеждений. Еще живя в юности во Франции, он кичился своим рациональным критическим мышлением, которое он стремился применять как к вопросам политики и экономики, так и к повседневной жизни в Париже с его развлечениями и тратами¹⁸⁰. Впоследствии политэкономический рационализм Воронцова оказался созвучным принципам разумной морали и естественной религии елагинских лож, ритуал которых был приспособлен к понятиям «рационалистической религии»¹⁸¹.

В сопротивлении, которое Воронцов и Бакунин при поддержке Безбородко оказывали заключению нового торгового договора, предполагавшего большие преференции для Франции, Сегюр видел интерес обоих братьев Воронцовых, боявшихся потерять свое влияние в политических кругах Англии, проводником которого был С.Р. Воронцов. Тем не менее, поскольку и поддержка Франции, и договоры с Австрией (политический 1781 г. и торговый 1785 г.) и Англией (так в результате и не подписанный) позволяли изолировать Пруссию, то императрица благосклонно относилась к обоим направлениям переговоров. Потемкин же нуждался в поддержке Пруссии, поскольку мечтал о втором разделе Польши, который, как полагают некоторые историки, дал бы ему шанс стать «вторым Богданом Хмельницким» — получить в личное управление южную часть новоприсоединенных польских земель¹⁸². Возможно, именно благодаря своей готовности противостоять интересам Пруссии, Воронцов, несмотря на его враждебность по отношению к Потемкину,

¹⁷⁹ После длительных пререканий Сегюр и Потемкин заставили Воронцова согласиться снизить пошлины на шампанские вина; затем Сегюр использовал фаворита А.М. Дмитриева-Мамонова для давления на Воронцова; после того как подействовала какая-то «тайная пружина», пошлины на все виды вин, не только на шампанское, были снижены на 10 коп. с бутылки, на оптовые партии — с 15 до 12 руб. (за 240 бутылок). Значительно была снижена пошлина на марсельское мыло: вместо 60 руб. за пуд пошлины составили всего 1 руб., как для венецианского и турецкого мыла (Черкасов П.П. Русско-французский торговый договор... С. 53–55).

¹⁸⁰ Заозерский А.И. Указ. соч. С. 115.

¹⁸¹ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 151–152.

¹⁸² Kenney J.J. Op. cit. P. 83–84.

сумел утвердить свой авторитет в глазах императрицы, которая, по словам французского посла Сегюра, хотя и недолюбливала Воронцова, «но уважала и предоставила его, почти безраздельному, руководству, все торговые дела»¹⁸³.

***

Несмотря на успешную карьеру и награждения орденами Св. Александра Невского в 1781-м и Св. Владимира в 1782-м, репутация Александра Романовича страдала от тянувшегося за Воронцовыми неприятного «шлейфа» — истории со взятками при рекрутском наборе во Владимирском наместничестве, в которой считался замешанным его отец, владимирский генерал-губернатор (с 1778 г.) граф Р.И. Воронцов. В марте 1784 г. в Сенат поступила жалоба на взятки во время проведения рекрутских наборов в 1782 и 1783 гг., а уже в конце 1784 г. сенаторы князь М.М. Щербатов и Н.И. Маслов были назначены императрицей для проведения ревизии во Владимирском, Костромском и Ярославском наместничествах. Помимо изучения результатов губернской реформы 1775 г., они должны были исследовать вопрос о том, было ли местное начальство замешано во взятках, о которых шла речь в жалобе. После проведенного в начале 1785 г. осмотра началось следствие. Виновными в злоупотреблениях были признаны нижние чины, о чем императрице и было представлено заключение; о роли покойного генерал-губернатора Р.И. Воронцова в нем ничего не говорилось¹⁸⁴. Вердикт на этот счет общественного мнения, однако, был, похоже, вполне определенным. В своем памфлете «О повреждении нравов в России» (1786–1789 гг.), написанном как раз в те годы, когда шло разбирательство по делу о взятках¹⁸⁵, Щербатов прямо клеймит Р.И. Воронцова как взяточника — причем тот якобы был таковым уже на момент своего назначения в 1778 г. во Владимир. Хотя при

¹⁸³ Цит. по: Черкасов П.П. Русско-французский торговый договор... С. 47.

¹⁸⁴ Калинина С.Г. Дело о взятках во Владимирской губернии. 1780-е гг. // Гиштории Российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского / отв. ред. Е.Б. Смилянская. М.: Древлехранилище, 2014. С. 209. Щербатов, имевший более объективную картину происходившего в наместничестве в 1782–1784 гг., подал императрице на рассмотрение «Примечания на доклад» Шестого департамента Сената, уличив сенаторов в некачественно проведенном следствии и оправдании подлога (см.: Там же. С. 234).

¹⁸⁵ Калинина С.Г. Михаил Михайлович Щербатов // Щербатов М.М. Избранные труды / сост., вступит. ст. и коммент. С.Г. Калининой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 6.

нем, как писал Щербатов, «семь лет разоренье народное продолжалось, а следствие повелено учинить токмо за два года [т.е. 1784–1785 гг.]», императрица дала понять Воронцову, что знает о его «грехах», прислав в 1783 г. вельможе в подарок на именины кошелек:

Граф Роман Ларионович Воронцов, во все время своей жизни признанной мздоимцем, был определен в наместники во Владимир и не преставал обыкновенные свои мздоимства производить. Но сокрыты оные были от государя, который токмо двоезнаменующим знаком: присылкою большого кошелька его укорил.

Получив такой подарок с намеком, Воронцов якобы умер от испуга¹⁸⁶. Тем не менее, несмотря на свою личную неприязнь к Р.И. Воронцову, с его сыном Щербатов поддерживал весьма теплые отношения¹⁸⁷. Императрица же, затребовав в декабре 1789 г. заключительный доклад Сената 1786 г. о взятках во Владимире, вдруг заявила об Александре Романовиче, что «он таков же», как и его отец¹⁸⁸.

Вероятно, у императрицы сложилось представление о Воронцове не только как о крайне прагматичном политике, но и как о дельце, не упускающем своей выгоды, по крайней мере в китайской и дальневосточной торговле. В 1788 г. она отклонила поданный ей доклад о наделении монополией на пушной промысел и освоение Аляски и Алеутских островов Г.И. Шелихова и его партнера по Северо-Восточной компании купца И.И. Голикова, что отдало бы в руки компании всю тихоокеанскую торговлю России. За этим предложением Екатерина увидела руку Воронцова: «Президент [Коммерц-коллегии] граф А.Р. Воронцов распространяет дальние виды для своих прибытков»¹⁸⁹. Тогда же Воронцова и Безбородко

¹⁸⁶ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Щербатов М.М. Избранные труды. С. 473.

¹⁸⁷ В середине 1780-х годов Щербатов и Воронцов даже обменялись портретами: А.Р. Воронцов — М.М. Щербатову, 19 июля 1786 г. [публ. С.Г. Калининой] // Архив русской истории: Сб. Рос. гос. архива древних актов. Вып. 8. М.: Древлехранилище, 2007. С. 511. Этот обмен Воронцов называет «новым знаком дружбы» со стороны Щербатова. См. об обмене портретами и др. письма за 1786 г.: Калинина С.Г. Дело о взятках во Владимирской губернии... С. 233.

¹⁸⁸ Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 179. Запись от 15 декабря 1789 г. По мнению биографа Воронцовых В.В. Огаркова, эти слова императрицы означали только ее недовольство неугодливым, «не расшибавшим лба» на ее посылках подданным, а не уверенность в его мздоимстве (см.: Огарков В.В. Указ. соч. С. 48–49).

¹⁸⁹ Храповицкий А.В. Указ. соч. 1782–1793. С. 50. Запись от 27 апреля 1788 г.; Kenney J.J. Op. cit. P. 49. Стоит отметить, что «освоение» Аляски и Алеутских

заподозрили в срыве переговоров с Китаем: китайская сторона якобы не предложила им достаточно крупной взятки, чтобы убедить их разрешить продолжение приграничного торга¹⁹⁰. В поступившем в конце января 1788 г. из Иркутской губернии в Петербург доносе непосредственным виновником прекращения торговли объявлялся иркутский и колыванский генерал-губернатор И.В. Якоби: он-де, по наущению Воронцова и Безбородко, хотел выманить у китайцев некоторую сумму денег¹⁹¹. Якоби был снят с должности и отдан под следствие в Сенат. Его вина не была доказана, а в 1789 г. он и вовсе был оправдан¹⁹². Однако тем временем на место Якоби стараниями Воронцова был уже назначен И.А. Пиль: на этом трудно контролируемом направлении внешней торговли президенту Коммерц-коллегии было очень важно иметь в должности генерал-губернатора человека, чья карьера на государственном поприще полностью зависела бы от его покровительства:

<...> приняв без всех заслуг моих в ваше покровительство, не оставите ваши благодеяния ко мне продолжать навсегда; на сих днях полученное от его сиятельства графа Александра Андреевича [Безбородко] ко мне письмо, о высочайшем ея величества меня выборе в должность генерала-губернатора Иркутского и Колыванского, открывает мне существенный вид

островов наемными отрядами Шелихова сопровождалось беспощадными убийствами местного населения. Вероятно, своим решением императрица спасла множество жизней эскимосов.

¹⁹⁰ Согласно мнению Комиссии о коммерции, причиной прекращения торговли были неблагоприятный торговый баланс и низкий вексельный курс. Торговля на границе с Китаем была возобновлена в 1792 г. (см.: *Финкельштейн Н.А. [Письмо о китайском торге]. Комментарии // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 365–366*). По другой версии, целью Якоби было воспользоваться выгодами от положения генерал-губернатора окраины в то время, когда все внимание правительства сосредоточено на войне с Османской империей (см.: Якоби Иван Варфоломеевич // *Русский биографический словарь. Т. 25: Яблонский — Фомин. СПб.: Типогр. Главного управления уделов, 1913. С. 57*).

¹⁹¹ *Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XV. С. 690–691, 702*. Заметим, что проблемы на границе с Китаем начались еще в 1785 г., и императрица планировала отправить на границу с Китаем самого Воронцова сразу по возвращении того из ревизской поездки в сентябре 1785 г.: «...вы, обозря край тот, много ему добра доставить можете, и может быть не в одном месте откроете торг с соседями для выгоды жителей» (цит. по: А.А. Безбородко — А.Р. Воронцову, 8 июля 1785 г. // *АКВ. Кн. 13. С. 78–79*). Почему поездка не состоялась, неизвестно.

¹⁹² *Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 17–18, 210*. Записи от 20-х чисел июня и 1 августа 1788 г.

милостиваго вашего Сиятельства о возстановлении моего благосостояния представительства,

— писал Воронцову Пиль по получении известия о назначении¹⁹³.

Конечно, в условиях складывавшейся к концу правления Екатерины II «новой формы злоупотреблений: системы коллективной коррупции» (формулировка Л.Ф. Писарьковой), невозможно представить, чтобы такой высокопоставленный и очень влиятельный сановник, как Воронцов, был вовсе свободен от приносящих выгоду связей. Сама Екатерина считала злоупотребления, охватившие во второй половине 1780-х годов целый ряд губерний, болезнью роста, которая со временем должна сойти на нет¹⁹⁴. Формируя свое мнение конкретно о Воронцове, однако, императрица прислушивалась к своему ближайшему окружению, особенно к А.П. Шувалову. Враждебно настроенный по отношению к Воронцову, с которым ему приходилось иметь дело в связи с банковской реформой 1786 г., а затем и в Совете при императрице, Шувалов считал Александра Романовича коррупционером, преследовавшим свой личный интерес при заключении как торговых договоров (прежде всего, с Англией), так и политических союзов, — и вообще «коварством преисполненным» «государственным злодеем». Имперский посол, например, был якобы в курсе «всех тайн» благодаря Воронцову, хотя на самом деле союз с Габсбургами был важен для Потемкина не менее, если не более, чем для Воронцова¹⁹⁵. Но если в первой половине 1780-х годов Воронцова не звали на обеды и ужины в самом узком кругу¹⁹⁶, а только по торжественным случаям, то с началом войны с Турцией в 1787 г. ситуация изменится. Императрица пригласила Воронцова вместе с Завадовским в Совет при своей особе, чтобы они поддержали Безбородко, заседавшего там уже второй год, и уравнивали бы тем самым сторону Потемкина¹⁹⁷.

¹⁹³ И.А. Пиль — А.Р. Воронцову, 18 августа 1788 г. // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1217. Л. 35.

¹⁹⁴ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 474.

¹⁹⁵ Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 226. Запись от 7 ноября 1788 г. В том, что австрийцы подкупили Воронцова и его брата Семена, а заодно Потемкина, Безбородко, Бакунина Меньшого и Моркова, не сомневался и наследник Павел Петрович. См. об этом: Гриффитс Д.М. Панин, Потемкин, Павел Петрович и почта: анатомия политического кризиса // Гриффитс Д.М. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: НЛО, 2013. С. 390.

¹⁹⁶ КФЖ 1786. С. 531, 532, 536, 542, 543 и т.д.

¹⁹⁷ Лопатин В.С. Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка, 1769–1791 / подгот. текста, примеч. В.С. Лопатина; отв. ред. С. Г. Десятков. М.: Наука, 1997. С. 529.

Во второй половине сентября 1787 г. Совет собирался два раза в неделю, после чего участники — включая и в Воронцова — оставались обедать или ужинать у императрицы в Эрмитаже¹⁹⁸.

***

Поправить свою репутацию в глазах государыни Воронцову удалось благодаря успешно проведенным им в 1780-е годы ревизиям губерний. Императрица, желая знать, какие результаты принесла губернская реформа 1775 г., регулярно отправляла в 1780-х годах сенаторов осматривать недавно учрежденные наместничества. Императрица трепетно относилась к этой самой продуманной и принципиальной реформе своего царствования, поэтому не смогла бы поручить ревизию человеку, которому не доверяла. В 1781 г. сенаторы А.С. Строганов и П.В. Завадовский осматривали присутственные места Санкт-Петербургской губернии; в 1783–1784 гг. пришла очередь Воронцова: вместе с М.В. Долгоруковым он был отправлен в Рижскую и Ревельскую губернии¹⁹⁹. Начиная со следующего года он путешествовал вместе с сенатором А.В. Нарышкиным. В 1785 г. они объехали 12 губерний от Пскова до Малороссии, в 1786 г. — северные губернии (Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую и Выборгскую), а в 1787 г. — огромную территорию от Рязанской через Воронежскую и Тамбовскую губернии, Кавказ, Астрахань и Саратов

¹⁹⁸ КФЖ 1787. С. 803 (2 сентября); с. 808 (6 сентября); с. 811–812 (9 сентября); с. 818 (13 сентября); с. 820–821 (16 сентября); с. 843 (23 сентября); с. 850–851 (27 сентября).

¹⁹⁹ Калинина С.Г. Дело о взятках во Владимирской губернии. С. 207. Точная датировка поездок на основе рапортов ревизоров в Сенат, хранящихся в: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Только в последнее время появляются работы, посвященные сенаторским ревизиям 1780-х годов (см., напр.: Болотина Н.Ю. Сенатские ревизии и граф А.Р. Воронцов // Воронцовы — два века в истории России. Вып. 8. Петушки: Б.и., 2003. С. 15–26; источниковедческий обзор части документов: Болотина Н.Ю. Сенаторская ревизия А.Р. Воронцова и А.В. Нарышкина 1785 г.: корпус источников для изучения органов управления и суда в Могилевской и Полоцкой губерниях // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы III Международной научно-практической конференции (Витебск, 8–9 октября 2015 г.). Витебск: ВГУ, 2015. С. 189–192). Важный аспект ревизии — проблемы появившегося в империи значительного по численности еврейского населения, которыми занимался Воронцов с 1785 вплоть до 1791 г., — отражен в работе: Фельдман Д.З. Граф А.Р. Воронцов и еврейский вопрос в России в конце XVIII века // Воронцовы — два века в истории России: сб. докладов Шестых Воронцовских чтений (Выборг, 14–16 мая 1997 г.). Петушки: Б.и., 1998. С. 179–190, а также в монографии: Минкина О.Ю. «Сыны Рахили»: еврейские депутаты в Российской империи, 1772–1825. М.: НЛО, 2011. С. 43–59.

и далее к юго-восточным границам империи, Уфе и Оренбургу. Всего за 1783–1787 гг. Воронцов, как член сенатской комиссии для обозрения государства, объезжает с инспекцией половину империи — в общей сложности 29 губерний!²⁰⁰

Во время своих поездок Воронцов также находил время писать Дьяконову, хотя говорить о полной сохранности писем не приходится. 25 августа 1785 г. (письмо № 6) он писал Дьяконову из Москвы; в 1786 г. — 27 февраля из Архангельска (письмо № 10), 23 марта — из Петрозаводска (письмо № 12); в 1787 г. — 6 февраля из Воронежа (письмо № 22), 22 марта, 10 и 26 мая — из Саратова (письма № 23, 25, 26). Проводимые им ревизии не были просто формальностью. Указом 20 мая 1785 г. императрица предписывала сенаторам Воронцову и Нарышкину отправиться в путешествие по маршруту Псков — Полоцк — Могилев — Смоленск — Новгород-Северский — Чернигов — Киев — Орел — Тула — Калуга — Москва — Тверь — Новгород. Таким образом, писала императрица,

осведомяемся Мы о порядке в оном [управлении], в том намерении, дабы установить везде нужное единообразие и при самом начале, буде что покажется не сходственным с учреждениями Нашими, подать средства на исправление оного.

Императрица дала сенаторам определенную свободу рук:

Таковой осмотр присудственных мест и в обще всего управления и порядка учинили [бы] во всех означенных губерниях не токмо в губернских городах; но и в уездных, кои на пути вашем будут, или же которые по состоянию их посетить заблагоразсудите.

Последствия ревизий были также весьма существенны. Так, именно в результате освидетельствования Воронцовым и Нарышкиным московских присутственных мест будут приняты решения о закрытии ряда учреждений «из прежних коллегий и приказов, кои по новому управлению Государственному [т.е. «Учреждениям» 1775 г.] назначены к упразднению»²⁰¹. Среди располагавшихся в Москве учреждений, дела которых ревизоры велели привести к окончанию, оказались Вотчинная коллегия с ее бесценным архивом, который впредь должен был лишь выдавать справки о землевладении по запросам частных лиц; и Юстиц-коллегия и Коллегия экономии, срок существования которых был ограничен первой половиной 1786 г. Целому ряду других

²⁰⁰ По словам самого Воронцова, упоминавшего об этом в своем письме к императрице с просьбой об отставке: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 43. Л. 520 (ноябрь 1793 г.).

²⁰¹ Там же. Оп. 12. Д. 9. Л. 1–1 об. (20 мая 1785 г.)

учреждений — Ревизион-коллегии, департаментам Камер-коллегии, бывшей Главной Соляной конторе с экспедицией, Судному приказу, Губернскому департаменту, Главному магистрату и московской монетной экспедиции — было велено дела, «в них имеющиеся, привести к окончанию» под угрозой оставления служащих без жалования. Сенат указал всем от него зависящим местам, «дабы по требованиям означенных старых присудственных мест как в казенных, так и частных людей делах нужные сведения и справки без малейшаго отлагательства доставляли, и оным законное пособие подавали»²⁰². Императрица высоко оценила эти ревизии и высказала Воронцову и его коллеге Нарышкину за продолжавшийся почти пяти месяцев 1785 г. осмотр империи высочайшее благоволение²⁰³.

Ревизия 1785 г. примечательна для нас тем, что в мае 1785 г. во Псков с Воронцовым отправился и Дьяконов, о чем мы узнаем из его писем. 16 июля 1785 г. Дьяконов пишет Воронцову, находящемуся где-то на полпути между белорусскими и малороссийскими губерниями: «Первая причина медления моего в деревне *по приезде моем из Пскова* уже известна вашему сиятельству, которая удержать меня могла бы одну только неделю <...>» (письмо № 5)²⁰⁴. Через три с лишним года, в письме от 18 октября 1788 г., Дьяконов напомним Воронцову об их совместной поездке во Псков, когда узнает о назначении И.А. Пиля иркутским и колыванским генерал-губернатором:

<...> по случаю бывшего 22 сентября произведения продолжил бы еще несколько мою беседу <...> сравнением участи моей и моего жребия со жребием особливо псковского губернатора Зуева, не говоря уже о господине Пиле, ни о барской барыне, которая ваше сиятельство *в бытность нашу во Пскове* так ладно и впопад назвать изволили и которая ныне по старшинству своему и по редкому достоинству Ив: Алфер: [Пиле] поступила однако же в ~~иркуцкия~~ наместницы! (письмо № 34)²⁰⁵.

Как Дьяконов оказался в «обозе» ревизоров? Возможно, он поехал навестить своего старого знакомого: в послужном списке Пиля значится служба с 1770 по 1775 г. в чине полковника, а затем бригадира в Ладожском пехотном полку, расквартированного в Ревеле²⁰⁶. В те же годы Дьяконов в чине подполковника служил кригс-комиссаром при Лифляндской

²⁰² Там же. Д. 10. Л. 4–6 об. (7 октября 1785 г.)

²⁰³ См. Приложение № 1.

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 34 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

²⁰⁵ Там же. Оп. 3. Д. 541. Л. 14 об. (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

²⁰⁶ «Известно и ведомо да будет каждому...» Т. 1. С. 311.

и Эстляндской дивизии²⁰⁷. Вполне возможно, именно на службе, где-то между Ригой и Ревелем, и произошло их знакомство. Старым знакомым Дьяконова был, видимо, и вице-губернатор Зуев, которого он мог знать со времен Семилетней войны. Просил ли Дьяконов Воронцов взять его с собой во Псков, или вельможа сам предложил ему эту поездку? Двигало ли им только любопытство или какие-то старые дела? Возможно также, что Дьяконов понадобился Воронцову как надежный и преданный человек, искренне готовый ему услужить. Так, Дьяконов вернулся домой из поездки потому, что Воронцов отправил с ним письмо к Безбородко, хотя с передачей послания отставной бригадир замешкался:

Но сколь скоро пришел в некоторое состояние, что ходить можна, паехал 9-числа [июля] в Город единственно только для вручения графу Александру Андреевичу письма от вашего сиятельства, мне данного, каторое столь долго у меня против воли моей задержалось. В четверток приехал сюда [в Петербург], и на другой день после обеда в 6^м часу паехал к графу, изготавясь принести извинение, что так опоздал вручением письма (письмо № 5)²⁰⁸.

Очевидно, что Воронцов отправил с ним письмо, которое не хотел доверять ни почте, ни курьерам, а избрал верного человека для его доставки лично в руки. Дьяконов, однако, был разочарован тем, что его услуги больше не понадобились: «Я вот о чем теперь еще сожалею, что вы не изволили меня взять с собою во все путешествие; в коем имел бы я бóлее случаев изъявить мое усердие и чувствительную преданность, особливо же при таковом неожиданном случае, каковой с вами воспоследовал»²⁰⁹.

Ситуация с отправкой письма выглядит подозрительно: не может ли быть, что послание к Безбородко было для Воронцова лишь предложением, чтобы отправить Дьяконова домой? Но не исключено, однако, что Воронцов и в самом деле как-то использовал Дьяконова в качестве политического агента, т.е. в основе отношений патрона и клиента лежал, как это и полагалось, взаимный интерес. Во второй половине мая 1788 г., по сведениям Гарновского, Воронцов отправил Дьяконова с каким-то поручением:

[Дьяконов] <...> отправился третьяго дня, будто бы собственного ради любопытства своего, во Псков, Полоцк, Смоленск, Могилев, Чернигов, Киев, Новгород-Северской, Украину, Саратов, Астрахань, Кизляр и чрез линию обратно сюда. Чуть ли и сей не шпионом [Воронцова] отправлен²¹⁰.

²⁰⁷ Список Воинскому департаменту... На 1771 год. С. 27.

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 34.

²⁰⁹ Там же. Л. 35.

²¹⁰ Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 7–8. Запись от мая 1788 г.

Мы видим, что Дьяконов фактически повторил маршрут сенатских ревизоров в 1785–1787 гг., но не знаем, что именно он должен был «разведать» по пути. Датировка поездки Дьяконова у Гарновского вступает в конфликт с более надежным источником — свидетельством о свободном состоянии мальчика Ореста Кипрейского, представленным в Академию художеств за подписью Дьяконова и датированным 16 мая 1788 г.²¹¹ Предположим, что Дьяконов отправился в такую поездку после подписания этого документа, хотя бы даже на следующий день: мог ли он успеть проехать такой путь и вернуться к Воронцову приблизительно до середины июля 1788 г. — срока, который оба корреспондента фиксируют в своих позднейших письмах (письма № 33, 34) как момент их расставания? Возможно, Дьяконов, наоборот, выехал в путь раньше и к середине мая 1788 г. уже успел вернуться домой, в Петербург или в Мурино? Кроме того, он должен был бы писать с дороги Воронцову, если только ему не было велено сообщить нужные сведения устно по возвращении. Так или иначе, писем за первую половину 1788 г. в нашем распоряжении нет.

***

Одной из важнейших внутриполитических реформ, осуществленных при участии Воронцова в 1780-е годы, было преобразование государственных банков. В результате реформы один из «милостивцев» Дьяконова, П.В. Завадовский, которого А.П. Шувалов именовал «Махиавел и исполнитель на бумаге умоначертаний Воронцовых», возглавил новый Заемный банк, а сам Воронцов получил бриллиантовую звезду и крест к ордену Св. Александра Невского, которым был награжден еще в 1781 г., а также 50 тыс. рублей (письмо № 15)²¹².

Воронцов вернулся из сенаторской поездки в северные и северо-западные губернии (Вологодскую, Архангельскую и Олонецкую) в начале апреля 1786 г. и сразу погрузился в реформирование банковской системы империи. К реорганизации банков императрицу подтолкнула поданная ей в начале 1786 г. записка главного директора Ассигнационного банка А.П. Шувалова, предложившего для решения финансовых проблем империи преобразование банков и денежной системы в целом. Шувалова волновал, в частности, стремительный рост дворянского долга.

²¹¹ Опубл. по оригиналу (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1036а. Л. 1 об.) в: Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства. С. 201, 611.

²¹² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 8; об этом Воронцов пишет в своей автобиографии: [Воронцов А.Р.] Автобиографические показания графа Александра Романовича Воронцова // АКВ. Кн. 5. С. 5.

Эта озабоченность была частью большой общеевропейской дискуссии о чрезмерном потреблении и роскошном образе жизни высших страт общества²¹³. Не чужда была озабоченность этими явлениями и Воронцову: на посту президента Коммерц-коллегии он, как мог, участвовал в борьбе с ними, ограничивая конкуренцию между иностранными товарами на российском внутреннем рынке. Еще в юности в письмах из Франции он вслед за экономистами-физиократами обличал «роскошь питербургскую», состоявшую в том, «чтобы иметь все то, что в Париже в моде», и наносившую удар «нашему состоянию»²¹⁴. Новый Заемный банк должен был предотвратить «упадок» дворян и помочь дворянским семьям сохранить свои имения, а также облегчить положение купечества, зависящего от иностранных ссуд. За основу реформы были приняты предложения А.П. Шувалова: финансовое, об эмиссии новых ассигнаций без стопроцентного металлического покрытия, и институциональное, касающееся укрепления управления банком и расширения его функций. В обеспечение привилегий, дарованных Жалованными грамотами 1785 г. дворянству и городам, создавался Государственный заемный банк, а в его основу были положены капиталы упраздненных в том же 1786 г. дворянских банков. Несмотря на возражения генерал-прокурора, не согласного с не обеспеченной металлическими деньгами эмиссией, сочиненный комиссией в составе Безбородко, Шувалова и Воронцова план был одобрен императрицей 15 июня 1786 г., а 28 июня 1786 г. — в день годовщины переворота 1762 г. — был опубликован Манифест о банковской реформе²¹⁵. По словам историка банковского дела А.В. Бугрова, по сути это была не реформа государственных банков, а только изменение расклада влияния крупных вельмож на банк и изменение формы его указных документов, впервые получивших наименование «устава». Автором проекта обновления Дворянского банка, выдававшего кредиты под залог имений, был П.В. Завадовский, выдвинувший идею создания единой банковской системы, в состав которой входили

²¹³ См.: *Korchmina E. The Practice of Personal Finance and the Problem of Debt among the Noble Elite in Eighteenth-Century Russia // The Europeanized Elite in Russia, 1762–1825. Public Role and Subjective Self. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. P. 116.*

²¹⁴ Цит. по: *Заозерский А.И. Указ. соч. С. 127–128.*

²¹⁵ А.В. Храповицкий 30 мая 1786 г. записал: «Возражение князя Вяземского на план графа А.П. Шувалова при чтении вслух» (*Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 15*); Манифест 28 июня 1786 г.: *ПСЗ. Т. 22. № 16407. С. 614–627*; *Бугров А.В. Очерки по истории казенных банков в России. М.: Научно-технический центр «Кван», 2003. С. 113.*

бы Заемный и Ассигнационный банки, взаимноверяющие счета друг друга. Он сам предложил свою кандидатуру на должность руководителя нового Заемного банка. Это позволяла ему репутация его как человека, знакомого с деятельностью западноевропейских кредитных учреждений. Императрица считала полезным объединить банки под управлением Завадовского, однако, видимо, столкнулась с протестом Шувалова, и объединение, обозначенное манифестом 28 июня 1786 г. («ибо сии оба Наши Банка, связуя их взаимностию один другому вспомогающе в успехе и отправлении дел, считаем Мы за один состав»²¹⁶), фактически не состоялось. Во второй половине 1786 г. Завадовскому было поручено сочинение отдельного устава для Заемного банка²¹⁷, но право эмиссии и учета векселей оставалось за Ассигнационным, что ставило его над другими государственными кредитными учреждениями, несмотря на правило взаимной проверки счетов двумя банками. Главным директором Ассигнационного банка оставался А.П. Шувалов, однако общее заведование казенными банками принадлежало генерал-прокурору А.А. Вяземскому²¹⁸.

Таким образом, Воронцов и Завадовский проиграли Шувалову битву за контроль за банками в то же самое время, когда Воронцов вынужден был пойти на уступки Потемкину в переговорах о торговом трактате с Францией. Хотя полученное им вознаграждение могло, вероятно, до некоторой степени примирить Воронцова с этим фактом, именно осенью или в начале зимы 1786 г. (до отъезда в январе 1787 г. с ревизией на юг и юго-восток империи) Воронцов не сумел устроить Дьяконова на службу в новый банк, объяснив это некими «обстоятельствами», которые он не может разглашать. Не до конца понятно, почему Воронцов «возил» Дьяконова к своему недоброжелателю Шувалову, а не действовал через другого директора — Завадовского (письмо № 25)²¹⁹. Вероятнее всего, причиной тому была именно яростная борьба за главенство над банками между Шуваловым и группировкой Воронцова. К концу 1786 г. стало понятно, что идею создания единой системы банков, контролируемой Завадовским, отстоять не удастся. Самому же Завадовскому было поручено

²¹⁶ ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16407. С. 617.

²¹⁷ Там же. № 16481.

²¹⁸ Бугров А.В. Очерки по истории казенных банков в России. С. 113–114, 133–134. Взаимная проверка счетов предусматривалась «Уставом Ассигнационного банка» (ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16479. С. 738–752 (п. 16, 17)), изданным в декабре 1786 г.

²¹⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 31.

сочинение устава для Ассигнационного банка²²⁰. Тем не менее банковская реформа окажет самое непосредственное влияние на финансовое положение Дьяконова и его планы в последние годы жизни: к весне 1787 г. Дьяконов заложил своих крестьян в новый банк с намерением потратить полученные деньги в том числе на путешествие в Европу.

***

В 1787 г., после легендарного путешествия императрицы в Крым, позиции Потемкина укрепились, однако все еще «остались люди, которые роют подкопы, да и рыть, доколе партия, противоборствующая его светлости, не истребится, не перестанут», — намекал на Воронцова и его окружение адъютант Потемкина Гарновский²²¹. Действительно, позиции Воронцова были к этому времени достаточно прочными, чтобы он мог продолжить противостояние с Потемкиным в Совете при императрице, где они вместе с Завадовским стремились подорвать авторитет светлейшего в глазах государыни, чтобы добиться его замены как главнокомандующего на фельдмаршала П.А. Румянцева, который в начале войны вернулся к прежнему открытому противостоянию с Потемкиным, обвиняя его в плохом снабжении армии и стратегических провалах первых месяцев войны²²². Императрица

²²⁰ По сведениям Гарновского, Завадовский и Воронцов «всячески стараются о приобретении украшения распятия, Первозванного Андрея изображающего... [Завадовский] весьма прилежно занимается теперь сочинением устава о вверенном ему новом банке» (*Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XV. С. 16. Запись от декабря 1786 г.*). Завадовский и Воронцов вполне могли ожидать ордена Св. Андрея Первозванного за составление устава Ассигнационного банка, поскольку этот орден получил Шувалов 28 июня 1786 г. за разработку устава Заемного банка. Однако ни тот, ни другой нового ордена не дождались. Судя по записи Храповицкого от 27 марта 1788 г.: «Не хотят соединить с Заемным банком Ассигнационного под одно начальство Завадовского... Надобен особый человек» (*Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 47*), — борьба за контроль над банками продолжалась еще несколько лет вплоть до смерти Шувалова в апреле 1789 г. В итоге банк оказался под контролем А.А. Вяземского, которому было предписано «общее с графом Воронцовым, графом Безбородкой и Завадовским кончить предположения Шувалова, и особенно изъяснить мысли свои о приведении в кредит ассигнаций» (Там же. С. 157. Запись от 4 мая 1789 г.). См.: *Бугров А.В. Очерки по истории казенных банков в России. С. 114, 116, 118.*

²²¹ *Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XV. С. 244.*

²²² *Лопатин В.С. Письма, без которых история становится мифом. С. 529.* По сведениям Гарновского, Воронцов так говорил в кулуарах: «Когда б я был на месте графа Петра Александровича (Румянцева), то дал бы я себя знать князю. Как это можно требовать, чтобы все повиновалось князю? Графу цена известна. Я бы на месте его просил государыню, чтобы не только армию, но и

дважды предупредила Завадовского, что не станет терпеть, «что кто-нибудь покусится причинять хоть малое его светлости оскорбление», и рекомендовала дать знать об этом Шувалову и Воронцову²²³. Тем временем Дмитриев-Мамонов, желавший сам занять место докладчика по иностранным делам, всячески преследовал члена кружка Воронцова — Безбородко, причем делал это по собственной инициативе, без всякого науськивания со стороны Потемкина. Хотя императрица защищала своего секретаря от критики со стороны фаворита, Воронцов пытался убедить императрицу, что за атаками на Безбородко стоит сам Потемкин²²⁴.

Однако и эти интриги не смогли разрушить репутацию Воронцова в вопросах внешней политики. В 1788 г., когда Швеция атаковала империю на севере, остро стоял вопрос о том, чтобы не допустить вступления в войну Пруссии, поводом к чему могла стать военная помощь, оказанная российскому флоту ее противницей Данией. В Совете «сделались две партии, когда, напротив сего, прежде [до войны со Швецией] никто в Совете не посмел противоречить Воронцову и союзникам его, почитая изречения их почерпнутыми из монарших уст»²²⁵. Потемкин и его сторонники считали, что Воронцов как раз стремится развязать войну с Пруссией, чтобы помешать реализации амбициозных планов Потемкина на юге. В связи с дебатами в Совете при императрице о том, какую тактику следует выбрать в письмах к прусскому королю, А.П. Шувалов якобы так высказывался о Воронцове и его ближайших соратниках («социетете»):

Воронцов главная всему пружина, человек тот, которой во всех своих деяниях и предприятиях не имеет другой цели, кроме причинения вреда его светлости [Потемкину] <...>; интересант, советник многих для России бесполезных коммерческих трактатов, от которых только он и товарищи его получили свои корысти, словом сказать, *коварством преисполненной государственной злодей*; Завадовский первой ему друг и товарищ, потатчик, Махиавел и исполнитель на бумаге умоначертаний Воронцовых, а Безбородко верховая лошадь Воронцова, человек, впрочем, добрый и полного понятия, но по связи своей опасной. <...> Я вас уверяю, что грозящая нам прусская война и сопряженные со оною многия неприятности суть дела,

князя поручили бы мне в команду, а иначе от всего бы отказался. Сами станут после искать. Я не понимаю, зачем нас посадили в Совет, что мы — чучелы, что ли?» (цит. по: Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XV. С. 483. Запись от 5 ноября 1787 г.).

²²³ Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 226–227. Запись от 7 ноября 1788 г.

²²⁴ Kenney J.J. Op. cit. P. 95–96.

²²⁵ Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 227. Запись от 7 ноября 1788 г.

от вымыслов их родившийся, дабы им тем удобнее удалось в мутной воде рыбу ловить²²⁶.

Несмотря на острое противостояние с партией Потемкина, в 1788 г. Воронцов нашел способ подобраться к фавориту и заставить его благосклоннее относиться к себе, убедив Дмитриева-Мамонова, что «социетет» — не враги Потемкину. «Князь [Потемкин] пишет к графу Александру Андреевичу [Безбородко] дружески. Это неправда, чтоб они князю были злодеи. Как бы то ни было, и князь уважает их, как людей умных, государству полезных и мне необходимо нужных. Для чего же и тебе себя так не вести», — убеждал Гарновского фаворит. Эти «правила» фавориту внушил якобы Воронцов, и теперь он «владевает всем», а граф Дмитриев-Мамонов «ослеплен, не видит сего» и «обходится с социететом ласково»²²⁷. Неслучайно наблюдение Гарновского, сделанное в том же 1788 г.: «Сей граф [Воронцов] навязывался безпрестанно к г. Мамонову с прошением позволения посещать библиотеку его и пользоваться оною», да и в целом Гарновский отмечает, что авторитет Воронцова вполне устойчив: «Во время ежедневных собраний, бываемых при дворе пред обедом и после оного, государыня изволила наиболее разговаривать с гр. Воронцовым, отводя оного на сторону»²²⁸.

1790-й год становится важным этапом в жизни А.Р. Воронцова. С одной стороны, по случаю заключенного мирного договора со Швецией 3 августа 1790 г. он был пожалован осыпанной бриллиантами табакеркой с портретом императрицы²²⁹. С другой, его протекже Радищев к тому моменту уже месяц с лишним сидел в крепости. Его сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву» появилось в продаже в мае 1790 г., а 30 июня Радищев был арестован. Уже через день, 2 июля, Воронцов передает «в дом Радищева» 200 руб. В конце того же месяца Воронцов дает свояченице Радищева Елизавете Васильевне 1000 руб. на выкуп вещей, заложенных в пользу детей Радищева в ломбарде, «а всего за год 2200», — тщательно записывает он в своей приходно-расходной книге. Следствие по делу Радищева велось не формальным образом — через уголовную палату губернии, а неофициально: фактически им руководила императрица через графа А.А. Безбородко, а вел дело сам С.И. Шешковский, обер-секретарь Тайной экспедиции Сената, которого боялись даже высокопоставленные

²²⁶ Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 226–227. Запись от 7 ноября 1788 г. (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

²²⁷ Там же. С. 26. Запись от 13 июля 1788 г.

²²⁸ Там же. С. 210. Запись от 16 августа 1788 г.

²²⁹ См.: [Воронцов А.Р.] Указ. соч. С. 5.

особы. Однако гроза царедворцев не был неподкупен. 27 августа Воронцов делает важную запись: Шешковскому «дано 300 руб. за употребление для АН [Радищева]» — видимо, за «снятие оков»²³⁰. Воронцову удалось смягчить выпавшие на долю его протеже физические тяготы, не говоря уже о том, что ходатайство Воронцова сыграло свою роль в том, что смертный приговор писателю был заменен ссылкой. Воронцов, скорее всего, не был в курсе готовящегося «подрывного» издания: тут, по словам А.И. Старцева, «их пути разошлись». Радищев не простер свое доверие к Воронцову настолько, чтобы познакомить его с рукописью «Путешествия»²³¹. По словам сестры Воронцова княгини Дашковой, она всегда знала, что протеже ее брата в будущем может написать нечто «предосудительное», но когда получила от Александра Романовича письмо о том, что ее пророчество сбылось, а Радищев осужден к ссылке в Сибирь, она была опечалена его судьбой, но в особенности — горем своего брата, «так как знала — оно пройдет нескоро»²³².

Хотя слухи о том, что и Дашкова, и Воронцов были «побудителями» сочинениям Радищева, конечно, дошли до императрицы²³³, Воронцов далеко не сразу ушел в отставку. Дело Радищева, несомненно, пошатнуло его положение²³⁴, но, если верить воспоминаниям Дашковой, в отставку он не собирался, а Екатерина как будто на ней не настаивала. Потемкин — основная, вероятно, мишень Радищева — был слишком занят войной на юге империи, да и посланная ему императрицей книга, в которой он был изображен едва ли не восточным сатрапом, роскошествующим под стенами какой-то крепости, не произвела на него большого впечатления: «Не сержусь. Рушеньем очаковских стен отвечаю сочинителю», — якобы ответил он императрице²³⁵. Новый фаворит П.А. Зубов

²³⁰ Приходно-расходная книга А.Р. Воронцова за 1790 г.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 340. Сведения из устного сообщения Е.С. Корчминой «Особенности экономического поведения дворянства во второй половине 18 века» (декабрь 2013 г.)

²³¹ Старцев А.И. Радищев. Годы испытаний. С. 205.

²³² Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / сост. Г.А. Веселая; под ред. С.С. Дмитриева. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 175. После публикации в 1794 г. трагедии Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский» императрица указала Дашковой, что это уже второе опубликованное (будто бы с ее подачи) произведение «опасного направления», намекая на сочинение Радищева (Там же. С. 177).

²³³ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 189.

²³⁴ Старцев А.И. Указ. соч. С. 204.

²³⁵ Вероятно, сын Радищева передает слухи о разговоре императрицы с Потемкиным во время его последнего приезда в столицу весной 1791 г. Очаков

воспользовался делом Радищева, чтобы бросить тень на Воронцова, но, по словам Дашковой, «на Екатерину Великую его усилия не произвели впечатления». Только когда к этим атакам добавились интриги со стороны генерал-прокурора Вяземского (которые не были, впрочем, чем-то новым для Воронцова), «дурное настроение» заставило сановника просить отпуска на год²³⁶. Таким образом, несмотря на все подозрения в отношении Воронцова, императрица еще около года продолжала пользоваться его административным опытом и знаниями: в конце концов, вокруг нее оставалось не так много людей, особенно профессионалов-администраторов и министров, тонко разбирающихся во внешнеполитической конъюнктуре. Потемкин — неизменный собеседник и советчик Екатерины по всем вопросам — уже несколько лет был занят войной на юге, а в октябре 1791 г. умер от какой-то инфекции посреди молдавской степи. В том же году, наконец, и Воронцов подал прошение о годовом отпуске, причем, как уверяет Дашкова, причина — «привести здоровье свое в лучшее состояние» — была лишь предлогом. Через год он просил о продлении отпуска, а в 1793 г. запросил, наконец, отставки, чтобы «не занимать тщетно места и должностей, кои по болезням своим, <...> никак исправлять не в состоянии». «Естьлиб не совершенное разстройство моего здоровья, я б никогда и не помыслил трудить Ваше Величество о своем увольнении, тем паче что и по долгу верного подданного, так не менее и по склонности к упражнениям, я в том только и находил себе удовольствие, чтоб служить ВАШЕМУ ИМПЕР[АТОРСКОМУ] ВЕЛИЧЕСТВУ», — завершил свое прошение Воронцов²³⁷. В раздражении от его письма, Екатерина писала Безбородко, требуя заготовить указ об отставке: «Не спорю, что он вам дорог и что таланты имеет, всегда знала, а теперь наивяще ведаю, что его таланты не суть для службы моей и что он мне не слуга. Сердце принудить нельзя, принудить не имею права быть усердным ко мне, кто не есть. Разведены и развязаны будем навек ч[ерт] е[го] п[обери]»²³⁸.

был взят за два с половиной года до того (цит. по: *Лопатин В.С. Примечания [Письмо 1072] // Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. С. 921*).

²³⁶ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 176.

²³⁷ А.Р. Воронцов — Екатерине II, 13 ноября 1793 г. // РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 70. Л. 5–6 об. (черновик с правкой Воронцова); здесь цит. по беловому отпуску: Там же. Д. 43. Л. 520.

²³⁸ «<...> указ [об отставке Воронцова] остается по прежнему в собственном ящике. Мне кажется, тянут до Нового года», — писал А.Р. Воронцов брату Семену в Лондон (цит. по: А.Р. Воронцов — С.Р. Воронцову, 27 декабря 1793 г. // АКВ. Кн. 12. М.: Типогр. Лебедева, 1877. С. 103 (примеч.)).

Тем не менее звездный час Воронцова был еще впереди. Уже в конце марта 1801 г. новый император Александр I назначит его членом составленного из вельмож екатерининского царствования Непременного совета при своей особе, а в сентябре 1802 г. — первым министром иностранных дел в ранге государственного канцлера. На этих постах Воронцов будет иметь огромное влияние: прежде всего, на Комиссию составления законов и Сенат, реформу которого он попытается инициировать²³⁹. Один из самых известных его проектов — имеющая черты традиционно-архаической конституции «Грамота российскому народу», представленная на рассмотрение Непременного совета в августе 1801 г. Воронцов рассчитывал на ее обнародование во время коронации императора Александра в сентябре, но эти планы так и остались на бумаге²⁴⁰. Последние годы Воронцова будут посвящены борьбе с наполеоновской Францией и формированию Третьей коалиции в составе Англии, Австрии, Швеции и Сицилии. Договоры с этими государствами были заключены в 1804–1805 гг., когда Воронцов управлял государственными делами из своего поместья Андреевское во Владимирской губернии. В январе 1804 г. он попросил у императора бессрочный отпуск, но продолжал возглавлять министерство²⁴¹. С собой в Андреевское он увез целый штат канцеляристов и фельдъегерей, постоянно оставаясь на связи с товарищем министра князем Адамом Чарторыйским²⁴². Воронцов умер в Андреевском 3 декабря 1805 г. и был похоронен в местной церкви²⁴³.

От ложи до суда: как познакомились Воронцов и Дьяконов

У нас нет четкого ответа на вопрос, при каких обстоятельствах познакомились и сблизились А.Р. Воронцов и А.С. Дьяконов. В первую очередь напрашивается предположение, что площадкой для сближения

²³⁹ См. обзор его сочинений начала 1800-х годов: Лаппо-Данилевский К.Ю. Воронцов Александр Романович. С. 177.

²⁴⁰ См.: [Воронцов А.Р.] Всемиловейшая грамота, Российскому народу жалуемая. 1801 г. // Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. / сост. А.Н. Медушевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 198–209, 611; Приходько М.А. Реконструкция окончательной редакции конституционного проекта А.Р. Воронцова 1801 г. // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8 (48). С. 51–66.

²⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2567. Л. 7–70б.

²⁴² Там же. Д. 2445. Л. 3–4.

²⁴³ После революции 1917 г. усадьба Андреевское и церковь в деревне Матренино были полностью разорены, могила А.Р. Воронцова не сохранилась.

сановника-аристократа с безродным бригадиром могла стать масонская ложа. Действительно, известно, что Воронцов состоял в Ложе Уединенной Музы Урании, одним из «заводителей» которой был Дьяконов. Однако прямых оснований утверждать, что их знакомство состоялось именно там, у нас нет. Ложа эта образовалась с санкции Елагина из членов Ложы Девяти Муз, в которой ни Дьяконов, ни Воронцов не числились²⁴⁴. В «Гравированные перечни» (*Engraved Lists*) Великой ложи Англии, составленные В.И. Лукиным в конце 1773 г. и отосланные в Лондон в начале 1774 г., Дьяконов был внесен как член Ложы Урании²⁴⁵, а вот имя А.Р. Воронцова в этих перечнях отсутствует. Фигурирующий в дневной записке Воронцов (имена братьев не указывались) — отец Александра, Роман Илларионович (по крайней мере, когда речь идет о 1772 — начале 1774 г.)²⁴⁶. Отсутствие имени самого Александра Романовича Воронцова в «Гравированных перечнях» объясняется тем, что они были составлены

²⁴⁴ Все братья Лож Муз, Урании и Беллоны, также отпочковавшейся от Ложы Девяти Муз, имели вход в любую из них, а их мастера составляли единый комитет по найму общего дома и по всем хозяйственным вопросам (см.: Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 49. «Члены Ложы Муз согласились приступить к учреждению новых лож под именем ложи уединенных музы Урании <...> прося от оных увольнения к заведению новой ложи и того, чтобы им позволено было собираться в одном с оною месте и всем тем пользоваться, что в оной до ныне есть и иметь им свободной вход к ея работам». Цит. по: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 1).

²⁴⁵ См. об истории «Гравированных перечней» в работе: Кросс Э.Г. Северные братья... С. 282–283. Великий секретарь Великой ложи Джеймс Хезелтайн в 1774 г. подтвердил правомочность лож в соответствии с Книгой уставов, а также право Великих служителей Великой провинции быть мастерами и служителями других лож, в данном случае — право Лукина быть мастером Ложы Уединенной Музы Урании (см.: Cross A.G. British Freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great // Oxford Slavonic Papers. 1971. No. 4. P. 62–68; Список членов Ложы Урании и имя Дьяконова в «Гравированных списках»: Ibid. P. 65).

²⁴⁶ На это прямо указывает и запись от 14 марта 1774 г.: «Препочтенной провинциальной великой наместной мастер брат Воронцов, посещаючи нашу ложу, были принят со всеми обрядами и соблаговолил на прошение ложи быть нашим почетным членом согласиться и принять знак [ложы] Урании». ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 9 об., 10 об., 17 об., 18 об., 73, цит.: Л. 73 об. В 1772–1775 гг. Р.И. Воронцов был Великим наместным мастером, т.е. вторым лицом в иерархии Великой провинциальной ложи после Елагина, ставшего к тому времени Великим наместным мастером английской Великой ложи. Это положение дел ретроспективно зафиксировано в «масонском месяцеслове» на 1777 г., издававшемся в Лондоне: *Some Account of the Provincial Grand Lodge of Russia, Acting under the Authority of the Grand Lodge of England* // *The Free-Masons' Calendar: For 1777*. London, 1777. P. 39.

в конце 1773 г., а он посещал эту ложу в 1774–1775 гг.²⁴⁷ Дьяконов же в эти годы, наоборот, ни разу там не появился, судя по дневной записке. Как мы знаем, в 1774 г. он находился на службе в Лифляндии, а в 1775 г. — на территории Речи Посполитой.

Продолжали ли Воронцов и Дьяконов посещать ложи и в период, который охватывает публикуемая здесь переписка, нам неизвестно. Судить об этой стороне их жизни мы можем только по косвенным упоминаниям и намекам. Тем не менее упоминания «Ивана Перфильевича» и у Дьяконова (как «благодетеля»²⁴⁸), и у Воронцова наводят на мысль о том, что эта сторона жизни сохраняла для них обоих свое значение. Общение Воронцова с Елагиным было определенно довольно плотным: в начале 1785 г. он сообщает о его болезни, а 4 декабря 1786 г. обедает у него: «4 декабря был праздник у Ивана Перфильевича [Елагина]. Людей было много, и мы пообедали в большом его зале, где, однакож, не холодно было» (письмо № 20)²⁴⁹. Это собрание очень похоже на трапезы в Ложе Урании: братья закупали вино и съестное и скорее хорошо проводили время, чем искали премудрости²⁵⁰. Конечно, и Дьяконов, уже обосновавшийся к тому времени в своем поместье, вполне мог оказаться где-то в «братском» кругу, например, на праздничном обеде или ужине во время своих приездов в Петербург. Пиршества разного рода были частью масонской жизни, сводившей вместе офицеров, чиновников разного ранга, сановников и придворных²⁵¹. Выше уже шла речь об обеде у Елагина, о котором Воронцов рассказывал Дьяконову в письме 1786 г. (письмо № 20). Исследователь Э. Кросс отмечает, что праздничные «пиршественные ложи» (*table lodges*) и музыкальные развлечения были отличительной чертой елагинских лож, особенно

²⁴⁷ Bakounine T. Le répertoire biographique des francs-maçons russes (XVIII-e et XIX-e siècles). Bruxelles: Les Editions Petropolis, 1967. P. 592. Брат А.Р. Воронцова Семен в «Гравированных перечнях» присутствует в должности младшего смотрителя в Ложе Марса: Cross A.G. Op. cit. P. 65.

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 1, 20; Д. 541. Л. 1 об.

²⁴⁹ Там же. Л. 20.

²⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 54–55 об. Алексей Яковлевич Ильин, автор «Дневника масона», пишет о посещении ложи Урании 31 декабря 1775 г.: «...с братцом были в доме == [Ложи] Урании, ужинали там. Весело было» (ОР РНБ. Ф. 487. Д. О.87. Л. 167 об.); то же происходило и в собраниях московских лож: Лонгинов Н.М. Новиков и московские мартинисты. М.: Тип. Грачева, 1867. С. 101.

²⁵¹ По утверждению историка Дугласа Смита, к этому времени почти весь государственный аппарат состоял из масонов, а масонские ложи — из чиновников царской администрации: Смит Д. Указ. соч. С. 26.

Урании. Лукин, по мнению Кросса, мог принимать участие в подобных пиршествах в бытность свою в Лондоне в конце 1771 — начале 1772 г. и затем перенести эту практику в петербургские масонские ложи²⁵². В позднейшей саморазоблачительной автобиографии Елагин писал с осуждением, что масоны «инаго таинства не знают, как разве со степенным видом в открытой ложе шутить, и при торжественной вечери за трапезою несогласным воплем непонятныя реветь песни и на счет ближняго хорошим упиваться вином, да начатое Минерве служение окончится празднеством Бакху»²⁵³.

***

Никаких определенных сведений о жизни Дьяконова в отпуске и его вероятных пересечениях с Воронцовым до начала 1780-х годов у нас, однако, нет: они появляются только после избрания Алексея Степановича в 1780 г. дворянским заседателем в совестный суд новоучрежденной Санкт-Петербургской губернии²⁵⁴. Дьяконов отслужил в этой должности три года, как это и было предусмотрено «Учреждениями о губерниях» (ст. 65). Заседателей совестного суда дворянство губернии выбирало по баллам, так что Дьяконов должен был пользоваться авторитетом среди губернского дворянства, чтобы оказаться среди кандидатов. Все три года, что он заседал в суде — с 1781 по 1783 г., — судьей совестного суда был не кто иной, как А.Р. Воронцов, прослуживший в этой должности годом дольше²⁵⁵. Вторым дворянским заседателем был избран советник Берг-коллегии А.Г. Демидов, а заседателями от других состояний (согласно ст. 75) были Семен Галактионов и Кирила Попов от купцов и Сергей Глазырин и Иван Сазанов от «поселян», т.е. государственных крестьян.

По неизвестной нам причине (возможно, по забывчивости?) губернский совестный судья Воронцов держал журналы заседаний совестного суда губернии за 1781–1782 гг. у себя. Поэтому они не попали в

²⁵² Кросс Э.Г. Северные братья... С. 288.

²⁵³ Елагин И.П. Повесть о себе самом себе // Русский архив. 1864. № 1. Стб. 100.

²⁵⁴ Выборы на должности в дворянском собрании новооткрытой Санкт-Петербургской губернии состоялись 23 мая 1780 г. Избрание А.Р. Воронцова и Дьяконова в совестный суд губернии отражено в отчете о выборах, опубликованном в: СПбВ. 1780. № 58. 21 июля. С. 535. К исполнению должностей выборы приступили с 1781 г.

²⁵⁵ Месяцеслов... 1781. С. 138; Месяцеслов... 1782. С. 135; Месяцеслов... 1783. С. 148; Месяцеслов... 1784. С. 139.

губернский архив, но и не пропали вовсе, а сохранились в фонде Воронцовых в РГАДА. Журналы эти позволяют получить общее представление о том, как проходили заседания с участием Дьяконова и Воронцова и с какими делами сталкивались судья и заседатели. У Воронцова, вероятно, не было достаточно времени для регулярного присутствия в суде. Для Дьяконова же эта деятельность как будто не представляла большого интереса, несмотря на то что за свое избрание он, похоже, даже переживал: «Испытал я деянии зависти над сабою <...> как то при выборе меня в 1780 году в совестный суд», — писал он Воронцову в конце 1783 г.²⁵⁶ Зачастую на заседаниях присутствовали всего лишь по два заседателя в разном составе, причем без судьи. На протяжении 1781 г. Дьяконов присутствовал на 15 заседаниях из 51. Воронцов за 1781 г. присутствовал в суде 20 раз, причем с Дьяконовым они пересеклись на десяти заседаниях. (При этом в 1781 г. с конца мая и до 4 октября заседаний по каким-то причинам не было.) В 1782 г. в период с января по апрель Дьяконов посетил суд дважды. Всего за этот период в журнале учтены только четыре заседания, причем с начала февраля по середину апреля заседаний не было²⁵⁷. Оба раза, когда Дьяконов присутствовал в суде, там же присутствовал и Воронцов, который, однако, посетил все четыре заседания, зафиксированные за 1782 г.²⁵⁸

Если Воронцов кое-где оставил свою уточняющую правку на резолюциях суда, то как голосовали заседатели, нам неизвестно. Журналы позволяют нам оценить интенсивность работы суда. К началу 1781 г. скопилось 14 нерешенных дел, оставшихся с прошлого, 1780-го. Значит, дела начали поступать в суд вскоре после открытия губернии. Из записей о решенных делах следует, что еще в 1780 г. успели рассмотреть и окончить 30 дел («решено в нынешнем году [по 10 февраля 1781 г.] 10 дел; а всех с открытия суда сего февраля по 10е число решено 40 дел»)²⁵⁹. За период с 4 октября и до конца 1781 г. года поступило 24 дела²⁶⁰. За весь 1781 г. совестный суд Санкт-Петербургской губернии рассмотрел и в основном решил 89 дел (из них 16 были возвращены по просьбам истцов, ответчиков

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 3.

²⁵⁷ Журналы заседаний и некоторые другие материалы совестного суда за 1781–1782 гг.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 253. Л. 1–66 об.; Там же. Д. 254. С конца ноября 1782 г. до 10 февраля 1783 г. Дьяконов находился в Нарве, откуда ему запрещено было выезжать, и потому никак не мог участвовать в заседаниях (см. об этом ниже).

²⁵⁸ Там же. Д. 253. Л. 71–80 об. Журналы за 1782 г. обрываются апрелем.

²⁵⁹ Там же. Д. 254. Л. 1–2.

²⁶⁰ Там же. Д. 253. Л. 46 об. — 66 об.

или за «непринадлежностью»)²⁶¹, а нерешенных осталось 49 — приблизительно треть от поступивших²⁶². Можно сказать, что совестный суд под началом Воронцова и при довольно равнодушном отношении к его деятельности со стороны Дьяконова работал на полную мощность. Для сравнения, в 1785 г. в совестный суд Псковской губернии вступило два дела по 399-й статье (преступления «по стечению различных обстоятельств» или «по несчастливому какому ни на есть приключению», т.е. не по злему умыслу) и одно дело, где преступниками были малолетние; с предыдущего года, когда в суд поступило пять дел, остались нерешенными два²⁶³.

Неясно, был ли совестный суд уполномочен рассматривать дела о «стандартных» уголовных преступлениях или только о тех, что были совершены непредумышленно, безумными и малолетними (как следует из ст. 399, 401 «Учреждений»)²⁶⁴. Хотя есть свидетельства, что совестные суды разбирали даже и дела об убийствах и тяжких телесных повреждениях, в возглавлявшийся Воронцовым суд за 1781 г. поступило только два уголовных дела. В том же году Дьяконов и Воронцов разбирали два дела в «задержании под караулом без объявления причины и не допросивши» по ст. 401 «Учреждений», запрещавшей содержание под арестом более трех дней без предъявления обвинения по нетяжким преступлениям²⁶⁵.

²⁶¹ Журналы заседаний... Д. 254. Л. 17.

²⁶² Там же. Д. 254. Л. 23. Для сравнения: в Тульском совестном суде за первые шесть лет накопилось 84 нерешенных дела. Вероятно, это не так много, как представлялось историку Н.Н. Кноррингу (*Кнорринг Н.Н. Очерки по истории Тульского совестного суда в екатерининское время*. Харьков: Б.и., 1917. С. 22). Нерешенные дела возникали оттого, что ответчики или посредники могли не явиться в суд, а никаких мер принуждения «Учреждениями» не предусматривалось. Могли не явиться на заседания и сами челобитчики.

²⁶³ См.: Рапорт, представленный сенаторам Воронцову и Нарышкину судьей совестного суда Псковской губернии статским советником Деденовым 8 июня 1785 г. (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 177. Л. 191–192). При этом «колодничьих» дел с 1778 г. (года образования Псковского наместничества) по 1785 г. в суд поступило 577 (Там же. Л. 194 об.–195).

²⁶⁴ По наблюдениям Н.Н. Кнорринга, в практике Тульского совестного суда были дела об убийствах, тяжелых телесных повреждениях и т.п., т.е. «настоящие» уголовные дела. Интересно, что Тульский совестный суд рассматривал даже дела о «блудном сожитии», составившие пятую часть всех дел (36 из 153 за несколько лет) (см.: *Кнорринг Н.Н. Указ. соч.* С. 20, 31–32, 38).

²⁶⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 254. Л. 17. Эта статья — отзвук Habeas Corpus Act. См.: *Кнорринг Н.Н. Указ. соч.* С. 2–4. По мнению историка, это единственная статья «Учреждений», отвечавшая не только идеям, развитым в публицистических и философских сочинениях той поры, но и насущным нуждам обывателей.

Обычно же дела, с которыми Воронцову и Дьяконову приходилось иметь дело в совестном суде, были жалобами на невыплату причитавшихся истцам сумм, в том числе долгов, о спорных завещаниях и т.п., а участниками разбирательств были представители самых разных социальных страт: от ремесленников, которым высокопоставленные заказчики не заплатили за выполненный заказ, до аристократов (например, С.П. Ягужинский, на которого жаловался итальянский купец Петр Лаважетти²⁶⁶, и граф М.Ф. Апраксин, судившийся с псковским губернатором А.Н. Кожинным из-за захвата его земель²⁶⁷). Задачей суда, как следует из ст. 400 «Учреждений», которая прямо цитируется в журналах, было примирение сторон: «...означенным посредникам повестить, чтоб явились они в совестной суд, и когда явятся, то по силе Учреждения о управлении губернии 400^я статьи представленным с обоих [sic] сторон посредникам стараться предложить всевозможныя со стороны сего суда ко примирению спорящихся средства»²⁶⁸. Если стороны не могли договориться сами, суд понуждал их назначить посредников, чтобы те договорились вместо самих спорящих. При этом сам суд имел право предложить «посредникам свое мнение, как примирить без разорения, без тяжбы, без спора, ссоры или ябеды истца и ответчика»²⁶⁹. Суд направлял повестки истцу и ответчику, и в назначенный день происходило разбирательство. Например, по делу о «неотдаче столовых с курантами часов в 175 руб.» купцу Ямщикову разбирательство происходило так:

Впущены в присудствие здешней купец Федор Ямщиков и крестьянин Иван Квасцов, которым были со стороны совестного суда предлагаемы средства к примирению, но как они ни малейшей ко оному склонности не показали, то чтоб для разбирательства того их дела выбрали они с обеих сторон по одному или два посредника и представили их сему суду²⁷⁰.

«Учреждениями» предписывалось рассматривать дела дворян — заседателям-дворянам, «городовые дела» — горожанам, а «расправные дела» — поселянам (ст. 41). На практике же, как видно из журналов, заседатели собирались в произвольном составе (от двух до шести человек) и рассматривали в одно заседание от двух до шести дел разного рода, причем в отдельных случаях их число доходило до девяти и даже тринадцати. Полный комплект заседателей, в том числе без судьи, за

²⁶⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 253. Л. 43 об.

²⁶⁷ Там же. Л. 47, 73; Там же. Д. 254. Л. 24–29 об.

²⁶⁸ Там же. Д. 254. Л. 31 об.

²⁶⁹ ПСЗ РИ I. Т. XX. № 13492. Ст. 400.

²⁷⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 253. Л. 22.

1781–1782 гг. собирался лишь шесть раз²⁷¹. Случаев, когда присутствовали заседатели только одного состояния, было крайне мало, а социальный статус заседателей, на первый взгляд, никак не соотносится с социальным статусом истцов и ответчиков. Дела нередко слушались и в отсутствие судьи Воронцова²⁷², а 3 февраля 1782 г., наоборот, присутствовал лишь сам Воронцов, рассмотревший четыре дела и еще по двум делам выслушавший посредников²⁷³.

***

Нельзя с уверенностью сказать, стало ли совместное участие Воронцова и Дьяконова в деятельности совестного суда Санкт-Петербургской губернии новым этапом в их отношениях, послужило ли оно их сближению. Что мы можем утверждать, так это то, что к этому времени они уже были достаточно хорошо известны друг другу. Определенной вехой в отношениях между ними можно считать 1782 г.: именно тогда Дьяконов продал Воронцову первую партию своих крепостных, о чем он внес сведения в свое завещание. Таких сделок на протяжении следующих семи лет будет совершено несколько, и последнюю крестьянскую семью он продаст в марте 1789 г. Всего Воронцов купит у Дьяконова 59 крепостных²⁷⁴. Для Воронцова как душевладельца операции такого масштаба едва ли были хоть сколько-нибудь значимыми, даже если учесть, что он платил по 100 руб. за душу (письмо № 39)²⁷⁵. Можно с большой уверенностью сказать, что он совершал эти покупки в качестве одолжения, а значит, к тому моменту у него уже были причины такое одолжение делать.

Так или иначе, к началу 1783 г. отношения Дьяконова и Воронцова, несомненно, носили уже весьма доверительный и прочный характер. В начале 1783 г. Воронцов оказал содействие Дьяконову в «неприятнейшем деле», в которое тот оказался замешан, и помог ему избежать наказания. На основе намеков, разбросанных по письмам Дьяконова за 1783 г., оказалось возможным точно датировать и реконструировать это во многих отношениях примечательное происшествие. О нем Дьяконов с тоской пишет в первом же известном нам письме Воронцову от 10 февраля 1783 г., не

²⁷¹ Отсутствие заседателей никак не объясняется в журналах; отметим, что самыми дисциплинированными были заседатели от государственных крестьян.

²⁷² Историк Н.Н. Кнорринг считал такую ситуацию невозможной и вообще настаивал на зависимости совестного суда от генерал-губернаторской власти: *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 17–18, 24–25.

²⁷³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 253. Л. 76–79.

²⁷⁴ Там же. Оп. 3. Д. 399. Л. 1.

²⁷⁵ Там же. Д. 541. Л. 27.

раскрывая подробностей, помимо того, что его дело в тот день отправилось в Уголовную палату, «а вскоре и мая голова туда паедет»²⁷⁶ (письмо № 1). Из следующего, ноябрьского, письма того же года мы узнаем, что дело это связано «с князем Тр:» и что в результате содействия со стороны Воронцова его можно считать уже улаженным²⁷⁷. Дело Дьяконова, но не его голова, «поехало» в уголовную палату Санкт-Петербургской губернии, благодаря чему мы знаем, что речь идет о драке, случившейся 24 ноября 1782 г. Пострадавшим в конфликте счел себя князь С.Н. Трубецкой. Ссора между ним и Дьяковым произошла в Нарве в доме директора Морского кадетского корпуса адмирала И.Л. Голенищева-Кутузова²⁷⁸. Из обстоятельств дела видно, что, проживая в своем имении и служа на выборной должности заседателя совестного суда, Дьяков вовлечен в жизнь высокопоставленного дворянства Санкт-Петербургской губернии и явно чувствует там себя своим.

Его оппонент князь С.Н. Трубецкой был весьма важной персоной: он принадлежал к одному из древнейших аристократических родов; его отец Н.Ю. Трубецкой был генерал-прокурором Сената, а мать — дочерью канцлера империи Г.И. Головкина. Заметной фигурой был его родной брат Николай Никитич: розенкрейцер, он был членом провинциального капитула берлинской системы, а также одним из ближайших сотрудников Новикова, достигнувшим высоких степеней масонства. Вместе со своим братом Юрием Никитичем Трубецким Николай Никитич был сооснователем Дружеского ученого общества и Типографической компании. На государственной службе Н.Н. Трубецкой занимал должность управителя казначейства для остаточных сумм²⁷⁹. Этих двух братьев Трубецких Новиков назовет среди своих ближайших сподвижников²⁸⁰.

Супругой И.Л. Голенищева-Кутузова, в доме которого произошла драка, была Евдокия Ильинична — родная сестра Александра Ильича

²⁷⁶ Там же. Л. 1.

²⁷⁷ Там же. Л. 2.

²⁷⁸ В июне 1782 г. Голенищев-Кутузов стал адмиралом, но в журналах и протоколах уголовной палаты именуется генерал-майором. В этом чине в 1783 г. Голенищев-Кутузов был отправлен в отставку с должности инженер-генерал-майора с пенсией. Так согласно: СПбВ. 1783. № 52. 30 июня. Б.п. См. о нем: Кутузов (Голенищев-Кутузов) Иван Ло(н)гинович / Логгинович // РБС. Т. IX: Кнаппе — Кюхельбеккер. СПб.: Типогр. Главного управления уделов, 1903. С. 626–627.

²⁷⁹ См.: Фрез Ф.П. История масонства в Петербурге с 1772 года насколько она мне известна // Вернадский В.Г. Указ. соч. С. 494; Трубецкой Николай Никитич // Серков А.И. Указ. соч. Т. 2. 2019. С. 548.

²⁸⁰ Новые документы по делу Новикова. С. 149.

Бибикова, единственного человека, которого Дьяконов называет в переписке с Воронцовым «другом»²⁸¹. Это родство — логичное объяснение тому, как отставной чиновник крис-комиссариата оказался принятым в доме высокопоставленного флотского деятеля, преподававшего в начале 1760-х годов морскую науку наследнику престола.

Как видно из его писем, с момента происхождения, т.е. с ноября 1782 г., Дьяконов вынужден был оставаться в Нарве, не имея права ее покинуть: «Севодни [10 февраля] намерен я отсель выехать, естли получу от коменданта письменно, что ему до меня бóлея нет дела; ибо он хател таким образом са мною расстаться»²⁸². В тот день дело Дьяконова было отправлено в уголовную палату, и через неделю 17 февраля нарвский комендант А.Ю. Баранов докладывал на заседании палаты об оскорблении, нанесенном бригадиром Дьяконовым генерал-поручику князю Трубецкому. К делу необходимо было «выписать законы», и решение по нему было отложено²⁸³.

Показания свидетелей появляются в протоколах уголовной палаты только в декабре 1783 г. Как следует из материалов дела, гости — «офицеры» — собрались в доме Голенищева-Кутузова в Нарве 24 ноября 1782 г., чтобы отпраздновать тезоименитство императрицы, широко отмечавшееся при дворе и сопровождавшееся «произведениями»²⁸⁴. Этот день оказался особенно важен для Воронцова и его «партии». Прежде всего, был награжден сам А.Р. Воронцов — звездой недавно учрежденного ордена Св. Владимира 1-й степени²⁸⁵. Тот же орден 2-й и 3-й степеней получили в этот день лица из его ближайшего окружения, друзья и, можно сказать, единомышленники. Орден 2-й степени получил член Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел П.В. Бакунин

²⁸¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 4.

²⁸² Там же. Л. 1 об.

²⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 1724. Оп. 2. Д. 10. Л. 91–92.

²⁸⁴ В тот год тезоименитство отмечалось особенно широко: праздник продолжался фактически два дня, начавшись еще накануне (см.: КФЖ 1782. СПб.: Б.и., 1882. С. 545–547).

²⁸⁵ Помимо Воронцова, Владимира 1-й степени получили в тот же день вице-канцлер И.А. Остерман и адмирал Грейг. Орденом 2-го класса был награжден генерал-майор Устин Сергеевич Потапов — санкт-петербургский губернатор, который также станет участником разбирательства дела Дьяконова (см.: Там же. С. 551). Это было второе пожалование новым орденом: первое состоялось двумя месяцами ранее, 22 сентября, в день учреждения ордена Св. Владимира (ПСЗ РИ I. Т. 21. № 15515). В своей автобиографии, написанной в последние месяцы жизни, Воронцов ошибочно указал 1783-й годом награждения орденом Св. Владимира (см.: АКВ. Кн. 5. С. 4).

Меньшой²⁸⁶, а 3-й степени — М.М. Экк, возглавлявший Санкт-Петербургский почтамт — учреждение стратегической важности для императрицы, так как именно оно поставляло ко двору перлюстрацию иностранных дипломатов²⁸⁷. И Бакунин, и Экк были причастны к сложной интриге по обезвреживанию «панинской партии» в 1781–1782 гг., — видимо, это и было основанием для их награждения²⁸⁸. Орден Св. Владимира 3-й степени получил также пользовавшийся покровительством А.Р. Воронцова советник Казенной палаты Санкт-Петербургской губернии Герман Юрьевич Даль²⁸⁹. Свою награду Даль заслужил, составив новый таможенный тариф в 1782 г., часть которого — о правилах классификации иностранных товаров, подлежащих обложению таможенной пошлиной, — сочинил служивший под его началом А.Н. Радищев²⁹⁰.

²⁸⁶ КФЖ 1782. С. 551.

²⁸⁷ Там же. С. 552. Из писем Воронцова Дьяконову видно, насколько близким человеком для Воронцова был М.М. Экк: он часто упоминает о встречах с ним (письма № 5, 16), пишет несколько раз о его болезни (письма № 42, 44), а потом и о кончине в сентябре 1789 г., за месяц до смерти Дьяконова, с большим сожалением (письма № 46, 47). См. подробнее о нем коммент. к письму М. № 5.

²⁸⁸ См.: *Гриффитс Д.М.* Панин, Потемкин, Павел Петрович и почта. С. 391–392. Об участии А.Р. Воронцова в этой операции свидетельствует письмо Безбородко к Экку от 25 апреля 1782 г.: «В Ригу граф Александр Романович посылает письмо по воле ея императорского величества самое нужное, которое прошу вас, милостивый государь мой, приказать тотчас отправить на нарочной stafете, поставя ее на счет кабинета» (А.А. Безбородко — М.М. Экку, 25 апреля [1782 г.] // СБРИО. Т. 26. С. 508–509).

²⁸⁹ КФЖ 1782 С. 552. Подробнее о Г.Ю. Дале см. коммент. к письму М. № 24.

²⁹⁰ Также Радищев составил азбучный реестр, изданный в 1783 г. для практического руководства таможенными: *Бабкин Д.С.* Комментарии. [Проект нового генерального таможенного тарифа] // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 582–583. В конце 1781 или начале 1782 г. А.Р. Воронцов привлек Радищева к составлению нового таможенного тарифа: *Финкельштейн Н.А.* Об участии Радищева в составлении тарифа 1782 г. // Исторический архив. 1961. № 6. С. 240–241. В.П. Семенников и Д.С. Бабкин утверждали, что Даль поручил Радищеву составление проекта: *Семенников В.П.* Радищев. Очерки и исследования. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 221; *Бабкин Д.С.* Указ. соч. С. 582–583).

Впоследствии П.А. Радищев в биографии отца утверждал, что отец получил лишь 1000 рублей, а все награды (орден и чин) достались Дально. В действительности через год, 24 ноября 1783 г., Радищев был произведен из надворных советников в коллежские (СПбВ. 1783. № 96. 1 декабря. Б.п.). Очевидно, это и было наградой, хотя его имя действительно не значилось на экземпляре «Проекта», преподнесенного Комиссией на апробацию Екатерине II. В 1784 г. он получил орден Св. Владимира 4-й степени (*Старцев А.* Радищев. Годы испытаний. С. 221).

Тот факт, что в честь этого праздника военные и аристократы собирались частным образом, подчеркивает символическую значимость тезоименитства²⁹¹. В показаниях Голенищева-Кутузова присутствует одна важная деталь: «...ноября в 24^й день у генерал майора Кутузова гости были собраны *не по зову, но по случаю высокоименитаго в тот день торжества*, и он делал угощение *всем* тем, кто зделал ему честь своим посещением»²⁹². Иными словами, Голенищев-Кутузов принимал у себя в доме без приглашений, угощая и наливая выпить всем желающим, в основном — офицерам, имен которых мы не знаем. Был ли Дьяконов приглашен в его дом или зашел «не по зову», оказавшись в Нарве, которую часто посещал, неизвестно, но надо помнить, что Голенищев-Кутузов был женат на сестре Бибикова, друга Дьяконова. Возможно, в кругу местного дворянства и офицерства существовала традиция ежегодно собираться неформально 24 ноября. Примечательно, что Трубецкой подал жалобу не только на Дьяконова, но и на самого Голенищева-Кутузова («да и жалоба его князя Трубецкаго простирается не на одного Дьяконова, но и на генерала майора Кутузова»). Голенищев-Кутузов, в свою очередь, подчеркивал, что не мог иметь *намерения* оскорблять Трубецкого, поскольку он вообще никого из гостей не приглашал специально: «...следовательно нельзя сказать, чтоб Трубецкой тут угощаем был с намерением, дабы в сей день нанести ему оскорбление и стыд, о котором случае каждой теперь чувствительно сожалеет»²⁹³. Далее в протоколе записано:

...ссора произошла в 24 день ноября в доме генерал маэора Кутузова. И как тот хозяин, так и бывшие у него гости команды ево штаба и обер афицеры показали, что у князя Трубецкого с Дьяконовым как до обеда так и в продолжении стола не было и ниhto не слышал никаких неприятных и обидных разговоров, а неудовольствие князя на Дьяконова вышло после обеда за то, что Дьяконов давши слово посидеть с ним дружески ис той комнаты, где были, вышел, и долго не возвращался, и князь говорит, что он Дьяконову за то сказал укорительно не в брань, но в шутку.

²⁹¹ О значимости праздника можно судить по тому, что 7 декабря 1788 г., на другой день после взятия Очакова, Потемкин писал императрице: «Располагал я принести Вам в дар Очаков в день Святыя Екатерины, но обстоятельства воспрепятствовали» (см.: Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. С. 328. Письмо № 905). Храповицкий передает те же слова светлейшего, видимо, зачитанные вслух, в своем дневнике: «...хотел было в Екатеринин день подарить Очаковым, но не все было готово; взяли приступом 6 декабря, в Николин день» (Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 121. Запись от 16 декабря 1788 г.).

²⁹² ЦГИА СПб. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 12. Л. 584 об. (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

²⁹³ Там же. Л. 584–584 об. Эти слова приписаны на поле.

Каким же образом между князем Трубецким и Дьяконовым прежде драки те укорительные переговоры были, на тот случай, кроме генерал-майора Кутузова, есть свидетели, при том бывшие офицеры. Но когда бригадир Дьяконов Трубецкого вывел в другую комнату, то о том, что там между ними происходило, выходит у князя Трубецкого с Дьяконовым противуречие, ибо князь Трубецкой говорит, что Дьяконов, выведя его из одной комнаты в другую, там его бил, и напротив того, Дьяконов показывает, что будто не он, но прежде Трубецкой его ударил, и он ему тем же отвечал, а бывший же при том генерал-майор Кутузов рассказывает, что Трубецкой Дьяконова ткнул, а Дьяконов его ударил и оттолкнул, но как на тот случай в той комнате других людей никого не было, то и нет удобства одного жалоба, а другая отрицания принять за истинное показание, тем паче что каждой желает под клятвенное свое показание утвердить, по каким-либо обстоятельствам и в разсуждении многих разноречий, если делать дальнейшее изыскание следствием в [уголовной] палате, то надлежит не только Дьяконова с Трубецким и генерал-майора Кутузова, но и свидетелей, у которых есть также в показаниях между собою несходство, по силе гласящих на то законов взять пред суд и вновь с пополнением под присягою переспрашивать²⁹⁴.

Очевидно, участники драки изрядно выпили за обедом: «...представляется вероятностию только то, что князь Сергей Никитич и господин Дьяконов были в тот день от излишнего угощения более обыкновенного веселы»²⁹⁵. Палата приняла к сведению факт, что, по показаниям свидетелей, Трубецкой и Дьяконов не только не ссорились, перед тем как перейти к действиям, но, как стало «приметно» из их показаний, «они между собою были *приятелями*». С учетом этого, особенно примечательным оказывается повод для драки в изложении палаты: «...после обеда <...> Дьяконов, давши слово посидеть с ним *дружески* из той комнаты, где были, вышел, и долго не возвращался»²⁹⁶. Иными словами, Дьяконов обещал посвятить время дружескому времяпрепровождению с приятелем, но по какой-то причине не исполнил обещания.

Разбирая это дело, палата сочла нетрезвое состояние («более обыкновенного веселы») участников ссоры не отягчающим, а напротив, смягчающим обстоятельством и не увидела в поступке Дьяконова «злобы и мщения» и «действия относительно к преступлению должности», посчитав в итоге, что она «решительного определения сделать не может». Трубецкому поэтому было предложено жалобу на «бесчестье» подавать

²⁹⁴ Там же. Л. 583–584.

²⁹⁵ Там же. Л. 584–584 об.

²⁹⁶ Там же. Л. 583–583 об. (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

«где надлежит», т.е., согласно Учреждению о губерниях (ст. 173 и 266), в верхний земский суд²⁹⁷. Обратился ли туда Трубецкой, неизвестно, но Дьяконова это дело больше не тревожило. Дело же в уголовной палате закончилось в юридическом отношении ничем. В первом своем письме Воронцову, расписывая перипетии этого дела, Дьяконов упоминал: «...в протчем все упование мое на вас, Милостиваго Государя, бóлея возлагаю; так же на Ивана Перфильевича [Елагина], Петра Васильевича [Завадовского] и Александра Андреевича [Безбородко]»²⁹⁸. Этот «набор» благодетелей — наверное, самых влиятельных персон в империи, если не считать Потемкина, — обеспечил благоприятную для Дьяконова развязку дела. Никаких следов, что свидетели были «переспрошены» под присягой, нет, и в этом, вероятно, состоит заслуга Воронцова как патрона. В письме, написанном 4 ноября 1783 г., т.е. еще за месяц до разбора дела в уголовной палате губернии, Дьяконов уже благодарил Воронцова: «Особливо же в неприятнейшем моем деле с князем Тр: [вы] явили себя превыше человека»²⁹⁹. Исход дела был ясен, таким образом, уже к ноябрю, еще до его формального рассмотрения.

В деле есть одна существенная странность. В разборе дела от 14 декабря присутствуют показания Голенищева-Кутузова («на тот случай, кроме генерал-майора Кутузова, есть свидетели: при том бывшие офицеры»; «а бывшей же при том генерал-майор Кутузов рассказывает»³⁰⁰). Между тем, согласно камер-фурьерскому журналу, в тот самый день тезоименитства 24 ноября 1782 г. Голенищев-Кутузов получил из рук императрицы орден Св. Александра Невского. Награжденный присутствовал во дворце лично, поскольку он не показан, подобно некоторым другим награжденным, находящимся «в отлучке»³⁰¹. В Нарве, таким образом, гостей должна была принимать супруга Голенищева-Кутузова. Вместе они хорошо проводили время, отмечая тезоименитство государыни и поджидая хозяина дома, чтобы поздравить с наградой³⁰². Если составитель камер-фурьерского журнала не ошибся, то показания Голенищева-Кутузова в уголовной палате оказываются лжесвидетельством,

²⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 12. Л. 584 об. — 585.

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 1 об.

²⁹⁹ Там же. Л. 2.

³⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 12. Л. 583 об.

³⁰¹ КФЖ 1782. С. 550–551.

³⁰² Расстояние между городами составляло 75 верст, и преодолеть его за день кажется невозможным. Таким образом, Голенищев-Кутузов мог прибыть в Нарву в лучшем случае на следующий день. Возможно, празднование ожидалось долгим.

а содействие Воронцова могло состоять в том, чтобы заставить уголовную палату их принять. Это не мешало Дьяконову в течение следующих нескольких лет еще и понуждать Воронцова предпринять что-то во благо адмирала. «[С]кажу я вам, что я истенно к нему расположен и желаю ему услужить», — отвечал Воронцов Дьяконову в ответ на его напоминание в июне 1786 г. и обещал приняться за его «дело» после окончания работы над реформированием банков (письмо № 13)³⁰³. О том, что дело сдвинулось с мертвой точки, Воронцов сообщил Дьяконову уже 8 июля, а в октябре того же года он, судя по всему, вновь напомнил о нем кому-то при дворе (письма № 15, 17)³⁰⁴. В следующем, 1787 г., в день «произвождений» 22 сентября Голенищев-Кутузов действительно получил награду — орден Св. Владимира 1-й степени. Воронцов посылает Дьяконову «роспись всему, что зделано было <...> в 22 сентебря» и прибавляет: «Я щитаю, что оно вам приятно будет. Потому что увидите тут имя Ивана Логиновича» (письмо № 30)³⁰⁵.

По всей видимости, звезда ордена Св. Владимира была плодом многолетних хлопот Воронцова и платой за нужные показания, данные Голенищевым-Кутузовым уголовной палате в 1783 г. Дьяконов смог использовать свой неформальный ресурс — доступ к высокопоставленному сановнику, выступив кем-то вроде посредника («брокера» в терминологии патрон-клиентских отношений) между Воронцовым и Голенищевым-Кутузовым. Почему адмирал и директор Морского корпуса, когда-то преподававший морские науки наследнику, кавалер ордена Св. Александра Невского не мог добиться ордена Св. Владимира иначе, чем через Воронцова и его клиента — отставного бригадира? Орден Св. Владимира был учрежден лишь в 1782 г., награжденных им было не так много, и его престиж поэтому был очень велик. По сведениям Гарновского, 17 сентября Безбородко поднес императрице три записки о чиновниках, аттестованных к получению владимирских крестов Завадовским, Шуваловым и Воронцовым. Просмотрев записки, императрица якобы сказала: «Я не знаю, на что меня беспокоят рекомендацями о таких людях, которых я не знаю. На это учреждена [кавалерская орденна Св. Владимира] дума, которая должна свидетельствовать достоинства и отличности рекомендованных. Для чего же не подают в думу и

³⁰³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 9 об.

³⁰⁴ Там же. Л. 8 об., 18.

³⁰⁵ Там же. Л. 55. «Роспись» до нас не дошла, но она, вероятно, соответствует списку награжденных, опубликованному в: СПбВ. 1787. № 87. 24 сентября. С. 1035–1036, причем Голенищев-Кутузов упомянут первым.

хотят, чтоб я делала все то, что они хотят; да и может ли быть, что все эти люди, которых сии господа вздумали рекомендовать, были все отличившиеся чиновники?»». Всем, аттестованным этими сановниками, было отказано в крестах: «Узнав о сем, г. Завадовский пролежал два дни в постеле, гр. Шувалов был вне ума, а гр. Воронцов умел скрыть свою досаду»³⁰⁶. Однако, как видим, Гарновский ошибся: по крайней мере, на кого простиралось покровительство Воронцова, и в первую очередь Голенищев-Кутузов, получили искомый орден³⁰⁷. После сентября 1787 г. упоминания о Голенищеве-Кутузове из переписки пропадают: Дьяконов счел свой долг оплаченным.

***

Мы знаем, что в 1780-е годы Дьяконов неоднократно навещал Воронцова в Мурино. Упоминания об этом разбросаны в их переписке: мы читаем здесь об отъездах Дьяконова; о его обещаниях приехать в Мурино; о его приездах на праздник 30 августа — день Св. Александра Невского; о приглашениях приехать в Петербург, например, в конце 1786 г., когда Воронцов готовился выехать с новой ревизией в Поволжье, на Кавказ и в Оренбург. В первом публикуемом нами письме Воронцова от 3 января 1785 г. мы видим отчетливое недовольство вельможи из-за неисполненных обещаний Дьяконова приехать к нему: «Вы меня маните, как робят, обещали сюда приехать тотчас после нового года, а теперь уже и за Крещение отсылаете, а там боюсь, чтоб еще какую нибудь отписку не нашли. Неужли до стретенских морозов отложите[?]» (письмо № 4)³⁰⁸. Такое напоминание выглядит слишком настойчивым, чтобы быть просто светской формальностью, да и любезным его не назовешь. Очевидно, что Воронцов по какой-то причине нуждался в Дьяконове, и тот бывал у

³⁰⁶ Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XV. С. 258–259. Запись от сентября 1787 г.

³⁰⁷ В списке награжденных фигурировали высшие чиновники, возглавлявшие наместничества и губернии, которые посетили Воронцов и Нарышкин в ходе сенатской инспекции 1787 г.: генерал-губернаторы сибирский и уфимский О.А. Игельстром, рязанский и тамбовский И.В. Гудович, нижегородский и пензенский И.М. Ребиндер; правители наместничеств Симбирского — князь П.М. Баратаев и Выборгского — генерал-майор К.Х. Гюнтцель (Гинцель) (в Выборге ревизоры были в 1786 г.); правитель Уфимского наместничества А.А. Пеутлинг и тамбовский губернатор Г.Р. Державин. Присутствуя на праздничном обеде у императрицы 22 сентября (КФЖ 1787. С. 839–840), Воронцов определенно чувствовал себя победителем: ордена достались тем местным администраторам, кто выказал ему свою лояльность; кроме того, ему удалось добиться награды для «спасителя» своего друга.

³⁰⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 1.

Воронцова и, можно предположить, имел обыкновение проводить у него какое-то время. В 1785 г. Дьяконов, видимо, все же приехал зимой или в начале весны и оставался у Воронцова вплоть до их совместного отъезда во Псков в мае. Предположить это позволяет тот факт, что после январского письма Воронцова до нас не дошло ни писем, ни даже отголосков переписки вплоть до июльского письма от Дьяконова (письмо № 5). То же, вероятно, имело место и в 1788 г., поскольку во второй половине мая 1788 г. адъютантом Потемкина Гарновским упоминается, явно с чьих-то слов, «некто бригадир Дьяконов, живущий с графом Александром Романовичем (Воронцовым) в крайнем согласии»³⁰⁹.

Обратившись к переписке, мы опять-таки видим, что за первую половину 1788 г. писем ни от Воронцова, ни от Дьяконова в нашем распоряжении нет. Значит ли это, что они не сохранились, или что переписка просто не велась за ненадобностью, если Дьяконов и вправду жил у Воронцова? Или же он все-таки был в разъездах по губерниям как «шпион» Воронцова, как это предполагалось выше? Первое дошедшее до нас за этот год письмо — от Воронцова, написанное 30 сентября 1788 г. В нем Воронцов сетует, что Дьяконов, уехавший от него более двух месяцев назад, не написал ему ни строки, и прибавляет: «Не писал я и вам — все в ожидании ваших извещений, а наконец, уверяли меня, что вы сами скоро сюда будете» (письмо № 33)³¹⁰. Значит, Дьяконов уехал от Воронцова в середине июля, обещав вскоре вернуться, но не выполнил обещания. В свою очередь, 18 октября, не получив еще этого письма от Воронцова, Дьяконов пишет: «Не имея счастья получать и видеть близко трех месяцев от вашего сиятельства ни единых строки, не только о том сожалел крайне, но и скучал уже несказанно» (письмо № 34). Упоминание «трех месяцев» в письме от середины октября опять-таки отсылает нас к середине июля как к дате их возможного расставания. Отсутствие переписки и слова Гарновского позволяют предположить, что в 1788 г. они действительно некоторое время проживали вместе — в Мурино или, скорее, в петербургском доме Воронцова, о чем слухи скорее могли дойти до двора и до ушей адъютанта Потемкина.

³⁰⁹ Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 7. Запись от мая 1788 г. Ср. его же слова об Я.А. Брюсе и П.В. Завадовском в апреле 1787 г. «Гр. Яков Александрович (Брюс) живет с Петром Васильевичем Завадовским в добром согласии. Недавно отзывался первой о последнем, что он его за *первейшего друга* почитает» (Там же. Т. XV. С. 23–24). Из пояснения Гарновского видно, что речь идет о взаимной поддержке в жестких условиях придворной жизни, требовавших прочных и надежных связей.

³¹⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 27.

Разумеется, проживание в доме аристократа разного рода компаньонов, дальних и близких родственников, просто нахлебников было обычной практикой: это могло быть и формой родственной поддержки — помощи тем, кто не имел своего угла и куска хлеба, сопряженной с удовольствием от общения и возможностью иметь в доме человека, которому можно полностью доверять³¹¹. С другой стороны, приглашения Воронцова выглядят слишком настойчиво: не похоже, что речь идет об обычном компаньоне. О том, что совместная жизнь с другим человеком практически «на равных» не была необычна для Воронцова (подобно Дьяконову, не обремененного семейными отношениями), свидетельствует известный факт, что в течение пяти лет у него в имении Андреевское жил Франсуа Герман Лафермьер — бывший библиотекарь и секретарь великой княгини Марии Федоровны. Лафермьер долгое время состоял при «малом дворе» в Гатчине и в Павловске, руководя там театром, заведую библиотекой и просто выполняя роль постоянного собеседника великой княгини. В начале 1793 г., однако, он попросил великого князя освободить его от должности. Письмо Лаферьера к С.Р. Воронцову о том, что он покидает Петербург и переселяется к его брату Александру Семеновичу в Матренино, в публикации П.И. Бартенева датировано 17 января 1793 г., хотя на оригинале стоит карандашная отметка «1792»³¹². Во всяком случае, Воронцов к тому времени уже находился в отпуске и почти безвыездно жил в Андреевском (деревня Матренино) Владимирской губернии. В Андреевском у Лаферьера были свои покои в верхнем этаже дома, а образ жизни, который они вели с Воронцовым, вполне отвечал идеалам беззаботной деревенской жизни: «Мы продолжаем вести здесь жизнь мирную, тихую и здоровую, а следовательно, очень счастливую, поскольку счастье для меня отныне в мире души и здоровье дела. Прогулка, чтение, общество Вашего брата и переписка, которую я поддерживаю со своими друзьями, образуют круг моих занятий, моих развлечений и

³¹¹ У сестры Воронцова княгини Е.Р. Дашковой жили разные родственники. В 1790–1800-е годы, например, у нее жила двоюродная племянница Анна Петровна Исленьева (1770–1847, в замуж. Малиновская), которую пристроил к ней Воронцов после того, как ее семья лишилась средств в результате пожара в тульском имении (см.: Марта Вильмот — матери, 5 сентября 1803 г. // Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 226).

³¹² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1835. Л. 115; АКВ. Кн. 29. М.: Univ. типогр., 1883. С. 281. О Лаферьере см.: Laferrière, François-Hermann // *Les Français en Russie au siècle de Lumières. Vol. II. Ferney-Voltaire / A. Mézin, V. Rjéoutski (eds).* Paris: Centre International d'études du XVIII siècle, 2011. P. 449.

моих утех»³¹³. Можно предположить, что в доме Воронцова, где он прожил вплоть до своей смерти, Лафермьер имел статус, промежуточный между компаньоном, старым другом и полезным человеком. Он, в частности, занимался обустройством в Андреевском театре, перевезенного вместе с крепостными актерами из тамбовского имения Воронцовых³¹⁴. Никаких подробностей об их отношениях в эти годы мы не знаем, но после смерти Лаферьера в 1796 г. Воронцов очень горевал. Он заказал Н.А. Львову надгробие из мрамора в виде саркофага («печальный памятник») со следующей надписью: «Другу искреннему, испытанному и благоразумному, при царском дворе беспорочно прожившему», подписав его: «Александр граф Воронцов, огорченный своей утратой, поставил этот монумент в его память»³¹⁵.

«Нового у нас ничего нет»: режимы переписки

Переписка Дьяконова и Воронцова отложилась в двух делах в фонде Воронцовых в РГАДА³¹⁶. Всего за период с 1783 г. и до смерти Дьяконова в 1789 г. до нас дошли 14 писем, отправленных Дьяконовым Воронцову, и 33 письма, написанные Воронцовым Дьяконову³¹⁷. Папка с письмами,

³¹³ Ф. Лафермьер — С.Р. Воронцову, 25 июня 1794 г. // АКВ. Кн. 29. С. 283. Рус. пер. цит. по: Алексеев В.Н. Франсуа Лафермьер и семейство Воронцовых // Воронцовы — два века в истории России: сб. докладов Шестых Воронцовских чтений (Выборг, 14–16 мая 1997 г.). Петушки: Б.и., 1998. С. 11.

³¹⁴ Щеглова С. Воронцовский крепостной театр // Язык и литература. Т. 1. Л., 1926. С. 331–332; Воронцов-Дашков А. Екатерина Дашкова / пер. с англ. М. Мишеина. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 232.

³¹⁵ Цит. по: АКВ. Кн. 22. М.: Унив. типогр., 1881. С. VI. Могила Лаферьера, как и самого Воронцова, была разрушена после 1917 г., поэтому о надписи на русском языке можно судить только со слов П.И. Бартенева. Сохранились варианты надписей на французском и латинском языках (фр.: «Affligé de sa perte Alexandre Comte de Vorontsov a fait ériger ce monument à sa mémoire»; цит. по: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 688. Л. 63). Различные варианты надписи, придуманные Воронцовым: Там же. Л. 60 об. — 62.

³¹⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68 (Воронцов — Дьяконову); Там же. Д. 541 (Дьяконов — Воронцову).

³¹⁷ В списке корреспондентов А.Р. Воронцова, составленном после его смерти, Дьяконов хотя и указан среди его корреспондентов, но даты переписки не обозначены: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3109. Л. 8. Для сравнения: из переписки Воронцова с князем М.М. Щербатовым за те же 1780-е годы до нас дошло 22 письма: черновики писем к Щербатову и письма от Щербатова к Воронцову. Сами письма Воронцова, видимо, сгорели со всем архивом Щербатова в пожаре Москвы 1812 г., в то время как архив Воронцова, хранившийся в Андреевском (Владимирская губерния), остался цел (см.: Калинина С.Г. Переписка

отправленными Дьяконову Воронцовым, оказалась в архиве последнего, поскольку по обычаю того времени при разборе бумаг покойного адресованные к нему письма возвращались отправителям.

Когда точно началась переписка, мы не знаем. Первое сохранившееся письмо Воронцова к Дьяконову относится к январю 1785 г., но Дьяконов уже в своем первом сохранившемся письме, написанном в феврале 1783 г., упоминает письмо, полученное им ранее от Воронцова. Видно, что и за период 1783–1789 гг. сохранились далеко не все письма: корреспонденты упоминают о получении писем от других дат или содержащих те или иные сведения, отсутствующие в публикуемых письмах. 25 августа 1785 г. (письмо № 6) Воронцов просит прощения, что оставил без ответа два письма Дьяконова³¹⁸, между тем как за первую половину году от последнего сохранилось лишь одно письмо — от 16 июля 1785 г. (№ 5)³¹⁹; 21 октября того же года Воронцов упоминает о получении подряд двух писем от Дьяконова, в то время как после 16 июля 1785 г. от Дьяконова мы имеем только одно письмо — от 9 октября (№ 8). Не дошли до нас и письма, написанные Дьяконовым в последние месяцы его жизни. Последнее известное нам письмо Дьяконов написал в феврале 1789 г., а умер он в октябре того же года, и в промежуток времени с февраля по октябрь Воронцов продолжал получать от него письма, как видно из его ответов. Всего за период с начала 1789 г. и до 11 сентября, когда Воронцов написал последнее из дошедших до нас писем Дьяконову, им было отправлено восемь посланий. Поэтому судить о жизни Дьяконова в эти месяцы, его чтении, мыслях и планах мы можем в основном по письмам Воронцова к нему.

Письма между Нежинской и Петербургом или Муриным шли обычно около двух недель. 21 октября 1785 г. Воронцов отмечает, что получил сразу два письма от Дьяконова, причем из них видно, что корреспондент не получил еще письма Воронцова от 5 октября (№ 7): «...тому уже две недели, видно, до вас не дошло, ибо в обоих ваших письмах ни слова опять не упоминаете»³²⁰ (письмо № 9). Когда в декабре 1788 г. письмо от Дьяконова дошло в Мурино за три дня, Воронцов специально отметил, что оно «не обыкновенным образом сюда пришло, то есть в третий день, место что письма ваши и мои к вам обыкновенно недели две в дороге бывают»

М.М. Щербатова с А.Р. Воронцовым // Архив русской истории: сб. Рос. гос. архива древних актов. Вып. 8 / отв. ред. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2007. С. 493).

³¹⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 2.

³¹⁹ Там же. Д. 541. Л. 34–35 об.

³²⁰ Там же. Д. 68. Л. 6.

(письмо № 38)³²¹. С другой стороны, 18 октября 1788 г. Дьяконов жалуется, что уже более трех месяцев не получал писем от Воронцова (письмо № 34). Значит, к 18 октября Дьяконов не успел еще получить письмо, написанное Воронцовым 30 сентября 1788 г. (№ 33).

Прочтение писем Воронцова, написанных им собственноручно, — непростая задача, поскольку у вельможи был очень своеобразный и непонятный («дурной») почерк³²². Р.И. Воронцов требовал, чтобы сын писал ему из Франции «чаще и чисто», однако ничего не добился. В раздражении он упрекал сына в 1759 г.:

Не могу у тебя выпросить, чтобы ты научился писать. Хотя стиль хорош, да написано так, что никто прочесть не может, то лучше вместо письма, присылай белую бумагу: это все равно. Белую бумагу читать нельзя, так и твой письма. Брось все науки, а учись писать слова снова и не стыди себя больше худым мараньем³²³.

Однако Александр Романович послушался отца: до конца жизни он сохранил свое «маранье», которое вообще-то считалось «великой неучтивостью»³²⁴. Его не всегда могли разобрать даже секретари: в переписанных набело деловых бумагах Воронцова встречаются пропуски и вопросительные знаки, проставленные секретарями карандашом. И все же его почерк — целостная система, которую можно освоить, и Дьяконову чтение писем Воронцова было вполне по силам.

Приученный писать с юности, Воронцов был аккуратным корреспондентом: из Версаля семнадцатилетним юношей он пишет отцу каждые три-четыре дня, реже — дяде³²⁵. Переписка в этом кругу — обязательная часть повседневной жизни. «Нового ничего такого нет, чтоб рассказывать нужно», — пишет братьям Воронцовым Завадовский в 1777 г.³²⁶ «Нового у нас ничего нет», — из года в год повторяет Воронцов

³²¹ Там же. Л. 29.

³²² Р.И. Воронцов — А.Р. Воронцову, 1758 // АКВ. Кн. 31. М.: Унив. типогр., 1885. С. 29. Р.И. Воронцов настаивал на том, что сын должен «написать начерно и выправяя хорошенько переписать чище и не замазая посылать» (Там же), но сын и здесь послушался. Письма Воронцова к Дьяконову в архивном деле помечены как «черновые», что, разумеется, не так. На них есть сургучные печати Воронцова и отметки Дьяконова о получении и ответах на них, напр.: помета Дьяконова на поле письма от 3 октября 1786 г.: «получил 9 октября 1786 г., отвечал 15 числа» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 18).

³²³ Р.И. Воронцов — А.Р. Воронцову, 1759 // АКВ. Кн. 31. С. 33.

³²⁴ Р.И. Воронцов — А.Р. Воронцову, 1758 // Там же. С. 29.

³²⁵ Заозерский А.И. Указ. соч. С. 108.

³²⁶ АКВ. Кн. 12. С. 13.

в своих письмах Дьяконову³²⁷, рассказав перед этим о своем самочувствии, занятиях, встречах. Неизменность повседневного существования, выражающаяся в повторяемой формуле, — матрица переписки, на которую ложатся события личные и случающиеся при дворе, болезни и смерти, войны и новые назначения. Дьяконов посмеивается над ним в декабре 1788 г., цитируя «письмо <...> в коем изъясняетесь сими словами: Нового у нас ничего нет, все во ожидании Очаковского жребия»³²⁸. Для Воронцова важнее сама дружеская связь, которая заставляет корреспондентов поддерживать переписку и снабжать друг друга новостями, а об остальном можно (и даже нужно!) «переговорить».

Если пути Дьяконова и Воронцова тем или иным образом пересеклись в масонской среде, то можно полагать, что продолжавшиеся не менее десятилетия близкие отношения между ними сформировались благодаря их вовлеченности в специфические масонские практики, одной из которых и была переписка. Наряду с ведением дневников и записных книжек, переписка была формой внутренней самоорганизации масонского сообщества, поскольку внимание к внутренней жизни было очень важно для этого круга³²⁹. Масонские инструкции хотя и указывали, как оформлять письма, но никак не регламентировали их структуру, тональность или цели, с которыми масоны могли обмениваться личными письмами. Переписка была, скорее, подвижна общими установками, характерными для XVIII в., и главная среди них — необходимость подтверждения истинности дружеских чувств со стороны корреспондентов. Истинная дружба в понимании людей XVIII в. возможна, лишь когда возникает уверенность в ответных чувствах со стороны другого: «счастлив иметь такого искреннего друга», «уверен в Вашей дружбе» и т.п. Эта уверенность позволяет надеяться, что взаимные ожидания не будут обмануты и «законы дружбы» не будут нарушены, что заставляло корреспондентов постоянно апеллировать к требованиям и «должностям» дружбы³³⁰.

Если фразеология искренности и истиной дружбы характерна, скорее, для писем Воронцова, то стиль писем Дьяконова ближе к традиционно-ритуальной переписке — прошениям, рекомендательным

³²⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 12, 17, 18, 20, 52, 53 об., 55, 57.

³²⁸ Там же. Д. 541. Л. 22 об. — 23 (21 декабря 1788 г.).

³²⁹ Зорин А.Л. Указ. соч. С. 27, 70.

³³⁰ Loïselle K. *Brotherly Love: Freemasonry and Male Friendship in Enlightenment France*. Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 2014. P. 121; Калугин Д.Я. История понятия «дружба» — от Древней Руси до XVIII века // Дружба: очерки по теории практик / науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2009. С. 275.

письмам, благодарностям патрону или начальнику, необходимым дворянину в повседневной жизни для получения протекции. Для такой переписки характерны подчеркнуто подобострастное обращение к адресату, разработанная титулатура, а также следование устоявшейся сюжетной схеме в соответствии с каноном эпистолярного этикета. Обычно вслед за обращением к покровителю автор высказывал свою просьбу: о пожаловании, награде, повышении в чине или протекции. За этим следовало витиеватое оправдание этой просьбы, чтобы убедить покровителя, что проситель — достойный человек, соблюдающий принятые в обществе нормы и разделяющий ценности службы. Отсюда вытекала схожесть лексики прошений и рекомендательных писем и стандартных формуляров официальных документов³³¹. Поскольку Воронцов и Дьяконов вели все же неформальную переписку, то в письмах последнего можно наблюдать лишь отдельные элементы этой схемы: «многоступенчатое» обращение, благодарности — прежде всего за участие в его судьбе, иногда — просьбы об услугах, и то, как правило, не для себя. Присущий традиционно-ритуальной переписке «высокопарный» стиль в его письмах был не просто формальностью, но частью культурного контекста³³². Он указывал на связывавшие участников отношения: вертикальные и неравные, покоящиеся на обмене услугами и в то же время — на преданности друг другу, хотя степень этой преданности варьируется от случая к случаю, а эмоциональная составляющая не является обязательной³³³.

³³¹ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства... С. 43–44.

³³² Как отмечала Ш. Киттеринг, в переписке между аристократами и их приближенными присутствуют элементы мифа и гиперболизации, поскольку источником языка «учтивости» были отношения «хозяин-слуга». В действительности за формальной риторикой клиентелизма скрываются холодные и непростые расчеты и человеческие амбиции. Тем не менее исследователи путают идеал с политической реальностью, поскольку позволяют языку переписки, прежде всего, экспансивной риторике, ввести себя в заблуждение. (см.: *Kettering S. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1986. P. 22). Альтернативой языку патрон-клиентских отношений стал язык салонов XVIII в., условно называемый «языком дружбы». Он не создавал действительно эгалитарных отношений, но не был и фикцией для маскировки корыстных интересов, приводивших писателей в салоны (см.: *Lilti A. The Kingdom of Politesse: Salons and the Republic of Letters in Eighteenth-Century Paris // Republics of Letters: A Journal for the Study of Knowledge, Politics, and the Arts*. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 7. <<https://arcade.stanford.edu/rofl/kingdom-politesse-salons-and-republic-letters-eighteenth-century-paris>> (дата обращения: 18.10.2021)).

³³³ Так Ш. Киттеринг характеризовала патрон-клиентские отношения (*Kettering S. Patrons, Brokers, and Clients...* P. 20).

Трактовка переписки как беседы двух разделенных расстоянием друзей — устойчивый эпистолярный мотив еще со времен античности³³⁴. По наблюдениям историка К. Луазелла, исследовавшего переписку членов французской масонской ложи Великий Восток (*Grand Orient*) в 1730–1740-е годы, масоны предпочитали считать, что поддерживать корреспонденцию и сообщать друг другу новости — будь то из столицы или с полей сражений — их побуждает именно дружеское чувство, а не механическая привычка. При этом корреспонденты настаивали на регулярности переписки, ожидая ответов в определенные сроки³³⁵. По наблюдениям Луазелла, самыми насыщенными месяцами переписки среди членов ложи были зимние, когда путешествовали мало, а самыми бедными — лето, время интенсивных поездок³³⁶. Хотя сохранившаяся переписка Воронцова и Дьяконова распределяется по месяцам неравномерно и ее интенсивность, видимо, не слишком зависела от времени года, можно согласиться с Луазеллом, что лето было, скорее, сезоном личных встреч, чем переписки. В 1780-е годы Воронцов летом, как правило, живет в Мурино, своем новом загородном поместье близ Петербурга, а в «Городе» бывает наездами³³⁷. Так, в письмах Воронцова к Дьяконову лета 1786 г. — просьбы приехать и упоминания о уже состоявшихся приездах Дьяконова в Мурино: «...я прошу вас по получении сего письма хотя дня на четыре сюда приехать — мне истинно крайняя нужда с вами поговорить»³³⁸. Воронцову важно поддерживать режим не только переписки, но и личных разговоров с Дьяковым, поэтому он часто спрашивает, когда тот снова будет в «Городе» (Петербурге) или заедет к нему в поместье: «...всякий раз когда лишен беседы вашей лично, по крайней мере беседа на письме с вами мне делает приятность»; «вы скоро будете сюда [в Мурино], что и притчиною моего молчания в ожидании иметь удовольствие вас здесь

334 Подтергера И.А. Письма и послания Симеона Полоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000. С. 19.

335 *Loiselle K.* Op. cit. P. 123.

336 *Ibid.* P. 124. В России самым сложным временем для поездок была весна, а зимой, в отличие от Франции, можно было прекрасно путешествовать по санному пути.

337 Напр.: «Я нонишное время довольно пользуюсь Муриным, езда изредко и то по нужде в Город и в Царское Село», — писал Воронцов 14 июня 1786 г. (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 10). Исключение — лето 1785 г., которое Воронцов полностью провел в разъездах с ревизией по губерниям, начав с Псковской в мае и закончив к сентябрю в Москве.

338 РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 7, 8 об., 11.

видеть»³³⁹. Отзвуки их очных разговоров можно уловить в письмах. Так, в сентябре 1784 г. Дьяконов отправил Воронцову пять фунтов свежего «коровья масла», проиграв в «споре о фельдмаршалстве» Алексея Григорьевича Разумовского. Судя по дате письма, спор — имел ли покойный капитан лейб-компанской роты и фаворит Елизаветы Петровны звание фельдмаршала — произошел 30 августа на именинах Воронцова, когда Дьяконов неизменно бывал в Мурине³⁴⁰. По какой-то причине Дьяконов спор проиграл: то ли запямятовал, когда шеф его «благодетеля» Сумарокова стал фельдмаршалом, то ли спутал его с братом Кириллом Григорьевичем, ставшим фельдмаршалом в 1764 г.³⁴¹

На протяжении тех лет, на которые приходится его переписка с Дьяконовым, Воронцов был сильно загружен служебными делами. Даже находясь в дороге, объезжая с ревизией губернии, он обсуждает будущие торговые трактаты с Францией и Австрией, получая письма от Безбородко «на штафете»³⁴². Одновременно он пишет частные письма, в том числе Дьяконову: из Москвы, Воронежа, Петрозаводска, Архангельска, Саратова. Отправка и получение писем в дороге было непростым делом, поэтому Воронцов заранее позаботился о доставке почты. Отправляясь ревизовать западные губернии и Малороссию в 1785 г. он указал управляющему:

Получаемыя на имя мое по адресам письма, в будущей понедельник как то будут получены, благоволите оной мне в Псков переслать, а потом

³³⁹ Там же. Л. 7, 9 (1786). Слово «переговорить»/«поговорить» (в том числе «как с другом»), встречающееся у Воронцова, очень важно: разговоры для него — неотъемлемая часть дружбы. В отличие от него, Дьяконов никогда не упоминает о необходимости «пере/поговорить». По мнению О.В. Хархордина, возможность говорить на языке, быстро и проблематично понятном внутри круга друзей, апеллируя к общему опыту, является особым «субкодом» или «надстройкой» над политической дружбой, характерными для современного представления о дружбе: Хархордин О.В. Послесловие. Дружба: пере-сборка? // Дружба: очерки по теории практик. С. 440, 443. Кроме того, современники опасались доверять важные темы письмам из-за боязни перлюстрации. Отчасти «переговорить» нужно отнести и на счет этих опасений, несмотря на тесную дружбу Воронцова с М.М. Эчком — директором Петербургского почтамта.

³⁴⁰ «... я в привычке был иметь у себя вас уже несколько лет сряду», — сожалел Воронцов о его отсутствии в 1787 г. (письмо № 28).

³⁴¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 4 об. А.Г. Разумовский получил это звание в 1756 г.

³⁴² А.А. Безбородко — А.Р. Воронцову, 8 июля 1785 г. // АКВ. Кн. 13. С. 75–83; А. Р. Воронцов — А.А. Безбородко, б.д., июль–август 1785 г. // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 36. Д. 399. Т. II. Л. 565–604.

вторичную почту в Полоцк; третичную ж [в] Могилев, откуда я вас не оставлю уведомить, куда именно [нрзб] письма для получения моего пересылать³⁴³.

Особое значение регулярная переписка приобретала в ситуациях невозможности непосредственного общения (в отличие от современной дружбы, где, как полагают социологи, обязательствам поддержания отношений придается мало значения³⁴⁴). Само писание писем означало и продолжение дружбы, поэтому отказ от переписки подвергал отношения риску: сам нарушитель называл себя недостойным другом. При отсутствии времени достаточно было всего лишь пары строк, чтобы поддержать чувствительную (*sentimental*) связь между друзьями. Поэтому если один из корреспондентов не выполнял своих обязательств, он спешил извиниться и оправдать свое поведение — как правило, ленью, болезнью или просто отсутствием времени в силу профессиональных обязанностей³⁴⁵. Несмотря на свою занятость государственной важности делами, Воронцов тоже считал нужным оправдываться перед Дьяконовым: «Я чувствую себя, милостивой мой друг Алексей Степанович, не на деле, а наружно виновным пред вами, что давно к вам не писал, и два ваши письма оставил без ответа, *но сие не от нежелания писать к вам или недостатка дружбы, а истинно от недостатку времени и безпрестанного движения*, в коем я был, но все оное теперь к концу приходит» (письмо № 6), — писал Воронцов из ревизской поездки по губерниям, продолжавшейся в 1785 г. без перерыва около четырех месяцев³⁴⁶. В 1786 г. переписка прервалась в августе, но уже в начале октября Воронцов написал: «Я крайню виноват перед вами, мой милостивый друг Алексей Степанович, что давно к вам не писал <...> По отъезде вашем [из Мурина] я все был в суете и действительно мало имел свободное время» (письмо № 17)³⁴⁷.

В свою очередь, когда Воронцов замечал, что от Дьяконова давно не было писем, он мог дать понять, что недоволен этим фактом: «С са-мого отъезда вашего <...> я от вас ни строчки не имел, что, кажется, прежде не бывало» (письмо № 14)³⁴⁸, или, обернув в шутку, настойчиво

343 РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 9. Л. 2. (20 мая 1785 г.)

344 *Loiselle K.* Op. cit. P. 124.

345 *Ibid.* P. 125–126; А.Л. Зорин интерпретирует такие «эмфатические» извинения в письмах розенкрейцеров как признание ими своего нравственного несовершенства (*Зорин А.Л.* Указ. соч. С. 70.).

346 РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 2 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

347 Там же. Л. 18.

348 Там же. Л. 11.

потребовать ответа: «Но как тщетно ждать вас сюда [в Петербург] и ожидать ваши письма, решился я наперед сам к вам писать и спросить у вас самих о Алексее Степановиче: что он делает, здоров ли и навсегда ли Питербурх у него в опале» (письмо № 33)³⁴⁹. Тем не менее получение письма — всегда повод для выражения благодарности: «После моего письма к вам я получил, мой милостивой друг Алексей Степанович, два ваши письма, за которые благодарю вас, ибо всякий раз, когда лишен беседы вашей лично, по крайней мере беседа на письме с вами мне делает приятность» (письмо № 13)³⁵⁰. Воронцов выговаривал Радищеву, писавшему ему из Сибири, как он полагал, недостаточно часто, и тот вынужден был оправдываться: «В одном из последних писем вы, ваше сиятельство, укоряете меня в том, что я редко писал из Иркутска. Это, может статься, и верно, но не в моей воле было писать чаще, если только не посылать письма прямо почтой, что я полагал неблагоразумным делать в Иркутске»³⁵¹. Очевидно, что Радищев понимал упреки Воронцова не как фигуру речи, а как проявление заинтересованности, любопытства или нетерпения.

***

Почти каждое свое письмо к Дьяконову Воронцов заканчивал уверениями в дружбе и любви одновременно: «...более писать время не имею, ибо и здесь не много свободен, а скажу вам старое, что я вас искренно люблю и что вы во мне имеете и друга, и искреннаго почитателя» (письмо № 6)³⁵²; «писатель сего вас искренно любит и рад будет вас видеть» (письмо № 12)³⁵³. «Любовь», «искренняя любовь» — эти слова Воронцов, насколько мы можем судить, использовал в письмах к своим протеже. Его письма к А.Н. Радищеву не сохранились, но этими же словами Воронцов писал о нем его начальнику Г.Ю. Далю в 1784 г.: «Мне весьма приятно видеть из письма вашего, что вы Александром Николаевичем довольны, вы знаете, *сколько я его люблю*, и во всем, что до него касается,

³⁴⁹ Там же. Л. 27.

³⁵⁰ Там же. Л. 9.

³⁵¹ Цит. по: А.Н. Радищев — А.Р. Воронцову, 4 апреля 1792 г., Илимск // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 439. Очевидно, Воронцов полагал, что именно из Иркутска Радищев мог бы писать ему без особых опасений через генерал-губернатора Пиля и других чиновников, знакомых еще по Петербургу (см.: *Татаринцев А.Г.* Радищев в Сибири. М.: Современник, 1977. С. 196).

³⁵² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 2 об.

³⁵³ Там же. Л. 15.

участие принимаю»³⁵⁴. «Любовь», в его представлении, предполагала «участие» в жизни своих протеже, поэтому неслучайно Дьяконов, не сомневающийся в милостях и благодеяниях со стороны патрона, употребляет оба эти понятия в одной фразе: «...уверен будучи, что ваше сиятельство столь много любя и жалую меня, прямое изволите *принимать участие* в моем состоянии» (письмо № 24)³⁵⁵. Воронцов, в свою очередь, не просто был уверен, но *знал*, что Дьяконов готов «принимать участие» в нем: «...зная, что вы примааете участие в касающемся до меня, скажу вам <...>» (письмо № 18), и, видимо, находил подтверждение этому: «О себе уведомляю, зная, сколь вы дружески примааете участие во всем, до меня касающее <...>» (письмо № 7); и т.д.³⁵⁶

Аффектированные лексика и стиль были обычны для масонской переписки. Например, в своих письмах к Великому секретарю Ложи Англии Джеймсу Хезелтайну Елагин (от имени которого писал Лукин, владевший английским) обращался к нему «my beloved brother Hesseltine» («мой возлюбленный брат Хезелтайн»), а одно из писем заканчивается так: «The writer of this says the same thing to the most honest man, and at the same time to the most beloved» («Пишущий сие говорит то же самому честному и в то же время самому возлюбленному человеку из всех»)³⁵⁷. Образованная властная элита не только усваивает этот язык, но и умело пользуется им, как свидетельствует переписка Воронцова и его окружения 1770-х годов, прежде всего — П.В. Завадовского с Александром и Семеном Воронцовыми. «Граф Алексаха» и «Сенюша» — обращается он к своим товарищам и покровителям, вытаскивая его в Петербург из малороссийской канцелярии П.А. Румянцева. Завадовский требует у «Сенюши» прогонять его тоску письмами и выговаривает Александру Романовичу («наставнику», как он его называет) за его беспричинную вспыльчивость, но затем примирительно пишет с высоты своего статуса царицыного фаворита, пусть уже и отставленного: «Твою дружбу и твою

³⁵⁴ Цит. по: Старцев А. Радищев. Годы испытаний. С. 217 (Курсив в цитате мой. — М. Л.). Ср. в письме А.Р. Воронцова от 3 июля 1780 г. к отцу, собиравшемуся во время своей поездки по имениям заехать к отцу Радищева: «В проезде вашем по Пензенской губернии буде там увидите соседа нашего Николая Афанасьевича Радищева, прошу его милостию своею не оставить. Я очень люблю сына его, которой при мне два года был в Коммерц-коллегии, а теперь помещен в <Петербургскую> Таможню, в помощники коллежскому советнику Далю» (цит. по: АКВ. Кн. 5. С. 394).

³⁵⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 9; Там же. Л. 27 (письмо № 39).

³⁵⁶ Там же. Д. 68. Л. 4, 17, 43.

³⁵⁷ Цит. по: И.П. Елагин — Дж. Хезелтайну, 23 марта/3 апреля 1776 г. // Кросс Э.Г. Северные братья... С. 319.

откровенность я почитаю»³⁵⁸. Члены этого кружка были связаны взаимными обязательствами не только практического, но и эмоционального свойства, которые распространялись и на других корреспондентов из их ближайшего окружения: письма Воронцова к Дьяконову также проникнуты интересом к повседневной жизни и озабоченностью поддержания регулярности переписки.

Переписка внутри этого сегмента элиты, к которому оказался близок Дьяконов, строилась на новом коде чувствительности, укреплявшей свои позиции в среде образованного русского дворянства в конце XVIII в.³⁵⁹ Сочувствие, сострадание, участие в состоянии другого и приглашение участвовать в своем собственном были одними из главных маркеров нового понимания межличностных отношений и условием взаимной симпатии. В переписке она транслировалась с помощью апелляции к воображению корреспондента³⁶⁰. В письме от 3 апреля 1799 г. близкий к Воронцову Н.А. Львов, находившийся в это время, совершенно безутешным, у постели умирающего Безбородко, предлагал Александру Романовичу разделить его чувства: «...две недели уже сидим мы у него с утра до вечера, и ваше Сиятельство *легко представить можете, каково видеть* в сем состоянии человека утешающего»³⁶¹. Два с половиной месяца спустя он еще не отошел от «потери невозвратимой» и, будучи не в состоянии писать сам (поскольку страдал от болезни глаз), предпочитал вовсе не писать ничего о своих чувствах: «Глаза мои не допускают меня писать самого все то, что *чужою рукою к вашему сиятельству мне писать не хочется*. Я не писал ничего к вам о кончине князя, право не мог, и теперь вижу вокруг себя плачущих»³⁶². Когда осенью 1788 г. Дьяконов был вынужден из-за своей прогрессирующей болезни диктовать письма «мальчику», он счел нужным объяснить Воронцову, что его высказывание не может быть аутентичным, так как не исходит непосредственно от него, а переносится на бумагу рукой посредника:

³⁵⁸ «А что я тебя люблю, то ты знаешь» (цит. по: АКВ. Кн. 12. С. 12 и далее).

³⁵⁹ Marrese M.L. Performing Womanhood in Eighteenth-Century Russia: Cultural Identity in the Letters of Ekaterina Rumiantseva and Dar'ia Saltykova // The Europeanized Elite in Russia. P. 106.

³⁶⁰ Frede V. Sympathy in the Russian Sentimental Letter of the 1770s // Avtobiografiya. 2021. No. 10: Epistolary Emotions in Early Imperial Russia (1770–1830). P. 31–56, особ. p. 34. <<https://www.avtobiografija.com/index.php/avtobiografija/article/view/243/231>> (дата обращения: 20.01.2022).

³⁶¹ Цит. по: Львов Н.А. Указ. соч. С. 351–353. Оригинал письма чужой рукой под диктовку, но содержит приписку рукой Львова (см.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 714. Л. 35–35 об.).

³⁶² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 714. Л. 37.

Весьма не хателось мне не своею рукою писать к Вашему Сиятельству отчета и благодарности моя за добротное Ваше обо мне воспоминание письмом от 30 сентября из Мурина писанным, тем бо́лея что я диктовать или сказывать совсем не привык и не умею; а потому думаю, что сие письмо выдет не очень складно³⁶³.

Поскольку переписка была неотъемлемой частью умения существовать в обществе (*sociabilité*), один и тот же человек должен был в идеале владеть несколькими регистрами письма. Так, важная черта писем Воронцова к Дьяконову — замена во всех без исключений письмах стандартной формулы обращения «милостивый государь» на «милостивый друг», что сразу переводило разговор в личное пространство. Этот прием был возможен только в узком кругу, как видно из принципиально отличных по своей стилистике писем, которыми Воронцов обменивался в те же 1780-е годы с М.М. Щербатовым. Письма к нему соответствовали этикету переписки между равными по статусу: они содержат вынесенное в отдельную строку обращение «Милостивый государь мой, князь Михайла Михайлович!», а также обязательную формулу-завершение: «Надеюсь <...> иметь честь быть с неперменным почтением и искреннею преданностию вашего сиятельства милостивого государя моего»³⁶⁴. «Всепокорнейший слуга», которым подписывался Дьяконов, на этом фоне выглядит как признак фамильярности: будучи калькой с французского «*très obeisant serviteur*», эта формула принадлежала языку учтивости и давно потеряла свой изначальный смысл³⁶⁵.

Отвечая Воронцову, Дьяконов, с одной стороны, предпочитал оставаться в пределах «языка учтивости»: «[Ваше назначение в Совет] и само по себе весьма меня обрадовало, а видя в нем и ваше удовольствие с получением нового и знаменитого места, усугубило мою радость», — отвечал он Воронцову на его сообщение о полученном им приглашении войти в Совет при императрице (письмо № 29). С другой стороны, Дьяконов умел в определенной степени пользоваться языком чувств: «...повествование о [вашей] болезни [меня] столь чувствительно тронуло, что я позабыл свою болезнь ноги» (письмо № 5); «Не имея щастия получать и видеть близко трех месяцев от вашего Сиятельства ни единыя строки, не только о том сожалел крайне, но и *скучал уже несказанно*» (письмо № 34)³⁶⁶.

³⁶³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 29.

³⁶⁴ А.Р. Воронцов — М.М. Щербатову // Архив русской истории. С. 503 и след.

³⁶⁵ Kettering S. Patrons, Brokers, and Clients... P. 22.

³⁶⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 13, 30, 35 (Курсив в цитатах мой. — М. Л.). Об истоках языка учтивости см.: Kettering S. Patrons, Brokers, and Clients... P. 22. III. Киттеринг возражала против концепции, согласно которой именно

В то же время для его стиля характерно стремление к самоограничению, поскольку лаконичность была одним из нормативных требований, предъявлявшихся к письмам вышестоящему лицу. Знаком готовности Дьяконова удерживаться в рамках этой эпистолярной модели было слово «многоглаго́лание», которое он употреблял, если письмо затягивалось или если он видел, что открывает, что у него «есть в мыслях и на сер[д]це», т.е. пускается в «ненужную откровенность», в которой Воронцов, по его мнению, не нуждался. «Многоглаго́лание» всегда описывается негативно, как «пространное и для вас ничего не значущее», которым он «обременил» Воронцова («и более наговорил, нежели должно») и поэтому просит прощения (за «сие мое неприятное, конечно, для вас многоглаго́лание»)³⁶⁷.

С точки зрения придворной культуры предшествующей эпохи, «излишняя говорливость» была неверной тактикой поведения для «политика». Чтобы добиться успеха, полагалось «временщиков и высоких министров склонности искать», для чего хотя и нужно быть достаточно образованным, но не слишком предаваться «философии», как советовал автор одного из самых популярных «политических» трактатов рубежа XVII–XVIII вв. — сочинения «Кузнец политического счастья, или Истинная политика знатных и благородных особ» — Х.Г. фон Бессель³⁶⁸. Автор учит светскому обхождению при дворе, который подобен «кузнице, в которой щастие — ковач, фавориты же — молот; железо же — чести ищущие человецы»³⁶⁹ (ландшафт, несомненно, понятный Дьяконову), и молчание здесь прямо противопоставляется «многоглаго́ланию» как

эмоциональная связь являлась базовой для возникновения отношений преданности между патронами и клиентами. Она полагала, что преданность (*loyalty*) не всегда была эмоциональной (*affectionate*), а ее степень была различной в каждом случае. (Ibid. P. 20–21.)

³⁶⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 11, 7, 33, 31 об.

³⁶⁸ Neuvermehrter Politischer Glücks-Schmid; Mit allerhand Zum Hof- und Welt-Leben dienenden, und auf gegenwärtige Zeiten absonderlich gerichteten heylsamen und höchstnöthigen Lehren. Franckfurt: Liebezeit, 1697. Рус. пер.: Истинная политика знатных и благородных особ / Переведена с французского чрез Василия Тредиаковского Санктпетербургския Академии наук секретаря. СПб.: При Имп. Академии наук, 1737. Различные переводы этого текста сохранились в многочисленных списках, самые поздние из переводов восходят к переводу Тредиаковского. См. образцы переводов труда Бесселя в «Корпусе русских общественно-политических переводов XVIII века». <<http://krp.dhi-moskau.org>> (дата обращения: 21.10.2021).

³⁶⁹ Цит. по: Бессель Х.Г. Политического счастья ковач // НИОР РГБ. Ф. 256. № XVII. Л. 108 об. — 112 об. (наставление 45: «о много глаголании и оному противопоставленном молчании»), 38 об.

«правильный» способ добиться успеха. Подобно Радищеву (ср: «...но я примечаю, что уже превысил пределы вашего сиятельства терпения и для того оканчивая, есмь и пр.»³⁷⁰), Дьяконов как будто боится наскучить своему читателю — занятому вельможе — длинными письмами, т.е. навредить докучливыми рассказами своим привилегированным отношениям с Воронцовым³⁷¹.

Вместе с тем, с лексической точки зрения, «многоглаголанье» — славянизм, характерный для высокого слога. Он вносит в текст экспансивность, свойственную языку патрон-клиентских отношений³⁷². Термин «многоглаголанье» также принадлежит «приказному» языку, против которого восставал еще «благодетель» Дьяконова Сумароков. Ведя борьбу с «подлым употреблением» («Коль “аще”, “точию” обычай истребил, / Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?»³⁷³), к которому они относили и «приказные» слова, Сумароков и Тредиаковский, однако, не выделяли при этом «приказный язык» как особый социальный диалект, а рассматривали его как неправильность, диалектизм (архаический, вульгарный, нарочито книжный язык). Позднее борьбу с церковнославянской языковой стихией под знаменем борьбы с «подьяческим» или «семинарским» языком развернули карамзинисты, тем самым эксплицитно переводя полемику в социолингвистическую плоскость: славянизмы осмысляются им как речевые признаки поповского или приказного слоя³⁷⁴. Из числа слов, относимых Карамзи-

³⁷⁰ Цит. по: А.Н. Радищев — А.Р. Воронцову, 15 марта 1791 г., Тобольск // АКВ. Кн. 5. С. 295.

³⁷¹ Бодэн Р. Простота стиля и конструирование идеального эпистолярного «я»: пример писем из ссылки Александра Радищева // Avtobiografija: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2013. No. 2. P. 28. <<https://www.avtobiografija.com/index.php/avtobiografija/issue/view/2>> (дата обращения: 20.10.2021); ср. в недатированном письме А.Н. Радищева к А.Р. Воронцову: «...надеяся на ваше снисхождение, я все писал, что мне в голову придти могло, и от пространства моего маранья произошло, что я умедлил сие доставить к вашему сиятельству...» (АКВ. Кн. 5. С. 285). Или: «Извините, милостивой государь, длину моего маранья, снисхождение ваше тому причиною» (А.Н. Радищев — А.Р. Воронцову, 17 июня 1785 г. // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 315). Радищев употребляет нарочито сниженное слово «маранье», как будто не хочет, чтобы корреспондент придавал слишком много значения его словам (Курсив в цитатах мой. — М. Л.).

³⁷² Многоглаголанье, многоглаголивість // СРЯ XVIII. Вып. 12: Лъстец — Молвотворчество. СПб.: Наука, 2001. С. 227.

³⁷³ Сумароков А.С. Избранные произведения. С. 115.

³⁷⁴ Успенский Б.А. Языковая программа карамзинистов: западноевропейские истоки // Успенский Б.А. Вокруг Тредиаковского: Труды по истории русского

ным к «приказным», в письмах Дьяконова во множестве встречаются «дабы» и «колико». Уже упоминавшееся «многоглаголанье» можно было отнести, по мнению Карамзина, к тем же семинаризмам как однокоренное церковно-славянскому «разглагольствовать»³⁷⁵. Дьяконову, однако, в силу его происхождения и первоначального образования этот язык оставался близким и понятным. Он продолжал пользоваться им, несмотря на то что такая лексика «выдавала» его происхождение и столь презируемый Сумароковым род деятельности его предков — если только это не была скрытая ирония над самим собой (ведь Воронцов был хорошо знаком с его биографией). Так или иначе, письма Дьяконова, со всеми особенностями его эпистолярного стиля, тем самым в известной степени отражают языковую ситуацию и лингвистические баталии середины XVIII в.³⁷⁶

«Вас искренно люблю...»: дружба неравная и чувствительная в конце XVIII в.

Публикуемая переписка приходится на те годы, когда в русском образованном обществе шло становление новых форм отношений между индивидами, в том числе и нового типа дружбы. Разумеется, дружба среди людей существовала и прежде. Историк М.М. Кром, показывая на примере комплексов переписки XVI и XVII вв., что в Московском государстве, подобно другим европейским социумам раннего Нового времени, была распространена культура патронажа, приводит примеры употребления слова «друзья» уже в допетровскую эпоху в качестве эвфемизма и одновременно перевода для латинских слов *cliens*, *patronus*, *clientele*³⁷⁷. Понятие «друг» продолжало использоваться в том же привычном смысле и в XVIII в., обозначая широкий спектр людей, к которым испытывали привязанность, включая патронов, клиентов и близких родственников³⁷⁸. К концу XVIII в., однако, складывается новое представление о дружбе,

языка и русской культуры. М.: Индрик, 2008. С. 34, 43–44, 47–48, 71; Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. С. 302–303.

³⁷⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 20 («колико»); Л. 3, 7, 11, 31 об., 33, 20 об. («многоглаголанье»). См. об этом: Успенский Б.А. Указ. соч. С. 34.

³⁷⁶ См. об этом: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. С. 277–288.

³⁷⁷ Krom M. Formen der Patronage in Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N.F. Bd. 57. 2009. No. 3. S. 326.

³⁷⁸ В раннее Новое время в Англии и Франции слово «друг» (*friend*, *ami*) могло обозначать того, кто оказывал помощь советом, делового партнера, родственника, супруга, родителя, любовника, соседа или патрона. Kettering S.

близкое к современному. Иными словами, этот сегмент человеческих отношений «пере-собирается»³⁷⁹.

Отголоски этого процесса видны в переписке Воронцова и Дяконова, в которой мы находим взаимное наложение разных моделей дружбы и даже конкуренцию между ними. Одна из сторон навязывает и даже заставляет корреспондента принять это новое понимание дружбы, а другая сторона как будто не понимает и вежливо, но настойчиво отвергает его, предпочитая оставаться в рамках старой парадигмы. По наблюдениям исследовательницы В. Фреде, несмотря на устойчивость *ancien régime* и глубокую укорененность патрон-клиентских отношений в структурируемой ими политической жизни, некоторые свойственные патрон-клиентским отношениям формы зависимости и подобиострастия стали казаться в России конца XVIII в. неприемлемыми и унижительными. В обществе все больше распространялся новый, «руссоистский», тип отношений, не подразумевавший «услуг» или «служения», но основанный на добровольной преданности и взаимной привязанности³⁸⁰. Два эти типа отношений противопоставляются друг другу у Ж.-Ж. Руссо, в частности, в «Эмиле, или О воспитании»:

Привязанность может обходиться без взаимности, но дружба — никогда. Она есть обмен, договор, как и всякий другой, но она — самый священный из всех договоров. Слово «друг» не имеет другого соотносительного слова, кроме себя самого. Человек, который не есть друг своего друга, есть, несомненно, плут, ибо, только выказывая дружбу или притворяясь другом, можно добиться ее³⁸¹.

В русском обществе 1770–1780-х годов развернулась настоящая конкуренция между различными моделями дружбы: более архаичной «политической»³⁸² и новой, базирующейся на чувстве, но не ограничивающейся сердечной привязанностью. В конце XVIII в. «Словарь Академии Российской», давая определение слову «дружба», транслировал

Friendship and Clientage in Early Modern France // French History. 1992. No. 6. P. 143; Loiseau K. Op. cit. P. 2.

³⁷⁹ Об этом см.: Хархордин О.В. Указ. соч.

³⁸⁰ Frede V. Friends: Gilbert Romme and the Stroganovs // Вивлиоика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2015. Vol. 3. P. 71.

³⁸¹ Цит. по: Руссо Ж.-Ж. Эмил, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. Г.Н. Джибладзе. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 274 (Кн. IV. Правило III).

³⁸² Тип дружбы, свойственный людям до наступления Нового времени, как его описывает О.В. Хархордин. Этот тип основан на «базовых», «весомых» принципах: обмене, даре и отдаривании (см.: Хархордин О.В. Указ. соч. С. 444–445).

и старое представление о дружбе как отношениях «политических», и новое понимание ее как «чувства». Для первого были характерны требования «почтения», «доверенности», «сходства нравов» и «честности», т.е. добродетелей, свойственных человеку, разделяющему общие представления о том, что есть общее благо³⁸³. Автор многоязычного словаря 1780-х годов перевел на русский, немецкий и латынь французское слово «amitié» тремя разными способами: как собственно «дружба, дружество» («Freundschaft», «amicital»); как «дружеское, приятельское обхождение» («gemeinschaftliche Vertraulichkeit», «familiaritas»); а также как «благосклонность, милость» («Gunst», «favor»). Приведенный им в качестве примера фразеологизм «gagner l'amitié d'un chacun» означал «со всяким дружить, во всех милость находить» («jedermann sich zur Freunde machen, cujusvis inire gratiam»), т.е. охватывал ту часть семантического поля, которая была связана с отношениями патронажа, структурировавшими не только политическую жизнь, но и повседневность чиновничества и офицерства³⁸⁴.

Политическая дружба и патронаж по определению предполагали неравенство. Ее идейный источник восходит к аристотелевской этике: способность индивидов в обществе, включая неравных по своему социальному положению или политическому статусу, формировать дружеские отношения — свидетельство здоровья политического порядка и отсутствия деспотизма³⁸⁵. Аристотель описывает три вида дружбы — дружбу ради пользы, дружбу ради удовольствия и добродетельную дружбу — как равно легитимные. В этой триаде дружба ради пользы — это как раз политическая дружба, так что неравные отношения вполне вписываются в представление о дружбе у античных мыслителей, не видевших в таких отношениях ничего восторженного или неполноценного. Однако в XVII и XVIII вв. европейская мысль постепенно отбрасывает представления о возможности прагматической и договорной дружбы³⁸⁶. Важную роль

³⁸³ Словарь Академии Российской. Т. 2: От Г до З. СПб.: При Имп. Академии наук, 1790. С. 768; Калугин Д.Я. Указ. соч. С. 253–254.

³⁸⁴ Соу И. Nouveau Dictionnaire Francois, Italien, Allemand, latin et Russe / Новый лексикон, или словарь на французском, итальянском, немецком, латинском и русском языках. Ч. 1. А–F. М.: Унив. типогр. у Новикова, 1784. С. 38. О новом сентименталистском представлении о дружбе как о «чувстве» см.: Калугин Д.Я. Указ. соч. С. 256–257.

³⁸⁵ Golburt L. Vasilii Petrov and the Poetics of Patronage // Вивліоєніка. 2015. Vol. 3. P. 62.

³⁸⁶ Roshchin E. Friendship Among Nations. History of a Concept. Manchester: Manchester Univ. Press, 2017. P. 7–8.

играла здесь рецепция трактата Цицерона «О дружбе», в котором философ пересматривает аристотелевскую концепцию: у него дружба — не сугубо частная связь с уникальной личностью, а отношения общественные, сопровождающиеся выявлением в другом общих, объективных (требуемых республиканским правлением) и разделяемых обоими друзьями критериев добродетели. Дружба возможна между теми людьми, которые похожи друг на друга своей добродетелью³⁸⁷.

До прихода эпохи сентиментализма (раннего романтизма) обращение к этой античной традиции было для интеллектуалов способом установления близких личных отношений между людьми на разных ступенях иерархии. Риторическому стиранию границ между аристократами и теми выходцами из непривилегированных слоев, кто добился их признания своими заслугами, способствовала прежде всего рецепция Горация с его «культом дружбы»³⁸⁸. В переводах Горация, начало которым было положено А.Д. Кантемиром, античный мир «приспосабливался» к представлениям русского читателя XVIII в., а сам Гораций становится к 1760-м годам частью русского литературного канона³⁸⁹. Благодаря этому распространялись и представления о возможности «неравной дружбы» между людьми разного статуса. Особенно большой успех имели переводы Н.Н. Поповского: они были точны и хорошо понятны современникам, поскольку использовали практику осовременивания языка, «де-антикизируя» его³⁹⁰. Тема отношений с Меценатом, одна из центральных у

³⁸⁷ Loiselle K. Op. cit. P. 34.

³⁸⁸ Некоторые специалисты, глядя сквозь поэтический канон романтизма, считают горацiansкую поэзию источником сентиментализмского «культа дружбы». См. критику такого подхода: Шарф К. Указ. соч. С. 411.

³⁸⁹ Веселовский А.А. Кантемир — переводчик Горация: Классический мир в представлении русского писателя первой половины XVIII в. Пг.: Типогр. Имп. Акад. наук, 1914. С. 3–4; Ospovat K. Op. cit. P. 242.

³⁹⁰ Busch W. Horaz in Rußland: Studien und Materialien. München: Eidos Verlag, 1964. S. 57. Впервые в переводе «Эпистол» Горация у Кантемира в примечании к первому стиху I эпистолы в русском культурном пространстве появился Меценат — «приятель» и «благодетель»: «Кайи Клитий Меценат, к которому письмо сие писано, был один из главнейших министров и временщик Августа Кесаря, над всеми ему любимый, особливый защитник наук и ученых людей, искренной приятель и благодетель Горациев» (*Кантемир А.Д. Письма Квинта Горация Флакка // Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. 1. СПб., 1867. С. 390*). Н.Н. Поповский в переводе оды III, 1 переводит «clientium» как «знакомцев» и «друзей»: «А сей знакомцами обставлен, / Толпой друзей, идущих вслед» (цит. по: Н. П. [Поповский Н.Н.] Непросвещенны отступите // Полезное увеселение. 1760. № 7. С. 3–5 (Курсив в цитате мой. — М. Л.)).

Горация, хорошо накладывалась на реалии патронажа, как он существовал в придворном обществе. При этом между патронажем и петровской моделью всеобщей службы существовала напряженность, заметная в сатирах Горация в переводе И.С. Баркова³⁹¹. В своей Шестой сатире Гораций признает допустимым и несправедливым успех, достигнутый с помощью покровителей. Он не равен незаслуженному успеху:

Иное подлому иметь честь без заслуг,
Другое дело, что тебе я стал быть друг,
Которой с выбором дружишься осторожно,
Не с тем, чтоб пред людьми гордиться было можно³⁹².

Горацианская поэзия, полагает К. Осповат, прочитывалась читателем XVIII в. как неприкрытое восхваление фаворитизма по сравнению с честным восхождением по служебной лестнице — единственным законным основанием для повышения социального статуса в послепетровской России. Для тех, кто происходил из непривилегированных слоев, неформальная служба патрону представлялась вполне легитимным путем построения карьеры³⁹³. Так, для придворного поэта В.П. Петрова, современника Дьяконова и Воронцова, Гораций, наряду с Пиндаром, были культурными моделями, на которые он равнялся, создавая свою поэтику «неравной дружбы». В ней обмен материальных благ на панегирики и оды хотя и не выставлялся так откровенно напоказ, как у античных поэтов, но был вполне законным³⁹⁴.

В России в XVIII в. не было недостатка в специальных трактатах, дававших нормативные предписания о том, что следует считать дружбой и какой она должна быть³⁹⁵. Приблизительно с 1760-х годов дебаты о конкурирующих моделях дружбы и о том, кого можно считать друзьями, заняли прочное место и на страницах журналов, которые могли находиться в поле зрения наших корреспондентов. Одна из первых полемик по этому вопросу развернулась на страницах журнала «Невинное упражнение»,

³⁹¹ Ospovat K. Op. cit. S. 254.

³⁹² Цит. по: Барков И.С. Квинта Горация Флакка сатиры или Беседы с примечаниями. С. 49–50.

³⁹³ Самый известный пример — М.В. Ломоносов, для которого горацианский дискурс имел решающее значение, поскольку легитимировал его исключительную карьеру (см.: Ospovat K. Op. cit. S. 250).

³⁹⁴ Golburt L. Op. cit. P. 57.

³⁹⁵ См. подробно об этих трактатах: Фреде В. Как в Россию пришла идея, что гувернер может быть другом: Строгановы и Жильбер Ромм, 1779–1790 годы // Идеал воспитания дворянства в Европе. XVI–XIX века / под ред. В. Ржеуцкого, И. Федюкина, В. Береловича. М.: НЛЮ, 2018. С. 187–188 (сн. 26, 27).

издававшегося в течение первого полугодия 1763 г. И.И. Богдановичем и Е.Р. Дашковой. Учитывая, что вышло всего шесть номеров этого журнала, можно сказать, что частота публикаций на эту тему в нем была довольно высокой. Публикации были анонимными и, вероятно, переводными. Уже в первом номере был напечатан очерк о дружбе, проникнутый стоицистской идеей о добродетели как условии обретения дружбы. Автор утверждал, что далеко не все обладают добродетелями, необходимыми для дружбы: «Всякой может дать просторнейшую роспись добродетелей и достоинств, коих он в друге найти желает; но есть ли хотя один старающийся себе оныя приобрести?». Дружба, писал автор, это «сильнейшая между двух особ склонность, побуждающая всякаго из них рачить о благополучии друга»³⁹⁶. Будучи «склонностью», основанной на добродетелях, дружба представлялась автору абсолютным благом.

Автор другого очерка, основной темой которого были «источники страстей»³⁹⁷, считал дружбу одним из таких источников, наряду со скупостью и любовью к славе (честолюбием). Причисляя дружбу к вредным «страстям», автор, по сути, возвращался к очищенной от позднейших наслоений аристотелевской концепции дружбы как полезной и основанной на взаимной выгоде:

В нынешнем образе нашего состояния люди не соединены никакою общемою пользою. Для счастья меньше имеют нужды в друзьях, нежели в милостивцах. Отворяя входы во все дома, сластолюбие, кое называют разумом общества, лишило многое число людей нужды в дружелюбии³⁹⁸.

Автор отрицал более позднюю, идущую от Цицерона, стоицистскую концепцию дружбы как связи между людьми (мужчинами), имеющими равные добродетели, утверждая, что добродетели относительны («...одинакия добродетели в разныя времена имеют различныя цены, так как не равную пользу они приносят в каждом веке»³⁹⁹). Вместо добродетели он выдвигал «нужду» как основание дружбы: «...и чем нужда боле, тем

³⁹⁶ Опыт о дружбе // Невинное упражнение. 1763. № 1. С. 33–37, цит.: с. 33.

³⁹⁷ Публиковавшийся во всех шести номерах очерк «Об источнике страстей» был переводом IX–XIV глав «Третьего рассуждения» книги Гельвеция «Об уме». Автором перевода была Е.Р. Дашкова (см.: Кучеренко Г.С. Сочинение Гельвеция «Об уме» в переводе Е.Р. Дашковой // XVIII век: сб. 21 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 1999. С. 222, 225–226). Степень «творческой переработки» трактата Гельвеция переводчицей требует отдельного исследования.

³⁹⁸ Продолжение о источнике страстей. О дружбе // Невинное упражнение. 1763. № 6 (июнь). С. 271–285, цит.: с. 279.

³⁹⁹ Там же. С. 278.

сильнее дружба». Чтобы, однако, не показаться архаичным последователем Аристотеля, автор модернизировал его концепцию, заявляя, что нужда принадлежит новому миру — миру чувствования. Разные формы правления, нравы, статус («состояние») и эпоха («времена») больше или меньше благоприятствуют дружбе, продолжал он, а она сама возникает из «нужды»:

Множество людей нарекаются истинными друзьями для того, чтобы значить что-нибудь в свете. Одне делаются нанятыми просителями о чужих делах, чтобы избегнуть тем от скуки, не имея никакого дела; другие оказывают услуги, делая их для одолженных ими ценою скуки и ценою потери их вольности; а некоторые думают, что они достойны дружбы потому, что будут верны хранители доверенности, и что они имеют добродетель крепкого сундука⁴⁰⁰.

Защищая необходимость «нужды», т.е. пользы и взаимной выгоды, как основы для дружбы, автор «Источника страстей» скептически относился к возможности дружбы среди своих современников: «Нет более дружбы; не присоединяют более к имени друга того понятия, которое люди имели прежде». В своем скепсисе он прямо отсылает читателя к Аристотелю: «Можно в сие время сказать с Аристотом: *О! мои друзья, нет более друзей на свете!*»⁴⁰¹. Теперь, перейдя в разряд чувствований, дружба хотя и не вызывает более такого же почтения, как прежде (дружба «есть непрестанная перемена чувствований, или горячности, или холодности...»⁴⁰²), но по-прежнему не бескорыстна: «Никто не любит нас для нас единственно, но всегда для какой ни будь причины; и корысть не меньше бывает нужна как другая пользы дружества»⁴⁰³. Далее автор, пытаясь найти выход из ловушки, в которую сам же себя и завел, пишет об «истинной дружбе», подобной той, что существовала у греков и скифов: способными к ней можно считать только тех, кто свободен от сильных страстей, равных «чувствованию», а значит, добродетелен⁴⁰⁴.

О том, что эта полемика не прошла незамеченной для современников, свидетельствует одно из первых стихотворений М.Н. Муравьева, написанное им в юности (около 1770 г.)⁴⁰⁵. Оно обращено к его товарищу по гимназии Московского университета Ивану Петровичу Тургеневу:

⁴⁰⁰ Там же. С. 276–277.

⁴⁰¹ Там же. С. 278–279, примеч. (д).

⁴⁰² Там же. С. 275–276, примеч. (в) и (г).

⁴⁰³ Там же. С. 271, примеч. (а).

⁴⁰⁴ Там же. С. 281.

⁴⁰⁵ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 42.

Умолкните вы днесь, клеветуши усты,
Гласящи дружбу быть подобием мечты,
Не ощущаю в вас сердца ожесточенны, —
Не чувственными быть они приобученны, —
Глаголите вы так: «*Корысть всему предмет*
Она есть дружбы глас, без дружбы нужды нет»⁴⁰⁶.

Последние две строки — обращение к оппоненту — защитнику дружбы как «нужды», «прибыли» и «корысти» — представляют собой резюме размышления о дружбе как «источнике страстей» в «Невинном упражнении», а все стихотворение, как нам представляется, — прямой отклик на него. Вообще 1770–1780-е годы становятся ключевыми для формирования концепта дружбы как «чувствования»: он вытесняет постепенно все остальные, причем происходит это во многом благодаря тому, что понятия, связанные с дружбой, в литературе и поэзии обретают возвышенные коннотации. И именно Муравьев, по наблюдению В.Н. Топорова, одним из первых закрепил в литературе связь между двумя группами понятий: «дружба, дружество, друзья, друг», с одной стороны, и «чувство, чувствительный, сердце» — с другой⁴⁰⁷.

Лишь вместе с представлением о дружбе как о чувстве пришло представление о том, что «истинная дружба» возможна только между равными и предполагает взаимность⁴⁰⁸. Во многом это предопределило синхронность развития сентиментальной чувствительности и формирования в XVIII в. публичной сферы с ее межсловными формами общения⁴⁰⁹. «Становиться друзьями» в эту эпоху все чаще означало «практиковать равенство» во всех возможных смыслах, включая социальное и гендерное⁴¹⁰. В Россию представления о равенстве, вытекавшие из идеи

⁴⁰⁶ Здесь цит. по автографу: Стихотворения и переводы из античных авторов [1770–1780-е годы] // ОР РНБ. Ф. 499. Д. 53. Л. 17 об. (Курсив в цитате мой. — М. Л.). Первая публикация в издании: *Муравьев М.Н. Дружба*. К Ивану Петровичу Тургеневу // *Муравьев М.Н. Стихотворения* / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л.И. Кулаковой. Л.: Советский писатель, 1967. С. 83–84, цит. по др. автографу, поэтому разночтение в последней строке: вместо «Она есть дружбы глас» — «Она есть дружбы мать». Считается незаконченным (см.: Там же. С. 327; *Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 560–561).

⁴⁰⁷ *Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 563.

⁴⁰⁸ *Loiselle K.* Op. cit. P. 2; *Frede V.* Friends: Gilbert Romme and the Stroganovs. P. 71.

⁴⁰⁹ *Магун А.В.* К истокам мрачных чувств // *Неприкосновенный запас*. 2013. Т. 89. № 3. С. 202.

⁴¹⁰ Акцент сместился еще в XVII в.: «становиться друзьями» означало «практиковать равенство», утверждается в работе: *Wilkin R.M.* Making Friends, Practicing Equality: The Correspondence of René Descartes and Princess

единства человеческой природы, проникали начиная с 1760-х годов вместе с трудами Гольбаха, Дидро, д'Аламбера и других просветителей⁴¹¹. В вопросе о необходимости или степени допустимости равенства просветители маневрировали между двумя полюсами, задававшимися понятиями «общество» (*société*) и «жизнь в обществе» (*sociabilité*), каждому из которых были посвящены статьи в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. *Sociabilité*, как утверждал автор одноименной статьи Луи де Жокур, зиждется на универсальной природе людей: все равны, потому что у всех одинаковые способности и интересы. В противоположность дружбе — сердечной привязанности, в обществе, в светской жизни (*sociabilité*) «дружелюбие» и любезность позволяют легко завязывать нужные связи и использовать дружеское расположение высокопоставленных друзей для достижения вполне прагматических целей⁴¹². Другой автор «Энциклопедии», философ и хозяин одного из самых известных салонов эпохи Просвещения Поль Анри Гольбах настаивал, что титулованные дворяне должны *забыть сами и* заставить других забыть об их превосходстве от рождения, однако привилегии не должны быть отменены. «Демократическое равенство», уравнивание в чинах, по его мнению, противоречит естественному закону и приводит к анархии⁴¹³.

Первыми немногочисленными «импортерами» этих идей в Россию были молодые русские аристократы, совершавшие свои *grands tours* по европейским странам, а затем выписывавшие новинки французской литературы. К этой категории просвещенных аристократов относился, безусловно, и граф А.Р. Воронцов. О том, что к 1780-м годам, на которые пришлось публикуемая здесь его переписка с бригадиром А.С. Дьяковым, вопрос о возможности равных, взаимных и искренних отношений между лицами разных состояний был предметом рефлексии среди образованной элиты, свидетельствует повторная публикация в 1788 г. «Рассуждения о равенстве состояний» Вольтера в «Новых ежемесячных сочинениях»⁴¹⁴. Равенство всех людей, утверждалось в сочинении, восходит к

Elisabeth of Bohemia // *Men and Women Making Friends in Early Modern France* / L.C. Seifert, R.M. Wilkin (eds). Burlington: Ashgate, 2015. P. 161–187, особ. 163–165.

⁴¹¹ См. обзор дискуссии о *société* и *sociabilité* в предреволюционной Франции: Gordon D. Citizens without Sovereignty. Equality and Sociability in French Thought, 1670–1789. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press., 1994. P. 65 и далее.

⁴¹² Калугин Д.Я. Указ. соч. С. 255–256.

⁴¹³ Gordon D. Citizens without Sovereignty. P. 67 и след.

⁴¹⁴ Впервые: [С.И. Глебов] Речь о равенстве состояний // Невинное упражнение. М., 1763. № 1. С. 5–10. См. разбор: Кучеренко Г.С. Указ. соч. С. 225.

божественному замыслу: поскольку божество вложило в каждого «желанье, разум, страсть» в равных частях, то возникает всеобщее равновесие:

...из них всех человек здесь состоит равно,
И равновесие в нас Бог вложил одно⁴¹⁵.

***

Описав общий идейный контекст, в котором развивались представления о дружбе во второй половине XVIII в., необходимо сказать о значимости отношений дружбы в масонском кругу, к которому в той или иной степени принадлежали оба корреспондента. Не располагая нужными сведениями о елагинских ложах, обратимся к свидетельствам из круга розенкрейцеров Н.И. Новикова, знавшего, как мы помним, Дьяконова по Петербургу. Дружба в ее новом качестве — как тесная, интимная межличностная связь, основанная на чувстве, — довольно рано была востребована розенкрейцерами. Анонимный автор очерка «О дружбе», опубликованного в новиковском журнале «Утренний свет», обратился к проблеме взаимности в дружбе. Прежнее понимание дружбы, основанное на служении, допускало несбалансированность, неравномерность отношений, в то время как основа взаимности — не оказываемые услуги, но чувства. В дружбе людей связывает «согласие чувствий»⁴¹⁶, как в браке:

Дружба есть согласие воли между двумя лицами. Я не думаю, что сие чувство не могло быть и между лицами разного пола. Надлежит, чтоб во дружестве, так как и во брачной любви [sic], было согласие чувствий: без чего не может оно являть искренняго и взаимнаго усердия⁴¹⁷.

«Чистосердечное желание оказывать услуги другому» и пользоваться таковыми же от него, полностью исключая при этом корысть, «душевная склонность, заставляющая хвалить искренно и от другаго тем же пользоваться благопристойно» вместе взятые и «составляют истиннаго друга», резюмировал автор⁴¹⁸. Учитывая особую значимость для масонов дружбы как инструмента создания нового общества, эта публикация в «Утреннем свете» важна потому, что начиная с января 1778 г. подписчиком журнала был бригадир Алексей Дьяконов, об участии которого в елагинских ложах вспомнил на допросе Новиков⁴¹⁹.

⁴¹⁵ Речь о равенстве состояний. С. 10.

⁴¹⁶ Курсив мой. — М. Л.

⁴¹⁷ О дружбе // Утренний свет. 1778. № 3. С. 267.

⁴¹⁸ Там же. С. 271.

⁴¹⁹ См. об этом в разделе о чтении Дьяконова выше.

У розенкрейцеров круга Новикова, отрицавших ньютоновское представление о мире как о часовом механизме, по-новому осмысленная дружба приобретала конституирующие свойства для общества будущего, построенного в гармонии с природой и религией⁴²⁰. В другой публикации, уже в «Московском ежемесячном издании», (продолжении «Утреннего света», издававшемся Новиковым после переезда в Москву), утверждалось, что дружба носит характер «всеобщей связи», цементирует общество⁴²¹. При этом для масонов была чрезвычайно важна идущая от Цицерона идея о том, что прочность дружбы обеспечивается равенством: «...ибо где нет равенства, там она [дружба] недолговременна»⁴²².

В анонимных размышлениях «О любви и дружбе», опубликованных в 1781 г. в «Московском ежемесячном издании», утверждалось, что «крепчайшие из оной [примеры] находятся между особами разного состояния», вопреки распространенному убеждению, что дружба бывает лишь между равными⁴²³. Такие утверждения легитимировали эмоциональную дружбу поверх социальных барьеров, столь важную для масонов, и противопоставляли ее патронажу, или «неравной дружбе»: теперь друг «не будет стыдиться ни нашего рождения, ни нашей бедности, и не показывая к нашим интересам сие усердие страсти, которая иногда делает холодным покровителя, он лучшее об них будет иметь попечение»⁴²⁴. Как мы видим в публикуемой здесь переписке, Воронцов действительно не стыдился ни бедности (конечно, относительной), ни происхождения своего корреспондента, но напротив, настойчиво требовал продолжения дружбы.

И.П. Елагин в позднейшем саморазоблачительном сочинении «Повесть о самом себе», больше похожей, по словам Э. Кросса, на самооговор, глубоко раскаивался в своем вступлении в ложу, где «спознался я со всеми афеистами [атеистами] и деистами». Пытаясь, однако, рационализировать

⁴²⁰ Faggionato R. Op. cit. P. 165.

⁴²¹ Разсуждение о дружбе госпожи маркизши де Ламберт // Московское ежемесячное издание. 1781. № 5. С. 71.

⁴²² О дружбе. С. 271. «Но самое важное в дружбе — быть на равной ноге с нижестоящим <...>. Поэтому как люди, занимающие более высокое положение, в дружбе должны снисходить, так они должны каким-то образом возвышать людей, занимающих более низкое положение» (XIX, 69 — XX, 72) (цит. по: Цицерон Марк Туллий. О дружбе // Цицерон. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М.: Мысль, 1999. С. 284–285).

⁴²³ О любви и дружбе // Московское ежемесячное сочинение. 1781. № 4. С. 263. Хотя списки подписчиков в журнале не публиковались, вряд ли будет большой ошибкой предположить, что Дьяконов выписывал и этот журнал, тем более что у елагинского круга собственных периодических изданий не было.

⁴²⁴ Там же. С. 262.

свое поведение, Елагин писал, что, помимо любопытства и тщеславия, в ложу его привело желание быть «хотя на минуту в *равенстве* с такими людьми, кои в общежитии знамениты, и чинами и достоинствами знаками от меня удалены суть»:

Содействовала к тому и лестная надежда, не могу ли чрез братство достать в вельможах *покровителей и друзей*, могущих споспешествовать счастью моему. Но сие мечтание скоро исчезло, открыв и тщету упования, и ту истину, что вышедший из собрания вельможа <...> в самом собрании есть *только брат в воображении*, а в существе вельможа⁴²⁵.

Независимо от степени искренности этого разочарования⁴²⁶, слова Елагина служат свидетельством распространенного желания быть на короткой ноге с «вельможами» как важной мотивации для вступления в ложу. Елагин, поднявшийся до самых вершин масонской иерархии, действительно занимал высокие придворные должности (обер-гофмейстер с 1782 г.) и сохранил доверие императрицы вплоть до последних лет своей жизни. Однако корни его успеха лежат, скорее, в той роли, которую он сыграл в 1758 г., во время дела Бестужева-Рюмина, оставшись верным великой княгине Екатерине Алексеевне и даже претерпев за это ссылку в имение.

Елагин в своем покаянном эссе утверждал, что только с помощью «воображения» участники ложи могли стать братьями. Само масонское *братство* отсылало к категории родства, которое ослабляло подчиненность в рамках социальной и служебной иерархий. Это означало, что общества объединяли и вовлекали в орбиты друг друга представителей самых разных общественных групп⁴²⁷. Анонимный переводный текст «Речь... о любви братской», произнесенная «в некотором христианском обществе», не оставляет сомнений в том, что он возник в масонской

⁴²⁵ Елагин И.П. Повесть о себе самом. Стб. 99 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

⁴²⁶ Кросс Э.Г. Северные братья... С. 287; Faggionato R. Op. cit. P. 24. Возможно, эти признания были вызваны желанием Елагина шагнуть в ногу с императрицей, высмеявшей масонов в сочинении «Тайна противонелепого общества» («*Antiabsurd*», 1780), настоящим автором которого был, по одной из версий, сам Елагин.

⁴²⁷ Идиома родства, в том числе братства, служит в разных обществах для концептуализации разных отношений и обсуждения различных взаимодействий. Масонские общества были в этой системе вариантом «клятвенных братств», существовавших в архаических обществах, и образцом для позднейших сообществ, построенных на фиктивном родстве (см.: Nye R.A. Kinship, Male Bonds, and Masculinity in Comparative Perspective // *American Historical Review*. 2000. Vol. 105. No. 5. P. 1658, 1664).

среде. В «обществе» — ложе — царят мир, порядок и благопристойность («должности необходимые»), но происходят они не от принуждения, а «суть добровольная услуга каждым братом оказываемая». Братская любовь существует в закрытом и подчеркнуто мужском сообществе единомышленников: «Здесь нет между нами ни болтунов, ни клеветников, или злословящих; работа наша посвящена тишине. <...> она производится в тайных местах, в которых никогда не поет петел [петух], глас раздору не достигает в оныя; а шум, крик и необузданный гнев женщин никогда не слышится». От сердечного благоволения происходят «радость» и «веселие», чувства проявляются без страха и опасения; «любящие общество существа» собираются «для наслаждения удовольствиями дружелюбия и дыханием чистаго благоволения без всякаго примеса»⁴²⁸. «Общество» берет на себя обязанности по отношению к тем, кто его составляет. Оно выслушивает «прозбы каждого члена общества сего с нежностью и уважением» и помогает ему в случае необходимости, соблюдая достоинство: «... в таком случае одним из братьев предлагается несчастие онаго, не облыгая нас, и не скрывая части достоинств его. Общество должно оказывать должное уважение, приемля с терпением прозбу сию, и делая помощь приличную достоинствам его»⁴²⁹. Христианская вера сопрягается с уважением к человеческим слабостям, и из этого сочетания рождается «братская любовь»:

Скрывать несовершенства друга нашего, и дать покрывало слабостям его, есть дело Христианское и человеческое, и следственно наше. <...> И самую истинну не всегда говорить должно; где не можно одобрять, там должны мы сожалеть с молчанием. Какая радость, или какая польза, открывать таинства брата нашего? Увещевать его добродетельно, порочить безчеловечно, а сделать целию посмеяния, дело дьявольское⁴³⁰.

Как мы видим, братская любовь становится одним из условий успешного функционирования закрытого сообщества — масонской ложи. Не слышны ли в словах Воронцова и Дьяконова о любви и участии «в состоянии» друг друга отзвуки этих внутренних масонских установок?

Культурная модель эмоциональной дружбы, наряду с принципами дружбы, изложенными в трактате Цицерона «О дружбе», лежали в основе распространенного среди масонов убеждения, что друг — «второе

⁴²⁸ Речь вторая, о любви братской. Говоренная в некотором Христианском Обществе в Англии // Московское ежемесячное издание. 1781. № 10. С. 153–154.

⁴²⁹ Там же. С. 155–156.

⁴³⁰ Там же. С. 159–160.

я», и тот, кто смотрит на настоящего друга, видит себя. За годы переписки корреспонденты перестают быть разными людьми, но, разделяя мысли и чувства друг друга, становятся одной взаимосвязанной личностью⁴³¹. Объединенные общими моральными ценностями и «любовью к добру» (т.е. разделяющие основные добродетели по Цицерону), масоны могли, таким образом, еще и получать от причастности к сообществу эмоциональное удовлетворение, как утверждал авторитетный в масонской среде мистик и писатель Эндрю Майкл де Рамзи. Дружба связывает общество воедино, а индивидов соединяют общие моральные ценности, поэтому внутри ложи социальный статус, в отличие от пола, не имел значения⁴³².

К. Луазелл считает «братскую любовь» внутри масонского сообщества выражением неритуализованной дружбы, составлявшей противовес формальной — той, которая возникала из самого ритуала приема в ложу. Прием сопровождался «инициацией», в ходе которой заключался договор, поэтому и отношения внутри ложи предполагали формальность. Ритуализованность масонской жизни фиксировала иерархию (параллельную придворной и служебной) и место в ней каждого брата. Декларации дружбы, подтверждавшиеся взаимными клятвами верности в письмах, были следами этой исходной формализованности отношений внутри лож. (Напомним, что Воронцов почти в каждом письме уверял Дьяконова в своей дружбе — чего не мог позволить себе Дьяконов, видимо, в силу слишком сильного давления социальной иерархии.) Последующий обмен письмами и личные встречи трансформировали эту формальную дружбу в неритуализованную. При этом мужчины могли выражать свою привязанность друг к другу в терминах, которые звучат для современного читателя как откровенно романтические. Примеры такого словопотребления можно найти и в публикуемой здесь переписке: «...а скажу вам старое, что я вас искренно люблю и что вы во мне имеете и друга, и искреннаго почитателя»; «...писатель сего вас искренно любит и рад будет вас видеть» (письма № 6, 12), писал Воронцов. Не получая писем от Воронцова больше трех месяцев, Дьяконов «скучал уже несказанно» (письмо № 34)»⁴³³. Никакого противоречия между своим поведением и нормами маскулинности масоны не видели⁴³⁴. Эмоционально окрашенная

⁴³¹ *Loiselle K. Op. cit. P. 129–130.*

⁴³² *Ibid. P. 35–36.*

⁴³³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 2 об., 15; Д. 541. Л. 13.

⁴³⁴ *Loiselle K. Op. cit. P. 128. Зорин А.Л. Указ. соч. С. 26–27.*

тесная дружба в это время не была еще привилегией женского пола. Она закрепилась за женщинами позднее, и аффектированные выражения приязни не были принадлежностью только женского вокабулярия⁴³⁵. Вольтер в своей статье о дружбе в «Философском словаре» даже подчеркивал, что дружбу слишком часто путают с эротическими связями, поскольку литераторы эпохи Просвещения, затрагивавшие в своих произведениях тему дружбы между мужчинами, зачастую сами не различали у своих героев сентиментальную привязанность и эротическое желание⁴³⁶. Поэтому, полагает К. Луазелл, дружбу между мужчинами, подразумевавшую обмен эмоциями и сопровождавшуюся чувствительной риторикой, невозможно причислить ни к патрон-клиентским, ни к гомоэротическим связям⁴³⁷.

Переписка масонов имела также и политическую сторону: братья ложи Великий Восток доверяли друг другу и рассматривали свои отношения как отдушину, через которую они могли выражать недовольство в отношении своих личных или профессиональных обстоятельств⁴³⁸. Как мы видим, жалобы на невозможность реализации личных амбиций занимали основное место в письмах Дьяконова, ценившего, очевидно, то доверие, которое возникло между ним и крупным сановником. Да и Воронцов зачастую рассказывал, хотя бы полунамеками, о происходившем в «высоких сферах». Все эти черты позволяют считать публикуемую здесь переписку не только дружеской, но и масонской. За выражениями участия, привязанности, дружбы и любви в переписке Воронцова и Дьяконова стояли целые культурные пласты, начиная с античной философии и заканчивая эпистолярными практиками масонских кругов XVIII в.⁴³⁹

⁴³⁵ Панический страх феминизации развился в европейской культуре лишь в XIX столетии и стал способом сохранить более низкий статус женщины, что привело к высмеиванию вообще «женских» черт и среди них — «чрезмерной» эмоциональности (см.: *Brain R. Friends and Lovers*. L.: Hart-Davis, MacGibbon, 1976. P. 43; *Nye R.A. Op. cit.* P. 1666).

⁴³⁶ *Loiselle K. Op. cit.* P. 92.

⁴³⁷ *Ibid.* P. 248.

⁴³⁸ *Ibid.*

⁴³⁹ Следует упомянуть, что в европейской культуре существует традиция «культурной дружбы» (*civilized friendship*), представленной образцовыми мужскими парами, из них наиболее известные — Давид и Ионафан (1-я и 2-я Книги Царств), Орест и Пилад, Ахилл и Патрокл, Роланд и Оливье (см.: *Brain R. Op. cit.* P. 27). Мужские союзы (в том числе масонские), скрепленные клятвой и выражением готовности умереть за другого, могли рассматриваться как потенциальный источник угрозы коррумпированному или непросвещенному обществу (см.: *Nye R.A. Op. cit.* P. 1662).

Именно лексика, обозначающая искренность и открытость, которых, казалось бы, трудно ожидать от искушенного политика и придворного, прежде всего бросается в глаза в письмах вельможи Воронцова к отставному бригадиру Дьяконову. Используя формулы риторического равенства, связанные с концептом дружбы, Воронцов подчеркивает в переписке неполитический характер отношений между собою и своим корреспондентом. Искусно конструируя ощущение равенства (подобно «брату в воображении» у Елагина), Воронцов сообщает о своем состоянии в настоящий момент («О себе уведомляю, зная сколь вы дружески примаете участие во всем, до меня касающемся, что я приехал сюда 17 сентября»; «О себе скажу вам, что я здоров и дорогу выношу без затруднения и тягости»; «О себе доношу, что я сюда притащился тому несколько дней и надеюсь завтра выехать»⁴⁴⁰) и требует того же от Дьяконова. Вельможа проявляет интерес к повседневным занятиям, здоровью и заботам своего корреспондента («прошу о себе уведомлять и верить искренной моей к вам преданности»⁴⁴¹), убеждая бригадира в истинности своих чувств⁴⁴². Аппелируя к требованиям и должностям дружбы, корреспонденты стремились удостовериться в ее истинности и в ответных чувствах другого. Уверенность в них давала надежду на то, что взаимные ожидания не будут обмануты и «законы дружбы» не будут нарушены⁴⁴³.

Дьяконову же, в отличие от Воронцова, не так важно найти свое «отражение» в личности корреспондента, как видеть «своих милостивцов и благодетелей, приемлющих искренно участие в моей невинности. Нет ничего для честного человека лестнее и удавольственнее» (письмо № 1)⁴⁴⁴. Эта черта его переписки с Воронцовым делает особенно заметным несовпадение регистров, в которых написаны письма двух корреспондентов: простота и непосредственность Воронцова резко контрастируют с почтительностью, смешанной с доверительностью, у Дьяконова. Несовпадение это порождает любопытные подмены. «Ваше С: [Сиятельство] *изволили приказывать*, чтобы я к вам из деревни писал», — начинает Дьяконов письмо от 22 сентября 1784 г. (письмо № 3)⁴⁴⁵. Воронцов действительно

⁴⁴⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 4 (письмо № 7); 14 (№ 10); 15 (№ 12).

⁴⁴¹ Там же. Л. 18 (письмо № 17), 26 (письмо № 23), 57 об. (письмо № 32).

⁴⁴² *Frede V. Sympathy in the Russian Sentimental Letter...*

⁴⁴³ Калугин Д.Я. Указ. соч. С. 275.

⁴⁴⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 1.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 4 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

регулярно просил Дьяконова «о себе уведомлять», т.е. писать ему из деревни, обозначая тем самым интерес к повседневным занятиям своего друга⁴⁴⁶, но, поскольку просьба исходит от лица, превосходящего его статусом, Дьяконов трактует ее как «повеление и желание», хотя и «самое лестное и самое приятнейшее», обращаясь тем самым к языку учтивости⁴⁴⁷.

Воронцов всегда сообщает Дьяконову о своих успехах и наградах. 5 октября 1785 г. он с удовлетворением пишет, что императрица высказала «удовольствие» рапортами, составленными им и сенатором А.В. Нарышкиным по итогам ревизий новых наместничеств, их «замечаниями» и «предписаниями», сделанными губернаторам, «а сверх того [императрица] лично меня за то благодарила»⁴⁴⁸. В 1786 г. за участие в комиссии по реформированию банков он получил от императрицы «50 тысяч рублей и звезду и крест ордена Александра Невского, весьма богато бриллиантами украшенного» (само награждение произошло еще в 1781 г.) (письмо № 15). Дьяконову, с его двумя тысячами годового дохода, полученное его корреспондентом вознаграждение должно было представляться фантастическим, но Воронцов был уверен, что тому «приятно было уведомиться» об этом⁴⁴⁹. Воронцов, делясь с Дьяконовым своими успехами, не сомневался в непреходящем расположении своего корреспондента. Лежавшая в основе представления о равной дружбе Цицероновская концепция дружбы как связи людей, обладающих добродетелями, не позволяла ему заподозрить, что, узнав о полученной другом награде, Дьяконов испытает какие-то иные чувства, помимо искренней радости. Как утверждалось в цитированном выше «Опыте о дружбе», «[д]ружба изгоняет зависть, как бы она ни таилась; и человек могущей хотя однажды усомниться о возрадовании видеть своего друга щастливее себя, может быть уверен, что она добродетель ему не известна»⁴⁵⁰.

Дьяконов должен был разделить его чувства еще и потому, что, как уже говорилось выше, идея о дружбе как о «втором я» была одним из

⁴⁴⁶ Там же. Д. 68. Л. 18 (письмо № 17), 26 (письмо № 23), 57 об. (письмо № 32).

⁴⁴⁷ Там же. Д. 541. Л. 4 (письмо № 3), 30 (письмо № 29).

⁴⁴⁸ Там же. Д. 68. Л. 4 об. (письмо № 7). См. Приложение № 1.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 8 (письмо № 15); о доходах Дьяконова: Там же. Д. 541. Л. 9 об. Воронцов не был склонен к роскошной жизни и не был замечен современниками в «легкомысленных издержках» (подобно Безбородко), но, обладая огромным состоянием, считал, что оно досталось ему заслуженно и отражало как его таланты, так и справедливость государей, которым он служил (см.: *Огарков В.В.* Указ. соч. С. 49–50).

⁴⁵⁰ Опыт о дружбе // Невинное упражнение. С. 34.

принципов, конституирующих масонскую дружбу⁴⁵¹. Так, в 1787 г. Воронцов считал нужным поделиться с Дьяконовым тем, что был вызван в Петербург для участия в заседании Совета при императрице в связи с началом войны с Турцией. Хотя курьер прибыл в Мурино прямо в день его именин 30 августа, нарушив ход празднования столь значимого для него дня, сановник расценил этот «знак и милости, и доверия государского» как крайне лестный, о чем сообщал Дьяконову 14 сентября (письмо № 28)⁴⁵².

Избежать несовпадения регистров в переписке между стоящими на столь разных ступенях социальной иерархии друзьями можно было, только владея умением писать по-французски. Именно этот прием использовал другой протее Воронцова, А.Н. Радищев, в письмах, которые он направлял вельможе из ссылки в 1790-е годы. Сопоставить переписку Воронцова с Дьяконовым, с одной стороны, и с Радищевым — с другой, интересно как минимум по двум причинам. Во-первых, Радищев был, несомненно, знаком Дьяконову и как один из собратьев по масонской Ложе Урании⁴⁵³, и, вероятно, как сосед по имению: в 1775 г., как раз когда Дьяконов обосновался в Нежинском, неподалеку поселился с женой Радищев — в принадлежавшем его тестю имении Анстопель вблизи Ямбурга. Во-вторых, письма Воронцова к Радищеву пропали, а учитывая покровительство Воронцова обоим корреспондентам в 1780-е годы и их формально сопоставимый статус, по крайней мере в служебной иерархии, можно предположить, что письма Воронцова к Радищеву были сходны по стилю и содержанию с его письмами к Дьяконову. Сам Радищев в своих письмах к Воронцову, несмотря на весьма доверительные отношения между ними, никогда не допускал фамильярности, всегда помня о том, что обращается к своему патрону. По наблюдениям Р. Бодэна, до тех пор пока переписка касалась только служебных вопросов, т.е. до 1790 г., Радищев писал Воронцову только по-русски и употреблял полный титул своего корреспондента, тем самым подчеркивая его вышестоящее положение в социальной иерархии. Однако обращаясь к нему же в письмах, написанных из ссылки, по-французски как к *Monsieur*, Радищев символически

⁴⁵¹ Loïse K. Op. cit. P. 129–130.

⁴⁵² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 51–51 об.

⁴⁵³ В «Гравированных перечнях» Английской ложи имени Радищева нет. Как и Воронцов, Радищев посетил ложу уже после отправки списков в Лондон. В 1774 г. он побывал здесь дважды, 29 марта и 12 апреля, не совпав ни с одним из Воронцовых (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Д. 406. Л. 40, 42 об.). Второй раз он посетил ложу вместе с Андреем Кирилловичем Рубановским, своим товарищем по Лейпцигскому университету, на племяннице которого он впоследствии женился.

уравнивал их в достоинстве. При этом, поскольку французский язык был языком чувствительности, высказываясь на нем, участник переписки должен был быть готов продемонстрировать полную прозрачность своего внутреннего мира в соответствии с канонами руссоизма (добавим: и масонской переписки)⁴⁵⁴.

Вероятно, потому, что Дьяконов не умел писать по-французски, хотя и овладел элементами языка чувствительности, возможность уравнивания «достоинств», пусть даже символическая, была для него недоступна. Как следствие, Дьяконов, как и Радищев, предпочел оставаться в рамках специфического языка патрон-клиентских отношений с их особенными лексикой и стилем, за которыми открывается особый социальный контекст⁴⁵⁵. Дьяконов неоднократно называет Воронцова своим «благодетелем» (не менее 25 раз) и на допетровский манер «милостивцем»⁴⁵⁶, а также «доброхотом»⁴⁵⁷. Почти всегда формальное обращение к Воронцову он дополняет словами «великодушный мой благодетель и доброхот». Дьяконов подчеркивает, что Воронцов обладает «редкими [душевными] свойствами», уверяя своего покровителя в преданности: «С самого того времени, как Ваше Сиятельство начали являть мне свои милости и доброхотство, почтение мое и преданность зделались к вам бесконечны»⁴⁵⁸. Постоянно подчеркивая свою собственную неуверенность в том, как ему следует интерпретировать свои собственные отношения с Воронцовым («письмо, преисполненное <...> доброхотства, милостей, и даже, как вы сами называть изволите, и дружбы вашей»⁴⁵⁹), он в письме от 28 апреля 1787 г. не колеблясь называет Завадовского «верным другом» Воронцова и спешит сообщить новость о его готовящейся свадьбе с Апраксиной (хотя и называет ее ошибочно Катериной, а не Верой

454 Baudin R. Russian or French? // French and Russian in Imperial Russia. Language Choice Among the Russian Elite / D. Offord, L. Ryazanova-Clark, V. Rjéoutski, G. Argent (eds). Edenborough: Edenborough Univ. Press, 2015. P. 126–127. По мнению Р. Бодэна, цель создания иллюзии — скрыть от патрона свои отношения со свояченицей Е.В. Рубановской.

455 Krom M. Op. cit. S. 321–345; Ransel D. Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme im Europa in der Frühen Neuzeit / A. Mączak (ed.). München: Oldenburg Verlag, 1988. S. 211–231.

456 Одно из значений — благодетель (см.: Милостивец // СРЯ XI–XVII. Вып. 9: М. М.: Наука, 1982. С. 152).

457 Одновременно в мире Дьяконова существуют и «недоброхоты», которые «восстали» против него, «выдумывают всякое злословие»: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 2 об., 3, 11.

458 Там же. Л. 2 (письмо № 2).

459 Там же. Л. 20 (письмо № 36).

Николаевной)⁴⁶⁰. Кажется, он хорошо разобрался в том, как устроены отношения внутри этого кружка. Именование Воронцова, Завадовского и Безбородко «друзьями» было в ходу у современников. Так, адъютант Потемкина М.А. Гарновский неслучайно называет Завадовского «другом» Воронцова и исполнителем воли Безбородко⁴⁶¹.

Вероятно, Дьяконов также называл Завадовского «другом» Воронцова в старом, «политическом» значении этого слова, сохранявшем свою актуальность в придворном контексте. Возможно, поэтому он не до конца понимал (или только делал вид, что не понимал?), что имел в виду Воронцов, когда настойчиво писал о «дружбе» между ними.

В первом из известных нам его писем Воронцову, в феврале 1783 г., Дьяконов пишет о себе как о человеке, пользующемся расположением высших особ, но не имеющем «*по породе* ни с кем из *патрициев* ни малейшая связи»⁴⁶². «Патриции» здесь — ключевое слово, которое Дьяконов, подумав, вписал над строкой: он нашел подходящую модель для описания своих отношений с Воронцовым и его клиентелой — модель, сходную с античной, где отношения патрициев и их клиентов из незнатных родов лежали в основе политической жизни общества. Собственное «низкое происхождение» было предметом постоянной рефлексии отставного бригадира. В том же письме он жалуется, «сколь трудно жить человеку безродному, одинакому [одинокому] и пробивающемуся сабою»⁴⁶³. Выше уже упоминалось, что в 1750-х годах Дьяконов носил Сумарокову книги из библиотеки Академии наук, которые, насколько позволяют судить цитаты и литературные аллюзии в его письмах, сам он также хотя бы отчасти читал. Так, 21 марта 1755 г. за Сумароковым в журнале библиотеки Академии наук записаны четыре тома Горация в амстердамском издании 1735 г. с комментариями Андре Дасье (1651–1722) — переводчика и «популяризатора» Горация⁴⁶⁴. Первый том этого издания содержит Светониево жизнеописание Горация, из которого Дьяконов мог узнать о происхождении Горация («незнатность рода») и его карьере, а также о Мecenате, «которой по Вергилиеву и Вариеву старанию

⁴⁶⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 11–11 об. Свадьба состоялась в Гостилицах, имении дяди невесты Кирилла Григорьевича Разумовского, через два дня, 30 апреля 1787 г.: Майков П.М. Биография Петра Васильевича Завадовского, 1739–1812 гг. // Старина и новизна. Кн. 4. СПб.: Типогр. Стасюлевича, 1901. С. 230.

⁴⁶¹ Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 226. Запись от 7 ноября 1788 г. См. цит. на с. 79.

⁴⁶² Курсив мой. — М. Л.

⁴⁶³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 3 об., 9 об.

⁴⁶⁴ Левитт М. Указ. соч. С. 54.

содержал Горация в отменной любви и милости», — модель отношений, хорошо наложившаяся на его собственную биографию⁴⁶⁵. Хотя всю жизнь и «пробивавшийся собою», в письмах Дяконов постоянно апеллирует к «благодетелям», но пробелы в его биографии не оставляют нам пока шансов понять, в какой степени эта апелляция была риторическим приемом, а в какой отражала реальные факты его жизни.

Для Воронцова смысл понятия «дружба» и связанные с ним чувства и отношения были более прозрачны, чем для Дяконова. В то время как в письмах Воронцова «дружба» и производные от него занимают заметное место (47 случаев употребления слов с корнем друг*/друж*), Дяконов употребляет это понятие крайне редко. Воронцов же неизменно именует своего корреспондента «милостивым другом» и называет себя и его «друзьями» в письме от 25 декабря 1788 г. (письмо № 38)⁴⁶⁶, а полученное только что от Дяконова письмо — от 21 декабря 1788 г. (письмо № 37) — «дружеским». Личного, однако, в этом письме — только поздравление с Новым годом, приписанное в самом конце, а основное место занимают историософские и политические размышления Дяконова. По всей вероятности, Воронцов счел «дружеским» не столько содержание письма, сколько сам факт его написания⁴⁶⁷. То ли о неуверенности Дяконова в том, что именно ему следует понимать под словами Воронцова о «дружбе», то ли о чрезвычайной важности для него слов Воронцова свидетельствует черновая выписка, сделанная им в 1788 г. из письма, полученного от вельможи еще в 1785 г. (письмо № 9):

На обещание ваше считаю, что Вы на будущей неделе сюда будете, не распространяясь более в письме своем, а обо всем переговорим как самолично вас увижу, довольствуясь теперь сказать, что, считая нашу дружбу, вы, конечно, не ошибаетесь; ибо она есть и будет всегда к вам⁴⁶⁸.

По всей видимости, слова Воронцова о «нашей дружбе» затронули какую-то струну в душе Дяконова, и он вернулся к этим словам трехлетней давности в своем письме от 25 ноября 1788 г.: он благодарил вельможу за его давнее послание, которое преисполнено «всеми <...> знаками

⁴⁶⁵ [Horatius Flaccus Quintus]. Œuvres d'Horace en latin, traduites en françois par M. Dacier, et le P. Sanadon. Avec les remarques critiques, historiques, et géographiques, de l'un et de l'autres. Amsterdam: chez J. Wetstein et G. Smith, 1735. 8 vols in 8°. В пересказе на рус. яз. цит. по: Барков И.С. Указ. соч. Б.п. [с. 4] (Курсив в цитате мой. — М. Л.). Барков в своих объяснениях сатирам Горация следовал комментариям А. Дасье.

⁴⁶⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 29.

⁴⁶⁷ Там же. Д. 541. Л. 24 об., 24а.

⁴⁶⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 6; Д. 541. Л. 17а.

<...> доброхотства, милостей и даже, как вы сами называть изволите, и дружбы вашей»⁴⁶⁹ (письмо № 36). Чтобы не показаться неучтивым, он подчеркивает, что не сам присвоил себе «звание» друга, а получил его от стоящего выше по социальной лестнице корреспондента. Решив не задерживаться на этой щекотливой теме, он тут же перевел разговор о дружбе в разговор о покровительстве: «...щастлив я приобретением такового редкаго благодетеля, каторой <...> искреннею своею откровенностию делает мне всевозможныя успокоения, вознося малыя мои способности превыше их достояния»⁴⁷⁰.

Смешанное с удивлением восхищение тем, что «благородные души» — «милостивцы» и благодетели — устаивают своей «дружбой» его, не имеющего «по породе ни с кем из патрициев ни малейшия связи», Дьяконов выражал еще в самом первом дошедшем до нас письме от февраля 1783 г.⁴⁷¹ Судя по переписке, «благодетелями» и «милостивцами» были для Дьяконова все его именитые и высокопоставленные знакомцы, за единственным исключением: «Посылаю при сем образ покойного друга моего Александра Ильича Бибикова», — сообщает он Воронцову 22 сентября 1784 г.⁴⁷² (письмо № 3) Дьяконов по собственной инициативе называет здесь своим другом А.И. Бибикова — маршала Уложенной комиссии, одного из победителей Пугачева⁴⁷³. При этом Бибикова и Дьяконова не связывала общая принадлежность к масонской ложе⁴⁷⁴. Возможно, их объединял совместный опыт совсем другого рода — участие в Семилетней войне и даже в одной операции — осаде и взятии Кольберга в 1761 г. Бибиков отличился в самом начале операции в сентябре 1761 г., командуя двумя батальонами гренадеров. Про Дьяконова известно, что он участвовал при атаке и взятии крепости, которое состоялось в декабре

⁴⁶⁹ Курсив мой. — М. Л.

⁴⁷⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 20.

⁴⁷¹ Там же. Л. 1 об.

⁴⁷² Там же. Л. 4.

⁴⁷³ *Полиевктов М. Александр Ильич Бибиков* // РБС. Т. 3: Бетанкур — Бякстер. СПб.: Типогр. Главного управления уделов, 1908. С. 16–20.

⁴⁷⁴ Указания на принадлежность А.И. Бибикова к ложе Урании, вероятно, ошибочна: братья указывались без инициалов, и заседание ложи в декабре 1774 г., скорее всего, посетил В.И. Бибиков, брат Александра Ильича (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 406. Л. 63 об.). А.И. Бибиков, назначенный в конце 1773 г. командующим войсками, усмирявшими Пугачева, умер в апреле 1774 г. в Бугульме. Впервые А.И. Бибиков фигурирует как член Ложи Урании в работе: *Лонгинов Н.М.* Указ. соч. С. 97; а вслед за ним: *Полиевктов М.* Указ. соч.; Бибиков Александр Ильич // Серков А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 169–172; См. о В.И. Бибикове: Там же. С. 172–173.

1761 г. в составе отдельного «деташемента»⁴⁷⁵. Если это предположение о характере их знакомства верно, то основанная на общем боевом опыте армейская дружба оказывается более прозрачной для Дьяконова и вызывает меньше сомнений, чем та, в которой его убеждал Воронцов.

«Деревенская жизнь zaczynaет казаться постылою...»: апология горацянства и полемика с ним в эпистолярной Воронцова и Дьяконова

Десять из 14 писем Дьяконова к Воронцову написаны из деревни — мызы Нежинской. Учитывая знакомство Дьяконова с античной литературой и поэзией (хотя о степени этого знакомства судить сложно), не приходится удивляться, что в его письмах можно обнаружить диалог с горацянским поэтическим мотивом «похвалы сельской жизни». Античная литература, и в особенности Гораций, становится к середине столетия важным источником моделей жизнестроительства в некоторых кругах образованного российского дворянства⁴⁷⁶, и на этом фоне примечательна обнаруживаемая у Дьяконова игра с этим мотивом и даже его инверсия.

С поэзией Горация, прославляющей жизнь в деревне, русский читатель мог познакомиться с уже в 1750-е годы. В 1753 г. в печати появляются «Строфы похвальные поселянскому житию» Тредиаковского — вольное подражание II эподу Горация (*Beatus ille*)⁴⁷⁷. Автор этого переложения Тредиаковский соревновался здесь с Н.Н. Поповским, опубликовавшим в том же году свой перевод эпода вместе с четырьмя одами, включая перевод *Ars poetica*, отдельной книгой⁴⁷⁸. Это состязание было продолжено в 1757 г. в «Ежемесячных сочинениях»: Тредиаковский теперь публикует прозаический перевод того же эпода, здесь же был помещен и поэтический перевод в исполнении Поповского⁴⁷⁹.

⁴⁷⁵ См.: Из реляции П.А. Румянцева императрице Елизавете о победе полковника Бибикова над отрядом генерала Вернера у Трептова и взятии его в плен (5 сентября 1761 г.) // Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. М.: Военное издательство, 1948. С. 776–778; сведения о Дьяконове из его полкового аттестата: РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 205. Л. 337.

⁴⁷⁶ Шарф К. Указ. соч. С. 410.

⁴⁷⁷ [Тредиаковский В.К.] Сочинения и переводы как стихами, так и прозой Василия Тредиаковского. СПб., [1753]. Ч. II. С. 183–188.

⁴⁷⁸ [Поповский Н.Н.] Квинт Гораций Флакк. Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам / переведено с латинского языка Николаем Поповским. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1753.

⁴⁷⁹ [Тредиаковский В.К.] О беспорочности и приятности сельской жизни // Ежемесячные сочинения. 1757. Июль. С. 77–79; [Тредиаковский В.К.] [Строфы

Одно из важных свидетельств усвоения образованным дворянством горацянских мотивов — переводы, выполненные в 1770-е годы М.Н. Муравьевым. Переложения од Горация были его первой поэтической публикацией (1773 г.)⁴⁸⁰ Через год для публикации в «Опыте трудов» Вольного российского собрания он также выбрал Горация⁴⁸¹. Переводы из Горация и других античных поэтов (Ювенала, Вергилия) и подражания им (оды, эпиграммы, эклоги, эпистолы) заполняют его записные книжки 1770–1780-х годов⁴⁸². Постепенно русский эпистолярный жанр осваивает горацянский мотив похвалы сельской жизни как прибежища размеренного и потому истинного счастья, основанного на «умеренности»⁴⁸³. Программой строкой второго эпода Горация «*Beatus ille qui grosul negotiis... Horat*» Львов заканчивает свое письмо к Г.Р. Державину в Тамбов в 1788 г.⁴⁸⁴, но использование этого мотива в переписке круга Воронцова можно заметить уже в 1770-е годы, когда Завадовский пишет к С.Р. Воронцову: «Мне жизнь и все пороки столицы так надоели, что ежели не имел отрады скоро переселиться в деревню, я бы впал в пресильную гипохондрию»⁴⁸⁵. Письма Муравьева 1780-х годов к сестре Федосье

похвальные поселянскому житию] // Там же. 1757. Июль. С. 80–84 («Счастливы! В свете без сует живущий <...>»); [Поповский Н.Н.] [Эпод. Ода II.] // Там же. С. 84–86 («Блажен тот, кто сует не знает <...>»). См. об этих переводах: 1. [Строфы похвальные поселянскому житию] Комментарии // Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб.: Наука, 2009. С. 624. Тредиаковский полностью устранил приметы римской жизни из своего переложения, и наоборот, внес мотивы, отсылающие к русскому сельскому быту.

⁴⁸⁰ Муравьев М.Н. Из Горация к Люцию Сексту Консулярному // Муравьев М.Н. Переводные стихотворения. СПб., 1773. С. 4–5; Муравьев М.Н. Доколь приятен был тебе // Там же. С. 6–7; Муравьев М.Н. К Фавну // Там же. С. 7; Муравьев М.Н. Каков страж молнии крылатый // Там же. С. 1–4.

⁴⁸¹ Муравьев М.Н. Из Горация ода II. Книга III. К друзьям // Муравьев М.Н. Петрония Арбитра Гражданская брань: Поема / с латинского языка перевел лейб-гвардии Измайловского полку каптенармус, Михайло Муравьев. СПб.: При Академии наук, 1774. С. 13–15; другие переводы Горация: Муравьев М.Н. К Меценату // Муравьев М.Н. Оды (с присовокуплением разных стихотворений). СПб., 1775. 1. Горациева девятая ода книги первой к Талиарху // Опыт трудов Вольного российского собрания в Москве. М., 1778. Ч. 4. С. 287–288; Муравьев М.Н. Его же первая на десять ода книги первой к Левконое // Там же. С. 289.

⁴⁸² См., напр.: НИОР РГБ. Ф. 178. К. 11161. № 1. Л. 47 об. и далее. См. новую работу о рецепции античности у Муравьева: Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и античные поэты: неопубликованные переводы // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 2. С. 358–385, особ. с. 365–366.

⁴⁸³ Шарф К. Указ. соч. С. 421, 424.

⁴⁸⁴ Цит. по: Львов Н.А. Указ. соч. С. 336.

⁴⁸⁵ АКВ. Кн. 12. С. 76.

Никитичне и ее мужу С.М. Лунину в их имение в Тамбовской губернии уже прямо представляют собой образец прославления сельской жизни в противовес городской, которую «вынужден» вести автор: «У нас нет ни жатвы, ни сенокосу. Праздность жителей городских всегда одинакова и не знает никаких перемен, кроме перемен погоды <...>. У вас экономия, у меня на уме театр». «Деревня, всякая деревня, колыми паче тамбовская, лежит на большой дороге к щастию», — уверен Муравьев, а жизнь в деревне для него — воплощенная идиллия из античной поэзии, в которой мирно сосуществуют помещики и крестьяне, семьи всегда счастливы, а урожай неизменно хорош:

В вашем мнимом уединении, сколько упражнений! Детушки, экономия, теперь сенокос, а скоро жатва, дом, сад: всего этого заключение, что вам некогда скучать. Тому только скучно, кому нечего делать. Может быть и земледелец щастлив, которой на себя пашет или делится с добрым и попечительным помещиком. Здоровье, сказывают, живет в деревне, особливо в вашем Тамбовском воздухе. Здесь такое жаркое лето!⁴⁸⁶

При этом квинтэссенцией городского образа жизни — «препровождения времени» от «скуки» — Муравьев представляет театр (который, впрочем, сам посещает с неизменным удовольствием и всегда огорчается, когда это ему не удастся):

Между тем как вы заняты хозяйством, домостроительством; мы требуем здесь зрелищ, препровождений времени. Мы убиваем время, разсуждая о драгоценности его. Я запасаю столько книг, сколько теряю благоразумия. Иван Матвеевич [Муравьев, двоюродный брат М.Н. Муравьева] поет в пяти или шести операх в самом лучшем обществе⁴⁸⁷.

Стоит ли говорить, что сестру, зятя и племянников Муравьев ни разу в деревне не навестил.

Похожим образом — как приверженец сельского образа жизни — позиционирует себя в письмах Дьяконову и Воронцов: «...письмо сие к вам пишется из Мурина. Итак, я отнюдь не совсем городской житель и сам. <...> Я здесь три дни, как живу, и уповаю еще ден пять остаться, будучи очень доволен сим образом жизни» (письмо № 14)⁴⁸⁸. В Мурине

⁴⁸⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 54. Л. 55–55 об. (26 июля 1789 г.); Л. 66 об. (6 сентября 1789 г.); Л. 45 (26 июня 1789 г.). Здесь письма цитируются по рукописям. Недавно письма были опубликованы А.Д. Ивинским: Письма М.Н. Муравьева С.М. и Ф.Н. Луниным 1789 г. (по материалам ОПИ ГИМ) // *Avtobiografija*. 2018. № 7. С. 193–248. <<https://www.avtobiografija.com/index.php/avtobiografija/issue/view/7>> (дата обращения: 21.10.2021).

⁴⁸⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 54. Л. 77 (11 октября 1789 г.)

⁴⁸⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 11.

он старается проводить как можно больше времени в теплое время года (с мая по октябрь), но иногда наезжает туда и зимой; отсюда написаны девять из 33 писем к Дьяконову. Жизнь в Мурина позволяла Воронцову не только представлять себя как последователя гораианского образа жизни, но и реализовывать программу «полезного и приятного» времяпрепровождения, заявленную еще в начале века английским журналом *Spectator*. С 1750-х годов эту программу начали продвигать первые русские журналы. На их страницах как формулировалось само понятие «свободного времени», так и подавались примеры форм проведения досуга, среди которых чтение стояло на первом месте, а следом шло писательство⁴⁸⁹. Этой программе следовал и Воронцов: «Я здесь [в Мурина] провел время в чтении, в письме <...> при оказывании случая не оставляя я и прохаживаться. Время препровождал прямо без скуки и, так сказать, неохотно возвращаюсь в Город», — писал Воронцов из Мурина 25 декабря 1788 г.⁴⁹⁰ (письмо № 38).

Рассуждая в письме к сестре и зятю в Тамбовскую губернию в июле 1789 г. о своей «кочевой» жизни между Петербургом и Царским Селом, служивший наставником великих князей Муравьев расставил акценты иначе:

Меня разстроивает сия принужденная жизнь в Царском селе. Переезжаячи безперестанно, я не живу нигде, и время или бежит очень скоро или заставляет считать свои минуты. Я думал, леность моя причиною сей без-полезной жизни. Я хочу безпрестанного веселья. Оно в обществе добрых людей, которые так, как вы, исполняют приятныя должности, любят своих приятелей и ими взаимно любимы⁴⁹¹.

Этот мотив из эпистолярия Муравьева можно найти в его ранней поэзии:

Уже я пышности градские оставляю,
Которы чтит народ, а я днесь презираю;
Мне всё, что мило там: забавы, пиршества —
Пред зрелищем всего постыло естества;
...Притворно все там в них, стезей природы нет:

⁴⁸⁹ Ананьева А.В., Веселова А.Ю. «Что-нибудь от безделья на досуге»: публикастика и вопрос о свободном времени в дворянской среде второй половины XVIII — начала XIX вв. // *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*. 2018. Jg. 63. Hft. 1. S. 88–97; здесь S. 92.

⁴⁹⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 29 об. (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

⁴⁹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 54. Л. 51 об.; в письме от 7 июня 1789 г.: «...безпрестанно переезжаю. Зделался странствующим рицарем» (Там же. Л. 41 об.).

...И в пышных их домах среди тех толстых стен
Ни в осень, ни в весну там нет у них премен⁴⁹².

Для Муравьева, Воронцова и людей его круга, разделявших эстетику львовско-державинского кружка, возможность — реальная или воображаемая — вести такую жизнь была тем ценнее, что с середины XVIII в. среди образованного дворянства утверждалось и представление о подавляющей человека городской (как вариант: придворной) среде, с ее скученностью, теснотой и всевозможными проблемами, приписываемыми оседлому образу жизни («Мне всё, что мило там: забавы, пиршества — / Пред зрелищем всего постыло естества»). Город (например, Париж — «город шума, дыма и грязи», как о нем отзывался Руссо в «Эмиле») «действует на нервы» своим воздухом, ограниченным пространством, мастерскими и фабриками. Это приводило к «нервозности» у людей с тонкой и деликатной нервной организацией, а значит, и к «моральным болезням»⁴⁹³, так что жизнь в деревне становится способом не только душевного, но и физического спасения. Неслучайно заметное место среди проектов архитектора-палладианца Львова занимало в 1780–1790-е годы проектирование усадебных домов и церквей для состоятельных заказчиков из числа его окружения и ближайших друзей⁴⁹⁴.

Жизнь для приверженцев этой доктрины обретает смысл только на лоне природы, среди полей и лугов, в заботах о своем хозяйстве — и именно такую жизнь, с точки зрения Воронцова, фактически и вел Дьяконов. Для самого Дьяконова, однако, этот образ жизни не успел обрести набором положительных коннотаций, как это произошло у Воронцова или Муравьева⁴⁹⁵. Дьяконов, вопреки частым упоминаниям о своих сельскохозяйственных заботах, не только не изображает деревню местом

⁴⁹² Муравьев М.Н. Сельская жизнь // Муравьев М.Н. Стихотворения. С. 84–85. По мнению В.Н. Топорова, юный Муравьев замыслил написать сельскую идиллию в опоре на «Энеиду» Вергилия, поскольку в этот момент оставляет «пышности градские» и «презирает» их (см.: Топоров В.Н. Указ. соч. С. 86).

⁴⁹³ Вигарелло Ж. Самоощущение. История восприятия тела (XVI–XX вв.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 61.

⁴⁹⁴ См.: Татаринов А.В. Архитектурные работы Н.А. Львова // Львов Н.А. Указ. соч. С. 371–393.

⁴⁹⁵ Положительный сценарий борьбы со скукой, направленный на упорядочение бытового времени, предложил современник М.Н. Муравьева и А.Р. Воронцова А.Т. Болотов в «Путеводителе к истинному человеческому счастью» (1772): лень и привычка избегать труда — одна из худших склонностей; но скука, которую человек испытывает в праздности, — мощный движущий фактор трудолюбия (см.: Ананьева А.В., Веселова А.Ю. Указ. соч. С. 94–95).

счастливого уединения, но и полемизирует с гораианским дискурсом. Для отставного бригадира в деревне нет ничего привлекательного — это локус забот, «неприятностей» и волнений. «От ненастливья погоды <...> [невозможно] убраться яровым, котораго у меня и теперь еще на поле до 20 тысяч снопов стоит, покрытых довольно выпавшим вчера и сей день продолжающимся снегом», — сообщает он Воронцову в октябре 1785 г.: так гибнут и его самый лучший за десять лет жизни в поместье урожай овса, и урожай ржи, пусть даже наихудший (письмо № 8)⁴⁹⁶. Вернувшись в деревню из Петербурга осенью 1784 г., он не знает, что написать Воронцову, поскольку предается своим «обыкновенным упражнениям», «а что у вас во граде [Петербурге] деется, не слыхал ни слова» (письмо № 3). Свою деревню он считает «пустым местом» — местом, не производящим никаких смыслов (письма № 3, 35)⁴⁹⁷ (ср. Воронцову 16 июля 1785 г.: «...а без вас ей богу Город для меня пуст»⁴⁹⁸). Противопоставление городской и сельской жизни в его письмах всегда в пользу города, за исключением одного эпизода: «Окончивши, слава богу, во Граде С: Петра все мои дела, возвратился третьева дни в свое *спокойное, а потому и приятное для меня уединение*, в котором завтра начну орать [пахать] и бороновать под яровой посев земли», — писал он в апреле 1787 г.⁴⁹⁹ (письмо № 24). Причиной позитивного настроения могло быть ожидание хорошего урожая после неурожайного года — такие прогнозы на следующий год сообщил ему Воронцов в конце 1786 г. (письмо № 20)⁵⁰⁰, да и состояние его финансов внушало Дьяконову оптимизм: в этот момент он даже рассматривал возможность отправиться в следующем году «смотреть европейскаго хлебопашества»⁵⁰¹. Однако расчеты на урожай не оправдались, и осенью деревня вновь стала в его глазах тоскливой и бесприютной: «...нынешнее место было для хлебов и для сена крайне неблагоприятно», — писал он 23 сентября 1787 г. Воронцову, жалуясь на «пустоту» и однообразие своей жизни на протяжении последних двенадцати лет, т.е. всего времени своей жизни в деревне (письмо № 29)⁵⁰². Деревенскую скуку он прямо связывает с оставлением службы в 1775 г. Это же противопоставление — города (Петербурга) как места службы

496 РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 6–6 об.

497 Там же. Л. 4, 19 об.

498 Там же. Л. 34 об. (письмо № 5).

499 Там же. Л. 9 (Курсив в цитате мой. — М. Л.).

500 Там же. Д. 68. Л. 20.

501 Там же. Д. 541. Л. 9 об. (письмо № 24).

502 Там же. Л. 31.

и деревни как «пустого места» — вновь возникает в письме через год, в 1788 г. Столица воплощала для него действительно важные заботы, к которым он так стремился и которые были связаны со службой: «...дело Городское <...> не так мелко, не так пусто и не так скучно, как сельское» (письмо № 35)⁵⁰³. Отношение Дьяконова к деревне прагматично: поместье — его единственный источник дохода, его «актив», не вызывающий никаких поэтических ассоциаций.

Для Воронцова, напротив, Мурино — это место, где нет забот («Сие письмо пишу к вам из Мурина, где два дни в покое и удовольствии пробыл, а теперь еду в Город»⁵⁰⁴), а о привязанности Дьяконова к сельским делам он пишет с юмором и даже иронией. В 1789 г., подчеркивая, что тоже пишет из деревни, он шутливо указывает на разницу в их отношении к сельской жизни: «...в моей [деревне — Мурине] нет ни мельницы, которая может сгореть, ни опасения неудачного урожая, потому что для меня здесь он всегда равен»⁵⁰⁵ (письмо № 31). Говоря с иронией, что урожая в Мурине не бывало вообще — поместье располагалось на болотистых землях, не пригодных для земледелия, — Воронцов демонстрирует, пусть даже невольно, и свою независимость от капризов природы, и даже, возможно, превосходство над ней. Слова о мельнице — отголосок письма Дьяконова двухлетней давности: «А как згорела мельница, то будто я овдовел». Сожалел он тогда не об убытках, а о том, что лишился общества приезжавших на мельницу соседей, развлекавших его разговорами, пока мелется их зерно (письмо № 29)⁵⁰⁶.

Как уже упоминалось выше, основными проводниками «похвалы сельской жизни» как жизнестроительного мотива в России конца XVIII в. были эстетически и лично близкие Воронцову поэты львовско-державинского кружка⁵⁰⁷. Так, петербургский приятель Муравьева поэт В.В. Капнист, впоследствии обосновавшийся в Обуховке в Малороссии, именует себя «скотоводом», забывшим, сколько стихов в строфе, но точно

⁵⁰³ Там же. Л. 19.

⁵⁰⁴ Там же. Д. 68. Л. 27 об. (письмо № 33). Летом 1788 г. Гарновский писал, что Воронцов «с некоторого времени, под претекстом болезни» сидит дома, и передавал следующие его слова: «Слава Богу, есть кусок хлеба, пойду в отставку. Будучи барином с дедов и прадедов, к стати ли быть в повиновении у молодого человека [Дмитриева-Мамонова]; одно только усердие к отечеству удерживает меня в службе» (*Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 15. Запись от 6 июня 1788 г.*).

⁵⁰⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 53.

⁵⁰⁶ Там же. Д. 541. Л. 31 об.

⁵⁰⁷ Шарф К. Указ. соч. С. 392–394.

знающим, сколько снопов в копне сена⁵⁰⁸. Использование литературного клише превосходства сельской жизни над городской, а уединения — над светской жизнью обнаруживаются и в письмах, написанных Радищевым Воронцову из ссылки в 1790-е годы. Неслучайно Р. Бодэн считает их руссоистскими по духу: Радищева объединял с Руссо еще и опыт преследования и жизни в изгнании. Этого опыта, справедливо замечает исследователь, не было у русских аристократов, живших «руссоистской» жизнью в своих поместьях⁵⁰⁹. Его не было, отметим, в том числе и у Воронцова (по крайней мере, до начала 1790-х годов, когда он окажется если не в опале, то в вынужденной отставке, и уедет в Андреевское Владимирской губернии). Жизнь в Муринах, располагавшемся неподалеку от столицы, давала Воронцову возможность опробовать «чаемую русскую идиллию спокойной сельской жизни»⁵¹⁰, не оставляя привычной деятельности — участия в Совете при государыне, инспектирования губерний в качестве сенатора и хлопот по устройству дел своих протеже.

***

Для Дьяконова имение было прежде всего источником дохода. Неясно, приносило ли имение достаточно дохода в 1770-е и в 1780-е годы. Имение было постоянно заложено: сначала в Дворянский банк, а затем в учрежденный в 1786 г. новый Заемный банк; но в помещичьей среде возможность заложить и перезаложить своих крестьян считалась не просто финансовым подспорьем, но и своего рода дворянской привилегией. Н.А. Львов писал Державину 19 июня 1786 г., незадолго до публикации Манифеста о банках 28 июня 1786 г., отговаривая его продавать деревню:

Что же касается до продажи деревни Михайловской, то если тебе возможно без того как ни есть оборот сделать, то не продавай, погоди. 28-е [июня] выдет новый заемный банк, а в июне 1787 г. будут давать и деньги без возвращения суммы заемной, на 20 лет, под заклад деревень по 40 р. душу, а платить только по 8 процентов во все течение 20 лет; если же кто захочет и капитал внести, то весь или часть оного может вносить по срокам и по расчету расплачиваться.

⁵⁰⁸ Шарф К. Указ. соч. С. 427.

⁵⁰⁹ Baudin R. The Public Self and the Intimate Body. P. 323.

⁵¹⁰ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 24. Импорт французской политической литературы во второй половине XVIII в. привел к общему переосмыслению праздности на лоне природы как необходимого условия созерцания, размышления, поэтического вдохновения (см.: Пироговская М. «Врачество на праздность» и телесная экономия в российской медицине конца XVIII — начала XIX века // Die Welt der Slaven. 2018. Jg. 63. Ht. 1. S. 98, 103).

Деревни и все вещи неминуемо будут вдвое дороже, потому что прибавится открытием займа в сумму ходимых денег 30 миллионов рублей, кои до сего времени не существовали.

Львов знал подробности готовящейся реформы, вероятно, из первых рук — от Воронцова или Безбородко: «Вся сия операция безмерной важности выдумана графом Андреем Петровичем [Шуваловым], обработана же графом Алекс. Андр. [Безбородко], графом Александр. Романовичем [Воронцовым] и Петром Васильевичем Завадовским»⁵¹¹.

Дьяконов был в первых рядах помещиков, воспользовавшихся плодами государственной деятельности его «благотетелей», и не исключено, что тут не обошлось без совета Воронцова. Вскоре после открытия банка, к весне 1787 г., Дьяконов заложил почти всех своих крестьян: 500 душ из 528, оставшихся у него к 1787 г. (см. письмо № 24). За них он получил 20 тыс. руб., т.е. по 40 руб. за душу — максимально возможную сумму, которая назначалась только при представлении свидетельства об отсутствии исков, запрещений и казенных недоимок в отношении закладываемого имущества из палаты гражданского суда. Ссуда выдавалась на 20 лет (в случае Дьяконова — до 1807 г.) под 5% годовых⁵¹², но сверх этого необходимо было еще ежегодно уплачивать 3% от полученной суммы в счет погашения долга (в уплату капитала), т.е. всего 8%. Выплачивая, таким образом, 3 руб. 20 коп. в год за душу, Дьяконов должен был платить банку 1600 руб. в год⁵¹³ — эту сумму он и указал в своем завещании, передавая имение с обременением премьер-майору Жукову. Свой доход он

⁵¹¹ Цит. по: *Грот Я.К. Сочинения Державина*. Т. 5. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1869. С. 492.

⁵¹² Ставка в пять процентов вместо прежних шести была установлена манифестом от 28 июня 1786 г. в качестве «благотворительного вспоможения» дворянству, для «облегчения долгов и самой нужды, приводящей к оным» (ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16407. С. 616).

⁵¹³ В случае неуплаты имение не подвергалось описи, на него не распространялись казенные и частные иски; имение можно было передавать другому лицу в дар или по завещанию и продавать, но только вместе с обременением (как и поступил впоследствии Дьяконов). Если должник не погашал ссуду, имение переходило не к банку, как прежде в дворянских банках, а в дворянскую опеку, которая определяла особых лиц — опекунов для «правильного» управления имением. Долг погашался за счет доходов с имения. Остаток от сборов отдавался владельцу. Эти положения были окончательно закреплены указом от 9 марта 1788 г. (см.: *Бугров А.В. Очерки по истории казенных банков*. С. 137). Спрос на кредитование был настолько велик, что Завадовский намеревался доложить о множестве прошений, вступивших в Заемный банк, чтобы просить о добавлении к прежним 22 млн еще 5 млн руб. (см.: *Гарновский М.А. Указ. соч.* Т. XV. С. 34. Запись от 28 июля 1787 г.).

оценил в 2–2,5 тыс. руб. в год, получаемых от продажи ржи и овса с барской запашки, поскольку, если верить его завещанию, денежного оброка со своих крестьян он не взимал⁵¹⁴. В противном случае, чтобы обеспечить ему хотя бы такой уровень дохода, крестьяне должны были бы платить оброк сильно выше среднего: 4–5 руб. с души⁵¹⁵.

С учетом ежегодной выплаты банку чистого дохода в год у него оставалось, таким образом, всего 400–900 руб. Из полученных 20 тыс. заемных денег он сразу погасил долг в 6 тыс. руб. перед Дворянским банком⁵¹⁶. Из оставшихся 14 тыс. он положил в ломбард 10 тыс., а 4 тыс. отдал «приятелям на вексель», т.е. вложил их с целью получения дополнительного дохода⁵¹⁷. Дьяконов планировал в следующем, 1788 году, потратить годовой доход (2–2,5 тыс.) и еще 4 тыс. руб. на то, чтобы поехать «смотреть европейского хлебопашества» (письмо № 24)⁵¹⁸. Он здраво оценивал возможности своих угодий, расположенных в неблагоприятной для земледелия зоне, и даже внес свои наблюдения на этот счет в завещание:

Известно всем, что здешней климат есть самой жесточайшей, то есть зима почти всегда восемь месяцев продолжающаяся, а потому и земли не только

⁵¹⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 9 об.; Там же. Оп. 13. Д. 399. Л. 4. См. Приложение № 4.

⁵¹⁵ Боровой С.Я. Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М.: Госфиниздат, 1958. С. 63–64.

⁵¹⁶ Прежние дворянские банки были ликвидированы в 1786 г., но оставление контора в Москве, куда помещики возвращали деньги, взятые ранее займы (см.: Бугров А.В. Казенные банки в России (1754–1917). М.: ЦБ РФ, 2017. С. 89).

⁵¹⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 9 об. Дьяконов, как и большинство помещиков, не мог обеспечить выплату долга из обычных доходов своего имения (см.: Боровой С.Я. Указ. соч. С. 63–64; Бугров А.В. Казенные банки в России... С. 288, 290). Для сравнения: в 1782 г. все доходы Воронцова составляли 24 776 руб., а в 1790 г. — 82 525 тыс. руб. Сюда входят также займы у государства, сдача дома в наем, аренда фабрики, проценты из банка и возврат капитальной суммы из банка (до 40% ежегодного дохода), помимо дохода от имений. Данные приводятся согласно подсчетам Е.С. Корчминой (устное сообщение «Особенности экономического поведения дворянства во второй половине XVIII века», декабрь 2013 г.). Анализ доходов и расходов А.Р. Воронцова см.: Korchmina E. Op. cit. P. 116. Следует, конечно, учитывать, что значительная часть его доходов шла на выплату долгов — частных и банковских.

⁵¹⁸ Это была вполне адекватная, отчасти даже чрезмерная, сумма для заграничного путешествия. Путешествовавший в 1789–1790 гг. и добравшийся до Англии Н.М. Карамзин, не жалевший денег на парикмахеров и книги, оценил свою поездку в 1800 руб., хотя, по подсчетам Е.С. Корчминой и А.Л. Зорина, в действительности потратил больше — 2300–2700 руб. (см.: Zorin A., Korchmina E. Karamzin and Money // Cahiers du Monde Russe. 2018. Vol. 59. No. 1. P. 121–122).

средняя, но которые и лутшими называются, без удобрения никакого плода не приносят; удобрение же земель посредством содержания скота не только для крестьян, но и для самих владельцев столь трудно, или, можно сказать, и невозможно, что по сих пор ни те, ни другая, паче же крестьяне не могут достигнуть до желаемого намерения⁵¹⁹.

Несмотря на такие неподходящие условия, как показывают расчеты, Ямбургский уезд был одним из трех уездов в Санкт-Петербургской губернии, полностью обеспечивавших себя хлебом. Значит, и барщинное хозяйство Дьяконова не было таким уж неприбыльным, и именно поэтому Дьяконов не переводил крестьян на оброк, подобно Воронцову в его Мурине⁵²⁰. Тем не менее почти за десятилетие до появления манифеста о трехдневной барщине (1797), рекомендательного по своему характеру, Дьяконов сам записал в завещании требование к наследнику имения «посылать и ходить на господскую работу с каждого тягла, на котором мужик да баба, во весь год каждому *два дни в неделе* мужику конному, а бабе пешей»⁵²¹, и при этом труд на жатве летом засчитывать в общие «трудодни». При «жестком климате, которой главною причиною неимущества крестьян», он запретил наследникам взимать с крестьян какие бы то ни было дополнительные сборы — ни натурой, ни деньгами — сверх двух дней отработок в поле⁵²². Он, очевидно, понимал как взаимосвязь между благосостоянием крестьянина и благосостоянием помещика, так и необходимость реформирования сложившейся системы хозяйствования. Все это, безусловно, характеризует его как просвещенного человека, придерживавшегося гуманистических взглядов⁵²³.

В это время в Европе набирала скорость начавшаяся в 1770-е годы в Англии «сельскохозяйственная революция»: новая система севооборота постепенно заменяла экстенсивное и менее производительное трехполье. Трава и корнеплоды улучшали качество почвы, поэтому оставлять треть обрабатываемой земли под паром было больше не нужно. С другой стороны, новая система обеспечивала кормами скот, позволяя развивать животноводство и получать больше удобрений⁵²⁴. В России, в основном

⁵¹⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 399. Л. 1 об. См. Приложение № 4.

⁵²⁰ История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма / Санкт-Петербургский филиал Института истории РАН. СПб.: Наука, 1994. С. 203.

⁵²¹ Курсив мой. — М. Л.

⁵²² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 399. Л. 1 об., 4.

⁵²³ История крестьянства Северо-Запада России... С. 212.

⁵²⁴ Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб.: Академический проект, 2000. С. 100–101; Яценко О.А. «Я земледелие поставляю выше моей жизни!»

в среде, близкой к Вольному экономическому обществу, появились почитатели рядовой сеялки и конной мотыги для прополки междурядий, сконструированной Джетро Таллом (1674–1741). Озабоченность Дьяконова сельскохозяйственными вопросами, осознание им того, что неплодородные почвы и суровый климат требуют каких-то других способов землепользования, за сведениями о которых он хотел отправиться в Европу, можно отнести на счет его вероятного знакомства с изданной в 1781 г. книгой «Описание практического аглинского земледелия». Ее автором был Андрей Афанасьевич Самборский — центральная фигура в трансфере передовых аграрных идей в Россию в конце XVIII в.⁵²⁵ В бытность священником при посольской церкви в Лондоне (1765–1781) он увлекся английской агрикультурой и ее новыми методами. Входящий в круг клиентелы Воронцовых, он, пользуясь протекцией своего земляка малороссиянина Безбородко, был в 1784 г. назначен законоучителем великих князей Александра и Константина Павловичей⁵²⁶. С 1788 г. Самборский служил настоятелем собора города Софии близ Царского Села, где устроил собственное хозяйство-ферму и создал себе среди аристократов репутацию авторитетного агронома⁵²⁷.

Можно предположить, что планируя путешествие, которое в итоге так и не состоялось, Дьяконов был уже осведомлен, как именно «европейское хлебопашество» может спасти его «сельскую экономию». Урожай и погода были постоянным предметом его забот (и шуток Воронцова) еще и потому, что на последние годы жизни Дьяконова пришлось страшные неурожаи. Неурожайными были 1785 и 1786 гг. В результате в 1787 г. у крестьян центральных губерний не было достаточно зерна для посева

(А.А. Самборский и его школа земледелия в Царском Селе) // И в просвещении статья с веком наравне: сб. науч. тр. / отв. ред. С.М. Некрасов. СПб.: Образование, 1992. С. 131.

⁵²⁵ Самборский А.А. Описание практического аглинского земледелия, собранное из разных Аглинских писателей Андреем Афанасьевичем г. Самборским. М.: Унив. типогр. у Н. Новикова, 1781.

⁵²⁶ Кросс Э.Г. У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке / пер. с англ. СПб.: Академический проект, 1996. С. 293.

⁵²⁷ У Самборского доставали качественные семена: например, Н.И. Новиков просил А.Ф. Лабзина достать через зятя Самборского В.Ф. Малиновского «всяких Аглинских хлебных семян хотя по пригоршням» (цит. по: Новиков Н.И. Письма Н.И. Новикова. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1994. С. 56). Впоследствии Самборский попытался институционализировать свою деятельность, создав на рубеже веков в имении близ Павловска Белозерке школу земледелия, однако просуществовала она недолго: крестьяне не видели никакого смысла в нововведениях (см.: Яценко О.А. Указ. соч. С. 130–133).

яровых и озимых. Хотя в наибольшей степени пострадали черноземные губернии, в центральных губерниях поля также не были полностью засеяны, поэтому урожай 1788 г. был скудным и голод продолжался до осени 1789 г. — т.е. более двух лет⁵²⁸.

Как видно из писем Дьяконова, его «экономия» также существенно пострадала. Если в 1784 г. Дьяконов был вполне доволен урожаем («урожай сдесь был весьма хорош, ис поля убран хлеб и помещиками и крестьянами впору»⁵²⁹), то в октябре 1785 г. он не смог убрать урожай: «...от ненастливыя погоды, не дозволившия и недозволющия никоим образом убраться яровым, котораго у меня и теперъ еще на поле до 20 тысяч снопов стоит, покрытых давольно выпадшим вчера и сей день продолжающимся снегом»; в результате «снопы от сырости начали портиться и гореть». Тем не менее овес уродился («какого лутче во все десять лет моего здесь житья не бывало»), но совсем пропала рожь («ржи хуже нынешней не бывало же») (письмо № 8)⁵³⁰. Неудивительно поэтому, что при первой возможности, весной 1787 г., он заложил своих крестьян в новый Заемный банк, рассчитывая, что новый урожай осенью поможет ему встать на ноги. Однако в сентябре, глядя на урожай, он понимает, что «ржи и в будущем годе будет противу последних трех годов, хуже каждого, или лутче сказать: принесут они костер и метлу». Он даже высказывает мысль «за все общество» о том, что хорошо бы на следующий год отменить подушную подать или хотя бы уменьшить ее вполовину («в будущей год подать была естли не вся сложена, то по крайней мере хоть половина»), но спешит подчеркнуть, что «за свои деревни гатов я заплатить свои деньги» (письмо № 29)⁵³¹.

Правительство не отнеслось пассивно к постигшему народ бедствию⁵³². Императрица обсуждала хлебный вопрос со своим окруже-

⁵²⁸ Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. С. 182–183; Просеков А.С. Научное осмысление голода в XVIII–XX вв. и формирование продовольственной политики России // Пищевая промышленность. 2018. № 1. С. 31–34. М.А. Давыдов обращает внимание на «семантическую инфляцию» понятия «голод» в XX в., которая привела к деформации представлений о предреволюционной эпохе. В Российской империи в это понятие вкладывался иной смысл, отличный от современного, в основе которого — страшный опыт XX в. (см.: Давыдов М.А. Модернизация Витте — Столыпина и ее специфика // Вопросы теоретической экономики. 2017. № 1. С. 117).

⁵²⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 4 (письмо № 3).

⁵³⁰ Там же. Л. 7.

⁵³¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 33.

⁵³² Так, например, в работе: Нефедов С.А. Указ. соч. С. 183.

нием начиная с 1786 г., когда дали о себе знать неурожаи. 5 июля 1786 г. была учреждена «хлебная комиссия» для Санкт-Петербурга, поскольку в столице потребность в хлебе была особенно высока из-за большого числа пришлого населения при том, что подвоза хлеба из уездов не было⁵³³. Организацией в Петербурге хлебного магазина занимались не кто иные, как А.Р. Воронцов вместе с А.П. Шуваловым. 23 октября 1786 г. они получили соответствующий указ и 150 тыс. руб. на закупку хлеба для Петербурга⁵³⁴. В начале декабря 1786 г. в письме к Дьяконову Воронцов, занятый поставками хлеба в столицу, прогнозировал хороший урожай в будущем году: «Зима, кажется, совершенно установилась, и многия считают, что она такова, что будто обещает хорошия урожаи на будущей год, в чем, правду сказать, не без нужды»⁵³⁵ (письмо № 20). Это окрыляет Дьяконова, и в апреле 1787 г. он с энтузиазмом отправляется в деревню «орать и бороновать под яровой посев земли» (письмо № 24)⁵³⁶. Ревизуя Воронежскую губернию в начале 1787 г., Воронцов заезжает в принадлежащие ему имения и с удовольствием замечает, что хлеба там много, хотя он и дорог: «...цена ему и не низка от больших закупок ис под Москвы» (письмо № 22)⁵³⁷. Вопрос о хлебе, как видно из записей Храповицкого, находился в фокусе внимания императрицы, в том числе и потому, что дело шло к войне с Турцией⁵³⁸. Шувалов и вовсе предлагал ради «прокормления народа» на следующий, 1788-й (поскольку в текущем «еще к извороту есть способы») и на будущие годы вместо учреждения «хлебных магазинов» (складов) просто купить хлеба для Петербурга на миллион рублей и для Смоленска, трех Малороссийских губерний, Орловской и Курской — на два миллиона, взяв эти суммы заимообразно из Ассигнационного банка⁵³⁹.

Мы видим, что к неурожаям у Дьяконова приводили, скорее, неблагоприятные погодные факторы несколько лет подряд, чем неэффективные

⁵³³ История крестьянства Северо-Запада России. С. 204. Императрица говорила «о хлебной комиссии благосклонно [и сказала] о надобности усилить запасный магазин» (*Храповицкий А.В.* Указ. соч. С. 17. Запись от 23 июня 1786 г.).

⁵³⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 279. Л. 1–6. См. Приложение № 3.

⁵³⁵ Там же. Оп. 3. Д. 68. Л. 20.

⁵³⁶ Там же. Д. 541. Л. 9.

⁵³⁷ Там же. Д. 68. Л. 23.

⁵³⁸ *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С. 31, 34. Записи от 18 июня и 15 августа 1787 г. «Запримечено, что Ея И.Величество, по возвращении из похода [в Крым], более не весела, нежели весела бывать изволит. Говорят, что неурожай во многих местах в хлебе причиняет Ея Величеству немалую скорбь и заботу» (*Гарновский М.А.* Указ. соч. Т. XV. С. 240).

⁵³⁹ *Григорович Н.И.* Указ. соч. С. 186.

методы хозяйствования. Однако некоторые исследователи не считают главной причиной голодных лет погодные условия, а подчеркивают интенсификацию помещичьего хозяйства, в том числе и увеличение в 1770–1780-е годы оброка (которого у Дьяконова не было)⁵⁴⁰. В связи с этим интересно, что современник Дьяконова князь М.М. Щербатов уже в 1787 г. связал бедствие не с природными факторами, а, во-первых, с неправильной экономической политикой. Голоду, писал он в 1787 г., предшествовала «дороговизна», а его причинами были «малое прилежание о земледелии», «недостаток земель» и «нерассмотрительный выпуск хлеба в чужие государства», «недостаток запасного хлеба» и «уменьшение доброты земель»⁵⁴¹. Во-вторых, важнейшую роль в кризисе сыграло известное «повреждение нравов»: стремление дворян к более комфортной и роскошной жизни, ради обеспечения которой крестьянское население меняло земледелие на иные, более прибыльные занятия, прежде всего торговлю и промыслы. Щербатов логично увязал культурный фактор с экономическим: из-за стремления дворянства к престижному потреблению росло и количество винокуренных заводов, активно скупавших зерно в качестве сырья, что и приводило к дефициту хлеба и росту цен, а в неурожайные годы — к голоду. Увеличение числа мастеровых, «размножение народа» и пренебрежение хлебопашеством были свидетельствами слома, как ему казалось, традиционного порядка, к которому добавлялась и недостаточная забота государства о «поселянах», также связываемая с падением нравов среди элиты⁵⁴².

Мы не знаем, что Дьяконов думал о причинах неурожая и как справился с их последствиями: после 1787 г. он уже не пишет ни о своих финансах, ни о недороде. Однако в окружении Воронцова были и весьма предприимчивые люди, например, поэт Н.А. Львов, решивший подзаработать на дороговизне хлеба в Петербурге: «Сколько можешь, хотя небольшую партию, пришли будущю весною [1787 г.] на барках хлеба, — писал он к новоназначенному тамбовскому губернатору Г.Р. Державину, — провоз заплати там, а мне только напиши, по чему который хлеб продать, и я тебе тотчас деньги, потому что, кроме того, что хлеб здесь очень дорог, и

⁵⁴⁰ Нефедов С.А. Указ. соч. С. 34, 183.

⁵⁴¹ Как отмечают исследователи, во второй половине XVIII в. почвы в Черноземье начали истощаться, урожайность падала, и в 1780–1790 гг. она уменьшилась до сам-3,9 (напр., в Орловской губернии чистый сбор упал с 43 до 32 пудов зерна на душу) (см.: Нефедов С.А. Указ. соч. С. 182).

⁵⁴² Цит. по: Щербатов М.М. Рассуждение о нынешнем в 1787 году почти повсеместном голоде в России, о способах оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастье // Щербатов М.М. Избранные труды. С. 478–505.

я тебе барыш доставлю, но хлеб мне еще и на пивоварню надобен будет, то есть не мне, а моим товарищам по цене общей»⁵⁴³.

Последние годы Дьяконова: «аглинские мысли» и прожектерство

В переписке Воронцова и Дьяконова болезни и здоровье, настроение, ощущения, а также симптомы, которые обнаруживают у себя корреспонденты, занимают место не менее важное, чем политические новости или текущие дела и события. И Воронцов, и Дьяконов прибегают, где возможно, к дневниковому методу «самонаблюдения» — телесной интроспекции. Начиная со второй трети XVIII в. субъективные ощущения собственного тела, как и перемены в самочувствии близких и знакомых, становятся все более важной темой записей в эго-документах⁵⁴⁴. Конечно, по насыщенности физиологическими подробностями письма Воронцова и Дьяконова уступают «дневнику больного» секунд-майора А. Ржевского⁵⁴⁵, однако в них видно неумолимое присутствие в глубине тела чувствительности, заполняющей «я», — по словам историка Ж. Вигарелло, «новое присутствие», характерное для XVIII в. Во второй половине XVIII в. человек «не может забыть, что у него есть тело, последнее беспрестанно напоминает ему о себе», а новое понимание себя — через тело и его бытие — становится фундаментом личности⁵⁴⁶.

Подобно Ржевскому, Дьяконов умеет подробно описывать свои симптомы и наблюдать за собой. Как у Ржевского, чьи отношения с врачом и с покровительницей характеризуются предельной открытостью в том, что касалось физиологии, переписка Дьяконова и Воронцова также несет на себя заметный след подобного рода откровенности. Дьяконов признается, правда, что старается «беречь и не тяготить <...> ничем, сколько возможно» своего корреспондента⁵⁴⁷. Тем не менее он сообщает, например, что, собравшись было ехать в Петербург, был остановлен «от продолжающейся мокрой погоды, столько же и от худого здравья

⁵⁴³ Н.А. Львов — Г.Р. Державину, 13 ноября 1786 г. // Львов Н.А. Указ. соч. С. 332.

⁵⁴⁴ Пироговская М. Дневник больного середины XVIII века: Взгляд из России // Заботы и дни секунд-майора Алексея Ржевского: записная книжка (1755–1759) / сост., науч. ред. И.И. Федюкин. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. С. 56; Вигарелло Ж. Указ. соч. С. 76–77.

⁵⁴⁵ См. предыдущ. примеч.

⁵⁴⁶ Вигарелло Ж. Указ. соч. С. 62–63, 89.

⁵⁴⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 13 об.

ломотою в коленях, а к тому посетил еще и Гиморойд» (письмо № 8)⁵⁴⁸. Он умеет оказывать себе первую помощь (здесь, возможно, сказался и «фронтальной» опыт): когда под ним провалился пол, он «полетел вниз, и ушибся изрядно, а паче ушиб обе ноги и ободралась на них кожа; по щастии случился Кунцен бальзам, коим астановил бежание крови и раны прочистил; а от того принужден был шесть дней сидеть на одном месте; потом начал ходить о костыле; ибо рана на бальной ноге и по сей час еще не зажила» (письмо № 5)⁵⁴⁹. В декабре 1788 г., возвращаясь от врача из Нарвы, он подхватил еще и простуду: «...едучи в деревню в жестокия морозы, так азяб и простудился, что целую неделю не мог встать с постели и едва мог избавиться от горячки. Теперь немнога от прастуды полутче; а старая болезнь все таки продолжается» (письмо № 37)⁵⁵⁰.

Характерна подчеркиваемая в письмах связь между здоровьем моральным и физическим. В представлении той эпохи нравственные («душевные») болезни хотя и выделялись в особую категорию, своей причиной могли иметь как наследственность, так и страсти, проистекающие как от внешних причин, так и от особенностей конституции. В 1770-е годы пересматривается классификация болезней и меняется смысл понятия «ипохондрия»: теперь это расстройства, приводящие человека в постоянно тревожное состояние, гнетущее и разрушительное, происходящее от нервного возбуждения разной интенсивности. «Все болезни <...> — это болезни нервов»: это мнение утвердилось в 1770–1780-е годы. Даже физические в строгом смысле болезни — ревматизм, туберкулез, апоплексия — в связи с открытием нервных волокон и нервной проводимости также получают новое объяснение вместо (или в дополнение) к прежнему — нарушению баланса гуморов⁵⁵¹. Разделение болезней на психосоматические и физические, однако, в XVIII в. еще не оформилось. Связь между телесными жидкостями и конституцией, с одной стороны, и страстями и душевными волнениями, превращающимися в душевные болезни, с другой, сохраняется, и поэтому Дьяконов не сомневается, что «нравственные болезни имеют влияние и в физическая» (письмо № 34)⁵⁵², а значит, и методы лечения их сходны с методами лечения болезней сугубо телесных: это кровопускания, порошки и декокты. Судя по дважды высказанным в письмах 1789 г. просьбам Воронцова поделиться с ним

⁵⁴⁸ Там же. Л. 6.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 34.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 22.

⁵⁵¹ Вигарелло Ж. Указ. соч. С. 63, 65–66.

⁵⁵² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 13 об.

рецептами «морального» лечения, болезнь Дьяконова считалась именно «моральной», а он сам, должно быть, упоминал в своих несохранившихся письмах за этот год какие-то методы ее лечения: «...о врачевании вашем моральном прошу уведомить», — писал Воронцов (письма № 41 и 42). Воронцов уверен, что «моральные болезни» еще более распространены, чем физические в узком смысле, «ибо кто не имеет моральных болезней, а они, правно, еще иногда и чувствительнее всяких других». Он полагает, что «моральные болезни еще более разнообразны многочисленных известных физических болезней, а потому и рецепты должны быть весьма разнообразны, так, что вылечивает одного, может еще и умножить боль другого» (письмо № 41)⁵⁵³. У Воронцова, как выясняется, был и собственный опыт «моральной болезни» и излечения от нее:

Когда буду удовольствие иметь с вами увидиться, розкажу вам, что от некоторой моральной болезни я вылечился по милости одного человека, которого нет здесь в Городе и которой истинно и не имел ни мало намерения меня вылечить, а с тех пор я и в физическом своем состоянии чувствую большую в пользу свою перемену⁵⁵⁴ (письмо № 42).

Воронцов определенно не имел в виду врача в узком смысле слова, но узнать подробностей мы, как и Дьяконов, не сможем, поскольку если двум корреспондентам и удалось еще раз увидиться, то лишь в самые последние дни жизни Дьяконова, при составлении им завещания.

Что имели в виду Воронцов и Дьяконов, когда писали о моральных болезнях? Прежде всего, термин этот представляет собой буквальный перевод с французского «*maladies morales*», использовавшегося во второй половине XVIII в. как синоним для обозначения меланхолии, ипохондрии, ностальгии; в категориях английской медицины — это нервные болезни. Согласно «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, причина моральных болезней — нарушение «душевных функций», расстройство воображения, страстей и суждений. Больной терял сон, аппетит, находился в подавленном настроении. Лечение же состояло в подбадривании пациента, поощрении различных физических упражнений и развлечений в компании друзей⁵⁵⁵.

В 1787 г. Дьяконова посетила одна из таких моральных болезней — «швейцарская», хорошо известная как ностальгия⁵⁵⁶. Симптомы

⁵⁵³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 35, 39.

⁵⁵⁴ Там же. Л. 39.

⁵⁵⁵ *Maladies morales* // *Encyclopédie, ou Dictionnaire Universel Raisonné des connoissances humaines*. Т. 27: М — Mat. Yverdon, 1773. P. 261–264.

⁵⁵⁶ *Ibid.* P. 264.

ностальгии — невыносимое желание увидеть вновь свою родину и дышать ее воздухом. Как считалось, болезнь эта свойственна швейцарцам в силу особенностей политического устройства их страны, где почти нет иностранцев, и местные жители проводят всю свою жизнь, наблюдая лишь одни и те же знакомые лица. Поэтому, оказавшись за пределами своего сообщества, они испытывают острейшее желание вновь увидеть привычные физиономии⁵⁵⁷. Дьяконов неплохо знаком с медицинской терминологией, и сам не без самоиронии диагностирует у себя этот недуг. 23 сентября Дьяконов пишет Воронцову: «...приехавши в исходе августа в мое уединение, от швейцарския болезни скоро я исцелился, но на мест ее занемог другою, пущею муринскою болезнию, что не мог еще дней двух тамо астаться и пользоваться милостивою вашего сиятельства беседою» (письмо № 29). Заявляя о своей «швейцарской болезни», он подчеркивает, что, находясь в разъездах и в Петербурге, тосковал по своему «уединению» и деревенскому воздуху, но, оказавшись в Нежинской, быстро вернулся в форму — и это несмотря на то что деревенские дела «мелки и столь одинаковы», что даже «повествование об их делает одну лишь только скуку». И тут же по аналогии Дьяконов изобретает «муринскую» болезнь. Отправившись в Мурино к Воронцову, он не смог дожждаться там его приезда и практически бежал оттуда. Причина его бегства — свойственная меланхолику социофобия: «Притчиною тому [отъезда из Мурина] неспособность моя, умножающаяся со дня на день, что становлюся неудобным быть между людьми; а что всего страннее, то не только мой наружный вид, но даже и чувствования мои делаются столь робки и тупы, что никогда они таковы не бывали». Как результат, он уже не может разобраться в своих ощущениях и симптомах и выбрать наилучшее место для жизни: «размышлении мои в такой приходят непорядок и расстройку, что и деревенская жизнь zaczynaет казаться постылою» (письмо № 29)⁵⁵⁸.

Воронцов отвечает Дьяконову наблюдениями подобного же рода: его одолевают не только «моральные болезни», но и чирьи, образовавшиеся у него «в таких местах, что не только одеться, но и сидеть безспокойно», а спать в течение двух недель он мог лишь с трудом. «Оные [фурункулы], — пишет Воронцов, — теперь прорвались, и множество материи выходит. Думаю, что ден чрез пять все кончится и можно будет выезжать», — сообщает вельможа 5 ноября 1787 г. из Петербурга

⁵⁵⁷ Nostalgie, maladie du pays // Encyclopédie. T. 23: Noa — Orer. 2nd ed. Lausanne; Berne, 1780. P. 121–123.

⁵⁵⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 30 об. — 31.

(письмо № 32)⁵⁵⁹. «Утешавшие» его медики, однако, называли это «даром натуры», утверждая, что «сии гости предупредили и спасли меня»: застой материи мог угрожать серьезной болезнью, но натура сама помогла избавиться от вредоносной материи посредством нарывов (чирьев), так что болезни удалось избежать. Поскольку медицина рассматривала те или иные недомогания как проявления нарушенного баланса гуморов, а не как симптомы конкретного заболевания, получалось, что натура помогает телу излечиться посредством отделения «испорченных гуморов».

Подобно недугу секунд-майора Ржевского, оказавшаяся смертельной болезнь Дьяконова остается неназванной, но ее физические проявления подробно описаны, что характерно для текстов, написанных пациентами «изнутри» болезни в XVIII в.⁵⁶⁰ С большой долей осторожности можно предположить, что Дьяконов страдал туберкулезом, в 1788–1789 гг. — уже в последней стадии. «Болезнь моя, называемая сыпь или *чесотка*, не ведаю от чего и каким образом меня постигшая, продолжается уже четвертой месяц <...> особливо руки мои как *жемчугом* унизаны более уже двух недель», — писал Дьяконов в октябре 1788 г.⁵⁶¹ Авторитетный в 1780-е годы автор пособия по диагностике и лечению чахотки доктор медицины Якоб Маркс упоминает о высыпаниях или даже *чесотке* (*Krätze*), которые могут иметь хронический или же лихорадочный характер, сопровождающийся повышением температуры⁵⁶². Высыпания, похожие на жемчуг, характерны для поздней стадии этого заболевания. Однако если у человека не было гнойной мокроты — а Дьяконов никогда не жаловался на кашель, — то это не легочное заболевание (*Lungensucht*), а иная форма туберкулеза, также характеризующаяся истощением⁵⁶³. Дьяконов жалуется на то, что руки «не делают мне никакой почти помощи» и он едва может держать ложку. Не будучи в состоянии самостоятельно написать письмо, он все же мог вносить исправления: руки ему не отказывают полностью (как, например, вследствие инсульта), но он не находит сил на полноценное выполнение каких-то действий, в чем можно усмотреть один из неврологических симптомов, характерных для туберкулеза костей. Возможно, именно он был причиной постоянной прогрессирующей слабости

⁵⁵⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 57.

⁵⁶⁰ Пироговская М. Дневник больного середины XVIII века... С. 65.

⁵⁶¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. 13, 29 (черновик) (Курсив мой. — М. Л.).

⁵⁶² Marx J. Abhandlung von der Schwindlungensucht und den Mitteln wider dieselbe. Eine von der Königl. Societät der Ärzte zu Paris mit Beifall aufgenommene Schrift. Hannover, 1784. S. 67–68.

⁵⁶³ Ibid. S. 3.

(«истощения»). Осенью 1788 г. письма за него пишет «мальчик», что Дьяконов мучительно переживает («Во всю мою жизнь не писал я ни кому и никогда чужою рукою»⁵⁶⁴), а последнее письмо из Нарвы в феврале 1789 г. написано еще кем-то — мальчик, должно быть, остался в Невжинской (письмо № 39).

В терминах гуморальной медицины самочувствие понимается как производная от баланса внешних раздражителей и возбудимости: избыток раздражения вызывает стению, а недостаток — астению, которая и наблюдалась у Дьяконова. Возможно, поэтому Дьяконов не упоминает клистир — основное ослабляющее средство в медицине того времени, которое ему было явно противопоказано, поскольку его лечение должно было быть стеническим (укрепляющим)⁵⁶⁵. Зато ему пускали кровь, «а порожками и декохтами так меня ухаживали, что я лишился и силы, и тела». В 1788 г. он открыто говорит о том, что смирился с мыслью о смерти: «...я хотел бы лучше в сие время умереть, нежели столько страдать, да и не видеть конца жестокому сему беспакостству, а закрывши вечно глаза, не видели бы более сего кандидова наилучшего из всех возможных света, который все из нас каждой во свое время оставить должны» (письмо № 34)⁵⁶⁶. Об этом желании он сообщил Воронцову еще годом ранее, описывая симптомы меланхолии, 23 сентября 1787 г.:

Размышления мои в такой приходят непорядок и расстройку, что и деревенская жизнь начинает казаться постылою. Самое лучшее и новое желание появляется, что б из сего наилучшего из всех возможных Кандидова света перебраться поскорее в другой (письмо № 29)⁵⁶⁷.

В ответ Воронцов призвал Дьяконова «не вдаваться» «в аглинские мысли», под которыми подразумевалась склонность к самоубийству — ее он и разглядел в словах Дьяконова:

Не вдавайтесь в аглинские мысли, они у нас право не сходны со многими обстоятельствами, что, конечно, здесь описывать буде не во всем хорошо — дедам нашим еще хуже было. Естли скушно в деревне, что мешает приехать в город, где вам истено любящая вас будут рады? (письмо № 31)⁵⁶⁸.

Представление о самоубийстве как о характерной черте «английского» поведения было широко распространено в то время. Так,

⁵⁶⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 13 (письмо № 34).

⁵⁶⁵ Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры. М.: О.Г.И., 2005. С. 130.

⁵⁶⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 13 об.

⁵⁶⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 30.

⁵⁶⁸ Там же. Д. 68. Л. 53–53 об.

Н.Н. Бантыш-Каменский в своих письмах к князю А.Б. Куракину в 1792 г. называет «знакомство с Аглицким народом» причиной двух самоубийств в семье сенатора Вырубова⁵⁶⁹. И действительно, распространение суицидов отмечалось в это время в Англии, где склонность к ним считалась проявлением меланхолии⁵⁷⁰. «Английская болезнь» часто представлялась в описаниях современников следствием воздействия «английского климата». Согласно другой точке зрения, болезнь была «английской» не из-за якобы неблагоприятного климата на острове, а потому, что «меланхолическое уныние», проявлением которого были мысли о самоубийстве, культивировалось среди английской аристократии еще в правление Елизаветы I, распространившись благодаря труду Марсилио Фичино «*De vita triplici*» (1482–1489). В нем автор представил меланхолию как свойство великих людей, сделав ее модной болезнью, вопреки средневековой медицинской традиции. «Болезнь меланхолия» была известна в России с начала XVIII в., причем судебная практика давала расширенное понимание меланхолии: это и сумасбродство, и одержимость, и «бесчинное» поведение, и тоска, сопровождаемая делириумом, и множество других понятий, связанных с «изумлением» — отсутствием разума. В отчетах властей меланхолия часто называлась причиной самоубийств уже в 1760-е годы⁵⁷¹.

В XVII–XVIII вв. врачи, причем в основном английские, описывали следующий тип меланхолика: это всегда мужчина, который постоянно занимается «самокопанием»; за бурными проявлениями страха у него следуют периоды размышлений, когда человек становится абсолютно

⁵⁶⁹ Н.Н. Бантыш-Каменский — А.Б. Куракину, 29 сентября 1792 г. // Русский архив. 1876. № 11. С. 276. Репр.: Бантыш-Каменский Н.Н. Московские письма в последние годы Екатерининского царствования. От Н.Н. Бантыш-Каменского к князю А.Б. Куракину. СПб.: Лань, 2013.

⁵⁷⁰ Современник-англичанин писал: «Не проходит и недели, чтобы кто-нибудь не повесился, не утопился в Темзе, не перерезал себе горло или не размозжил череп пулей» (цит. по: Юханнисон К. История меланхолии: о страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. М.: НЛО, 2011. С. 41). Позднее, уже после 1789 г., склонность к самоубийству каким-то образом связалась с французским вольнодумством, в том числе у Н.М. Карамзина (*Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 311–313*). В публикуемой переписке перед нами пример понимания этого недуга в «чистом», не замутненном революционными событиями виде.

⁵⁷¹ *Махотина Е. Меланхолия приходит в Россию. Монастыри как долгаузы в России в XVIII веке // Вивлиоика. 2019. Vol. 7. P. 24–25; Каменский А.Б. Феномен самоубийства в России XVIII в. // Ibid. 2020. Vol. 8. P. 15–16, 25.*

неспособен к активному действию; состояние сопровождается физическими симптомами: страх корежит тело, дни проходят в приступах боли, спазмах и мучительных ощущениях, а ночью наступает бессонница (Дьяконову стало «неудобным быть между людьми», а затем к этой «нравственной болезни» присоединилась болезнь «неописанная», «по всеминутно лишавшая сна, пищи и вкуса»⁵⁷²). Страдающие этой болезнью любят уединение («муринская болезнь», из-за которой Дьяконов не мог остаться у Воронцова⁵⁷³), избегая общества людей, бродят без цели; «цвет лица у них желтоватый, язык сухой, как у человека, страдающего сильной жаждой, глаза сухие, запавшие, никогда не увлажняемые слезами; все тело их сухое и поджарое, а лицо мрачно и отмечено ужасом и печалью» — это лишь одно из многих описаний, составленных врачами XVIII в.⁵⁷⁴

Роберт Бертон, автор труда о меланхолии, на несколько столетий предопределившего ее понимание в европейской культуре⁵⁷⁵, среди прочих причин возникновения меланхолии называл также и подавленные амбиции⁵⁷⁶. Симптомы своего заболевания Дьяконов начал испытывать после того, как в 1787 г. он не сумел ни устроиться в банк, ни получить чин действительного статского советника, а объекты его зависти — В.Д. Львов, И.А. Пиль и Х.Л. Зуев⁵⁷⁷ — получали все новые назначения. Интерпретацию меланхолии как порождения нереализованных амбиций предложила в отношении другого клиента А.Р. Воронцова, Радищева, сама Екатерина II. Обнаруженный ею в книге «Путешествие из Петербурга

⁵⁷² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 13 об., 16 (черновик).

⁵⁷³ Там же. Л. 30 об.

⁵⁷⁴ Юханнисон К. Указ. соч. С. 31–32.

⁵⁷⁵ Burton R. The Anatomy of Melancholy. Oxford, 1621.

⁵⁷⁶ Например, ипохондрией — подтипом меланхолии — страдал С.Р. Воронцов, потому что его обошли продвижением по службе после русско-турецкой войны: «...приехал, и так худ и слаб, в ипохондрии и, думаю, пойдет в отставку, считая себя обиженным, что по сию пору бригадир», — писала к супругу-фельдмаршалу графиня Е.А. Румянцева (цит. по: Гриффитс Д.М. Екатерина II и меланхолия, или Анатомия политической оппозиции // Гриффитс Д.М. Екатерина II и ее мир. С. 110 (цит.: с. 117, примеч. 32)). Так и случилось: младший брат А.Р. Воронцова подал в отставку и отправился в 1776 г. в заграничное путешествие.

⁵⁷⁷ В самом конце 1785 г. Зуев был назначен губернатором Олонецкой губернии вместо Г.Р. Державина и пробыл на этой должности около года, встретив тех же ревизоров — Воронцова и Нарышкина — в начале 1786 г. уже в этой губернии. Вскоре после этого он ушел в отставку с сохранением жалованья, а в 1788 г., после назначения Пилия в Иркутск, Зуев стал правителем наместничества во Пскове (см.: Кораблев Н.А., Мошина Т.А. Указ. соч. С. 81–89).

в Москву» «разврат» указывал на злобное и неблагодарное сердце автора, что согласовывалось также и с полным отсутствием в книге самоиронии. Отсюда напрашивалось предположение, что сочинитель обладал «унылым» сложением и что мир у него «чернажелтаго вида». Поэтому императрица решила, что каким-то образом обидела автора, возможно, отказав ему в доступе ко двору и обойдя продвижением по службе («вход не имеет в чертоги»)⁵⁷⁸.

Сочтя в 1790 г. Радищева «ипохондриком» (что было равнозначно «меланхолику», хотя некоторые считали ипохондрию более развитой стадией меланхолии), императрица была бы довольна точностью своего диагноза, если бы ей довелось узнать, что Радищев впоследствии покончил с собой⁵⁷⁹. Именно меланхолии, как и стимулирующей ее сентиментальной литературе, отводилась особая роль в объяснении самоубийств. При этом осознанный выбор смерти воспринимается в конце XVIII в., благодаря «Стансам на смерть» Я.Б. Княжнина и пьесе Б.Ж. Сорена «Бeverлей», как реализация модели не только приватного, но и публичного, «литературного», поведения, а этика и эстетика самоубийства были, начиная со второй половины XVIII в., предметом активного обсуждения в европейских журналах. Свой вклад в дискуссию внес и Радищев, доказывая в трактате «О бессмертии» что жизнь и смерть «не столь разделены, как то кажется нашим чувствам», а смерть, в том числе добровольная, может проложить путь к бессмертию. Рассуждения Радищева о смерти, в том числе и о процессе умирания, подпитывались общим контекстом литературы конца XVIII — начала XIX в., в которой тема самоубийства была весьма популярна, и его представления отражали общие для его современников интеллектуальные построения⁵⁸⁰. Упоминания Дьяконова

⁵⁷⁸ Гриффитс Д.М. Екатерина II и меланхолия. С. 108–110; [Екатерина II.] Разбор сочинения Радищева «Путешествие из С.-Петербурга в Москву», написанный императрицею Екатериною Второю // АКВ. Кн. 5. С. 408. Сама императрица страдала похожими симптомами в середине 1780-х, когда один за другим ушли из жизни близкие ей люди: Г.Г. Орлов и А.Д. Ланской. Свое путешествие в Крым она запланировала, чтобы «унять ипохондрию», но излечилась благодаря книге ганноверского врача Иоганна Георга Циммермана «Об уединении» (*Über die Einsamkeit*. 4 Bde. 1784–1785). Здесь интересно продолжение гендерного барьера: меланхолия и ипохондрия считались уделом мужчин.

⁵⁷⁹ О «припадке ипохондри» у А.Н. Радищева незадолго до самоубийства писал в биографии отца П.А. Радищев. См.: Зорин А.Л. Указ. соч. С. 130–131.

⁵⁸⁰ Богданов К.А. Указ. соч. С. 95–97, примеч. 15 на с. 96. Историко-психологическую реконструкцию переживаний и мотивов Радищева см. в: Зорин А.Л. Указ. соч. С. 130–136.

о своем желании покинуть этот «лучший из миров» возникли, конечно, из этого общего культурного контекста.

Нельзя ли, исходя из вышесказанного, предположить, что упорный отказ Дьяконова приехать в Петербург и обратиться к лучшим врачам, несмотря на повторявшиеся в 1789 г. из письма в письмо уговоры со стороны Воронцова («а ехать можно бережно, хотя б два или три дни в дороге»⁵⁸¹) и его готовность обеспечить друга всем необходимым в своем доме, мог являться формой растянутого во времени самоубийства? Это, разумеется, лишь одна из возможных интерпретаций, поскольку мы не знаем, насколько состояние Дьяконова препятствовало поездке и даже самому принятию решения о ней, а письма его обрываются февралем 1789 г. Судить о его состоянии можно только по отгоскам в письмах Воронцова. Отвечая Дьяконову 13 августа, он пишет, что «с крайним сожалением усмотрел [из письма], сколь худо здоровье ваше поправляется <...> при таких припадках [не]сходно было оставаться вам в деревне, где и врачебная помощь часто и во время притъти не может» (письмо № 43)⁵⁸². Летом 1789 г. Воронцов предлагал Дьяконову остановиться в его петербургском доме, чтобы посещать столичных врачей: «Покои для вас в каменном моем доме за Обуховым мостом будут готовы, и чем скорее вы в [оны] вступите, тем приятнее будет для хозяина», — писал он в конце августа⁵⁸³. Воронцов был готов устроить Дьяконову прием у лейб-медика императрицы Роджерсона, имевшего прочные связи с семейством Воронцовых: «...поехали б сюда [в Петербург] или в Нарву, скорее бы помощь получили, а особливо здесь, поговоря порядочно с господином Рочердсоном» (письмо № 44)⁵⁸⁴. Воронцов, вероятно, не совсем верно оценивал состояние Дьяконова, и неясно, в шутку или всерьез он выговаривал Дьяконову, что его больше держит «деревенское хозяйство», чем болезнь, и он просто ищет предлог, «чтоб с мельницею и полями своими не разстатся» (письмо № 47)⁵⁸⁵.

С другой стороны, нельзя сказать, чтобы Дьяконов не лечился. Наоборот, он вел себя как прилежный больной. Он занимался профилактикой: домашний доктор «по обыкновению» пускал ему кровь в начале

⁵⁸¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 49 (письмо № 47).

⁵⁸² Там же. Л. 41.

⁵⁸³ Там же. Л. 43. Речь идет о дворце на набережной Фонтанки, построенном для Р.И. Воронцова в середине 1750-х годов. См. коммент. к письму № 7.

⁵⁸⁴ Там же. Л. 43 об. См. о нем коммент. к письму № 44.

⁵⁸⁵ Там же. Л. 49.

сентября⁵⁸⁶; когда состояние стало ухудшаться, Дьяконов терпел по три кровопускания подряд, пил порошки и «декохты», ездил к доктору в Нарву и даже снял там осенью 1788 г. дом на три месяца, чтобы иметь возможность продолжительно лечиться⁵⁸⁷. Дьяконов подписал завещание в пользу майора Жукова не позднее 11 октября 1789 г., что говорит о его дееспособности в конце жизни⁵⁸⁸. Среди подписавших акт свидетелей был и Воронцов, потерявший за месяц до того другого близкого человека — М.М. Экка (см. письма № 46, 47)⁵⁸⁹.

***

Важным свойством меланхолии, или ипохондрии, как считалось, была повышенная чувствительность и вызванная ею сверхкритичность: пораженный ими больной

зачинает чувствовать скуку и грусть, иногда от праздности, а иногда и от чтения книг: зачнет жаловаться на все, что его окружает, а наконец и на всю вселенную. Как дойдет до сей степени, то уже болезнь возьмет всю свою силу и верх над рассудком. Больной вздумает строить замки на воздух: все люди не так делают, и само правительство, как бы радательно ни старалось, ничем не угождает. Они одни по их мыслям в состоянии подавать совет и все учреждать к лучшему⁵⁹⁰.

Дьяконов вел себя точно в соответствии с описанной моделью: отчаянно скучал в деревне, много читал, страдал от невозможности вернуться на службу с повышением, возмущался махинациями почтовых служащих со стоимостью прогонов — а также критиковал порядок набора рекрутов в армию. Современники не удивились бы, узнав, что находясь в этом состоянии, он также составил собственный проект реформирования рекрутчины, о котором Воронцов узнает осенью 1787 г.: «Любопытен я видеть прозект ваш о укомплектовании армии без рекрутских наборов. Прошу мне оное открыть и сообщить ваши примечания, кои я с признательностию приму» (письмо № 32)⁵⁹¹.

Обнаружить в архивах текст проекта пока не удастся, но само упоминание о нем позволяет выдвинуть некоторые предположения, касающиеся дальнейших реформаторских планов Воронцова. В 3-м пункте

⁵⁸⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 6.

⁵⁸⁷ Там же. Л. 29–29 об. (черновик).

⁵⁸⁸ Там же. Оп. 13. Д. 399. Л. 2 об.

⁵⁸⁹ Там же. Оп. 3. Д. 68. Л. 45, 47 (письма № 45, 46).

⁵⁹⁰ Всякая всячина. 13 декабря 1769 г. (цит. по: Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.: Гослитиздат, 1951. С. 59).

⁵⁹¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 57–57 об.

«Рассуждения о непродаже людей без земли», который Воронцов предложил на рассмотрение Государственному совету в 1802 г., упоминается способ продажи крестьян в рекруты таким образом, что сам крестьянин об этом даже не знает до самого последнего момента⁵⁹². Исследователи творчества Радищева видели в этом описании «зловредного промысла» продажи в рекруты, даже более «содрагающего человечество», чем сама продажа людей без земли, сходство с эпизодом из главы «Городня» «Путешествия из Петербурга в Москву». В этой главе путешественник встречается троих закованных в железа крестьян, которых ведут с отпускными письмами от помещиков, чтобы приписать к купившей их волости, которая затем отдаст их в рекруты вместо своих жителей. Путешественник убеждает крестьян, что в действительности они свободны, продажа в рекруты запрещена, а казенные крестьяне не могут никого покупать. Теперь уже самому путешественнику объясняют, как обычно устраиваются такие сделки⁵⁹³. На этом основании В.П. Семенников и другие авторы высказывали предположение о влиянии текста Радищева на проект его покровителя и даже об участии писателя в составлении этого текста⁵⁹⁴. Однако документального подтверждения эта догадка не получила, тем более что Воронцов был недоволен «Путешествием» и его «тоном»⁵⁹⁵. Его «Рассуждение...» направлено против крепостного права и, в частности, «домашнего рабства», а рекрутский набор и злоупотребления — только одна из сторон этого явления. Из переписки с Дьяконовым мы видим, что вопрос о рекрутском наборе и его реформировании интересовал Воронцова и раньше и появился в его реформаторской повестке еще до знакомства с «Путешествием» и точно — задолго до 1802 г.

Не слышны ли в 3-м пункте «Рассуждения...» отзвуки проекта Дьяконова? Мы не знаем, как Дьяконов в XVIII в. предлагал комплектовать армию без рекрутских наборов в условиях крепостного права — думали ли он создать наемную армию или даже ввести всеобщую воинскую

⁵⁹² [Воронцов А.Р.] Рассуждение члена Совета, графа Воронцова, о непродаже людей без земли // Архив Государственного Совета. Т. III: Царствование императора Александра I-го (1801–1810). СПб.: В Типографии II Отд. С.Е.И.В. Канцелярии. Стб. 778–783, особ. см.: стб. 780–781.

⁵⁹³ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / подг. изд. В.А. Западов. СПб.: Наука, 1992. С. 106–108.

⁵⁹⁴ Семенников В.П. Указ. соч. С. 135.

⁵⁹⁵ Лаппо-Данилевский К.Ю. План постепенного освобождения крестьян в «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева // XVIII век: сб. 25 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2005. С. 222–225, 232.

повинность? Однако нам известно, что он целенаправленно сокращал число своих крепостных, чтобы минимизировать убытки от рекрутских наборов, ставших совсем разорительными во время войны с Османской империей. С начала 1780-х годов Дьяконов стал избавляться от «лишних» душ: дарил их и продавал, в том числе Воронцову с 1782 по 1789 г. он продал 59 душ⁵⁹⁶. Две души он подарил в 1786 г. уездному землемеру Александру Семеновичу Бобкову⁵⁹⁷. Вероятно, он хотел довести их число до 500 с небольшим «довеском». Логика его действий была обусловлена тем, что, владея менее чем 20 душами (сверх 500, с которых он в любом случае должен был поставлять рекрут), Дьяконов избавлялся от необходимости участвовать сообща с другими находившимися в аналогичной ситуации владельцами в «натуральной помещицкой даче»: на число душ менее 20 не распространялась обязанность поставки рекрута, а их владелец лишь участвовал сообща с другими местными помещиками в платеже 120 руб. за рекрута⁵⁹⁸.

Таким образом, к началу войны у Дьяконова с учетом продаж и дарений 1782–1786 гг. оставалось 528 душ⁵⁹⁹, а значит, ему нужно было и дальше сокращать их число: очевидно, избавиться от нескольких десятков крепостных душ, тем более по хорошей цене, было менее затратно, чем время от времени отдавать в рекруты одного из 100 человек. «Желал бы я весьма продать еще одну семью, в трех или четырех ревизских душах состоящую, для таво, чтобы за мною асталось 518 душ, то бы 18 душ не пошли никуда в склатку для поставки рекрута, но платились бы с их всегда деньги вместе с мелкопоместными», — писал он откровенно Воронцову 20 февраля 1789 г.⁶⁰⁰ (письмо № 39). 30 марта была совершена купчая на последние девять душ из «лишних» 59 по 100 рублей за душу — весьма недешево⁶⁰¹. Таким образом, к новому рекрутскому

⁵⁹⁶ См. о продаже и дарении душ в его завещании (Приложение № 4).

⁵⁹⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 399. Л. 1.

⁵⁹⁸ Имения мелкопоместных дворян, у которых было менее 20 крепостных, входили в состав «рекрутских дач». Они были освобождены от поставки «натурального» рекрута и платили только «складочные деньги» согласно «Генеральному учреждению о сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче неистинно поступать будет» от 29 сентября 1766 г.: ПСЗ РИ I. Т. 17. № 12748 (Гл. I. П. 2). См. подробнее: *Иванов Ф.Н.* Рекрутская повинность в России в XIX в. на примере Вологодской губернии // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 117.

⁵⁹⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 399. Л. 1.

⁶⁰⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 27–27 об.

⁶⁰¹ Там же. Оп. 13. Д. 399. Л. 1.

набору осенью 1789 г. Дьяконов подошел, владея 519 д.м.п., что позволило ему уменьшить людские потери от набора. С учетом дарения одного дворового Воронцову и отпуска на волю крепостного повара в октябре 1789 г. он передал наследнику 517 д.м.п., из которых 500 были заложены в Заемный банк⁶⁰².

В августе и сентябре 1787 г. были изданы два указа о рекрутском наборе, требовавшие собрать в общей сложности по пять рекрутов с 500 д.м.п. к 1 ноября⁶⁰³. Именно тогда Дьяконов сочиняет свой проект реформы комплектования армии. В следующем году наборы продолжились: 29 августа 1788 г. было опять объявлено о наборе по пяти человек с 500 душ⁶⁰⁴. По подсчетам Безбородко, должно было набраться 92 тыс. человек, на что императрица заметила: теперь «все войска и гарнизоны наполнятся»⁶⁰⁵. Императрица даже думала, что в следующем году не будет рекрутского набора: «...это хорошо, что среди войны набора не будет»⁶⁰⁶. Тем не менее 27 августа 1789 г. был вновь объявлен набор по пяти рекрут с 500 душ⁶⁰⁷. Это был последний рекрутский набор, который застал Дьяконов. Воронцов сообщил о нем в письме от 1 сентября, а 6 сентября, убеждая не тянуть с поездкой на лечение в Петербург, заметил: «...разве [что] рекрутский набор вас еще удержит» (письмо № 46)⁶⁰⁸. Он, конечно, не мог не понимать, что для помещика средней руки эта проблема была жизненно важна.

У нас нет никаких сведений о том, как прошли последние месяцы жизни Дьяконова, навестил ли его Воронцов и при каких обстоятельствах была сделана крепостная запись в губернской гражданской палате. А то, что Дьяконов был похоронен не в постылой ему Копорщине, а на Лазаревском кладбище столицы, вероятно, можно счесть заслугой Воронцова.

***

Предлагаемая вниманию читателя переписка затрагивает лишь небольшой сегмент «жизненных миров» двух совершенно разных людей XVIII в. Их ни в чем, казалось бы, не сходные жизненные пути оказались на каком-то отрезке времени тесно переплетены друг с другом. Учитывая пробелы и «пустоты» в переписке, нам остается только предполагать,

⁶⁰² Там же. Л. 4 об.

⁶⁰³ ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16565 (27 августа 1787 г.); № 16579 (25 сентября 1787 г.).

⁶⁰⁴ Там же. № 16705 (29 августа 1788 г.).

⁶⁰⁵ Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 83. Запись от 1 сентября 1788 г.

⁶⁰⁶ Там же. С. 109. Запись от 12 ноября 1788 г.

⁶⁰⁷ ПСЗ РИ I. Т. 23. № 16796 (27 августа 1789 г.).

⁶⁰⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 45, 47.

что именно стояло за их отношениями, какой интерес связывал одного из первых вельмож империи с безвестным бригадиром. Читая их переписку, мы не только заглядываем в частное пространство каждого из них, но и пытаемся разглядеть, где люди той эпохи проводили границы этого пространства. Письма Воронцова доносят до нас отзвуки придворной жизни и политических интриг, ставки в которых порой были довольно высоки. В письмах Дьяконова любопытно наблюдать за противоречивыми эмоциями, охватывающими его, когда речь заходит о службе: некогда навязанная Петром I обязанность превратилась в потребность для дворянина, причем в нашем случае — даже не «прирожденного», а простолюдина, целенаправленно формирующего себя как благородного человека. Жизненная траектория Дьяконова, сопровождавшаяся несколькими сменами социального статуса — от сына подьячего до военного в солидных чинах, пользовавшегося милостями высокопоставленных придворных, — отражает, но едва ли исчерпывает, и сложность устройства российского общества XVIII в., и возможности, открывавшиеся перед амбициозными выходцами из податных сословий. Дьяконов с готовностью признает, что его прежние успехи — результат милостей, оказанных ему благодетелями, но тут же заявляет, что всю жизнь «пробивается собою». Не будучи связан происхождением ни с кем «из патрициев», он понимает при этом, что достиг в жизни немало. Тем не менее привязанность к патрону, покоившаяся, по словам Д. Рансела, на почти мистической вере в его силу и личное влияние, должна была порождать постоянные ожидания благ⁶⁰⁹. Остается неясным, почему за семь лет, которые продолжалась переписка, могущественный вельможа Воронцов, способный при необходимости сменять генерал-губернаторов, не смог найти армейскому бригадиру Дьяконову хотя бы какую-то подходящую должность. Сыграла ли свою роль в этом «неприятная история» в Нарве, имевшая место в конце 1782 г.? В сущности, именно нереализованные амбиции и несбывшиеся ожидания были тем фоном, на котором возникает и быстро прогрессирует ставшая смертельной болезнь Дьяконова.

Конечно, сделанный Воронцовым выбор в пользу Дьяконова как собеседника и доверенного лица, в конце концов — друга, не был случайным. Дьяконов приложил много усилий к тому, чтобы приобрести навыки, маркирующие его принадлежность к правящему слою. Он

⁶⁰⁹ Ransel D.L. *Bureaucracy and Patronage: The View From an Eighteenth-Century Russian Letter-Writer* // *The Rich, the Well Born, and the Powerful* / F.C. Jaher (ed.). Urbana: Univ. of Illinois Press, 1973. P. 171–172.

научился «правильно» писать и говорить, жить в поместье и вести хозяйство. Дьяконов также выучился языку чувствительности — как на уровне письма, так и на физическом уровне. Возможно, он даже вырабатывает в себе — простолюдине, мелком канцеляристе и офицере — гиперчувствительность и умение обнажать чувства, поскольку именно это становится приметой принадлежности к правящему слою. Из чувствительности развивается «сенситивность» как социальный код и особенное свойство социального взаимодействия, свойственное элите: человек испытывает на себе влияние других людей и сам, в свою очередь, влияет на них. Правящая элита первой усваивает новые культурные модели и культивирует «сенситивность» в дружеских и любовных отношениях, в салонной беседе и в деловых контактах. Это свойство напрямую связано с установлением социальных связей, включая альтруизм, симпатию и эмпатию⁶¹⁰. Взаимодействуя на протяжении десятилетий с писателями и артистами, аристократами и имперской элитой, Дьяконов, конечно, обучился эффективной коммуникации, основанной на мимике, жестах, взглядах. Способность ощущать и говорить об ощущениях становится для Дьяконова таким же инструментом, каким стала культивировавшаяся им специфическая орфография и, возможно, произношение. Усвоив этот новый культурный код, Дьяконов сумел выстроить личные отношения с Воронцовым и завоевать некую — мы не знаем, какую точно, — репутацию в его окружении, хотя возможности для карьерного роста оказались в итоге ограничены.

И все же переписка между Воронцовым и Дьяконовым ведется как будто на разных языках. Воронцов, используя формулы риторического равенства и эмоциональную лексику, связанные с концептом дружбы как чувства, делал ставку на межличностную, неполитическую связь между ним и его корреспондентом, предпочитал в переписке входящую в моду чувствительность и простой разговорный язык, который читатель найдет уже в следующее десятилетие в журналах Н.М. Карамзина. В то же время Дьяконов предпочитает смотреть на мир сквозь призму представлений о «неравной дружбе», описанной Горацием, — модель, которая Воронцову, видимо, уже не очень интересна: по крайней мере, в его письмах мы не найдем какой-то реакции на специфические по стилю и содержанию высказывания Дьяконова. Для Дьяконова же, имевшего за плечами опыт членства в масонской ложе, посещавшие ее аристократы и высокопоставленные сановники, кажется, остались «братьями в

⁶¹⁰ Юханнисон К. Указ. соч. С. 96, 102–103.

воображении»; фактически он принадлежал двум параллельным иерархиям — служебной и масонской, накладывавшимся друг на друга⁶¹¹. В мире за пределами лож достичь равенства, декларировавшегося в масонских обетах, было затруднительно, если не полностью невозможно, потому что слишком сложны и непредсказуемы были социальные взаимодействия, в которые вовлекались участники лож, а статус играл в них определяющую роль⁶¹². Вероятно, одна из причин «культурного билингвизма» переписки — тенденция, описанная исследовательницей К. Келли. По ее наблюдениям, культ чувствительности завоевывал себе место на русской почве не так уж гладко и быстро, более того, параллельно набирала силу идеология, требующая вовсе не самовыражения, а самоконтроля, делавшая упор на подавлении чувств, а не на их акцентировании, — идеология, восходившая к неоклассическим принципам и стоявшей за ней античной культуре⁶¹³. Эти представления оказались востребованы Дьяконовым, как видно из его писем: они позволили ему оставаться стилистически в рамках патрон-клиентских отношений, в то время как судить о его отношениях с Воронцовым за пределами переписки весьма сложно.

Что же заставляло Воронцова участвовать в судьбе бригадира, вникать в его жизненные коллизии, настойчиво предлагать помощь? Позволим себе высказать предположение, опираясь на работу В.М. Живова о возникновении национализма в России на рубеже XVIII–XIX вв. Исследователь называл его «чувствительным», поскольку европеизированная элита в своем стремлении преодолеть культурный барьер, отделявший ее от народа, обращалась к руссоистской естественности и стернианской чувствительности, предполагавшим, что «жизнь сердца» у простого человека не беднее, чем у просвещенной элиты. Этот подход был не только эстетическим новаторством, путь которому проложил Радищев своим «Путешествием», но и социальным, поскольку позволял риторически стереть границы между общественными стратами. При этом просвещенная элита, конструируя в своем воображении «национальное тело», не была готова принять тот «народ», каким его

⁶¹¹ О роли служебной иерархии для русских масонов XVIII в. см.: *Смит Д.* Указ. соч. С. 107.

⁶¹² См.: *Нье R.A.* Op. cit. P. 1664.

⁶¹³ *Келли К.* Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпохи Просвещения // *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций* / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: НЛО, 2010. С. 55–56.

помнили по пугачевскому восстанию и каким он покажет себя во время Французской революции⁶¹⁴. Можно предположить, что в воображении просвещенного вельможи образованный выходец из подьячих, такой как Дьяконов, мог стать подходящим кандидатом на роль представителя «народа», достойного того, чтобы говорить с ним на «языке чувств» и в то же время распространить на него принципы равенства и братства.

⁶¹⁴ Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 3. С. 123–124.

Письма

№ 1

А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 10 февраля 1783 г.,
Нарва

Сиятельнейший граф!

Милостивый государь граф Александр Раманович!

Сочинитель Кандида¹ при всяком неприятнейшем в жизни человеческой обстоятельстве говорит, что все идет к лучшему возможному: то и я теперь ето же самое сказать должен. Дело мое со стороны противных толков суть самое неприятное; а со стороны чести и совести моей ни мало меня не оскорбляющее, но, напротив того, вчерашней день имел я превеличайшее утешение получением почтеннейшаго письма Вашего сиятельства от 8 писаннаго². Ано, во первых, совершило всегдашнюю маю о душевных чувствованиях ваших веру, а во вторых, при таковых маих обстоятельствах умножило мое оживотворение столь наиприятнейшим случаем, что я вижу точно и ясно в существительном деянии своих милостивцов и благодетелей, приемлющих искренно участие в моей невинности. Нет ничего для честнаго человека лестнее и удоволственнее, как то видеть благородныя души и сердца людей знаменитых в таковом расположении. Да и к каму? к человеку, не имеющему по породе ни с кем из патрициев ни малейшия связи³. И так, сие обстоятельство считаю я самым первым

¹ Дьяконов отсылает к сочинению Вольтера «Кандид, или Оптимизм» («Candide, ou l'Optimisme», 1759), которое вышло в 1769 г. в русском переводе под названием «Кандид, или Оптимисм: То есть, наилучший свет» и затем несколько раз переиздавалось (1779, 1789 гг.). Слова о лучшем из миров повторяет в романе Вольтера учитель Кандида профессор Панглосс, с которым постоянно происходят несчастия. Вольтер высмеивает эту формулу, представлявшую собою пародию на учение Лейбница о мироздании как о «лучшем из миров» (Вагеманс Э. Литературно-философская интерпретация лиссабонского землетрясения: португало-франко-русская теодицея // XVIII век: сб. 22 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2002. С. 111–121, особ. с. 112). Позиция Вольтера находит явный отклик у Дьяконова, особенно в связи с неприятностями, обрушившимися на него в конце 1782 г., хотя он приписывает эти слова «сочинителю», а не герою.

² Речь о письме Воронцова от января или февраля 1783 г.; оно не сохранилось.

³ Ср. формулировку П.В. Завадовского в письме к своему покровителю фельдмаршалу П.А. Румянцеву в 1788 г., где он выражает сходные мысли по поводу И.П. Салтыкова, состоявшего в армии Румянцева во время Русско-турецкой

благам в моей жизни, видя не только единое их обо мне столь лестное мнение, но притом слышать, что ани удостоивают меня своей дружбы. Вот, милостивый государь и благодетель, мой чувствования, кагорья пребудут во мне вечно относительно к Вашему сиятельству.

После сего позвольте в краткости коснуться о моем деле: ано с севодняшнею почтою атправлено в уголовную палату⁴, а вскоре и мая голова туда паедет⁵. Свидетельских показаниев я, право, не видал; но слышал от коменданта⁶: нечево было им инаго сказать, что видели и что слышали. Князя С: Ник: ⁷ доказательствы, думаю, не магли быть лутче и сильнее, как ево первое письмо; а ежели писал больше что нибудь, то, надеюсь, более меня оправдал, а себя обвинил. Желал бы я очень, дабы Ваше сиятельство изволили услышать прежде моего приезда свидетельския показании и объяснение просителя⁸. Севодни намерен я отсель выехать, естли получу от коменданта письменно, что ему до меня болея нет дела; ибо он хател таким образом са мною расстаться.

войны 1787–1791 гг. По слухам, тот высказывал недовольство своим шефом: «Здесь жена графа Ивана Петровича говорит мне часто, сколько супруг ея огорчаемым находится, неся ваше против его великое неблаговоление. Причин настоящих я не знаю, но по совести могу сказать, что я знал и видел в нем великую к вам привязанность. Говорю о прежнем; по упрямству он не искателен, а то б достиг до того, что и другие. *Порода и связи всегда обретут покровительство*, и лишь одно то ведаем, что одним более недоброхотствующих. Пишу сие по безпредельному моему к вам усердию, надеясь, что в том сущем виде вы от меня сию конфиденцию примете» (цит. по: Письма графа П.В. Завадовского к фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву. 1776–1794 гг. // Старина и новизна. Кн. 4. СПб., 1901. С. 307 (Курсив в цитате мой. — М. Л.)).

⁴ Имеется в виду губернская уголовная палата — установленный «Учреждениями для управления губерний» 1775 г. высший судебный орган губерний. Председателем Санкт-Петербургской уголовной палаты в 1783 г. был статский советник Николай Васильевич Бологовский (см.: Степанов В.П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века: 1764–1795: [Список по Месяцесловам: Справочник-указатель]. СПб.: Академический проект, 2003. С. 79).

⁵ Дьяконов пишет о возможных последствиях от ссоры с князем С.Н. Трубецким, произошедшей 24 ноября 1782 г., после дружеского обеда в доме И.Л. Голенищева-Кутузова в Нарве.

⁶ Комендантом Нарвы с 1764 г. был генерал-майор Адам Юрьевич Баранов (см.: Степанов В.П. Русское служилое дворянство... С. 48; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1783. СПб.: Имп. Академия наук, 1783. С. 155. 17 февраля 1783 г.). Уголовная палата губернии под председательством Бологовского будет рассматривать его рапорт с объяснениями о случившемся в Нарве 24 ноября 1782 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1724. Оп. 2. Д. 10. Л. 91; Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 583).

⁷ Имеется в виду князь С.Н. Трубецкой.

⁸ То есть Трубецкого.

Пишу я теперь к господину губернатору⁹. Ежели он будет докладывать, то бы поизъяснил подробности, а особливо, что дело сие не касается до уголовныя палаты¹⁰.

А в прочтем все упование мое на вас милостиваго государя болея¹¹ возлагаю; так же на Ивана Перфильевича¹², Петра Васильевича¹³ и Александра Андреевича¹⁴.

Пребываю и пребуду вечно с истинным и глубочайшим к вам почтением и таковою же преданностию.

Вашего сиятельства
Милостиваго государя
Всепокорнейшим слугою
Алексей Дьяконов

В 10го февраля
1783 года
Нарва

За хлопатами маими сдесь не исполнил я должности поздравлением Вашего сиятельства с новым директором Академии наук. То примите сие мое

⁹ Губернатором (гражданским) Санкт-Петербургской губернии в 1783 г. был генерал-майор У.С. Потапов, занимавший эту должность с 1780 г. по 1 января 1784 г. (см.: Губернии Российской империи. История и руководители 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. С. 251). Сначала Трубецкой написал жалобу именно губернатору, а тот через губернское правление уже прислал ее в Уголовную палату (ЦГИА СПб. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 12. Л. 583).

¹⁰ Собираясь 10 февраля 1783 г. писать губернатору У.С. Потапову о своем деле, Дьяконов был уверен, что оно не подлежит рассмотрению Уголовной палаты, куда губернатор передал жалобу Трубецкого. Дьяконов имел все основания считать, что жалобу на него следовало подать в уездный суд, ведь в соответствии с «Учреждениями о губерниях» губернская уголовная палата как суд второй инстанции должна была рассматривать дела, поступавшие из нижестоящих судов, а не напрямую от губернатора (см.: ПСЗ РИ I. Т. 20. № 14392. Ст. 112–113). Действия же Потапова объясняются тем, что следствие по делам с участием губернских официальных лиц вела именно палата, а Дьяконов был заседателем в совестном суде Санкт-Петербургской губернии в 1781–1783 гг. (см.: Там же. Ст. 106). Трубецкой написал жалобу губернатору на «брегадира и Санкт-Петербургскаго совестнаго суда заседателя Дьяконова», что, должно быть, и побудило Потапова пойти по этому пути.

¹¹ Здесь и далее имеется в виду «более».

¹² Имеется в виду И.П. Елагин.

¹³ Речь о П.В. Завадовском.

¹⁴ Здесь и далее: граф А.А. Безбородко.

хотя несколько позднее, но искреннейшее поздравление. Я, нося милости Ея Сиятельства, так был абрадован, как самому лучшему собственному моему благополучию¹⁵.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 1-1 об., 1а.

¹⁵ Дьяконов поздравляет Воронцова с назначением его сестры княгини Е.Р. Дашковой на должность директора Академии наук. Назначение состоялось 24 января 1783 г. П.В. Завадовский писал об этом П.А. Румянцеву 26 января 1783 г., отмечая, что оно было историческим: «Княгиня Дашкова на сих днях пожалована директором Академии наук, а г. Домашнев от сего посту уволен. В своем поле первая она имеет сию почесть» (цит. по: Письма графа П.В. Завадовского к фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву... С. 277).

Сиятельнейший граф!

Милостивый государь граф Александр Раманович!

С самого того времени, как Ваше сиятельство начали являть мне свои милости и добротство, почтение мое и преданность зделались к вам бесконечны. Утешение совершенное человеку иметь благодетелей, и благодетелей с такими редкими свойствами, какия нашол я в Вашем сиятельстве. Начало существительных милостей своих не посредственно изволили открыть принятием участия в моем состоянии, чтоб устроить судьбину мою лутчею и дать путь малым моим способностям. Особливо же в неприятнейшем моем деле с князем Тр:¹⁶ явили себя превыше человека. Да и после во всякое время видел и слышал я доверенность Вашу к себе. Простите великодушный благодетель! столь длинное, но самое искреннее и чистосердечное сие предисловие, а паче выслушайте снисходительно, терпеливо и внимательно всепокорнейшую мою просьбу о деле, давольно уже Вашему Сиятельству известном, которое во время последнего вашего са мною разговора так мне чувствительно было, что я тогда, естли припомнить изволите, и ни слова не отвечал, сколька от сокрушения сердечнаго, столька и по рассуждению, что едакова рода клеветы, на меня соплетенныя, недостаточно было бы отрицать и опровергать словами, то я в тогдашнюю же минуту и положил приехавши в мое уединение послать к Вашему сиятельству письменныя оправдании, приложенные при сем:

Под № 1м: касательно до инспекторскаго моего в Польше смотря разных полков и команд. Прочитавши их, изволите увидеть все иное. Я не понимаю, как то возможно, да и за что говорить противу письменных своих документов. Один доклад, которой после двух ордеров и письма господина Турчанинова¹⁷, подан с лишком через семь месяцев, свидетельствует

¹⁶ То есть в деле о ссоре Дьяконова с князем С.Н. Трубецким.

¹⁷ Фактический правитель канцелярии Потемкина, в 1783 г. П.И. Турчанинов стал статс-секретарем по военным делам. См.: Генералы и штаб-офицеры русской регулярной армии 1729–1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству / сост., вступ. ст., коммент. К.В. Татарникова. М.: Русская панорама, 2019. Т. 1: Н — Я. С. 2068; Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791 / подгот. текста, примеч. В.С. Лопатина; отв. ред. С.Г. Десятков. М.: Наука, 1997. С. 679.

за меня, что я все возлагаемые на меня по службе должности исправлял усердно, рачительно и честно. Аще и похваляюся тем, то не буду безумен. Но как нынешнии противу меня злословии стали весьма зелчны, в таком случае за нужное я почол по крайней мере хотя перед вашим сиятельством оправдаться собственными княжескими¹⁸ письменными свидетельствами, которые неоспоримо должны меня защитить; а естли и они не примутся в уважение, то я уже не ведаю, чтобы после етова и сказать? Есть ли бы худо инспекторскую исправлял я должность, так за что же меня докладом, после смотра через толь долгое время поданным, расхвалить? да и каму? Государю... И расхвала, выпросить милость пожаловать меня из премьер майоров бригадиром¹⁹, да и не в отставку. А после не ведаю, за что абидить и утеснять?..

Под № 2м: копия с записки моей поданной в Москве его светлости²⁰. Тут изволите увидеть, Ваше сиятельство, что я просил сперва о старшинстве полковничьем, а буде нельзя, то о определении в коменданты, и до вакансии об отлучке в дом. Сею бумагою № 2го обременяю вас, милостиваго государя! единственно только для тово, дабы изволили увидеть, что я никак не мог бóлея служить с зачетом, какой делала коллегия комиссариатским чинам. Да и князь тогда милостиво изволили отозваться, что лехче меня из гарнизонныя службы опять в комиссариат перевести, нежели дать старшинство, котораго и другия моя братья просить бы стали.

Бумага под № 3м покажет Вашему сиятельству сперва в записке всю мою службу, а приложенныя письма, что я и во время президенства графа Захара Григорьевича²¹ имел щастие получать ево одобрение в изъяснениях самых лестных для всякаго честнаго человека, а сверх его писем имею и от Колегии похвальныя указы по смотрам войск. И по сим самым обстоятельствам удастоен был и последняго князь Гр.:Ал:²² избрания, в толикую наконец немилость обратившагося.

Вот мои доказательства, каторыя есть ли в защищение невинности моей не послужат, то я замолчу и дам недоброхотам моим пространное

¹⁸ То есть от Г.А. Потемкина.

¹⁹ Чин премьер-майора (8-й) Дьяконов получил еще в 1764 г., и из него никак нельзя было стать бригадиром (5-й). Вероятно, здесь какая-то ирония.

²⁰ То есть Потемкину, на тот момент — главе Военной коллегии в должности вице-президента.

²¹ Чернышев.

²² Здесь и далее Г.А. Потемкин.

поле. А сам, будучи в совести моей чист и непорочен, скажу Давыдовы слова²³ переложенные на стихи покойным господином Ломоносовым:

Хоть полк против меня восстань,
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань,
На Бога полагаюсь²⁴.

Предавши все и себя на праведный вашего Сиятельства суд, уверен я, что вы по своей прозорливости и проницанию различите истину от клеветы и злословия моих недоброхотов, которые восстали на меня:

Сперва: когда князь Гр: Александрович приказал господину Апухтину²⁵ написать обо мне доклад в генералы контролоры, тут зависть воскипела до крайности, и неприятели мои ополчились на меня злобные и яростные, нежели на Христа жида. И распяли меня мотая²⁶ и жесточая²⁷, только что не физический. Приметьте, ваше сиятельство, и здесь, что через 6 лет после инспекторского смотра, явил было князь милость превеликую, расположением своим примет в генерал контролоры. То уже и сие доказывает, что я отнюдь не худо исполнил должность инспектора; ибо в противном случае отказал бы в миг. Все знал и ведал тогдашний противу меня устремлении, но не имел столько сил и способов защищаться противу всех окольничих: господин Апухтин, который предполагал себя вечно править Коллегиею и быть вице президентом, вострепетал тогда, что я бы по чину Г:²⁸ контролора сел в присудствие с ним; выдумали и взвели всякия козни; и довели до ушей княжеских:

²³ «Слова Давида» — т.е. псалмы, авторство которых приписывается библейскому царю Давиду.

²⁴ Дьяконов цитирует третью строфу переложения 26-го псалма, выполненного М.В. Ломоносовым. Издание, доступное Дьяконову: *Ломоносов М.В. Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова*. [СПб.]: При Имп. Академии наук, 1775. Кн. 1: Оды духовныя. С. 9–12, цит.: с. 9.

²⁵ А.И. Апухтин в Военной коллегии занимался вопросами снабжения армии, т.е. был начальником по той же части, что и Дьяконов при полках в Лифляндии и Эстляндии. Не исключено поэтому, что они могли сталкиваться по каким-то вопросам еще во время службы Дьяконова (до 1775 г.) и иметь какие-то длящиеся трения.

²⁶ От др.-русс. «мотати» — утомлять, мучить, беспокоить (см.: СРЯ XI–XVII. Вып. 9: М. М.: Наука, 1982. С. 277).

²⁷ От др.-русс. «жесточити» — подвергать жестокостям, притеснять (см.: Там же. Вып. 5: Е — Зинутие. М.: Наука, 1978. С. 98).

²⁸ Генерала.

ие, будто я, да и в комнатах ево²⁹ говорил, что он время свое употребляет на забавы, а не на дела. 2е, и про инспекторской смотр придумали тогда же дать свойственные душам их толки, даже в состоянии были взвести, будто господин Ржевский³⁰ подарил мне 10 тысяч червонных. О Боже мой! Тому дивился я и должен воскипеть,

Что все сие ты зришь и можешь то терпеть³¹.

Степан Матвеевич³² еще жив; хател бы я спросить ево при вашем сиятельстве, думаю, что бы он сказал: что кто нибудь верно мне дал 10 тыс:ч: за таковой подробной смотр ево легиона. А 3-е и прочая и про: и проч: все, что только зависть и злоба в души их могла вложить.

Патом. Как по милости Вашей хателось вам зделать меня вице губернатором, умножилась на меня зависть до крайности, каторыя и изреши³³ я не могу. Тогда же я ведал, что кроме вашего сиятельства были, может быть, еще два доброхота, желающия мне сего места. Протчия же все мешали и помешали. Спустя несколько времени, услышав я верно, что

²⁹ То есть Г.А. Потемкина.

³⁰ Имеется в виду, скорее всего, Степан Матвеевич Ржевский. См. о нем примеч. ниже.

³¹ Слова Русима о Димизе из V действия трагедии Сумарокова «Ярополк и Димиза»:

Уже на площади кончины ожидает;
Но робость мыслями ея не обладает,
Хотя в сей час ея тобой прервется век.
Что дали боги ей, отъемлет человек!
Но ты не человек; ты тигру стал подобен:
Не удивляюся, что ты толико злобен:
Тому дивлюся я и должен воскипеть,
Что боги все то зрят и могут то терпеть!

(Сумароков А.П. Ярополк и Демиза: Трагедия // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова. Изд. 2-е. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1787. Ч. III. С. 391).

³² Имеется в виду Степан Матвеевич Ржевский. Как и Дьяконов, участвовал в Семилетней войне, закончил ее полковником. Автор критической записки о екатерининской армии и офицерстве: *Ржевский С.М.* Разные замечания по службе армейской, отчего она в упадок приведена и нелестно хорошим офицерам продолжать службу и о полковниках [1782] // Русский архив. 1879. № 3. С. 357–362. Екатерина в письме Потемкину 1783 г. сочла, что записка направлена против ее «адъютантов»: Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. С. 188 (письмо № 692).

³³ Дьяконов нарочно употребляет формы церковно-славянского языка (вместо инфинитива «изречь», т.е. «произнести», — «изреши»), чтобы подчеркнуть «высокий стиль» своего письма.

и первые люди никак не хотели меня впустить, дабы я усердием моим не выслужился. Доказательством тому ясным — немилостивый отзыв про инспекторской смотр...

Напоследок. Неприятнейшее мое в Нарве приключение³⁴ подало неприятелям моим наудобнейшей случай умножить свои злословии, и сделать совершенную погибель, от которых, надеюсь, по невинности моей избавит меня господь бог, давши защитником ваше сиятельство, а ежели и он не избавит, то скажу покойного благодетеля моего Александра Петровича Сумарокова из его сочинений два стиха:

Хоть может живота лишит меня беда;
Но с честью разлучит не может никогда³⁵.

Пустившемуся мне в таковое обширное многоглаголение позвольте, милостивый государь! продолжить его: о зависти пишет прекрасно Феофан Прокопович в одной своей речи о баталии Полтавской в 1й части, на странице začínает 151й. Слова его на особливой бумашке я выписал и здесь прилагаю, они достойны будут вашего прочтения³⁶.

³⁴ Ссора с князем С.Н. Трубецким.

³⁵ Дьяконов цитирует монолог Орканта из трагедии Сумарокова «Аристана» (представлена впервые в императорских комнатах в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге в октябре 1750 г.), причем явно по памяти, поскольку допускает несколько ошибок. Соответствующий фрагмент звучит следующим образом:

Одна осталась честь днесь частию моею,

А ты мя разлучит стараешься и с нею.

Мя может живота лишит моя беда,

А с честью разлучит не может никогда.

(Цит. по: Сумароков А.П. Аристана: Трагедия // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. III. С. 193).

³⁶ Дьяконов делает выписку из речи «Слово похвальное о баталии Полтавской», произнесенное Прокоповичем 27 июня 1717 г. в Троицком соборе в годовщину битвы» (опубл. в: Прокопович Ф. Слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя собранныя и некоторыя вторым тиснением, а другия вновь напечатанныя: в 4 ч. СПб.: При Сухопут. шляхет. кадет. корпусе, 1760–1774. Ч. I. С. 143–165). Это была первая публикация речи после 1717 г. «Особливая бумашка» не сохранилась, поэтому неизвестно, какие точно слова о зависти выписал Дьяконов. На с. 151 издания «Слова» Прокопович размышляет о зависти, которую шведы и другие страны-соседи якобы испытывали по отношению к России и которая стала причиной Северной войны: «И се видим и зависть, се и войну от зависти зажженную. Но к чему слово сие от зависти? К тому, да увидим трудность необычную войны сея, и последовательные славу ныне поминаемая вистории. Гнев бо простый, правосудный, за укориэну и обиду меч себе припосясующий довольствуется смирением и удовлетворением

Испытал я деянии зависти над сабою многократно и в самых малейших делах, как то при выборе меня в 1780 году в совестный суд³⁷. Да кто же завидовали? Даже и те, за которых бы я раскляца гатов. А я тогда сему лестному жребию так был рад, что бы многим пожертвовал для избавления себя от онаго места. Сие все и вашему сиятельству известно. И предчувствование мое меня не обмануло.

Желал бы я теперь и о рижских делах подать вашему сиятельству некоторое сведение касательно по воинскому же смотру до переписки с бывшим обер комендантом Гартвисом³⁸; но как затрудитесь довольна и сими бумагами, то оставляю до другаго случая, пока сведаю, что сие мое дерзновение милостивно будет принято; ибо единожды и была воля вашего сиятельства выслушать их. Но я не хател бес³⁹ большия нужды, какая ныне случилась, утруждать и отягощать вас.

При окончании сего преданиейшаго письма моего, донесу я еще то: сколь трудно жить человеку безродному, одинакому и пробивающемуся сабою. Осмотрелся я, да уже поздно, что во все течение моей жизни и службы не делал на левую сторону нужных сноровки, держася слишком строго истины. За то самое и переселился в уединение, и с самага в деревню приезда до выбора в совестный суд, никогда не приходило мне на мысль проситься в службу. Но живучи в городе, преступил я свою заповедь; а за то и заплачен довольно, так что бóлея и помыслить запрещается; да и не буду мыслить, только что бы аставили меня в пакое.

Зделайте милость: ежели пришло уже время, доложить бы по записке уголовныя палаты о решении.

Да еще осмеливаюсь напомнить о бедном Лебедеве⁴⁰.

Не прикажете ли написать мне письма такого же содержания и с такими же приложениями к Петру Васильевичу З:⁴¹ Я ево щитаю себе

от стороны противныя; а зависть на брать исходящая крайняя ненавидимых себе погибели ищет: и по тому не тако праведно отметительный гнев, яко до-
броненавистная зависть глубоко мыслит, и силу приискивает. Она умна и бодр
вельми есть. Грубый и невежливый простолюдин, о котором помыслил бы сеи,
что троих считати не умеет: чтоб егда на кого завистию горит, не ведает откуда
прибудет ума ему, и так тонко умствует, как и философ не может. То что реши о
зависти быстроумной, и хитростями политическими обученной» (с. 151–152).

³⁷ Выборы состоялись 23 мая 1780 г.

³⁸ Г.А. фон Гартвис.

³⁹ Следует читать «без».

⁴⁰ Неустановленное лицо.

⁴¹ Завадовскому.

так же прямым милостивцом. Или не изволите ли при удобном случае показать ему сих бумаг.

Истинное и глубочайшее мое к Вашему сиятельству почтение, и таковая же преданность вам известны, с каторыми астаюсь и пребуду во всю мою жизнь.

Вашего сиятельства
Милостиваго государя
Всепакорнейшим слугою
Алексей Дьяконов

Ноября 4го
1783 года
Мыза Нежинская

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 2–3 об.

№ 3

А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 22 сентября 1784 г.,
Нежинская

Сиятельнейший граф!

Великодушный благодетель!

Милостивый государь граф Александр Раманович!

Ваше сиятельство изволили приказывать, чтобы я к вам из деревни писал. Повеление и желание ваше для меня самое лестное и самое приятнейшее. Но что писать из пустого места, каково мое жилище, настоит вопрос; деревенским языком, есть ли составить преданнейшее письмо мое, так им я вам наскучу; а городским писать ничего не магу; ибо, приехавши сюда, предался моим обыкновенным упражнениям, и что у вас во граде деется, не слыхал ни слова.

Итак, чтоб вытти из сего затруднения, вздумал я написать сию граматку абими языками или, лутче сказать, смешать их вместе. А начну исполнением таво, чем я вашему сиятельству должен:

1е Посылаю при сем образ покойного друга моего Александра Ильича Бибикова⁴².

2е Отправляю 5 фунтов коровья масла, в сии минуты сделанного; в число долга по проигрышу моего закладу о фельдмаршалстве покойнаго графа Ал:Гр: Разумовскаго.

3е При первом случае буду иметь честь еще такого же масла в уплату долга по закладу отправить; а теперь желал бы весьма услышать: харашо ли ето масло?

4е Дорога из Васакар⁴³ еще не начата делать; завтра туда паеду, и зделаю начало.

⁴² А.И. Бибиков был главнокомандующим русскими войсками в Речи Посполитой в 1771–1773 гг. Не исключено, что участие Дьяконова в перспективных для карьеры военных смотрах в Польше стало возможным благодаря его тесному знакомству с Бибиковым.

⁴³ Васакары (Вассакара, Вассакара) — деревня в Ямбургском уезде, приблизительно в 3 км от мызы Нежинской; сейчас относится к Нежновскому сельскому поселению Кингисеппского района Ленинградской обл. Вассакары, видимо, принадлежали Семену, брату А.Р. Воронцова. В 1776 г., как и другие

зе ЕСТЬЛИ Ораниенбоумской землемер господин Бобков⁴⁴ не имел счастья видеть Вашего сиятельства и по получение сего письма, так удостоите от его принять личное почтение.

6. Сверх должностей донесу, что урожай сдесь был весьма хорош, ис поля убран хлеб и помещиками и крестьянами впору.

1 октября крестьяне мои целую неделю будут праздновать Покрову Пресвятой богородице; а в старину едакова рода праздники назывались праздниками Бахусовыми. А я уеду либо в Косколово на стеклянные заводы⁴⁵, либо не вздумаю ли прискакать в столицу.

Вот все, что я могу теперь к вам, милостивый государь и благодетель, отписать; бóлея ж что писать, права, не ведаю; по любопытству, свойственному слабому смертному, хочется мне Ваше сиятельство кое о чем спросить; да во первых, чтобы не привести вас в затруднение, а во вторых, и себя из деревенского рода жизни не вывезти безо всякия нужды, то аставляю все такие вопросы, кроме единой только пакорнейшея моя прозбы: естли можна удастоить меня хатя адним словом: дать знать о вашем здравье и состоянии.

Касательно до меня: то я испрашиваю от вашего сиятельства продолжения милостей и доброхотства столька, сколько я по сие время их видел; а и впредь видеть их столька желаю, сколько буду достоин.

свои имения, С.Р. Воронцов передал ее во владение и управление старшему брату, отправляясь в путешествие по Европе. Дьяконов, таким образом, «присматривал» за владениями Воронцовых в окрестностях своей мызы. См. об этой практике ниже (коммент. к письму № 7).

⁴⁴ Бобков (Бабков) Александр Семенович — уездный землемер в чине адъютанта в Ораниенбаумском уезде (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ... 1783. С. 154; То же за 1784 г.: С. 144; То же за 1785 г.: С. 143). После 1785 г. Бобков пропадает из списков уездных землемеров, но в 1788 г. появляется в штате Коллегии иностранных дел «при разных должностях» без чина (см.: Степанов В.П. Русское служилое дворянство. С. 74). О том, что речь идет об одном и том же лице, свидетельствует упоминание в завещании Дьяконова: «...в 1786м году сентября 3го две души подарены коллежскому ассесору Александр Семенову сыну Бобкову, находящемуся ныне в службе в Государственной иностранной коллегии» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 399. Л. 1). Судя по частоте упоминаний о нем в письмах, Воронцов определенно способствовал этому перемещению.

⁴⁵ Косколово — деревня в Ямбургском уезде, где находился стекольный завод. Расположена приблизительно в 25 км от Нежинской мызы. Можно предположить, что этот завод принадлежал Воронцовым.

Впрочем, ласкаюсь я, что имею бесконечное и истинное к вашему сиятельству почтение и таковая же преданность вам известны, с каторыми я во всю жизнь мою астанусь.

Вашего сиятельства
Милостиваго государя
Всепокорнейшим и искреннейшим
слугою Ал: Дьяконов

в 22^е сентября 1784 года
Мыза Нежинская

Ужели хотя празднуется ли то севоднишней праздник ⁴⁶ ?
--

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 4–5.

⁴⁶ Здесь — день коронации Екатерины II 22 сентября, обычно отмечавшийся раздачами чинов и награждениями.

№ 4

А.Р. Воронцов — А.С. Дьяконову, 3 января 1785 г.,
Петербург

Взаимно и от искреннего моего сердца поздравляю с переменою года, желаю, чтоб оной был для вас приятнее прошедшего и чтоб способности ваши место деревенской жизни к пользе службы могли быть употреблены. Я ж в том и не отчаиваюсь.

Вы меня маните, как робят, обещали сюда приехать тотчас после нового года, а теперь уже и за Крещение отсылаете, а там боюсь, чтоб еще какую нибудь отписку не нашли. Неужли до стретенских⁴⁷ морозов отложите.

Желаю, чтоб конгрес ваш был удачен. Здесь сказывают, вы процесс потеряли в городовом магистрате⁴⁸, чему я и не дивлюсь — так, как там дела вершатся.

Иван Перфильевич⁴⁹ чуть серьезно не занемог, но теперь, благодаря богу, оправился. Я в новый год был во дворце и в корпусе сенатском. Снова были у государыни с благодарением за все милости, изъявляемы народу.

В сем корпусе был в тот день и Михайла Никитич Кречетников, которому велено в Сенате присутствовать, оставляя его и в должности наместника. В новый год было обыкновенное гвардейское произвождение, да двух генерал маеров пожаловали: господ Салогуба и Неранчича⁵⁰.

⁴⁷ То есть стретенских. Сретенье Господне празднуется 2 февраля по юлианскому календарю. Воронцов использует устаревшую форму «стретить», «стрю» (встретить, повстречать). См.: СРЯ XI–XVII. Вып. 28: Старичек — Сулебный. М.: Наука, 2008. С. 163.

⁴⁸ Речь о каком-то судебном процессе с участием Дьяконова; под ироническим «конгресс» следует понимать заседание суда.

⁴⁹ Елагин.

⁵⁰ 1 января 1785 г. в генерал-майоры произведены граф И.А. Соллогуб (Соллогуб) и Д.Г. Неранчич. Соллогуб был предводителем дворянства соседнего Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербургской губернии и должен был быть хорошо знаком Дьяконову. Воронцов сообщает об этих произвождениях также и потому, что сам был приглашен ко двору 1 января, где присутствовал на праздничном обеде. См.: КФЖ 1785. СПб.: Б.и., 1885. С. 11–19.

Впрочем, у нас все тихо, и вы найдете меня с теми же расположениями к вам и с крайним желанием вас здесь видеть.

СП⁵¹ 3 генваря 1784⁵²

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 1–1 об.

⁵¹ Здесь и далее — характерное для Воронцова сокращение названия Санкт-Петербурга.

⁵² Дата рукой А.Р. Воронцова — 3 января 1784 г.; в действительности письмо от 3 января 1785 г., поскольку указанные в письме награждения чинами И.А. Соллогуба и Д.Г. Неранчика произошли 1 января 1785 г. (см.: Список Военному департаменту, и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету, шефам и штаб-офицерам. На 1785 год. СПб.: При Государственной Военной коллегии, 1785. С. 26). Дату «1784» следует считать опiskeй, абберацией памяти: Воронцов привычно поставил дату прошедшего года, не успев привыкнуть к новой дате за три первых дня нового года.

Сиятельнейший граф!

Великодушный мой благодетель и доброхот!

Милостивый государь граф Александр Раманович!

Первая притчина медления моего в деревне по приезде моем из Пскова⁵⁴ уже известна Вашему сиятельству, которая удержать меня могла бы одну только неделю; но к ей прибавилась другая, астановившая еще бо́лея десяти дней, и бо́лея еще неприятнейшая, как первая, а именно: под домом моим подводится каменной фундамент; то для сей работы все полы почти выломаны; а для прохода из коридора на крыльцо положены доски, но не крепко; адним утром пашол я по доскам, из коих адна подернулась; и я полетел, как воздушный путешественник⁵⁵, с тою только разницею, что я полетел вниз, и ушибся изрядно, а паче ушиб обе ноги и ободралась на них кожа; по щастию случился Кунцен бальзам, коим астановил бежание крови и раны прочистил⁵⁶; а от таво принужден был шесть дней сидеть на одном месте; потом начал ходить о костыле; ибо рана на бальной ноге и по сей час еще не зажила. Но сколь скоро пришел в некоторое состояние, что ходить можна, паехал 9-числа в Город единственно только для

⁵³ Вверху, возле обращения, помета другим почерком: «Дьяконова» (возможно, сделана при разборе архива Воронцова).

⁵⁴ Речь о поездке Дьяконова во Псков вместе с Воронцовым в мае-июне 1785 г.

⁵⁵ «Воздушные путешественники» — первые испытатели «воздушной машины» Монгольфье: майор маркиз д'Арланд и ученый-химик де Розье. Об их полете, состоявшемся 21 ноября 1789 г. (н.ст.), написали «Санкт-Петербургские ведомости» (1783. № 100. 15 декабря. Б.п.). О политической составляющей путешествий на воздушных шарах в 1780-е годы см.: *Bodin R. Aeromania and Enlightenment: The Politics of Hot Air Balloons in Karamzin's "Letters of a Russian Traveler"* // Вивліоєтика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2019. Vol. 7. Р. 1–20.

⁵⁶ Кунцен-, или Кунце-бальзам, Кунценский бальзам — крепкий настой целебных трав, изобретение которого принадлежит рижскому аптекарю Абрахаму Кунце, немцу из Северной Германии. Впервые упоминается в 1762 г. В его составе было 25 различных трав, в том числе померанцевая корка, черный перец, малина, бальзамное перуанское масло, дубовая кора, айрный корень, арниковый цвет. После смерти аптекаря появилось множество рецептов бальзама, а его продажа приняла массовый характер. Широкую известность приобрел как «рижский бальзам», но оригинальный рецепт неизвестен (см.: Химия и жизнь. 1967. № 1. С. 95–96).

вручения графу Александру Андреевичу⁵⁷ письма от вашего сиятельства, мне данного, которое столь долго у меня против воли моей задержалось. В четверток приехал сюда, и на другой день после обеда в 6^м часу паехал к графу, изготовясь принести извинение, что так опоздал вручением письма. Но приготовление мое ко извинению было напрасное: опоздало адно только письмо, а я нимало не опоздал, потому что не имел щастия увидеть его сиятельства. Есть ли бы я знал, что ваше сиятельство по возвращении своем не спросите у меня о обстоятельстве, воспрепятствующем видеть мне графа Ал: Андр:, то бы я одним тем словом и кончил: что его не видал; но мне думается, что непременно спросить меня изволите, и для ради того, дабы в то время не обременить вас ни вопросом вашим, ни моим ответом, рассудил теперь рассказать, отчего его зделалось: лакей, в передней сидевший, никак не хател доложить, не внимая самага перваго моего слова, что я имею от вашего сиятельства письмо, не имея сам ни малейшия нужды, кроме вручения письма; тщетными аставались все мои тихия и кроткия убеждения, хотя он два раз входил за дверь, но выходя сказывал, что доложить невозможно для того, что граф, раздевшись, лежит на софе. Ей богу, самыя сии слова он мне сказал. И так я решился зделать новое предложение, чтоб он взял у меня письмо и отдал графу, ведая, что граф Ал: А: тот день обеспокоился приездом из села Царскаго прямо абедать к цесарскому послу⁵⁸. Изобретение мое было весьма удачно; докладчик взял и снес письмо; а вышедши сказал: что его сиятельство, принявши письмо, изволил сказать х а р а ш о. Я етому несказанно обрадовался и, поблагодаря докладчика, что он не болей четверти часа в передней меня проторил, пашол на худых моих пиедасталях⁵⁹ во свояси⁶⁰.

Теперь поспешаю убраться и уберуся завтра в мое⁶¹

|Написавши сие слово «в мое» получил я доброхотное вашего сиятельства из Чернаго от 3 сего месяца письмо⁶², на которое буду тотчас ответствовать, окончивши начатое| уединение, в коем буду весьма

57 А.А. Безбородко, также далее: Ал. Андр., Ал. А. и т.п.

58 То есть к Л. фон Кобенцлю.

59 Зд. пьедесталы — ноги (иронич.).

60 См. об употреблении «сваяси» в комментарии к письму № 10.

61 Здесь мысль обрывается и продолжается со слова «уединение».

62 Письма от А.Р. Воронцова от 3 июля 1785 г. среди его писем к Дьяконову не обнаружено. В это время Воронцов продолжал свою сенаторскую поездку вместе с А.В. Нарышкиным. Деревня Черное находится на дороге Витебск — Орша — Могилев в направлении Чернигова, куда и направлялись ревизоры по плану осмотра. В настоящее время деревня находится на территории Речицкого района Гомельской области Беларуси, на левом берегу Днестра.

спакоен, но нетерпелив лишь ожиданием возвращения вашего сиятельства. Я просил уже М: М:Ека⁶³, с коим скоро прибыть сюда изволите, то бы уведомить меня с нарочною штафетою⁶⁴; я тогда полечу вмиг; а без вас ей богу Город для меня пуст.

12- числа в субботу граф Ал:Андреевич Б: давал большой абед, на котором первой гость был князь Гр: Ал:Пот:⁶⁵

⁶⁶Благодетельное и милостивое письмо Вашего Сиятельства само собою несказанно меня обрадовало; но повествование о болезни столь чувствительно тронуло⁶⁷, что я позабыл свою болезнь ноги, на коей дня с три рана моя стала похуже. Слава богу, что болезнь ваша миновалась, и дай бог, чтобы в сию минуту были вы в совершеннейшем здравье и спакойном состоянии. Сие мое душевное и сердечное желание пребудет во мне вечно, так как и благодарность за все ваши милости. И дай бог, что бы в сию минуту были вы в совершеннейшем здравье и спакойном состоянии. Сие мое душевное и сердечное желание пребудет во мне вечно так, как и благодарность за все ваши милости. И дай еще господи! чтобы поскорее сюда⁶⁸ приехали.

За объяснение о згоревшей деревне пазвольте себе попенять; мне ето никогда и на мысль не только не приходило, да и приятить не магло. И естли бы я дома был, то может не только деревня, да и дом мой собственной згорел⁶⁹. В сем случае магу я весьма самолюбиво и самохвально о себе сказать: аще и похвалюся, не буду безумен: что логика мая в таковых делах и обстоятельствах не предавала ни однажды меня в жизни мрачным предразсуждениям, от которых, надеюсь, и впредь избавит и защитит меня бог.

⁶³ Матвей Матвеевич Экк; далее также М Матвеевич, Матвей Матвеевич. В обязанности ведомства Экка входила перлюстрация корреспонденции, уходившей за границу и приходившей в город, в том числе дипломатической. Экк был одним из разработчиков почтовой реформы 1780-х годов, проводившейся Безбородко, за что и был, в частности, награжден орденом Св. Владимира в 1782 г.

⁶⁴ То есть эстафетой — срочной почтой, доставлявшейся курьерами или нарочными, сменявшими друг друга в пути.

⁶⁵ Потемкин.

⁶⁶ С этих слов — ответ на только что полученное письмо от Воронцова от 3 июля 1785 г.

⁶⁷ Об этом шла речь в не дошедшем до нас письме Воронцова от 3 июля 1785 г.

⁶⁸ То есть в Петербург.

⁶⁹ О пожаре могла идти речь в одном из несохранившихся писем. Тогда, вероятно, у Дяконова сгорела мельница, о чем он упоминает в письме № 29.

Я вот о чем теперь еще сожалею, что вы не изволили меня взять с сабою во все путешествие⁷⁰; в коем имел бы я бóлее случаев изъяснить мое усердие, и чувствительную преданность, особливо же при таковом неожиданном случае, каковой с вами воспоследовал⁷¹. После сего вашего сиятельства письма буду ожидать с первыми почтами не одново, а двух или трех неотменно, дабы мне получить точное известие о вашем здравье, и тем быть успокоену. Естли до получения сего, зачем либо писать ка мне не изволили, то сделайте милость отпишите и абрадуйте поскорее человека, живущаго вами и столько вас почитающаго и любашаго, сколько естество природе человеческой сил и способов даровало. С душевною преданностию астаюся и пребуду во всю жизнь — Вашего сиятельства милостиваго государя всепакорнейшей слуга

Алексей Дьяконов

16 июля 85 — С:Петербург⁷²

Вчера был имянинник Глав: дворц: канц:⁷³ член полномочный господин Лукин⁷⁴; дал бальной абеда, а ввечеру фейерверк. Гостей не знаю, кто были; сию минуту лишь услышал, что по Городу сей праздник ознаменуется.

Ваше сиятельство, конечно, уже ведаете о новых трех Б: Орла кавалерах⁷⁵; а ныне из их одному, то есть Вас: Ив: Левашову⁷⁶ куплен в Морской дом Походяшника, или Походячева⁷⁷.

⁷⁰ Дьяконов имеет в виду, что А.Р. Воронцов хотя и взял его с собой в сенаторскую поездку, но только во Псков, но не далее. Мы не знаем, откуда Дьяконов возвратился домой — сразу из Пскова или доехал с сенаторами, например, до Витебска.

⁷¹ Неясно, о чем именно речь.

⁷² Приписано вдоль левого поля.

⁷³ Главной дворцовой канцелярии.

⁷⁴ Вчера — т.е. 15 июля (ст.ст.) — день памяти Св. Владимира. В.И. Лукин родился 8 июля 1737 г.

⁷⁵ То есть польского ордена Белого Орла (учрежден в 1705 г.)

⁷⁶ Василий Иванович Левашов. См. о нем: РБС. Т. 10: Лабзина — Лященко. СПб.: Типогр. Главного управления уделов, 1914. С. 123. Левашовы приходилось дальними родственниками Воронцовым. Состоял под покровительством Г.А. Потемкина.

⁷⁷ Правильно: Походяшин Григорий Максимович (см.: РБС. Т. 14: Плавильщиков — Примо. СПб.: Типогр. Скороходова, 1905. С. 725; Серков А.И. Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XVIII. Т. 2. М.: Ганга, 2019. С. 136–137). Походяшин купил дом, о котором идет речь, у наследников статс-секретаря Екатерины II А.В. Олсуфьева, но быстро продал его (в 1789 г.) обер-прокурору Первого департамента Сената А.Н. Зубову. Сейчас это дом по адресу: Большая Морская ул., д. 23/12 (угол с ул. Гороховой).

Дней с восемь, как стала сдесь хорошая сенокосная пагода; на дачах⁷⁸ ваших сено косится, сказывал о сем мне Нагаев⁷⁹. А в субботу 12 числа и вчера были сдесь великия грозы; но не продолжительны и, слава богу, безвредны. Какова то в вашем пути пагода. В одной моей деревне згорела от молнии адна рига и гумно.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 34–35 об.

См.: Дом И.В. Добрыниной (Большая Морская ул., 23). <<https://walkspb.ru/istoriya-peterburga/zd/bol-morskaya23>> (дата обращения: 27.10.2021).

⁷⁸ Земельный или лесной участок, находящийся во владении кого-либо (см.: Дача // СРЯ XVIII. Вып. 6: Грызться — Древный. Л.: Наука, 1991. С. 41–42). Дьяконов, как говорилось выше, присматривал за владениями Воронцовых в окрестностях своей мызы.

⁷⁹ Николай Нагаев — управляющий Петербургской домовою конторой Воронцовых или его сын Иван Николаевич Нагаев — также управляющий Воронцовых (см. переписку Воронцова с Нагаевыми: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 32, 583а; Оп. 11. Д. 3285, 3287; Оп. 7. Д. 128, 881).

Я чувствую себя, милостивой мой друг Алексей Степанович, не на деле, а наружно виновным пред вами, что давно к вам не писал, и два ваши письма оставил без ответа⁸⁰, но сие не от нежелания писать к вам или недостатка дружбы, а истинно от недостатку времени и безпрестанного движения, в коем я был, но все оное теперь к концу приходит, ибо я уповаю в Питербурхе быть к 15 сентября⁸¹.

Хотя ко мне куриеры и посылались, но у вас напрасно сказали, что велели все бросить и ~~сюда~~ и к вам возвратиться, ибо я б, конечно, оное исполнил. А мне хотя и сказано, что приятно будет, чтоб я поспешал, но как не сказали, чтоб поспешал, не окончив препорученной осмотр, то я и не хотел на себя взять, чтоб оное и оставить. Я писал, что буду около половины сентября, что истено и исполню. Сверх того, и дела для них оной, мне писали, терпят очень временем.

О здоровье моем, зная, что оно вам не стороннее, скажу вам, что оно, благодаря богу, хорошо и, исключая начало дороги, я оную очень хорошо перенес, да вообще и путешествием своим доволен.

От Аша⁸² я получил уверение, что он и посол⁸³ сам рад будут помогать в вашей просьбе, а от Сенельникова⁸⁴ ответу не имел. Более писать время не имею, ибо и здесь не много свободен, а скажу вам

⁸⁰ Из писем Дьяконова с января по август 1785 г. сохранилось лишь письмо от 16 июля 1785 г. (письмо № 5).

⁸¹ Воронцов планировал вернуться к 15 сентября из сенаторской поездки. См. коммент. к письму № 5.

⁸² И.Ф. Аш. Он был постоянным корреспондентом А.Р. Воронцова в 1780-е годы. Сохранился черновик письма А.Р. Воронцова к Ашу от января 1786 г., но из содержания непонятно, касается ли оно дела Дьяконова (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1. Л. 1).

⁸³ Русский посол в Варшаве О.М. Штакельберг.

⁸⁴ Правильно: Синельников. Незадолго до того он был назначен наместником образованной указами в марте 1783 г. и январе 1784 г. новой Екатеринославской губернии, объединившей Новороссийскую и Азовскую. Хотя Синельникову покровительствовал Потемкин, свою роль играл тот факт, что его супругой с 1775 г. была двоюродная племянница Державина А.В. Страхова (см.: Грот Я.К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. С. 352). Синельников, таким образом, приходился свойственником Г.Р. Державину, которого поддерживали Воронцовы и Безбородко.

старое, что я вас искренно люблю и что вы во мне имеете и друга, и искренного почитателя.

Москва 25 августа 1785

PS На господина Андреевича⁸⁵ не судись. Надо, право, в его состояние входить. Он, право, у нас человек редкой и к добру прямо склонной⁸⁶.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 2–2 об.

⁸⁵ Безбородко.

⁸⁶ Вероятно, имеется в виду сложившийся к тому времени в глазах современников образ Безбородко как человека, который в повседневной жизни отличался, с одной стороны, крайним благодушием (склонностью «к добру»), с другой — патологическим женолюбием. В особенности Безбородко покровительствовал выходцам из Малороссии (см.: *Григорович Н.И.* Указ. соч. Т. 2: 1788–1799. СПб., 1881. С. 340–341). В.Ф. Малиновский, служивший секретарем И.А. Остермана с 1784 г., в своих заметках отмечал также сочетание душевной щедрости Безбородко, расположенности его к людям и широты разгула: «Теперь, будучи покуда не женат, он волочится за актрисами всякими девками и много издерживается на содержание их. Но это бы ничего: он имеет уже довольно душ крепостных <...> Многие доходят до подлости тут, услуживая ему в любовных его похождениях, и тем получают не весьма немалое участие в свойственной ему щедрости к испрошению Монарших милостей <...>. Просители ходят весьма долгое время к нему не видя его. Он выезжает со двора потаенными дверями, куда их не допускают. Вид просителя для него страшен. Говорят, что он не[охотно] [принимает] прошения, дабы не наскучить императрице докладами об них. Говорят также, что он труслив и не имеет твердости в глаза сказать человеку неприятность — он обнадеживает просящих — почти всем общий ответ хорошо» (ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 804. Л. 20–20 об. (Курсив мой. — М. Л.)). Ср. ответ Безбородко Дьяконову, принесшему письмо от Воронцова: «<...> изволил сказать х а р а ш о» (письмо № 5).

Я к вам не писал, милостивой мой друг Алексей Степанович, по приезде мой сюда, полагая и по обещанию вашему, и что вы не захотите совсем одичать, что вы в Город будете. Но как о вас и слуху нет, то и решился я к вам писать, полагая, что, зная, вы еще не обсеялись и не обмолотились, и затем еще, может, и долго в Город не будете.

От господина Аша давно получил я письмо, что он стараться будет желание ваше исполнить, также и от господина Сенельникова ответ получил, которой здесь прилагаю⁸⁷.

О себе уведомляю, зная сколь вы дружески примаете участие во всем, до меня касающее, что я приехал сюда⁸⁸ 17 сентября, что государины как поездкою нашею, рапортами нашими и всем нами по губерниям, разными замечаниями и предписаниями зделанными оказать изволили свое удовольствие⁸⁹, а сверх того лично меня за то благодарила⁹⁰, и так естли было тут что нибудь моего труда, то оной уже тем самым с избытком заплачен. Здесь нашол я дела в том же положении, как оставил, найдя также для себя сех тех друзей и те самыя разположении, каковыя были до отъезду моего.

Сие письмо пишу я к вам из Мурина⁹¹, где также нашол все по моему желанию, но сего дня должно в Город возвращаться. В городском

⁸⁷ Письмо от Синельникова, пересланное Дьяконову, не сохранилось, как не сохранилось и переписки с ним Воронцова. Его нет в списке его корреспондентов (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3109.). Можно только предполагать, хотел ли Дьяконов получить через Синельникова земли в бывшем Запорожье, раздача которых шла с середины 1770-х годов, или же добиться с его помощью места в только что открытом Екатеринославском наместничестве, где, соответственно, появлялись и новые должности.

⁸⁸ В Санкт-Петербург. Воронцов планировал вернуться в Петербург к 15 сентября (см. здесь письмо № 6).

⁸⁹ Речь о сенаторской инспекции А.Р. Воронцова и А.В. Нарышкина по Псковской и Могилевской губерниям весной-летом 1785 г.

⁹⁰ См. Приложение № 1.

⁹¹ Мурино — деревня в Шлиссельбургском уезде Санкт-Петербургской губернии, сейчас — окраинный район Петербурга. Принадлежало отцу А.Р. и С.Р. Воронцовых и Е.Р. Дашковой Р.И. Воронцову. В 1774 г. он передал его в общее владение сыновьям Александру и Семену. В 1776 г., с отъездом С.Р. Воронцова в путешествие по Италии, «по домашнему между нами условию», С.Р. Воронцов передал Мурино (как и другие свои имения) в распоряжение старшему брату. В 1779 г. А.Р. Воронцов подал прошение в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию о том, чтобы числить эту деревню формально за

моем доме вы найдете также в расположении онаго полезною перемену. Все то сделано без меня и трудами Н А Львова⁹². По приезде меня сюда подписано торговое постановление с римским императором⁹³. Государем пожаловано послу⁹⁴ 4000 червонных и перстень, а его господам вице-канцлеру⁹⁵, графу А Андреевичу, П В Бакунину⁹⁶ и мне подарил также каждому по четыре тысячи червонных и по табакерке с его портретом⁹⁷.

ним (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 70. Л. 4–4 об.) В 1780-е годы Воронцов живет в Мурина каждый год летом, с мая по октябрь, если не находится в разъездах, иногда даже зимой.

⁹² См. о Н.А. Львове подробнее во вступительной статье настоящего издания. О перестройке домов Воронцова см. коммент. далее к этому же письму.

⁹³ То есть с Иосифом II. В письме Воронцова речь идет о декларации о намерениях, подписанной австрийской стороной 20 сентября (1 октября) 1785 г., а затем русской стороной (см.: Декларация // Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 2: Трактаты с Австриею. 1772–1808 гг. СПб.: Типогр. Мин-ва путей сообщения, 1875. С. 151–153; [Манифест от имени Екатерины II. 1 (12) ноября 1785 г.] // Там же. С. 153–169 (ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16284); [Манифест от имени Иосифа II. 1 ноября 1785 г.] // Там же. С. 169–185; коммент.: Торговый трактат, заключенный в форме двух манифестов между Австриею и Россиею. 1 (12) ноября 1785 г. // Там же. С. 131–151).

Во время поездки с ревизией Воронцов обсуждал с Безбородко готовившийся договор и фактически руководил ходом переговоров. Так, по дороге из Трубчевска в Орел он получил «штафету» с новой редакцией манифеста (его первый вариант, состоявший из 30 статей, был вручен австрийской стороне еще 25 апреля 1785 г. См.: Торговый трактат, заключенный в форме двух манифестов между Австриею и Россиею. С. 149). Отвечал Воронцов письмом от 14 августа 1785 г. из Орла пространным письмом к Безбородко, где излагал свою позицию по поводу взаимных уступок в пошлинах. См.: НИА СПбИИ. Ф. 36. Д. 399. Л. 571–577 об.

⁹⁴ То есть Л. фон Кобенцлю.

⁹⁵ Вице-канцлеру — И.А. Остерману.

⁹⁶ П.В. Бакунину Меньшому.

⁹⁷ Оплата трудов уполномоченных по переговорам была стандартной практикой. В январе 1785 г. из Вены в Петербург были отправлены четыре табакерки стоимостью от 2000 до 2500 голландских дукатов, которые посол Людвиг фон Кобенцль должен был передать Остерману, Безбородко, Бакунину и Воронцову в качестве официальных подарков при заключении торгового договора. Для награждения русских чиновников выделялось 19 420 дукатов: по 4000 Остерману, Безбородко, Бакунину и Воронцову; 1000 — советнику К. Коху, 725 — советнику Н.А. Львову и 1695 дукатов — для канцелярских служителей. В Петербург были отправлены 22 векселя на сумму 1800 рублей каждый на предъявителя (см.: Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М.: Наука, 2011. С. 317). Четыре тыс. червонных, т.е. золотых рублей, — около 12 тыс. рублей ассигнациями. В 1787 г. один червонец в неофициальном хождении стоил 3 руб. 5 коп. ассигнациями.

Сии червонцы мне впору пришли, чтоб заплатить мои затеи муринския, питербургскаго дому, и в Москве также дом я перестраивал, или, лучше сказать, хотя много старых материалов, почти вновь его строил⁹⁸. Вот

Табакерка с портретом императора Иосифа II хранилась у Воронцова в Андреевском, откуда после его смерти была отправлена в Петербург («Табакерка с портретом Императора, украшенная бриллиантами (12,000 [рублей]»), см.: Реестр отправленным в Петербург драгоценным вещам, принятым в Андреевском [сост. 8 декабря 1805 г.] // ОПИ ГИМ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 2567. Л. 12–12 об., 99–100 об.).

⁹⁸ Летом 1785 г., пока Воронцов ездил по губерниям с сенаторской ревизией, Н.А. Львов занимался строительством и переделками в его владениях. Во-первых, в Мурине Львов разбивал сады и, возможно, интерьеры господского дома и дома для гостей. В 1785 г. он создал проект церкви в Мурине — храма-усыпальницы — св. Екатерины в память о супруге С.Р. Воронцова Екатерине Алексеевне (ур. Синявиной), умершей в 1784 г.; в 1786 г. началось ее строительство, завершившееся в 1790 г. (см.: *Серебрякова Н.Я.* Мурино: Хроника трех столетий. СПб.: ООО Типография «Береста», 2010. С. 73–75).

Во-вторых, в «питербургском» доме — доме, называвшемся Обуховским. Он находился на Фонтанке у Царскосельской дороги (современный адрес — Набережная реки Фонтанки, д. 110 / Московский проспект, д. 17). Дом был построен Р.И. Воронцовым в 1754 г. и перешел по наследству к А.Р. Воронцову. В этом доме Н.А. Львов руководил ремонтными работами, сам находясь в разъездах. В июне 1785 г. он, со слов своего «человека», докладывал Воронцову: «В доме вашем Петербургском несколько печей уже переключено, потолки старые подштукатурены, а новые в зале подшивают, ворота дубовые уже готовы, только дожидаются меня для медных к оным приборам...» (Н.А. Львов — А.Р. Воронцову, 26 июня 1785 г., Москва, опубли.: АКВ. Кн. 32. М., 1886. С. 502–503). Сейчас в здании у Обуховского моста располагается Санкт-Петербургское высшее командное артиллерийское училище (см.: *Бройтман Л.И.* Воронцовы в Петербурге // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 212). В.Н. Алексеев считает, что речь идет о доме по адресу: набережная Мойки, д. 120 (см.: *Алексеев В.Н.* Львов и граф А.Р. Воронцов: история взаимоотношений // Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования: сб. 1 / науч. ред. М.В. Строганов; Тверской гос. ун-т. Тверь: Б.и., 2001. С. 65). В доме на набережной Мойки (ныне д. 72) Воронцов жил в последние годы, уже будучи канцлером (*Бройтман Л.И.* Указ. соч. С. 212), а Обуховский дом А.Р. Воронцов продал в казну в 1797 г. за 100 тыс. руб., чтобы выручить деньги для финансовой помощи брату Семену в Лондоне. См. переписку об этой сделке: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1907. Л. 13–13 об., 17.

Дом в Москве — «слободской», получил название по месту своего расположения в Немецкой слободе. Он также достался А.Р. Воронцову в наследство от отца. Дом ныне не существует, см. его рисунок в издании: *Архитектурные альбомы М.Ф. Казакова. 1: Альбомы партикулярных строений. Жилые здания Москвы XVIII века.* Б.м.: Б.и., 1956. С. 199. См.: *Долгова С.Р.* Дом графов Воронцовых в Немецкой слободе // Е.Р. Дашкова и эпоха Просвещения: сб. ст. / отв. ред., сост. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2005. С. 106–107; *Татаринов А.В.* Архитектурные работы Н.А. Львова // Львов Н.А. Избранные

вам все то, что со мною случилось, а приятное для меня, видно, нескоро случится, то есть чтоб вас здесь и в Питербурхе увидеть. Я в том не настаю, будучи уверен, что, когда вам можно будет, и сами не отречетесь друзей своих увидеть.

Мурино 5 октября 1785

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 4–5 об.

сочинения / вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Вена; Кельн; СПб.: Böhlau; Пушкинский дом; Акрополь, 1994. С. 378–379; Н.А. Львов — А.Р. Воронцову, 26 июня 1785 г. // АКВ. Кн. 32. С. 502–503.

Сиятельнейший Граф!

Великодушный благодетель и доброхот!

Милостивый государь граф Александр Раманович!

По получении мною 22 сентября известия о приезде Вашего сиятельства в северную столицу, должностно я себе почитал немедленно ехать в Город, чтоб увидеть ваше сиятельство и поздравствовать со благополучным возвращением, а притом изъявить и благодарность за последнее ваше письмо, которым от 25 августа из Москвы¹⁰⁰ обрадовать меня изволили новыми знаками и уверениями о ваших милостях и которое получил я сдесь в самой день прибытия вашего в Петербург¹⁰¹. Но, к сожалению моему, астановлен я и по сей день неожиданными в хазяйстве моем приключениями, сколько от продолжающейся мокрой погоды, столько же и от худаго здаровья ломотою в коленях, а к тому посетил еще и Гиморойд. В первые дни сентября надобно было по обыкновению пустить кровь. И пускал домашней мой доктор два раза, но весьма неудачно: в первые зделал три раны, но кровь только что показалась, однако ж не пошла, и шнепер¹⁰² изломался; патом через три дня достали другой шнепер, каторой дважды рубил и ничего не произвел же. Итак, собрался было ехать в Нарву¹⁰³; но за худую дорогою и за распутицею астановился; от меня до Котлов¹⁰⁴ 12-верст пропасть, также и от Ямбурга до Нарвы по славной мостовой дороге проезд самой трудной; вчера возвратился из Нарвы посланной мой человек, и сказывал о дороге, ехавши 75 верст три дни. Вторая неприятность по хазяйству: от ненастливья погоды не дозволившия и недозволюшия никоим образом убраться яровым, котораго у меня и теперь еще на поле до 20 тысяч снопов стоит, покрытых довольно выпадшим вчера и сей день продолжающимся снегом. В исходе сентября

⁹⁹ В ответ на письмо А.Р. Воронцова от 5 октября 1785 г. (письмо № 7).

¹⁰⁰ См. письмо № 6.

¹⁰¹ Воронцов вернулся в Петербург 17 сентября. См. письмо № 7.

¹⁰² Правильно: шнеппер (нем. Schnäpper) — хирургический инструмент, изобретенный в XVIII в. и использовавшийся для насечек на вене при кровопускании: с помощью пружины острие продвигается на определенную глубину. Такой разрез вены был безопаснее, чем сделанный вручную lancetom.

¹⁰³ К нарвскому доктору, вероятно, Сандеру. См. о нем ниже.

¹⁰⁴ Деревня в Ямбургском уезде, лежит на пути в Нарву от Нежинской мызы.

сделались было дни с три давольно изрядныя, но здравье мое было давольно неизрядное, заставившее меня сидеть дома, то я, быв уверен первым моим министром¹⁰⁵, что снопы сухи, велел ему возить и класть под крышу; где они с неделю и пролежали. А как я пришел в состояние выехать, то пашол посмотреть скирдов, и нашол, что снопы от сырости начали портиться и гореть¹⁰⁶; первый мой министр и под ним два чиновника, то есть десятския, увидя, что ето от их нерадения и глупости случилось, ушли; но я, будучи в то время нездоров, следовательно и невиновен, то и не ушол, аставшись дома для избрания и возведения на места бежавших других чиновников, с коими, по новости их, принужден был дней с пять мучиться приведением в надлежащей порядок всей расстройки; а вчера, слава богу, кончил почти все неприятности, каковых самую по домашним делам во все жизнь не бывало, пребыв все время столь тих и кроток, что ни одново человека и не выбранил. Утрата, показавшаяся с начала весьма великою, открылась наконец очень малою; но я и сперва нимало не тужил о убытке, да несносно крайне, когда что гибнет от беспорядка и нерадения людей, давольно по мере службы и трудов их возданных. И сколь скоро сам быть не мог при сей нужной работе, то тут и нет ничего добраго. Как то бывало прежде, а в наше время редко увидишь и услышишь, чтоб люди подвластные, за хазайскими добром рачительно смотрели. Вот, милостивый государь и благодетель! мои обстоятельства, задержавши меня противу воли моей сдесь так долгое время. Они теперь стали несколько полутче, но еще совсем не миновались; и ежели дня четыре или пять пагода худая на добрую не переменится, то я, предавши все на волю божескую, поволокусь сам в Город. Пускай гибнет мой харошей овес, какого лутче во все десять лет моего здесь житья¹⁰⁷ не бывало, так как и ржи хуже нынешней не бывало же¹⁰⁸. Погорелая деревня очень же меня занимала и затруднила; теперь насилиу к концу приходит.

Прастите, ваше сиятельство, великодушно, сие столь пространный и для вас ничего не значущее многоглаголанье, которым я вас, милостиваго государя! весьма обременил. И как я уверен о вашем прощении, то и осмеливаюсь еще несколько слов промолвить:

¹⁰⁵ Так Дьяконов иронически называет своего управляющего.

¹⁰⁶ То есть гнить.

¹⁰⁷ Купив Нежинскую мызу в 1774 г., Дьяконов поселился там, таким образом, не позднее 1775 г., как только вернулся из Польши и получил чин бригадира.

¹⁰⁸ В 1785 г. начались неурожай, продолжавшиеся несколько лет.

При перемене всей моей нежинской министерии¹⁰⁹ преисполнены были мысли мои и воображении о больших и обширных хазяйствах, управляемых самыми человеколюбивыми, благотельными и милосердными владетелями, награждающими подчиненных своих всем на вся, но не могущими видеть их деяний. Какое тут неустройство! Какое нерадение! А во многих местах и расхищение. И творят нам злая за благая!¹¹⁰ Разность больших хазяйств с малыми в том только состоит, что управители первых, делавши всякое беззаконие, от господ своих не бегают, а идут прямо к им уверять о своем усердии и преданности, получая за то разные милости. И так видно, что сему есть предел непреложный и ничем уже неотвратимый.

С известною вашему сиятельству преданностию и со глубочайшим почтением и теперь астаюсь и во всю жизнь пребуду

Вашего сиятельства
Милостиваго государя моего
Всепакорнейшим и усерднейшим слугою
Алексей Дьяконов

В 9^е октября
1785 года
Мыза Нежинская

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 6–7.

¹⁰⁹ Видимо, здесь иронич. управляющие именем (см.: Министерия, министерий, министериум // СРЯ XVIII. Вып. 12: Лыстец — Молвотворство. СПб.: Наука, 2001. С. 195).

¹¹⁰ Приблизительная цитата из Ветхого завета: «Егда воздаются злая за благая? яко глаголаша словеса на душу мою и мучительство свое сокрыша ми» (Иер. 18:20).

В одно почти время получил я оба ваши письма¹¹¹ с тою почти разностию, что прежде отправленное письмо, однакож, сюда пришло, а мое к вам письмо¹¹² тому уже две недели, видно, до вас не дошло, ибо в обоих ваших письмах ни слова опять не упоминаете.

Я сожалею о суставе вашем, а особливо, что в здоровье были припадки и что неумение лекаря такое приключение имело.

Я всегда был противу употребления шнеперов, а теперь еще более в том утверждаюсь¹¹³.

¹¹⁴На обещание Вашечитаю, что вы на следующей неделе сюда будете. Не распространяясь более в письме своем, а о всем переговорим, как самолично вас увижу. Удовольствуясь теперь сказать, что, считая нашею дружбу, вы, конечно, не ошибаетесь, ибо она есмь и будет всегда к вам. . . .

СП 21 октября 1785

Его высокоородию
Государю моему Алексею
Степановичу Дьяконову
В Копорских его деревнях
В Нежинской мызе

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 6, 7 об.

¹¹¹ Одно из них — от 9 октября 1785 г. (письмо № 8), второе, должно быть, не сохранилось, поскольку за 1785 г. до нас дошло, помимо упомянутого, только письмо от 16 июля (письмо № 5).

¹¹² То есть от 5 октября 1785 г. (письмо № 7).

¹¹³ Очевидно, Воронцов был сторонником более традиционного способа делать отверстия в вене — с помощью ланцета.

¹¹⁴ Этот фрагмент с пометой «от 21 октября 85» Дьяконов выписал в черновик письма от 18 октября 1788 г.:

«На обещание вашечитаю, что Вы на будущей неделе сюда будете, не распространяясь более в письме своем, а обо всем переговорим как самолично вас увижу, давольствуясь теперь сказать, что, считая нашею дружбу, вы, конечно, не ошибаетесь; ибо она есть и будет всегда к вам» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 17а).

По приезд мой в город Архангельск получил я письмо ваше, милостивой мой друг Алексей Степанович, за которое крайне благодарю, равно как и за описание беседы вашей с господином Фатовым¹¹⁵, о которой пространнее поговорим, как буду иметь удовольствие с вами увидиться в Питербурхе, ибо я тогда уже настоять буду в выполнении ваших обещаний и из Капорщины вас вытащу, а в Оленщину¹¹⁶ вас не зову, 1 [первое], для того, что и дорога будет уже дурна, 2 [второе], что, приближаясь тогда к своим¹¹⁷, натурально мы будем спешить и сколько можно менее останавливаться.

Здесь¹¹⁸ я очень доволен и намерен поостановиться здесь, ибо есть много что видеть. В отчизне вашей я время проводил изрядно и Вологдою доволен¹¹⁹, препорученное вами исполнил, о чем, думаю, Вы

¹¹⁵ В.И. Фатов — вяземский купец 1-й гильдии, торговал в Риге. По инициативе купечества, торговавшего к рижскому порту пенькой и хлебом, возглавил расчистку Двины в части, ведущей к порту, от камней и порогов, мешавших купеческому судам. За успехи в этом деле генерал-губернатор Ю.Ю. Броун рекомендовал Фатова к награждению. Императрица не только оказала ему свое благоволение, но и наградила Фатова чином титулярного советника и велела именоваться директором при «чищении порогов» под смотрением генерал-губернатора графа Броуна, не зависящим от рижских судебных мест (см.: СПбВ. 1776. 28 октября. № 87. С. 1–3; ПСЗ РИ I. Т. 20. № 14523 (25 октября 1776 г.)). Видимо, в это время Фатов попал в поле зрения директора рижской таможни Г.Ю. Даля, а следом и А.Р. Воронцова. Дьяконов мог быть знаком с ним еще со времен службы в Риге в кригс-комиссариате, поскольку занимался снабжением армии.

¹¹⁶ То есть в Олонецкую губернию (современная Карелия).

¹¹⁷ «Свое», «своя» в значении существительного «дом, родина, место жительства»: «в своя», «в своя си», «во своя ся», «во своя сы» — возвратиться к себе домой, в свою страну (см.: СРЯ XI–XVII. Вып. 23: Съ — Сдымка. М.: Наука, 1996. С. 191).

¹¹⁸ Архангельском.

¹¹⁹ Было бы любопытно знать, что так могло понравиться в Вологде Воронцову. Бросить взгляд на этот город позволяет городская зарисовка в жанре сонета, сделанная М.Н. Муравьевым в 1771 г. Общность их эстетических взглядов позволяет думать, что оптика Воронцова схожа с муравьевской. Любопытно, что у Муравьева Вологда ассоциируется, в частности, с подъячими:

Хороших и худых, собрание домов,
Дворян, купцов и слуг, смешенье не собразно,

уже известны¹²⁰. А сверх того, Василей Николаевич¹²¹ и деньги ваши за них несколько¹²² выручил с хозяйки моей госпожи Романовой¹²³ [клякса] И так посещение мое ей было не без накладу, буде можно почесть накладом должное платить¹²⁴.

Я получил ведомость из Петербурга о большом произвождении, которое было в крестины¹²⁵, я бы желал когда и вас так же поздравить, а тем самым и службу поздравить приобретением человека, для оной, конечно, не бесполезного. Верьте, не заменить старанием степень¹²⁶.

Велико множество церквей, попов, дьячков,
Строенья разнаго, расположење разно.

Подъячих и солдат, тюрем, колодников
Ребят и стариков собрание лишь празно.
И целовальников, и пьяниц, кабаков,
Хаос порядочный, смешенье многообразно.

Старух и девочек, и женщин, и девиц,
И разных множество и не похожих лиц,
Птиц, кошек и зверей, собак, что носят ворот.

Итак исполнил вот я то, что обещал,
И слово до конца свое я содержал.
Коль то не Вологда, так описал я город.

(НИОР РГБ. Ф. 178. Картон 11161. № 1. Л. 13 об.).

¹²⁰ Что именно Дьяконов просил Воронцова сделать в Вологде, неизвестно.
¹²¹ Неустановленное лицо.

¹²² Слова «деньги ваши» направлены и вписаны поверх зачеркнутого из «денег ваших несколько».

¹²³ Лицо установить не удалось. Возможно, намек на императрицу Екатерину.

¹²⁴ О чем идет речь, неясно.

¹²⁵ По случаю крестин третьей внучки Екатерины II великой княжны Марии Павловны (впоследствии — герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская, род. 4 февраля 1786 г.), состоявшихся 12 февраля, было большое «произвождение» — задача чинов и наград (СПбВ. 1786. № 14. 17 февраля. С. 153–154). «Произвождений» было так много, что все они не уместились в один номер «Ведомостей». Вторая часть была напечатана в № 15 (1786. 20 февраля. С. 165–167). В частности, по армии из бригадиров пятерых пожаловали в генерал-майоры. Несомненно, среди них Воронцов и желал бы видеть Дьяконова. Кроме того, было большое «произвождение» по Коллегии иностранных дел, куда простиралось покровительство Воронцова (Там же. С. 166); П.В. Завадовский был награжден орденом Св. Александра Невского, а В.И. Лукин был пожалован в действительные статские советники (СПбВ. 1786. № 14. 17 февраля. С. 158).

¹²⁶ О какой степени идет речь здесь и далее, установить не удалось.

Наконец, прошу любить меня, как я вас люблю. О себе скажу вам, что я здоров и дорогу выношу без затруднения и тягости.

Архангельск 27 февраля 1786

Его высокородию
Государю моему
Алексею Степановичу
Дьяконову
В Копорских его деревнях

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 13–14 об.

Сиятельнейший граф!

Великодушный благодетель и доброхот!

Милостивый государь граф Александр Раманович!

Теперь пятая неделя, что я живу в моем уединении, препровождая время отправлением моих продуктов во столицу, в Кронштат и в Нарву, а по вечерам читаю Римскую повесть¹²⁷ и другия кое какия книги.

Но во все мое сдесь пребывание не получал я ни откуда о вашем сиятельстве уведомления; а путь начал портиться. Послезавтра паедет последней мой караван, а через день за ним и я; по приезде в Город губернской, надеюсь известить о вас.

Сие письмо пишу я из дома Карла Ефимовича¹²⁸, свидетельствующаго вашему сиятельству свое почтение и преданность. Вчера приехал я в Нарву, а севодни еду обратно восвояси. Не видал сдесь никою, кроме аглинских и некоторых нарвских купцов, бывших вчера у хазяина моего на вечере. Дворянство балтское, живущее сдесь, было вчера на концерте

¹²⁷ По всей видимости, это «Римская история» Ш. Роллена: *Роллен Ш. Римская история: От создания Рима до битвы Актийской, есть по окончанию Республики / пер. с фр. Василия Тредиаковского: в 16 т. СПб.: Тип. Академии наук, 1761–1767.* Также, возможно, это была другая «история»: *Геродиан. Иродианова история о римских государях, бывших после Марка Аврелия Антонина, до избрания в императоры Гордиана младшего: В осми книгах состоящая / переведена с еллино-греческаго языка в семинарии Святотроицкой Сергиевой лавры Космою Озерецковским. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774.*

На значение «повесть» для «истории» (гр. *ἱστορία*, лат. *Historia*, фр. *Histoire*, нем. *Geschichte* и англ. *History*) указано в словаре: *Полетика Г.А. Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1763. С. 230–231.*

¹²⁸ Карл Ефимович Сутгоф. Представитель городской элиты, он проживал в Нарве на острове Кренгольме на реке Нарове в черте города. 11 мая 1780 г., во время своего второго визита в Нарву, его дом посетила императрица Екатерина II со свитой и сопровождавшими ее представителями города. Там она «изволила принять обед, предложенный от города» (см.: *Петров А.В. Город Нарва: Его прошлое и достопримечательности. С. 384–385, 391–393, 397–398*). (Ср.: Безбородко к Воронцову, 12 мая 1780 г.: «Вчера мы были трактваны от города на порогах, в доме г. Сутгова...» // АКВ. Кн. 13. М.: Типогр. Лебедева, 1879. С. 15.) Сохранилась переписка А.Р. Воронцова и К.Е. Сутгофа за 1785 г. (два письма: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 948. Л. 1–4 об.), в том числе с упоминанием бригадира А.С. Дьяконова. См. Приложение № 2.

у госпожи докторши¹²⁹. Лечится еще сдесь генерал майор князь Андрей Ив: Вяземской¹³⁰, а с ним живет и княгиня ево¹³¹; да недавно приехала еще из Москвы искать себе здаровья какая та адна госпожа Чирикова¹³².

Вот все, что я к Вашему сиятельству писать магу. А бывши всегда с искреннейшим и глубочайшим почтением, астаюся и теперь

Вашего сиятельства
Милостиваго государя
Всепакорнейшим и усерднейшим слугою
Алексей Дьяконов

В 14е марта
1786 года
Нарва

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 8–8 об.

¹²⁹ Вероятно, супруга нарвского врача Якоба Фридриха Сандера. Сандер упомянут в черновиках к письму № 34. См. данные о нем: Erik-Amburger-Datenbank. Ausländer im vorrevolutionären Russland. <<https://amburger.ios-regensburg.de/>> (ID 61652). Ему посвящен поэтический некролог: Am Grab des würdigen Doctor Sander in Narva // Staats- und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten. 1803. No. 95. 15. Juni. S.p.

¹³⁰ Андрей Иванович Вяземский. В 1782–1786 гг. путешествовал за границей, был в Швеции, Пруссии, Саксонии, Франции, Италии, Англии; по всей видимости, остановился в Нарве на обратном пути.

¹³¹ Княгиней Дьяконов называет, по всей видимости, Евгению Ивановну О’Рейли (Орейи, по первому мужу Квин) — ирландку, с которой А.И. Вяземский познакомился во время путешествия и добивался для нее развода. Мать П.А. Вяземского.

¹³² Неустановленное лицо.

Петрозаводск¹³³ 23 марта 1786

О себе доношу, что я сюда притащился тому несколько дней и надеюсь завтра выехать и поплыть к столице, ибо дороги крайне испортились. Думаю, однакож, на шестой неделе в Граде Святого Петра посмотрю, Алексей Степанович сдержит ли свое слово и будет хотя в праздники в городе.

Новостей отсюда вам ничего сказать, как только старое, что писатель сего вас искренно любит и рад будет вас видеть.

Его высокородию
Государю моему
Алексею Степановичу
Дьяконову
В Копорских его деревнях

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 15, 16 об.

¹³³ Петрозаводск (бывшая Петрозаводская слобода) стал в 1784 г. столицей новоучрежденной Олонецкой губернии (см.: ПСЗ РИ I. Т. 27. № 15999). Гражданским губернатором в новую губернию был назначен Г.Р. Державин, в конце 1785 г. сменивший Х.Л. Зуевым. Воронцов ревизовал губернию в 1786 г. также вместе с А.В. Нарышкиным, как и годом ранее — Псковскую и Могилевскую губернии.

После моего письма к вам я получил, мой милостивой друг Алексей Степанович, два ваши письма, за которые благодарю вас, ибо всякий раз, когда лишен беседы вашей лично, по крайней мере беседа на письме с вами мне делает приятность. От господина Сенельникова получил я письмо, которое здесь прилагаю¹³⁵. Прошу меня наставить, что к нему писать, а притом и обратно его письмо ко мне пришлите.

О Иване Логиновиче¹³⁶, о коем вы меня понуждаете, скажу я вам, что я истенно к нему расположен и желаю ему услужить. Донеыне нельзя было мне говорить, для того что каждый раз, когда я виделся с господином А Андреевичем в Царском селе или в Городе, — все было урывками, а столько было матерей о новой операцей¹³⁷ в банке, которой я и в том числе несколько других особ, по службе будучи, тем заняты и поныне. Оное надобно было множество объявленной и часто на новыя запросы или затруднении новыя развязать, что нельзя было ни о чем другом и говорить, как об операцей, которой инвентор¹³⁸ граф А Петрович¹³⁹ много пользы принесет, естли состоится, хотя, впротчем, любезной друг, крайне противу ево борются. Но как бы то ни было, быть ли ей или нет, оно решится к 28 июня¹⁴⁰, ибо после мне уже и дела, а не работы не будет, коли оно решится одним или другим манером. Тогда я охотно примусь за дело Ивана Логиновича¹⁴¹: пошлю к нему Лебедева¹⁴², так как вы пишете, и письмо его пересмотрю, и потом оное возьму для отдачи. Впротчем,

¹³⁴ Помета Дьяконова вдоль левого поля по вертикали: «получил отвечал 25 июня».

¹³⁵ Письмо до нас не дошло.

¹³⁶ Голенищев-Кутузов.

¹³⁷ «Операция» — здесь: реформа банков 1786 г.; так называют ее современники, например, Н.А. Львов в письме к Г.Р. Державину от 19 июня 1786 г.: «Вся сия операция безмерной важности выдумана графом Андреем Петровичем [Шуваловым]...» (цит. по: *Грот Я.К. Сочинения Державина*. Т. 5. С. 492).

¹³⁸ То есть изобретатель (см.: *Инвентор // СРЯ XVIII*. Вып. 9: Из — Каста. СПб.: Наука, 1997. С. 90).

¹³⁹ Андрей Петрович Шувалов.

¹⁴⁰ 28 июня праздновался как день восшествия на престол Екатерины II. В этот день раздавались чины и награды, а также выпускались важные законодательные акты. В тот год ожидался манифест о реформе банков, подготовкой которой занимались Воронцов, Завадовский, Безбородко и Шувалов в течение весны 1786 г.

¹⁴¹ Голенищев-Кутузов.

¹⁴² Неустановленное лицо.

сии обстоятельства, кои я пишу единственно для оправдания пред вами, буде б вы их и приняли достаточными, имеют, однако ж, остаться между нами двумя.

Чтож касается до Прилуцкого¹⁴³, откровенно скажу вам, что я не могу в требовании его искать, воображая себе заранее, что его не примут, ибо есть предубеждение противу старых управлений, и так они одно уже род и значения, хотя, впрочем, и новая не лутче. Но зная заранее, что в том удачи не будет, на что мне себя подвергать отказу и ввесть себя в некоторую привязку к отказам.

Если он хочется¹⁴⁴ не в благодати, либо место в гражданской службе особливо в другой губернии, я охотно ему в том помогать буду.

Граф Румянцов, думаю, что уже определен. По крайней мере, губернатор о нем представил в Сенат¹⁴⁵. Здесь вновь много было беспокойства и безурядицы от нерасторопности здешних губер[н]ских господ. Жалко, что до ныне не могут дойти, чтоб иметь здесь в посылку хорошего, хотя бы посредственного, губернатора.

Я нонишное время довольно пользуюсь Муриным, езда изредко и то по нужде в Город и в Царское Село.

За участие, кое приемлете в потере Петра Василиевича Бакунина, благодарю вас. Я не могу к сему привыкнуть и крайне чувствую, сколько я в нем теряю, не говоря уже о потере, государством в нем сделанной¹⁴⁶. У нас время очень хорошее. Желая, чтоб и у вас тоже было и чтоб вы уверены остались в искренности моей к вам дружбы и привязанности.

Мурино 14 июня 1786

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 9–10 об.

¹⁴³ Возможно, секретарь уездного суда Ямбургского уезда Иван Прилуцкий (см.: Месяцеслов... 1786. С. 126). Или: коллежский ассессор Алексей Трофимович Прилуцкий, служащий Ораниенбаумской конторы Дворянского банка (по 1783 г.) (см.: Степанов В.П. Русское служилое дворянство. С. 513; Месяцеслов... 1783. С. 120). Его прошение на имя императрицы о выдаче ему недоданного жалования за прошлую службу сохранилось у Воронцова в одной связке с письмами Дьяконова (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 401).

¹⁴⁴ Так в тексте. Возможно, в значении «просится».

¹⁴⁵ По всей видимости, речь идет о сыне фельдмаршала П.А. Румянцева Сергее Петровиче Румянцеве (1755–1838), которого опекал П.В. Завадовский.

¹⁴⁶ П.В. Бакунин Меньшой умер 15 мая 1786 г. в Петербурге после долгой болезни.

С самого отъезда вашего, милостивой мой друг Алексей Степанович, я от вас ни строчки не имел, что, кажется, прежде не бывало, и потому заключаю я, что последняя ваша поездка в Город вам зделала, может, всех так постылых, что и слышать о питербурхских жителях не хотите. В сем классе прошу однако ж меня не иметь, да и письмо сие к вам пишется из Мурина. Итак, я отнюдь не совсем городской житель и сам. А сверх, в городах и в деревне вас искренно люблю, добро вам желаю и зделать оное крайню хочу, в чем, может, впредь и успею.

Я здесь три дни, как живу, и уповаю еще ден пять остаться, будучи очень доволен сим образом жизни. Завтра хотела ко мне приехать сестра княгиня Е. Романовна¹⁴⁷.

О перестройках в доме вашем, я надеюсь, вы уведомлены от Пашкова¹⁴⁸ или от Бабкова¹⁴⁹, что обер полицмейстер вам оныя дозволил¹⁵⁰.

Вы, без сумнения, известны о кончине друга моего П.В. Бакунина¹⁵¹. Служба в нем потеряла человека и нужного и полезного, а я лишился друга. Последние две недели его болезни меня крайне озаботили, так что я без исходно почти был у него.

Я не знаю, как у вас в Капорщине, а здесь время не из лучших. Поутру сего дня со[л]нце только что показалось, а там опять стало холодно и после дождь, но совсем с тем кажется лутче, чем в Городе. Желаю вам здоровья, веселия и продолжения вашей дружбы к себе. Я же остаюсь навсегда преисполненным оною к вам.

Мурино 2 июля 1786

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 11–11 об.

¹⁴⁷ Е.Р. Дашкова.

¹⁴⁸ Неустановленное лицо. Возможно, Панков или Папков.

¹⁴⁹ О Бабкове (Бобкове) см. коммент. к письму № 3.

¹⁵⁰ Неясно, о каком доме идет речь. Других упоминаний о петербургском доме Дьяконова нет. Впрочем, он упоминает о продолжительной жизни в Петербурге после 1780 г. в письме № 2: «...и с самого в деревню приезда до выбора в совестный суд, никогда не приходило мне на мысль проситься в службу. Но живучи в городе, преступил я свою заповедь...» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 3 об. (Курсив в цитате мой. — М. Л.)). Поэтому не исключено, что дом у него в столице все же был. Если это так, то он в какой-то момент его продал, поскольку в завещании он не упомянут. Обер-полицмейстер — Н.И. Рылеев.

¹⁵¹ См. коммент. к письму № 13.

Господин Бабков уверил меня, мой милостивый друг Алексей Степанович, что вы скоро будете сюда, что и притчиною моего молчания в ожидании иметь удовольствие вас здесь видеть. По сей притчине не писал я к вам и о происшествиях в праздники, хотя и уверен я был, что вам бы приятно было уведомиться, что государыня пожаловала 50 тысяч рублей и звезду и крест ордена Александра Невского, весьма богато бриллиантами украшенного¹⁵². Но видно, что трудно вас довести и на малое время Копоршину оставить. Однакож я прошу вас по получении сего письма хотя дня на четыре сюда приехать — мне истинно крайняя нужда с вами поговорить, и естли б не нужда, зная вашу привязанность к деревенской жизни, в рабочую пору не стал бы вас от оной отвлекать. Итак, повторяю просьбу свою, чтоб вы на будущей неделе дня на четыре сюда приехали.

Ивана Логиновича дело¹⁵³ начато с успехом, и мне оно обещано, о чем я и вам дал знать. Сказали, что письма не надобно, но боюсь только деятельности Авдотьи Ильинишны¹⁵⁴, естли она о сем сведает.

Посылаю к вам экземпляр манифеста о банках¹⁵⁵, которой прошу прочесть с прилежанием, а ныне будете сюда, можем о сем поговорить. Прощай, любезной мои Алексей Степанович, не откажи моей прозбы, а приежай сюда дни на четыре.

СП 8 июля 1786

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 8–8 об.

¹⁵² Указ о награждении объявлен в праздник восшествия на престол 28 июня 1786 г. (см.: СПбВ. 1786. № 52. 30 июня. С. 629).

¹⁵³ Речь о хлопотах Воронцова о награждении И.Л. Голенищева-Кутузова орденом Св. Владимира.

¹⁵⁴ Авдотья (Евдокия) Ильинична — супруга И.Л. Голенищева-Кутузова.

¹⁵⁵ «Манифест об учреждении Государственного Заемного банка», опубликованный 28 июня 1786 г. (ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16407). См. подробнее о реформе банков и участии в ней Воронцова во вступительной статье в настоящем издании.

Письмо ваше я получил¹⁵⁶, мой милостивой друг Алексей Степанович, сего дня. Я написал письмо к Ашу, приложу тут Ваш пакет, а другое к послу, прося их обоих о дипломе нашем¹⁵⁷. Сии письма чрез Ригу отправятся, сколь скоро я в Город буду, что и уповаю завтра исполнить так, как и к вам письмо отправить.

Здесь я время очень весело препроводил и с сожалением возвращаюсь в Город. Матвей Матвеевич был здесь в воскресенье, и ему Мурино полюбилося. Я щитаю иметь удовольствие вас здесь видеть в конце августа, что для меня будет крайне приятно. Новаго ничего нет и здесь, и в Городе, а только за новость скажу, что больной А Алексеевич¹⁵⁸ выехал со двора и был в понедельник в Царском Селе, почему полагать должно, что он совершенно выздоровел. Сей выезд дает повод многим толкам, из коих надо 7/8 убавить, так как не сходные с правдою.

Когда вам нечего будет делать в деревне, прошу ко мне писать, не смотря что письма не очень скоро доходят. Вы знаете, сколько ваши для меня приятны. О сем истинно не сомневайтесь так, как и о совершенной моей к вам предданности.

Мурино 28 июля 1786

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 12–12 об.

¹⁵⁶ Вдоль левого поля помета Дьяконова: «Получено в 13е августа. Отвечал [пробел] числа».

¹⁵⁷ Речь о дипломе на степень, обнаружить который не удалось. См. коммент. к письму № 10. Посол — О.М. Штакельберг.

¹⁵⁸ А.А. Вяземский.

Я крайне виноват перед вами, мой милостивый друг Алексей Степанович, что давно к вам не писал. Благодарю вас за именинный подарок¹⁵⁹ и также за присылку масла, которое очень хорошо, и за спелые яблоки.

По отъезде вашем я все был в суете и действительно мало имел свободного время, да и в Мурино нечасто удалось ездить. О Иване Логиновиче очень часто напоминаю. Все обещает и говорит, что сделать можно¹⁶⁰.

Нового у нас ничего нет, а все идет, как вы оставили. Желаю вам веселья в деревенской жизни, пока желание мое не совершится и вы принуждены будете оставить Нежинскую мызу и жить в Городе. Что я, кроме личного моего удовольствия, и для самой службы желаю. Я недавно много о вас говорил с графом А Петровичем¹⁶¹, и он сам рад будет иметь вас в банке и очень хорошо о вас и способностях ваших отзывался.

Несмотря на мою неточность в переписке, прошу о себе уведомлять и верить искренней моей к вам преданности.

СП 3 октября 1786¹⁶²

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 18.

¹⁵⁹ То есть подарок ко дню именин Воронцова — 30 августа, дню памяти св. Александра Невского, установленный Петром I в 1724 г. Этот день А.Р. Воронцов широко праздновал каждый год.

¹⁶⁰ С кем вел переговоры Воронцов о награждении Голенищева-Кутузова, неизвестно.

¹⁶¹ А.П. Шувалов.

¹⁶² Помета Дьяконова вдоль левого поля: «получил 9 октября, отвечал 15(6?) числа».

Я надеюсь дня через четыре отправиться в Выборх для тамошняго осмотра¹⁶³, но сии поездки не продержат меня долее, как разве ден десять. За письмо ваше, милостивой мой друг Алексей Степанович, благодарю вас. От посла получил я из Варшавы обнадеживание, что дело ваше там скоро кончится¹⁶⁴. Желал бы я, чтоб то же мог сказать вам и о Иване Логиновиче¹⁶⁵, но от меня ль оно зависит, я на ваш суд отдаюся. При отъезде своем я в протчих суетах так, а сверх того всякой день новая еще помеха прибывает.

Нового у нас здесь ничего нет. Впрочем, зная, что вы примаете участие в касающемся до меня, скажу вам, что я здоров и доволен, желая то же слышать о вас. А в конце декабря ноября неужли сюда не покажетесь, что крайне приятно будет пребывающему навсегда к вам с искренною привязанностию и доброжелательством.

СП 29 октября 1786¹⁶⁶

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 17.

¹⁶³ В первой половине ноября 1786 г. А.Р. Воронцов и А.В. Нарышкин осмотрели губернский город Выборг и уездные Вильманstrand, Фридрихсгам и Кексгольм (Представление наместническому правлению Выборгской губернии // НИА СПбИИ. Ф. 36. Д. 478. Л. 176–181).

¹⁶⁴ То есть письмо от Штакельберга, русского посла в Варшаве; речь о дипломе, который Дьяконов хотел получить с помощью Воронцова. См. также комменатрии к письмам № 10 и 17.

¹⁶⁵ То есть о хлопотах по поводу награждения Голенищева-Кутузова.

¹⁶⁶ Помета Дьяконова вдоль левого поля: «Отвечал 26 ноября».

Письмо ваше, мой милостивой друг Алексей Степанович, мне много удовольствия сделало так, как и всегда получаемыя дружеския ваши письма. Одно только мне не приятнаго, что вы намеряетесь сюда приехать по отъезде двора¹⁶⁷: меня тогда и самого здесь не будет. Ибо я уповаю еще прежде двора выехать для объезду еще некоторых губерней, в том числе и Астрахани. И так естли б вам нетягостно было, вы б мне удовольствие сделали, когда бы побывали сюда около хотя десятаго сего месяца. Кажется, теперь в деревне заниматься нечем. О протчих материях в письме выше упоминаемом не вступаю здесь в подробныя раздробления в надежде, что о всем можно будет лично переговорить. Оставаясь с искреннею дружбою вам душевно преданным.

СП 2 декабря 1786

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 19.

¹⁶⁷ Речь о путешествии Екатерины II в южные губернии и в Крым, продолжавшееся с января по июнь 1787 г.

Получил я от господина Аша письмо, которое долгом себе поставляю вам сообщить и поздравляю вас, мой милостивой друг, с окончанием дела о дипломе. Я писал к Ашу и к послу с благодарением. Зима, кажется, совершенно установилась, и многия считают, что она такова, что будто обещает хорошие урожаи на будущей год, в чем, правду сказать, не без нужды¹⁶⁸.

Нового у нас ничего нет. Занимаемся дорогою, ибо и время к тому приближается¹⁶⁹, да и я также для своей поездки некоторые приготовления делаю. Надеюсь около рож[д]ества отсюда выехать¹⁷⁰.

Князь А Алексеевич¹⁷¹ просится к водам царицынским¹⁷², и как скажут, по октябрь месяц и так много здесь будет отпусков.

4 декабря был праздник у Ивана Перфильевича. Людей было много, и мы обедали в большом его зале, где, однакож, не холодно было.

Вот все наши вести. Неужли не захочешь приехать и сам послушать и увидеть человека, которой вас искренно любит.

СП 7¹⁷³ декабря 1786

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 20.

¹⁶⁸ На урожай будущего 1787 г. возлагали большие надежды, поскольку 1785–1786 гг. выдались неурожайными в Центральной России, особенно в черноземных губерниях. См. об этом подробнее во вступительной статье в настоящем издании.

¹⁶⁹ Воронцов имеет в виду путешествие Екатерины на юг и в Крым.

¹⁷⁰ В действительности Воронцов выехал с ревизией в начале января 1787 г., а 25 декабря 1786 г. присутствовал на праздничном обеде при дворе в компании с сестрой Е.Р. Дашковой, А.А. Безбордко, П.В. Завадовским, И.П. Елагиним (КФЖ 1786. С. 755.).

¹⁷¹ А.А. Вяземский.

¹⁷² Вяземский покинул Петербург весной, вероятно, в марте 1787 г. Упоминания о болезни Вяземского имели под собой почву: летом 1787 г. императрица упоминает о «скорбуге», т.е. цинге (лат. scorbutus), у генерал-прокурора (см.: Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 31. Запись от 18 июня 1787 г.). Его отъезд мог иметь и политический подтекст. Так, Гарновский приписывает его отъезду также и стремление восстановить свои «политические силы». Вяземский якобы сказал: «Когда я возвращусь сюда, то я буду с ЕЯ И. В-вом говорить так, как теперь говорю с вами». Толкуют слова сии аки пророчество воскресения сил его политичества» (цит. по: Гарновский М.А. Записки Михаила Гарновского. 1786–1790 // Русская старина. 1876. Т. XV. С. 21–22). Царицынские воды, также называвшиеся Екатерининские, — источники минеральной воды, открытые в 1772 г. близ Сарепты, колонии религиозного братства гернгутеров, в 14 верстах от Царицына.

¹⁷³ Выправлено из «5», т.е. Воронцов начал писать это письмо 5-го, а закончил 7 декабря.

За письмо ваше мне, милостивой друг Алексей Степанович, благодарю вас и надеюсь, по обещанию вашему, между рож[д]еством и новым годом с вами увидаться здесь, а я уповаю около сего времени путь сюда¹⁷⁴ предпринять. Не отвечаю я подробно на письмо ваше, надеясь вам лично и подробно изъясниться, когда буду иметь удовольствие с вами увидаться. Между тем, уверяю вас, что и вас искренно люблю и душевно к вам привязан.

СП 12 декабря 1786

Его высокоородию
Государю моему
Алексею Степановичу
Дьяконову
в Капорских его деревнях

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 21, 22 об.

¹⁷⁴ Должно быть «отсюда», то есть из Петербурга с новой сенаторской резиденцией.

С отъезда моего из Питербурха¹⁷⁵ не имел я, мой милостивой друг Алексей Степанович, писем от вас. Знать, упражнения ваши деревенский, кои вас так занимают, тому препятствовали, хотя вы знаете, сколь получение оных для меня приятно.

Я путь свой продолжаю довольно успешно и весело. Окончал уже осмотр трех губерний¹⁷⁶. Теперь отправляемся мы в Астрахань, а оттуда в Оренбурх¹⁷⁷. Здешний город нашел я совершенно к пользе своей переменным, множество, да и хорошего каменного строения, и купечество в весьма обильном состоянии. Вам здешней край известен¹⁷⁸. Он многим изобилен. Был я на малое время в своих слободах, которые нашел в хорошем состоянии¹⁷⁹. Хлеба здесь вообще много, хотя цена ему и не низка

¹⁷⁵ Воронцов и А.В. Нарышкин планировали выехать из Петербурга в первых числах января и достигнуть первой цели — Рязанской губернии — к середине месяца («намерены мы выехать отсюда в первых числах генваря и предписанной осмотр начать с Рязанской губернии, куда приехать полагаем около 15го числа будущего генваря», — писал А.Р. Воронцов генерал-губернатору Рязанскому и Тамбовскому И.В. Гудовичу 22 декабря 1786 г. (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 11. Л. 25–25 об.).

¹⁷⁶ Сенаторы за месяц путешествия осмотрели губернии Рязанскую, Тамбовскую и Воронежскую (Там же. Л. 25–31).

¹⁷⁷ В поездке 1787 г. Воронцов и Нарышкин должны были осмотреть девять губерний (Рязанскую, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую, Кавказскую, Воронежскую, Симбирскую, Уфимскую, «а естли время позволит, и Казанскую») и две области — Астраханскую и Оренбургскую (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 11. Л. 2). Из Воронежской губернии они отправились на Северный Кавказ, оттуда — в Астрахань, затем в Саратов. Из Саратова (см. письмо № 23) ревизоры отправились на юго-восточное пограничье — в Уфу и Оренбург, оттуда повернули на запад: в Пензу, Казань и Симбирск и вернулись в Саратов, откуда выехали в столицу не ранее конца мая 1787 г. (Маршрут восстановлен мною по рапортам ревизоров и переписке.)

¹⁷⁸ «Здешний город» — Воронеж. Он известен Дьяконову, поскольку он служил там «у производства следственных дел» после Семилетней войны и по крайней мере до 1764 г. включительно (РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 205. Л. 337).

¹⁷⁹ На 1783 г. в Воронежской губернии Воронцовым принадлежали три селения в Павловском уезде с 11 537 дес. пахотной и 31 400 дес. покосной земли (см.: *Индова Е.И.* Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 25, 139–140, 186;

от больших закупок ис под Москвы. Вот все наши новости. Ожидаю от вас¹⁸⁰ и о бытности вашей в Питербурхе, не уповая, чтоб вы на всю зиму себя оковали в копорских странах.

Почитаю излишним возобновлять уверения мои о искренной моей дружбы и привязанности, о коей вы, конечно, удостоверены.

Воронеж 6 февраля 1787

Его высокородию

Государю моему

Алексею Степановичу

Дьяконову

в Капорских его деревнях

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 23–23 об., 24 об.

Воскобойникова Н.П. Управление воронежской вотчиной Воронцовых в середине XVIII — середине XIX вв. // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества: Вып. 3. Петушки: Б.и., 1998. С. 38–48).

¹⁸⁰ Здесь должно быть слово «известий».

Два ваши письма, мой милостивой друг Алексей Степанович, я получил от 26 января и 4 марта¹⁸¹ и почти в одно время, потому что в переездах моих несколько почт вместе я нашол в Царицыне и Саратове. Благодарю вас за присылку послужного списка истории¹⁸². А сего ж дня к графу А Петровичу¹⁸³ при письме своем пошлю и надеюсь, что вы в гадании своем о сем списке ошибетесь. Я на его уверениичитаю, и тому уже немалое время, что я в нем для себя не ошибался.

Дни два здесь отдохнув, поеду я в Оренбурх, пользуясь еще остатками нашей зимы, которая в здешнем¹⁸⁴ так позднею быть необыкновенно, что и большу[ю] разстрату жителям делает потерейю скота, которому ущерб ныне ужасной, особливо калмыки почти весь скот потеряли.

Я имел случай познакомиться в Астрахане с киргизцами¹⁸⁵. Их по степи кочевало во всю зиму 45 тысяч кибиток. В той же степи, где калмыки кочевали зимою¹⁸⁶, когда мы их лишены не были, сия потеря, кою не уважали, по мнению моему, весьма велика.

¹⁸¹ Письма Дьяконова от 26 января и 4 марта 1787 г. не сохранились.

¹⁸² То есть послужного списка Дьяконова, необходимого для предъявления возможным «работодателям», в данном случае — А.П. Шувалову.

¹⁸³ Шувалову.

¹⁸⁴ Возможно, далее пропущено слово «краю».

¹⁸⁵ «Киргизцы», киргизы, киргиз-кайсаки — именование казахов в XVIII в.

¹⁸⁶ В прикаспийских степях казахи-«киргизцы» конкурировали с калмыками за степные угодья — кочевья для выпаса скота. Еще летом 1786 г. императрица получила донесения генерал-губернатора уфимского О.А. Игельстрома, что «киргизцы просят о разделении степи [с калмыками]» (*Храповицкий А.В.* Указ. соч. С. 16. Запись от 1 июня 1786 г.). Сложная ситуация на казахском приграничье послужила одной из причин поездки туда Воронцова. Казахи, кочевавшие близ Астрахани, обращались к генерал-губернатору саратовскому и кавказскому П.С. Потемкину с жалобой на калмыков «в отгоне у них скота», но сами нападали на русских купцов. Об этом Потемкин сообщил Воронцову в начале марта 1787 г. с приложением ведомости о грабежах купеческих ватаг. Когда Воронцов был в Астрахани, киргиз-кайсаки уже откочевали с луговой стороны Волги (на которой находится Саратов), и Воронцову не было известно, «встретились ли какие затруднения при возвращении их с зимовых кочевьев». Наблюдения за кочевниками позволили ему так резюмировать проблему: «В прочем, что касается до требования оных киргис кайсаков на калмык в отгоне у них скота, мнение мое то же, когда киргис кайсаки учинили в ватагах также грабительство и разорение, то чтобы убытки взаимно сих их уронов заменением награждены и обе стороны удовольствованы были»

Впрочем, киргисцы по отъезд мой из Астрахани жили смирно на степи. Старшие их многия у меня были. Посмотрим, как пойдут к весне на свою степь: не заденут ли здешних селений, как то они некогда делали.

На досуге прошу меня о себе уведомлять, а письма ваши до меня дойдут. А мне истено приятно; я надеюсь в Москве быть в июне месяце; уведомьте, намереяетесь ли сей город посетить так, как вы полагали.

Поздравляю вас с дипломом. Господин Аш уведомил меня, что оной к вам отправлен наконец. Желаю вам здоровья и удовольствие, а я дорогу свою выношу изрядно и остаюсь так, как и был, искренно вам преданным.

Саратов 22 марта 1787

Его высокоородию

Государю моему Алексею Степановичу

Дьяконову

В Копорских его деревнях

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 25–26, 32 об.

(А.Р. Воронцов — П.С. Потемкину, после 10 — до 22 марта 1787 г., Казань // РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 72. Л. 13–14).

Сиятельнейший граф!

Великодушный благодетель и доброхот!

Милостивый государь граф Александр Романович!

Окончивши, слава богу, во граде С: Петра все мои дела, возвратился третьева дни во свое спокойное, а потому и приятное для меня уединение, в котором завтра начну орать¹⁸⁸ и бороновать под яровой посев земли; а севоднишней день назначил быть днем удавольствия моего отписать к Вашему сиятельству и донести все мои намерении и предприятия, какия себе предположил ко исполнению, уверен будучи, что Ваше сиятельство, столь много любя и жалуя меня, прямое изволите принимать участие в моем состоянии, доказав свои милости и благодеянии сущестительными и многими опытами.

Из 20ти тысяч рублей, в Заемном банке мною взятых, шесть тысяч заменены, что я Дворянскому банку¹⁸⁹ был должен; а 10 тысяч р: отдал в ломбард, и 4 тысячи приятелям на вексель. Сие зделал я на случай в будущем году езды моей смотреть европейскаго хлебопашества. Тогда магу я взять из сих 14 т: четыре, да годоваго дохода будет две или 2500 рублей; кажется, могу по моим правилам и по привычке к умеренной жизни, безо всякия нужды быть везде, где хочется, и столь долго, сколько возможно и надобна. Есть ли же, паче чаяния, гадание мое не сбудется и судьба моя будет такая, какую Ваше сиятельство попечением своим устрояете, тогда деньгам моим дам безубыточное употребление, попрося и Вашего в том совета и наставления. Но я все таки подкрепляюсь моим предчувствованием и воображениями, что никоим образом не сбудется таво, чтобы мне не ехать посмотреть Европы. Ласкаюсь я, что ваше сиятельство снабдите

¹⁸⁷ Письмо написано на двух сшитых нитками листах в 4°.

¹⁸⁸ «Орать» — пахать; древнерусское «орати». Дьяконов употребляет это слово намеренно, для придания возвышенности стилю (См.: СРЯ XI–XVII. Вып. 13: Олас — Отработиватися. М.: Наука, 1987. С. 61–62).

¹⁸⁹ Дворянский заемный банк был учрежден в 1754 г. для кредитования дворянства под залог имений. Начавшаяся в 1781 г. проверка его деятельности комиссией во главе с П.В. Завадовским привела к реформе банков 1786 г. Капиталы Дворянского банка легли в основу реформированных банков (см.: Бугров А.В. Очерки по истории казенных банков в России. М.: Научно-технический центр «Квант», 2003. С. 130, 134).

меня своими препоручениями ко всем нашим министрам¹⁹⁰, куда я магу приехать. Сверх тех притчин, каторыя в последнем моем на двух листах письме вашему сиятельству донес¹⁹¹, пазвольте сдесь еще прибавить следующие мои мечтании:

Все говорят, что 28ое июня¹⁹² праздноваться будет беспримерными государыни нашей милостями и благодеяниями; то по моим выкладкам, все бригадиры, в штатской службе находящиеся, да многия и штатския советники¹⁹³, выдут в Д:Шт: советниками¹⁹⁴. И так, естли бы мне и зделали место после сего праздника или после пожалования их, то не говоря уже о том, что войдут все меня моложе, надобно будет ждать мне перемены в чине года два, а может быть и более; да сверх таво, слышал я в нынешнюю бытность в столице, что в Заемном банке советники чина коллежского советника¹⁹⁵ старше бригадиров, то есть сидят выше; но об

¹⁹⁰ То есть к русским послам в иностранных государствах.

¹⁹¹ Речь о несохранившемся письме от 4 марта 1787 г., которое упоминает Воронцов в письме № 23.

¹⁹² В 1787 г. по случаю дня восшествия на престол Екатерины II ожидали особых щедрот, поскольку праздновалась четвертьвековая годовщина переворота. Надежды Дьяконова не были пустыми: «...носились в ожидании онаго [дня] слухи, — как Гарновский сообщал уже постфактум, — будто бы присланы были в сенат и к его сиятельству графу Брюсу заключающие в себе объявление народу разных милостей указы, которые не прежде распечатать велено, как 28-го июня, по окончании молебствия. *Не было в городе того, который бы не ожидал каковой ни есть милости, толкуя об оных каждый по собственным догадкам.* В самой день 28-го июня собралось в казанскую церковь, так же и окружило оную, великое множество народа, мнимаго объявления милостей ожидавшего. Но как нельзя было публиковать того, что тогда здесь еще не существовало, то все разберлись по домам, утешая друг друга, что объявление таковое отсрочено до Петрова дни [29 июня]; а поелику и в Петров день ничего опубликовано не было, то начали говорить, что милостивые манифесты объявлены будут по прибытии Ея И. В-ва сюда, сентября 22-го дня. Действительное получение потом манифеста, в печатных копиях с сим курьером подносимаго, решило каждого судьбу, исключая ожидавших чинов, кои ласкаются получить оные сентября 22-го дня» (см.: *Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 1–2. Запись от июля 1787 г. (Курсив в цитате мой. — М. Л.)*). Это объясняет во многом, почему надежды Дьяконова не оправдались: не его лично обошли, а не было вообще никаких произведений в этот день.

¹⁹³ Чин статского советника — 5-й — был равен бригадирскому, т.е. чину Дьяконова.

¹⁹⁴ То есть действительными статскими советниками (4-й класс по «Табели о рангах») — чин, соответствующий генеральскому.

¹⁹⁵ Чин коллежского советника принадлежал к 6-му классу «Табели о рангах».

Ассигнационным банке не знаю, потому что и о Заемном не спрашивал, а услышал ненарочно. Вот, милостивый государь и благодетель! какая суть мои доказательствы на мои предчувствования и какая прибавлении к моим мечтаниям мне представляются.

Последним письмом донес я вашему сиятельству о притчинах, не позволяющих приехать в Москву, предоставив изъяснить их изустно по Вашем сюды возвращении; а тем, я думаю, произвел в вас любопытство, которое дабы удальствоваться, рассудил теперь открыть их в подробности: в нынешнюю же бытность в Городе слухи обо мне, что прошуся в банк, — стали еще пространиться, кои столь мне чувствительны и неприятны, что с крайним прискорбием принужден был слушать и бажиться, что ето неправда, поспешая как возможно скорее убраться из Города. Сей случай, весьма меня обеспокоившей, произвел во мне следующую мысль, а за ею и разсуждение: Есть ли паеду в Москву, то все заговорят, что по-скакал искать банкового места, которое буде бы сделалось, то завистники и недоброхоты выдумывают всякое злословие; буде же не зделается, тогда уже сугубая брани и неприятныя слова вытерпливать надобна. К сему и короткое пребывание прибавить должно. И для того надеюсь, что сии мои политическия выкладки ваше сиятельство таковыми же почестъ изволите, каковыми я себе воображаю.

По окончании столь пространнаго и столь преплодовитаго о себе многоглаголания, упомяну сдесь о том, что до одного Вашего вернаго друга касается и что в вас, конечно, произведет удальствие и радость: сие уведомление о Петре Васильевиче Завадовском, что он между 10 и 15 чисел мая окончит свое намерение браком с Катериною Николаевною, и свадьба будет в Гостилицах домашняя¹⁹⁶. Естьли ваше сиятельство о сем

¹⁹⁶ Правильно — Вера Николаевна. К В.Н. Апраксиной Завадовский сватался еще в 1784 г. Она приходилась внучатой племянницей А.Г. и К.Г. Разумовским. «Сватовство Завадовскаго к Апраксиной все еще затягивается; <...> он каждый день у Разумовскаго, <...> и мать [Софья Осиповна, ур. Закревская] очень желает, чтобы это устроилось. До сих пор он не сватался, хотя, говорят, очень влюблен; молодая сначала не хотела было, но теперь и она согласна и все зависит от него. Я видела мать у Загряжской; она сказала мне, что шьет приданое, много накупила вещей в этот день и желала бы, чтобы ея дочь вышла поскорей замуж, так как в наступающем году они уезжают надолго на Украину; я ответила ей, что я на ея месте не торопилась бы со свадьбой дочери; она так красива и обладает таким большим состоянием, что успеет всегда выйти замуж» (см.: Е.Р. Полянская — графу С.Р. Воронцову и его супруге, 6 июля 1784 г. // Дашкова Е.Р. Записки княгини Дашковой / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1907. С. 294). В 1786–1787 гг. Завадовский еще продолжал ухаживать,

ведать изволите, кроме меня, так прастите мне, что усердие и приязанность мои к вам заставили обременить вас о том, что уже вам известно.

Наконец примите мое истинное и глубочайшее почтение и таковую же преданность, с каторыми во всю мою жизнь пребуду

Вашего сиятельства
Милостиваго государя всепакорнейшим слугою
Алексей Дьяконов

28 апреля
1787 года
Мыза Нежинская

¹⁹⁷Господин Даль¹⁹⁸ сказывал мне, что старик Бр:¹⁹⁹ жестоко теснит и обижает Ал: Андр:

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 9–11 об., 11а.

что выходило за рамки приличий: «О Завадовском скажу, что он продолжает ухаживать за графиней Апраксиной, но все еще не решаясь предпринять окончательный шаг» (см.: Е.Р. Полянская — графу С.Р. Воронцову и его супруге, 1 января 1787 г. // Дашкова Е.Р. Записки... С. 296). Свадьба состоялась 30 апреля. См. также коммент. к письму № 26.

¹⁹⁷ Приписано внизу.

¹⁹⁸ Имеется в виду Г.Ю. Даль. Воронцов хорошо знал Даля, и во время ревизии Рижской и Ревельской губерний 1784 г. жил у него в его лифляндском поместье. Все годы, что Воронцов и Дьяконов состояли в переписке, Радищев служил помощником Г.Ю. Даля, с которым, как видно из письма, хорошо знаком и Дьяконов. Гостиная Даля была фактически единственным местом, где можно было встретить Радищева, державшегося в стороне от столичного общества. Даль, как и Дьяконов, умер в октябре 1789 г., за полгода до случившейся с Радищевым катастрофы. В апреле 1790 г., за три месяца до ареста, Радищев был назначен на место Даля советником таможенных дел Петербургской казенной палаты (см.: Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига: Кн-во и тип. № 2 ВАП, 1946. С. 467–473; Старцев А.И. Радищев. Годы испытаний. С. 214–215, 222).

¹⁹⁹ Имеется в виду К.П. Браницкий, один из самых лояльных Потемкину вельмож и рьяный противник «воронцовской партии». Его дочь Елизавета, рожденная в браке с племянницей Потемкина А.В. Энгельгардт, выйдет замуж за М.С. Воронцова — племянника А.Р. Воронцова и наследника всех богатств Воронцовых.

Саратов 10 мая 1787

Возвратясь в Саратов, я получил, мой милостивой друг Алексей Степанович, два письма ваши от 6 и 13 апреля²⁰¹. Как мне оба много удовольствия принесли, видя, что вы меня любите и здоровы. Чтож касается до гада-ней ваших, основанных на рассуждении, что многия, между прочим, из гражданской палаты Львов²⁰², помещены были в банк, после того как я возил вас к графу А Петровичу, — верьте мне, что оно основывается на наружности, и я б вам оное доказал, естли б я мог открыть все обстоятель-ства сего дела. И как впредь вы оное узнаете, то вы и сами подивитесь, как по наружности, ~~можне~~ основыванной на всех еще вероятных, мож-но ошибаться. Я уверен, что заключения ваши о другом графе²⁰³ также неосновательны, и я ничего такого в нем противу вас никогда не видал.

Я недавно только что сюда приехал²⁰⁴ и крайне устал, да и здешним местом, наполненным пустыми доносами и ябедою, крайне недоволен. Желал бы скорее, но с пристойностию отсюда выдраться. Из Казани до Симбирска мы ехали водою, но очень скушно показалось. В Питербур-хе не прежде мне можно будет быть, как к концу июля²⁰⁵, а 30 августа²⁰⁶ надеюсь я у себя в Мурина увидеть и услышать от вас притчину, что мо-сковскую поездку отложили.

²⁰⁰ Помета вдоль левого поля рукой Дьяконова: «отвечал на оба письма 16 июня»: он имеет в виду это письмо Воронцова и следующее, от 26 мая (№ 26).

²⁰¹ За апрель 1787 г. от Дьяконова сохранилось только письмо от 28-го числа.

²⁰² В.Д. Львов.

²⁰³ Вероятно, речь о П.В. Завадовском.

²⁰⁴ Вероятно, следует читать: «Я недавно, только что сюда приехал».

²⁰⁵ Н.А. Львов явно ошибался, когда писал к С.Р. Воронцову из Крыма 22 мая 1787 г., что А.Р. Воронцов уже возвратился в Москву, «окончив большое и трудное свое путешествие с великою для государства пользою, подав сведения столько же подробныя, сколько верныя о многих народах и о вещах, о которых знали мы весьма небогато» (цит. по: АКВ. Кн. 32. С. 510; оригинал: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 741. Л. 16 об.). Очевидно, что он пользовался недостоверной информацией, доходившей до путешественников, поскольку следующее пись-мо Воронцова к Дьяконову из Саратова датировано 26 мая (письмо № 26), а написанное оттуда же письмо к вице-канцлеру Остерману с благодарностью за присланные к нему копии торгового договора с французским двором — 12 июня (см.: НИА СПбИИ. Ф. 36. Д. 1184. Л. 137).

²⁰⁶ То есть в день именин А.Р. Воронцова.

Господина Сумова²⁰⁷ прошу поблагодарить, когда увидите его, что он меня вспомнил. Прощайте, будьте веселы, здоровы и любите человека, которой вас сам искренно любит.

В Казане я почти все был нездоров — думаю, от перемены вод и климатов.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 31–31 об.

²⁰⁷ Неустановленное лицо.

Письмо ваше, мой милостивой друг Алексей Степанович, я получил из мызы Нежиной от 28 апреля²⁰⁸, на которое подробно не отвечаю не токмо за многими хлопотами, а сверх того, с июля, надеюсь, можно будет в полчаса переговорить то, что и в дести²⁰⁹ не упишешь. И то вам сказывал, что в банке Заемном сидят не по старшинству чина, а места, то есть советник или правящей оную должность хотя б чином ниже, но коли прежде советником был в банке, сядет в банке выше²¹⁰. Тот вам сказал правду, ибо по регламентам обоих банков предписано сей регламент, хотя и не напечатан, но поднесен был государыне на апробацию, и она приказать изволила по оному поступать. О произвождениях, о коих упоминаете, ожидать должно, что 28 июня их будет довольно, и могут многия статския советники и брегадиры в действительныя статския советники поступить²¹¹. Вы знаете, что сии вещи обыкновенныя, и живучи на свете, случа[ю]тся у нас нередко и обойти и обойденным быть в сей лотерее, так как и в других, щастие и обстоятельства много пособствуют. От П.В.²¹² получал я от самага уведомление о его женидьбе, которая в Гостилицах совершилась²¹³. Я бы желал также, чтобы и выезд мой отсюды скорее со-

²⁰⁸ Письмо № 24.

²⁰⁹ Десть — мера писчей бумаги в 24 листа.

²¹⁰ Воронцов имел в виду положение Устава Заемного банка, согласно которому советники «заседают в Правлении не по старшинству чинов, но по первенству служения своего в Правлении Банка; они... над всеми чинами, в Банке служащими, имеют неусыпный призор, дабы всяк преходил свое служение наитщательнейше...» (см.: ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16481 (п. 24)). Устав Ассигнационного банка был подписан императрицей 23 декабря 1786 г., 4 января 1787 г. он был объявлен Сенату А.П. Шуваловым (РГАДА. Ф. 248. Оп. 54. Д. 4508. Л. 1, 40; текст устава: Там же. Л. 2–39. См.: ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16479). Устав Заемного банка также был подписан 23 декабря 1786 г., но неизвестно, были ли уставы опубликованы к середине 1787 г.

²¹¹ Воронцов ошибался, как и другие. 28 июня 1787 г. произвождения не было (см. коммент. к письму № 24). Императрица в этот день находилась в Москве на пути из Крыма в Петербург. В журнале ее путешествия, печатавшемся в «Санкт-Петербургских ведомостях», этот день никак не отражен: между 23 июня (СПбВ. 1787. № 53. 2 июля. С. 709–710) и 4 июля (Там же. № 56. 13 июля. С. 743) никаких событий не отмечено.

²¹² П.В. Завадовского.

²¹³ Венчание состоялось 30 апреля в имении Гостилицы Ораниенбаумского уезда, принадлежавшем К.Г. Разумовскому, которому мать невесты Софья

вершился. Я нигде так скушно и неприятно время не провождал. О том и сие письмо, может, найдете не веселым духом писанным. По дружбе вашей примите оное снисходительно и будьте уверены, что она, равно как и преданность моя, навсегда к вам останется.

Саратов 26 мая 1787

Его высокоородию
Государю моему
Алексею Степановичу Дьяконову
В Копорских его деревнях

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 33–33 об., 34 об.

Осиповна приходилась племянницей. П.В. Завадовский писал П.А. Румянцеву: «Скука и пустота в доме, а в нем быть завсегда обязывает деловая жизнь, — сделали то, что я теперь женат на графине Вере Николаевне Апраксиной» (цит. по: П.В. Завадовский — П.А. Румянцеву, 1 июня 1787 г. // Письма графа П.В. Завадовского к фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву... С. 297, 365). М.А. Гарновский сообщал, что на свадьбу со стороны жениха был приглашен только О.С. Судиенков («свадьба... домашняя», как и сообщал Дьяконов) — чиновник Главного почтового правления (см.: *Гарновский М.Н. Указ. соч. Т. XV. С. 25; Месяцеслов... 1788. С. 64*). Уже в июле 1787 г. Гарновский записал слухи, что жена Завадовского якобы раскаивается, что вышла замуж «за злаго, ревниваго, подозревающего и застенчиваго меланколика и мизантропа» (цит. по: *Гарновский М.Н. Указ. соч. Т. XVI. С. 3–4*).

№ 27

А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 30 августа 1787 г.

30 число августа 1787 года

Сиятельнейший граф!

Великодушный благодетель и доброхот!

Милостивый государь граф Александр Романович!

Долгом и обязанностию считаю в сей день принести вашему сиятельству искреннейшее и всеусерднейшее поздравление со днем вашего патрона²¹⁴; за тем примите душевное и сердечное желание многолетнего и благополучного вам здравия.

А ка мне продолжения своих милостей, коими я имею щастие пользоваться, и за каторые во всю жизнь мою пребуду со глубочайшим и низжайшим почтением и таковою же преданностию.

Вашего сиятельства
Милостиваго государя
Всепокорнейшим слугою
Ал: Дьяконов

Мыза Нежинская

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 12.

²¹⁴ Письменное поздравление Дьяконов отправил потому, что впервые за несколько лет не посетил Воронцова на именины, несмотря на желание Воронцова видеть его в Мурине в этот день (письмо № 25).

Я вам должен, милостивой друг мой Алексей Степанович, двумя письмами, на кои за разными своими суетами не отвечивал.

Благодарю вас за поздравления с именинами. В сей день, как будто чего недоставало, ибо я в привычке был иметь у себя вас уже несколько лет сряду. Не менее обязанным почитаюсь и за другое поздравление. О сем назначении в члены совета я известился. Но как оное я не ожидал в Мурине, в самый день именин моих туда прислан был ко мне курьер, дабы я в город ехал, потому что в тридцать первое сей совет в присутствии государыни имел открыться²¹⁵. Сей знак и милости, и доверия государскаго для меня был крайне лестен. И естли я служил государю и государству, то щитаю себя так заплаченным, что и несколько лет в голову не придет чего либо ожидать или желать. Не сочтите, чтоб оно было на словах. Я истинно говорю то, что прямо думаю и чем совершенно убежден.

²¹⁵ Совет при императрице был собран в связи с началом войны с Турцией. Об открытии Совета 31 августа 1787 г. П.В. Завадовский сообщал П.А. Румянцеву 6 сентября 1787 г.: «При первом известии о войне ее величество, собрав совет, изволила присутствовать в оном и сверх прежних членов указала быть в оном г. Брюсу, Н.М. Салтыкову, г. [Мусину-]Пушкину, А.П. Шувалову, Воронцову, Стрекалову и мне. Итак, совет многолюдный, а все дела лягут на фельдмаршалов [Г.А. Потемкина и П.А. Румянцева]. Боже, даруй всем вам крепость к новой славе» (цит. по: Письма графа П.В. Завадовского к фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву... С. 298). Накануне, 30 августа 1787 г. был большой придворный праздник — кавалерского ордена Александра Невского и тезоименитство великого князя Александра Павловича. Предполагалось, что ко двору съезжались все кавалеры ордена. Однако Воронцов позволил себе игнорировать праздник и в 1787 г. остался в Мурине: он показан в списке из восьми человек «Имена кавалеров, кои при сем торжестве за болезнию присутствовать не могут», причем около его имени стоит пометка «в деревне был» (см.: КФЖ 1787. С. 59; см. описание праздника: СПбВ. 1787. № 71). Тот факт, что в день придворного праздника к Воронцову был послан курьер с приглашением явиться на следующий день на заседание Совета, свидетельствует о том, что все мысли императрицы на торжестве были заняты надвигавшейся войной (см. описание праздника: СПбВ. 1787. № 71. 3 сентября. С. 951–952). По словам Гарновского, императрица «была тогда не весела и после обеда плакала». Русский посол в Константинополе Я.И. Булгаков уже сидел в Семибашенном замке, Потемкин был в отлучке от двора и «ничего решительного не пишет, как будто бы и он чем-нибудь нечаянно встревожен». На балу императрица пробыла не более полчаса и большей частью разговаривала с послами Кобенцем и Сегюром (см.: Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XV. С. 247).

Манифест наш о Турецкой войне к вам посылаю²¹⁶. Дай боже, чтоб она с таким же щастием кончилась, как и прошедшая²¹⁷, что, кажется, и обещать себе можно и по собственному нашему состоянию, и по союзу нашему с императором²¹⁸, которой уже и готов[н]ость свою оказал к выполнению своих обязательств²¹⁹. После Александрова дня²²⁰ мне удалось только на день съездить в Мурино, а теперь хочется на праздники 20 и 22 туда поехать, но не знаю, можно ль будет²²¹.

²¹⁶ «Манифест о войне противу Оттоманской порты» был подписан 7 сентября 1787 г., опубликован 9 сентября (см.: ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16567; *Храповицкий А.В.* Указ соч. С. 36. Запись от 7 сентября 1787 г.).

²¹⁷ То есть война 1768–1774 гг.

²¹⁸ То есть с Иосифом II, политический альянс с которым был заключен в 1781 г.

²¹⁹ 7 октября 1787 г. Завадовский писал, что вступление в войну Австрии ожидается «всякий час» (цит. по: Письма графа П.В. Завадовского к фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву... С. 298). Согласно договору 1781 г., Иосиф II должен был объявить войну османам не позже чем через три месяца после разрыва отношений между Россией и Портой. 30 августа н.ст. (19 августа ст.ст.) Иосиф II отправил императрице письмо, в котором негодовал из-за ареста Я.И. Булгакова (10 августа 1787 г. ст.ст.) и спрашивал, «как союзник, в чем может быть полезен». В свою очередь, посол Габсбургов Кобенцль направил ноту русскому двору, в которой сообщил, что Австрия без колебаний признает случившееся за *casus foederis*, т.е. случай, по договору требующий исполнения обязательств: «...с тем чтобы по сделанному при занятии Крыма постановлению случае нападения иностранной державы защищаться общими силами, а с турками тогда вести войну оборонительную» (цит. по: *Храповицкий А.В.* Указ соч. С. 36. Запись от 3 сентября 1787 г.). Венский двор, хотя австрийские войска действительно предпринимали вылазки с целью захватить Белград и Хотин, дипломатические отношения со Стамбулом не разрывал, торговля между Османской и Габсбургской империями продолжалась. Австрийская дипломатия делала все возможное, чтобы избежать войны, уговаривая турецкое министерство уступить России и пойти на соглашение с ней. Иосиф II писал в Петербург своему послу, что не объявит войну Османской империи, пока Россия не предпримет серьезных наступательных действий. Вена хотела получить твердые гарантии помощи со стороны России в случае нападения Пруссии (с которой у Вены не был решен вопрос Силезии) (см. об этом: *Петрова М.А.* Указ. соч. С. 350–353).

²²⁰ То есть после 30 августа.

²²¹ Таким образом, Воронцов, отсутствовавший на кавалерском празднике св. Александра Невского, собиравший проигнорировать и другие придворные торжества: 20 сентября — день рождения великого князя Павла Петровича (род. 1754 г.) и 22 сентября — день коронации Екатерины II.

Новаго, впротчем, у нас ничего²²² нет. Желаю вам веселие в деревне, хотя б естли скука была, то более б надежды было вас здесь увидеть. Почитаю излишним обыкновенным слогом или формою кончить сие письмо уверениями, не сумневаясь, чтоб вы то удостоверены были и без того, сколько я вас люблю.

СП 14 сентебря 1787

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 51–52.

²²² Возможно прочтение «нынче».

Сиятельнейший граф!

Великодушный благодетель!

Милостивый государь граф Александр Романович!

Ваше сиятельство не только никогда не возбраняли мне писать к себе; но еще и при нынешнем моем из Мурина отъезде²²³ приказывать о том изволили. Теперь для начала сего преданнейшаго письма моево имею самую приятнейшую материю принесением вам благодарения за милостивое и доброхотное письмо вашего сиятельства, коим от 14 числа сего месяца удостоить меня изволили, оно и само по себе весьма меня обрадовало, а видя в нем и ваше удавольствие с получением новаго и знаменитаго места²²⁴, усугубило мою радость. Манифест о турецкой войне²²⁵ написан очень хорошо, он для меня из лутших такого рода сочинений. Словом! он так хорош!²²⁶ Что, естли действия наши столь же харашо будут производимы, то супостат наш не только побежден будет, но и сокрушится.

Я уже в начале сего письма упомянул, что ваше сиятельство не считаете в тягость читать мои строки, то я теперь в таковом чувстве моих расположений, что желал бы усугубить мою с вами беседу противу обыкновеннаго; но из чего ея составить? Деревенския наши дела столь мелки и столь одинаковы, что всем они известны, а потому и повествование об их делает одну лишь только скуку. Есть ли бы можно было говорить все, что есть в мыслях, то бы из таво вышло уж не письмо, а некоторой род

²²³ Неясно, когда Дьяконов успел побывать в Мурине — до 30 августа или после.

²²⁴ Дьяконов имеет в виду назначение Воронцова в Совет при императрице.

²²⁵ Имеется в виду Манифест от 7 сентября 1787 г. «О войне противу Оттоманской Порты» (см.: ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16567).

²²⁶ Автором манифеста был, по сведениям Гарновского, П.В. Завадовский: «Сочиненный П.В. Завадовским, а на французский язык переведен г. Морковым. Копия с помянутаго манифеста подносится его светлости [Потемкину] в письме гр. Александра Андреевича (Безбородко)» (цит. по: *Гарновский М.А.* Указ. соч. Т. XV. С. 250, 252. Записи от 4 и 14 сентября 1787 г.). Слова Дьяконова как будто повторяют высказывание Безбородко о манифесте: «Манифест написан чрезвычайно и безподобно хорошо». Не исключено, что Дьяконов имел какой-то разговор или переписку с кем-то из круга Безбородко — Завадовского и повторял устойчивые похвалы, льстя также и Воронцову как главе «социете-та» в составе Завадовского и Безбородко.

сочинения; да такова разговора, что думается, бес²²⁷ позволения и иметь не позволяется. И так, несколько примусь за себя. И донесу нечто о себе: приехавши в исходе августа в мое уединение, от швейцарския болезни скоро я исцелился, но на мест ее занемог другою пущею муринскою болезнию, что не мог еще дней двух тамо астаться и пользоваться милостивою вашего сиятельства беседою. Притчиною тому неспособность моя, умножающаяся со дня на день, что становлюся неудобным быть между людьми; а что всего страннее, то не только мой наружный вид, но даже и чувствовании мои делаются столь робки и тупы, что никогда они таковы не бывали. Словом! размышлении мои в такой приходят неперядок и расстройку, что и деревенская жизнь зачинает казаться постылою. Самое лутчее и новое желание появляется, что б из сего наилутчаго из всех возможных Кандидова света перебраться поскорее в другой²²⁸. Хотя никаму не известный, но для всех равный и общий, которой, думаю, будет сдешняго не хуже²²⁹. Вот, милостивый государь и благодетель! каким неприятнейшим и неожиданным воображениям подчиняются мои чувствования, чего самую во весь мой век не бывало, и чему я никоим образом воспротивиться не в силах. Точныя притчины сея перемены сыскать не магу: я не влюблен, я не скуп, и я ни к чему не жаден, и ничего чрезвычайно не хачу; то и заключаю, что расстройка мыслей моих происходит более всего и от образа жизни, которая довольно пуста; и от одинакаго двенадцатой год упражнения²³⁰, коим хотя довольно и занимаюся; но года уже с два меняе и меняе вижу себя привязанным. А как згорела мельница²³¹, то будто я овдовел; ей! ей! Не жаль мне убытка нисколько; но она очень меня занимала, и особливо в тепершнее осеннее время всегда были из разных сторон мельцы беспрестанно, то я каждой день имел случай с ними болтать. Но заболтался уже крайне и теперь! Простите, ваше сиятельство, великодушно сие мое неприятное, конечно, для вас многоглаголение; прежде не позволял себе ничего сказать, что есть в мыслях и на сер[д]це, а патом сдесь и о чем слишком изъявил мои слабости такую ненужною

²²⁷ Следует читать «без».

²²⁸ Ироническая аллюзия на сочинение Вольтера «Кандид».

²²⁹ Возможно, отзвук сочинения Вольтера «Речь о равенстве состояний», впервые опубликованного в журнале «Невинное упражнение» (1763. Январь. С. 5–10).

²³⁰ То есть с того момента, как Дьяконов поселился в Нежинском, около 1775 г.

²³¹ Возможно, это произошло во время пожара в имении, о котором Дьяконов упоминал в письме № 5.

откровенностью. Повторяю еще прозьбу мою о прощении, а патом приношу мое глубочайшее и нижайшее почтение и таковую же преданность, и с ними пребуду навсегда, Вашего сиятельства и милостиваго гасударя всепакорнейшим слугою

Ал: Дьяконов

²³² 23 сентября 1787 мыза Нежинская

Бобков ка мне не приезжал, да и не писал, чему не ведаю и притчины. Естли он не умер, и естли он здоров, то, конечно, вице канцлер астановил ево для своих нужд²³³. По силе хотя не совсем общих, одинако же большего частию принятых правил: Что кто даст слово, тот как господин в даче слова властный может ево и отменить. Есть еще малороссийская пословица: Сулил пан шубу; но шубы пан не дал, так и слово панское греет. Сию пословицу сказал я однажды П:В: Завадовскому, обещающему по три года сделать мне милость и щастие приездом своим осенью; а на четвертой год был он один в Капорье, посмотеть сего старого местечка; но он не только не пажаловал ка мне, ниже удостоил и к себе позвать.²³⁴ Ваше сиятельство так не таковы в едаких случаях. Я и П:Васильевича не просил, но сам он вызывался и обещал.

С того времени, да и после, по всем наружным знакам, — а внутренность единый только бог ведает, — почол я должностию не тяготить ево и видом, до чего, кажется мне, чтоб не допустить, и сам он зделал расположение. Да в етом он и прав; ибо в одном мерлоге²³⁵ никак невозможно двум ужиться медведям, то есть мне и Лукину. Ваше сиятельство неоднократно спрашивать меня изволили, был ли я у Петра Вас:²³⁶ и видел ли его? Я отвечал, что был неоднократно и что никогда не видал. А теперь вот сему обстоятельству и развязка. Прав ли я или в милость атдаюся на суд вашего сиятельства. Но на сей случай виноват я очень перед вами, что великим многоглаголанием обременяю ваше сиятельство и бóлея наговорил, нежели должно, то есть не испрося у вас позволения рассказал то, что на душе моей было. Ласкаюсь, однако ж, что сию слабость мою, каторая не имеет никакова дурнаго источника, милостиво прастить изволите.

²³² Приписано вдоль поля на л. 31 об.

²³³ Вице-канцлер — И.А. Остерман. О Бобкове см. коммент. к письму № 3.

²³⁴ Фраза приписана внизу л. 32 со знаком *.

²³⁵ Имеется в виду «в берлоге».

²³⁶ То есть у Завадовского.

По случаю войны любопытно весьма ныне читать ведомости²³⁷: до сего дня был в № 74м адин только артикул из Екатеринославской армии²³⁸. Может быть, принесет что нибудь завтрешняя почта, на каторую сие письмо посылаю, да она же и о 21м числе дать сведение: каво и чем обрадовал сей знаменитейший праздник²³⁹. В наш край единыя только милости я желаю, что бы в будущей год подать была естли не вся сложена, то по крайней мере хоть половина. Ибо нынешнее место было для хлебов и для сена крайне неблагоприятно. А ржи и в будущем годе будет противу последних трех годов, хуже каждого, или лутче сказать: принесут они костер и метлу. Я говорю о сем, права, не за себя, но за все общество; а за свои деревни гатов я заплатить свои деньги.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 30–33²⁴⁰.

²³⁷ То есть «Санкт-Петербургские ведомости».

²³⁸ В августовских номерах «Ведомостей» и в номерах от 3, 7 и 10 сентября действительно нет ни строчки о начавшейся войне с Османской империей. В № 74 от 14 сентября 1787 г. Дьяконов прочитал известие, полученное от самого главнокомандующего Г.А. Потемкина, о первом — удачном для русского флота — столкновении с турецким судами вблизи Очакова 19 августа (СПбВ. 1787. № 74. 14 сентября. С. 987–988). Только начиная с № 76 от 21 сентября сообщения о реакции Порты и европейских государств, о движениях армий становятся регулярными.

²³⁹ Дьяконов имел в виду 22 сентября, не 21-е.

²⁴⁰ Л. 32 и след. пришиты к л. 30–31.

Для любопытства вашего прилагаю роспись всему, что сделано было, мой милостивой друг Алексей Степанович, в 22 сентебря. Я щитаю, что оно вам приятно будет. Потому что увидите тут имя Ивана Логиновича²⁴¹.

Нового у нас ничего нет. Вчера мы получили куриера от князя, он был болен²⁴². Занимается разными распоряжениями для ограждения границ и приведения армию²⁴³ в движение, турок доньне не слышать. Граф Петр Александрович тож самое делает с своею армиею²⁴⁴. А вы, думаю, не менее занимаетесь молотьем богатя ваши жатвы, в которой желаю всевозможного успеха и удовольствия. Остаюсь навсегда вам искренно преданным.

СП 24 сентебря 1787

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 55.

²⁴¹ См. список награжденных: СПбВ. 1787. № 87. 24 сентебря. С. 1035–1036.

²⁴² Речь о курьере от Г.А. Потемкина из армии.

²⁴³ Так у Воронцова.

²⁴⁴ Фельдмаршал П.А. Румянцев командовал второй — Украинской армией, выполнявшей задачу прикрытия с севера главной — Екатеринославской — армии под командованием Потемкина, а также обеспечивавшей снабжение русских войск и коммуникацию с Петербургом (через западные, бывшие польские, губернии).

Отвещаю на письмо ваше, из деревни полученное²⁴⁵, также из деревни, но с тою разностию, что в моей нет ни мельницы, которая может стореть, ни опасения неудачного урожая, потому что для меня здесь он всегда равен²⁴⁶.

Я здесь третьей день живу, а сегодня возвращаюсь в Город. За письмо ваше, мой милостивой друг Алексей Степанович, искренно вас благодарю. Не вдавайтесь в аглинские мысли²⁴⁷, они у нас право не сходны со многими обстоятельствами, что, конечно, здесь описывать буде не во всем хорошо — дедам нашим еще хуже было. Естли скушно в деревне, что мешает приехать в город, где вам истено любящая вас будут рады? А особливо муринской помещик²⁴⁸ истари вас искрено любит.

Нового по выезде меня из Города ничего не было. Да и из армей ничего нет примечательного — так, как бы войны не было²⁴⁹.

Хотя по рекрутству и нельзя не знать, что мы в войне. Может, сей набор и показался многим не по вкусу, но он был истинно нужен²⁵⁰. И как все приготовимся и найдется подвижность, может и до приснаго и выгоднаго мира скорее нас доведет.

²⁴⁵ Письмо № 29 от 23 сентября 1787 г.

²⁴⁶ Воронцов владел там 293 д.м.п. и 224 д.ж.п. на 84 двора и 40 дворовыми м.п., 10 дворовыми ж.п. К поместью, располагавшемуся в пойме реки Охты на болотистых землях, не пригодных для земледелия, принадлежали около 4000 дес. земли. В 1784 г. доход Мурина состоял из крестьянского оброка, сдачи в аренду водочной фабрики и продажи сена и водки (около 4000 руб.) (см.: *Серебрякова Н.Я.* Указ. соч. С. 35–36, 50, 74).

²⁴⁷ Подразумевается меланхолия или мысли о самоубийстве. Ср. запись Храповицкого от 5 мая 1789 г.: «Какое меланхолическое время! Трое зарезались. Это из семидневного рапорта губернаторского, и сказано в отношении к собственному [императрицы] беспокойству» (цит. по: *Храповицкий А.В.* Указ соч. С. 157).

²⁴⁸ Имеется в виду сам А.Р. Воронцов.

²⁴⁹ Когда Воронцов писал это письмо, до столицы еще не дошли известия из армии о том, что 1 октября 1787 г. А.В. Суворов отразил длившиеся вторую половину сентября атаки турок на крепость Кинбурн, отошедшую по Кючук-Кайнаджирскому миру к России.

²⁵⁰ Речь о втором подряд рекрутском наборе — в сентябре 1787 г.

Князь Александр Алексеевич²⁵¹ возвратился из Царицына²⁵² тому недели две. Они²⁵³ ему много помогли, и он так бодр, каковым я его давно не видал²⁵⁴.

Не взыщите, что не окуртно отвецтвую: часто время не имею, а иногда и леньность приходит. Оставаясь в протчем навсегда вам искренно преданным

Мурино 10 октября 1787

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 53–54.

²⁵¹ Вяземский.

²⁵² См. о царицынских водах примеч. к письму № 20.

²⁵³ То есть воды.

²⁵⁴ В апреле 1789 г. Храповицкий записал слова императрицы о генерал-прокуроре Вяземском: «...он, кажется, наклепывает на себя болезни, как граф Чернышев» (цит. по: Храповицкий А.В. Указ соч. С. 153. Запись от 7 апреля 1789 г.).

СП 5^е ноября 1787

Не писал я к вам давно и на последнее ваше письмо не отвечивал по причине, что теперь уже более двух недель, как я дома сижу, будучи одержан больною — сказывают, здоровою, но крайне беспокоиною. Выпупулось у меня несколько чирией, да и в таких местах, что не только одеться, но и сидеть беспокоило. Оные теперь прорвались, и множество материи выходит. Думаю, что ден чрез пять все кончится и можно будет выезжать. Утешают меня господа медики, называя оное даром природы. Что будто сии гости предупредили и спасли меня от серьезной болезни, но между тем они меня довольно обезпокоили тем, что и спать мог во все сие время с трудом.

Радуюсь, видя из письма вашего, что вы ныне спокойны²⁵⁶; ибо все, что до вас касается, для меня истено не стороннее. Любопытен я видеть прозект²⁵⁷ ваш о укомпл[е]товании армии без рекрутских наборов²⁵⁸. Прошу мне оное открыть и сообщить ваши примечания, кои я с признательностию приму.

Новаго здесь ничего нет, как токмо что известная Варвара Михайловна²⁵⁹ сей свет оставила.

Прошу о себе уведомлять и также дать знать, как Вы полагаете сюда приехать. Я ж остаюсь навсегда вам искренно преданным.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 57–57 об.

²⁵⁵ Ранее в нашей работе данное письмо было ошибочно датировано 1789 г. (вместо 1787 г.): *Lavrinovich M. A Retired Brigadier Caught between Feelings and Social Hierarchy. The Concept of Friendship in a Late 18th-Century Epistolary Exchange* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2020. Vol. 21. No. 2. P. 293–317, here p. 305.

²⁵⁶ Речь о письме Дьяконова, написанном между 10 октября и 5 ноября 1787 г., не дошедшем до нас; судя по ответу Воронцова, оно было не таким пессимистическим, как письмо от 23 сентября 1787 г.

²⁵⁷ Следует читать «проект».

²⁵⁸ О проекте, который пока не удалось разыскать, речь идет в несохранившемся письме.

²⁵⁹ Неустановленное лицо.

б/н

А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову,
не позднее 1787 — первой половины 1788 г.

Запечатавши совсем сие письмо в пакет, услышал я приятнейшую для меня весть, что вашего сиятельства путь сокращен и что послан к вам нарочной отсель гонец, о скорейшем сюда приезде прямо из того места, где вас он найдет.

Правда ли сие, вашему сиятельству совершенно известно.

Вложу сей листочик в письмо, сделал новый пакетик и везу на почтовой двор²⁶⁰.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 36.

²⁶⁰ Примерная датировка записки основана, во-первых, на упоминании «сокращенного пути» Воронцова: по всей видимости, пути в ревизской поездке, из которых последняя — 1787 г. — была очень долгой. Разумеется, речь могла идти и о какой-то другой поездке. Во-вторых, текст написан Дьяконовым собственноручно, в то время как уже в октябре 1788 г. за него писал «мальчик».

Как вы и поехали отсюда, милостивой мой друг Алексей Степанович, чему будет с лишком два месяца, не имел я ни строки от вас. Не писал я и вам — все в ожидании ваших извещений, а наконец, уверяли меня, что вы сами скоро сюда будете. Но как тщетно ждать вас сюда и ожидать ваши письма, решился я наперед сам к вам писать и спросить у вас самих о Алексее Степановиче: что он делает, здоров ли и навсегда ли Питербурх у него в опале.

Здесь у нас довольно много вопля²⁶¹. Наши финляндския²⁶² почти все, кроме некоторых полков, на зиму сюда приехали²⁶³. Вероятно, однакож, что к весне должны будут туда опять пойти²⁶⁴. Надеюсь, однакож, что в таком случае они будут уже полюднее, гостей у себя не примут, а сами пойдут к нашим гостям в гости [клякса].

²⁶¹ «У нас» — т.е. в окрестностях Петербурга. Вопль — команда в военном строю (см.: СРЯ XVIII. Вып. 4: Воздух — Выпись. Л.: Наука, 1988. С. 65–66). Воронцов, должно быть, таким образом сообщил о близости линии фронта к Петербургу и Мурину.

²⁶² Финляндская армия под командованием И.И. Михельсона.

²⁶³ 15 сентября получено известие от главнокомандующего в Финляндии В.П. Мусина-Пушкина, что «неприятель по недостатку в пропитании и по неудобности в доставлении оного, оставил крепкое от природы и разными сверх того полевыми укреплениями усиленное место Гекфорс, и позади оного главный свой стан в Кюменегорде, и потом вышел совершенно из всех пределов Российской Финляндии. Главнокомандующий послал генерала-майора Баувера с отрядом занять сии места и все по границе посты и переправы» (см.: СПбВ. 1788. № 75. Прибавление. 19 сентября. С. 3).

²⁶⁴ Гарновский записал 14 октября 1788 г., через две недели после письма Воронцова: «Граф Валентин Платонович [Мусин-Пушкин] приехал сюда октября 7-го дня. Донесение его, что зимою никаких военных действий в Финляндии производить нельзя, [императрице] не полюбилось. Между тем, для девяти тысяч человек делают из овчин куртки, валенцы и прочие зимние снаряды» (цит. по: Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 224).

Хотин взят нашими и цесарскими войсками²⁶⁵, а [об] Очакове ожидаем приятных известей²⁶⁶.

Сие письмо пишу к вам из Мурина, где два дни в покое и удовольствии пробыл²⁶⁷, а теперь еду в Город. Я думаю, что вы уже с хлебом со

²⁶⁵ Крепость Хотин была взята 8/19 сентября 1788 г. русскими и австрийскими войсками под командованием принца Кобург-Заальфельдского. Однако переход к победителям состоялся только через десять дней по условию, заключенному принцем Кобургским: «Весь гарнизон и жители выйдут из Хотина после десяти дней, на отдохновение положенных, с их женами, детьми, служителями, оружием, багажом, при играющей музыке и распущенных знаменах», — стало известно из перлюстрации 28 сентября 1788 г. (*Храповицкий А.В. Указ соч. С. 93*). Реляция от П.А. Румянцева о «действительном занятии» Хотина достигла Петербурга 7 октября (Там же. С. 96), через неделю после письма Воронцова. В «Ведомостях» известие о взятии Хотина опубликовано в: СПбВ. 1788. № 81. 10 октября. С. 1187–1188. Воронцов же сообщает об этом событии Дьяконову за десять дней до публикации, через пять дней после того как об этом стало известно в Петербурге (см. запись от 25 сентября 1788 г.: *Храповицкий А.В. Указ соч. С. 93*).

²⁶⁶ Ожидание взятия Очакова занимало все мысли политиков и придворных начиная с весны 1788 г., когда началась осада крепости. «Дай Бог хорошую там погоду, чтоб не было болезней и чтоб князь скорее взял Очаков», — записал Храповицкий 29 апреля 1788 г. (*Храповицкий А.В. Указ соч. С. 50*). 28 августа П.В. Завадовский писал фельдмаршалу Румянцеву в действующую армию: «От Очакова давно не имеем известий. Явление в новых силах капитан-паши, не думаю, чтобы закрыли город от поражения столь страшной нашей артиллерии. Что делает император, мы также не знаем. Не отчаиваемся в добрых вестях под конец компании. Часто пеняют, в конфиденцию говоря, для чего вы не имели свидания с князем: дела бы от того лутчую связь или положение взяли» (П.В. Завадовский — П.А. Румянцеву, 28 августа 1788 г. // Письма графа П.В. Завадовского к фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву... С. 312).

М.А. Гарновский язвительно писал о завышенных ожиданиях при дворе от грядущего успеха: «От взятия Очакова обещают себе золотые горы. Уши болят от противных о сем здравому рассудку слухов, и боль сия тем чувствительнее, что занимаются таковым размышлением люди, над людским жребием непосредственные и посредственные властелины, одни чтоб умалить цену вещи, покупаемой дорогими трудами, а другие, сиречь настроенные, Бог знает почему утешают себя, что приобретение Очакова переменит все дела в Европе в пользу нашу, поселит страх во всех обывателях вселенные и соделает их нашими обожателями» (цит. по: *Гарновский М.А. Указ соч. Т. XVI. С. 232*. Запись от 29 ноября 1788 г.). Общее настроение отразил Завадовский: «Очакова ждем как жиды Мессию» (цит. по: П.В. Завадовский — П.А. Румянцеву, 26 ноября 1788 г. // Письма графа П.В. Завадовского к фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву... С. 314).

²⁶⁷ Воронцов подчеркивает «покой» и «удовольствие» потому, вероятно, что за несколько дней перед написанием письма Дьяконову, 25 сентября 1788 г.,

всем убрались и что теперь в деревне делать уже нечего. Впрочем, желаю вам здоровья и удовольствия и чтоб скоро вас здесь увидеть.

Мурино 30 сентебря 1788

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 27–27 об.

он присутствовал в Совете при государыне, который мог бы стать его триумфом, если бы этому не воспрепятствовал Шувалов. Воронцов проиграл: ему не удалось настоять на начале войны с Пруссией при замораживании кампании на юге, чего он добивался начиная с осени 1787 г. (см.: *Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 221–222*).

Сиятельнейший граф!²⁶⁹

Милостивый государь и благодетель!

Граф Александр Романович!

Во всю мою жизнь не писал я ~~никому~~ ни к кому и никогда чужую рукою; и потаму не привык и совсем не умею диктовать или сказывать другому. И ~~когда собственные свои руки не могут на сей раз подать мне помощи~~ Но как нужды и законы переменяют, и когда собственные свои руки не могут на сей раз подать мне помощи, то и принужден теперь употребить руку моего мальчика²⁷⁰, сказывая ему после сих первых строк писать следующее:

Не имея щастия получать и видеть близко трех месяцев от вашего сиятельства ни единых строки, не только о том сожалел крайне, но и скучал уже несказанно; а болея потаму, что сие ~~столь долгое~~ ~~долгое~~ ~~молчание~~ ~~прешло~~ ~~всегдашнее~~ ~~ваше~~ ~~обыкновение~~, награждавшее меня в уединении своими милостивыми навещаниями. Но на сих днях удостоился ~~получить~~ весьма ласковое ~~вашего сиятельства~~ письмо от 30 сентября из Мурина писанное²⁷¹, ~~которым~~ привели меня опять в то спокойное состояние, каким я, получая ваши уведомления, всегда утешался. Благодарность моя вашему

²⁶⁸ Письмо написано рукой «мальчика»-секретаря. Подписи Дьяконова нет, но, с другой стороны, письмо содержит полный формуляр: обращение, дату, место, изъявления преданности. Дьяконов отправил его Воронцову (по почте или передал с кем-то), поскольку упоминает о нем в своем следующем письме — от 23 ноября 1788 г. (№ 35). Исправления, выделенные курсивом, внесены рукой Дьяконова.

²⁶⁹ Черновой вариант этого фрагмента выглядит так (перечеркнут):

«Весьма не хателось мне не своею рукою писать к вашему сиятельству ответа и благодарности моя за доброхотное Ваше обо мне воспоминание письмом от 30 сентября из Мурина писанным, тем болея что я диктовать или сказывать совсем не привык и не умею; а потому думаю, что сие письмо выдет не очень складно. Но как нужды и законы пременяют, то и принужден вместо своей руки употребить чужую, то есть моего мальчика; ибо мои руки болея уже двух недель весьма слабую делают мне помочь и едва только держат для пищи лошку» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 29).

²⁷⁰ Имя «мальчика»-секретаря неизвестно. Вероятно, дворовый или крепостной. Далее он писал и другие письма от его имени до самой смерти Дьяконова. Мальчик тоже пишет букву «а» в безударных позициях «о», а почерк у мальчика такой же четкий и разборчивый: вероятно, Дьяконов сам обучал его грамоте и письму.

²⁷¹ См. письмо № 33.

сиятельству и теперь такова, каковую всегда вам приносил, а потаму и ласкаюсь, что вы ее примите ее с таким же снисхождением, примите как и прежде принимать изволили.

Что же я не писал к вашему сиятельству, то не ведаю, и сам виноват ли я, или нет, предавая притчины моего молчания на суд ваш; а по моему мнению притчины сии меня оправдать должны¹²⁷² писать отсель не о чем и нечего; все деревенския мелочи вам довольно известны, как известно и то, что я принужден препровождать бытие мое в прежнем моем уединении, которое сколь бы меня ни сильно удручать стало; но принужден терпеть и сносить, когда переменить не можно нельзя. И так ежели бы я писал ничего не значущее, то тем только лишь бы обременял ваше сиятельство и тем не сохранил бы моих правил, коими предложил, чтобы беречь и не тяготить Вас ничем, сколько возможно. А 2^е: ~~а ежели бы я стал писать~~ ничего незначущее, то тем только лишь обременил бы ваше сиятельство ~~предприяв~~ никогда и ничем вас не тяготить. А 3^е²⁷³ По бытности моей летом в столице, сколько от тогдашних смутных обстоятельств, касающихся до всего общества, действительно я страдал неутешно, столько наконец и от собственных моих известных вашему сиятельству дела дел, которые начинались, продолжались, и окончались не лучше общих, то я сколько ни защищаюсь всеми силами не дать коснуться до моранья здоровья, однакож теперь должен в слабости моей признаться, должен что не смог все перенести всех неприятностей перенести равнодушно: из Города в деревню мою в самой жесточайшей моральной болезни, а к ней а в первые дни приезда моего болезнь присовокупилась и физическая [присовокупилась] и телесная, от коей и по сех пор избавиться не могу²⁷³. Ибо, говорят врачи, что моральные нравственные болезни имеют влияние и в физическая. И ежели это правда, то к моей нравственной присовокупилась болезнь

²⁷² На черновике это предложение вставлено на поле рукой Дьяконова и выглядит так: «Что я не писал к Вашему сиятельству, то не ведаю, и сам виноват ли я или нет, пред[...] Причины же моего молчания по моему мнению меня оправдать должны на суд ваш; во-первых писать отсель не о чем и нечего, все деревенские мелочи здешния вам довольно известны, как известны и то? что я принужден препровождать бытие мое в прежнем моем уединении которое здешнем мое сколь бы меня не сильно[...] А ежели бы я стал писать ничего не значущее, то тем только лишь обременил ваше сиятельство и то было бы противу моих правил и тем бы не сохранил моих правил, чтобы вас всегда беречь и ни мало ничем не тяготить» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 15 об.).

²⁷³ В черновике этот фрагмент выглядит так: «Однакож теперь признаться должен в слабости моей, что не смог перенести великодушно равнодушия всех неприятелей и так выехал в деревню мою в самой смертельной жесточайшей моральной болезни, а к ней первые дни приезда присовокупилась и физическая, и телесная, от коей и по сию пору избавиться не могу» (Там же. Л. 16 об.).

хотя неопасная, но пребескойно: по всеминутно лишавшая сна, пищи и вкуса, моя называемая сыпь или чесотка, не ведаю, от чего и каким образом постигшая, продолжается уже четвертой месяц, и хотя она по сех пор не опасная; но самая неприятнейшая и крайне пребеспокойнейшая, отъемлющая сон и вкус²⁷⁴; ²⁷⁵три раза пускали кровь, а порошками и декохтами²⁷⁶ так меня ухаживали, что я лишился и силы, и тела. Признаюсь искренне, что я хотел бы лучше в сие время умереть, нежели столько страдать, да и не видеть конца жестокому сему беспокойству, а закрывши вечно глаза, не видели бы более сего кандидова наилучшего из всех возможных света, который все из нас каждой во свое время оставить должны²⁷⁷.

²⁷⁸¶ Не имея сил и возможности писать сам, принужден теперь окончить сие мое преданнейшее письмо²⁷⁹; а когда бы своею рукою писать мог, то по случаю бывшего 22 сентября произведения продолжил бы еще несколько мою беседу некоторую небольшую о себе самом понятию сравнением участи моей и моего жребия со жребием особливо псковского губернатора Зуева²⁸⁰, не говоря уже о господине Пиле²⁸¹, ни о барской

²⁷⁴ В черновике: «Болезнь моя, называемая сыпь или чесотка, не ведаю от чего и каким образом меня постигшая, продолжается уже четвертой месяц; она и по сех пор и хотя она по сех пор неопасная, но самая неприятнейшая и крайне пребеспокойнейшая лишавшая сна отъемлющая сон и вкуса; особливо руки мои как ~~бисером~~ жемчугом унизаны более уже двух недель ~~весьма слабую~~ не делают мне никакой почти помощи и едва + + Только смогут держать ложку, и [нрзб] с вилками» (Там же. Л. 29).

²⁷⁵ Фрагмент начиная с этого места и до конца страницы перечеркнут крест-накрест.

²⁷⁶ «Порожки» — т.е. порошки — лекарственная форма, вероятно, порошки Штала (лат. *Pulvus Stahlii*) — врача, изобретшего ряд лекарственных формул разного типа действия. Декохт, декокт — травяной отвар или настой. Их можно было употреблять и внутрь — как слабительное или потогонное средство, так и для клистиров (см.: *Пироговская М. Дневник больного середины XVIII в.: Взгляд из России // Заботы и дни секунд-майора Алексея Ржевского: записная книжка (1755–1759) / сост., науч. ред. И.И. Федюкин. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. С. 74, 78.*

²⁷⁷ Конец перечеркнутого фрагмента.

²⁷⁸ Начиная с этого места Дьяконов пишет своей рукой, внося потом правку (выделена курсивом).

²⁷⁹ В черновике эта фраза выглядит так: «Болезни мои, паче же лишение руки помощи от руки, принуждает меня сократить сие мое преданнейшее письмо» (Там же. Л. 15).

²⁸⁰ Х.Л. Зуев в 1788 г., с назначением И.А. Пилы в Иркутск, стал псковским губернатором.

²⁸¹ 22 сентября 1788 г. И.А. Пиль получил должность генерал-губернатора иркутского и колыванского вместо И.В. Якоби (см.: *Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 91. Запись от 22 сентября 1788 г.*). Этим и объясняется желчность Дьяконова в отношении Пилы и Зуева.

барыне²⁸², которая ваше сиятельство в бытность нашу во Пскове²⁸³ так ладно и впопад назвать изволили и которая ныне по старшинству²⁸⁴ своему и по редкому достоинству Ив: Алфер: поступила однако же в иркуцкия наместницы²⁸⁵! Продолжи и подай еще им, господи, милость свою и всякое благополучие! Пускай были бы они хотя знатного рода, или обыкновенной патрикийской²⁸⁶ породы, или, не имевши сего, имели бы редкия достоинства и совершенную способность к таковым и блистательным и важным местам ~~чинам~~ и и чинам, от которых зависит судьбина столь многих людей, власти их преданных²⁸⁷. Куда как господин Княжнин в одной своей оперетте написал удачно последнюю пьеску, где между прочим воспевают: «без ума таки жить можно, а бес²⁸⁸ щастия никогда»²⁸⁹.

²⁸² «Барской барыней» называли старшую горничную, пользовавшуюся наибольшим расположением помещицы (см.: Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков / сост. Л.А. Глинка. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 1998. С. 40). Такие слова в отношении супруги И.А. Пиля Елизаветы Ивановны были довольно язвительными, учитывая (а возможно, и вследствие), что Воронцов получал от нее наливки, пастилу и прочее угощение.

²⁸³ Во время ревизской поездки в мае-июне 1785 г.

²⁸⁴ В черновике вместо слова «старшинству» употреблено «поступничеству» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 15).

²⁸⁵ Речь идет о супруге И.А. Пиля Елизавете Ивановне, ур. Яновой (1746–1814). Дочь помещика Рузского уезда Московской губернии И.В. Янова; после отставки Пиля в 1794 г. супруги вместе с дочерью и зятем переехали в Симбирск, где жила семья брата И.А. Пиля Александра Алферьевича. Сыном его дочери Марии Александровны был поэт и мемуарист Михаил Александрович Дмитриев (1796–1866), племянник поэта И.И. Дмитриева. См. о семье Пиль в Симбирске: *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М.: НЛО, 1998. С. 143, 235, 586.

²⁸⁶ То есть патрицианский. См. примеры употребления «патрикий», «патрикианин», «патрикийский»: Патриций, патрикианин // СРЯ XVIII. СПб.: Наука, 2011. Вып. 18: Открытие — Пена. С. 242–243.

²⁸⁷ В черновике это предложение было написано так: «Дай Бог нам всем всякое благополучие, когда ж уже над нами и совершилось; но если способности, и прочего нужного у каво нет, таму бог уже таво не даст, и быть им во веки так ~~наче же особливо такия люди, леты, кои подходят под нашу пословицу.~~ Но [чернила выцвели] им нужна, то таво аки и бес таго иметь многия не могут» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Л. 15).

²⁸⁸ Следует читать «без».

²⁸⁹ Дьяконов цитирует арию Степана из 2-го действия комической оперы Я.Б. Княжнина (1740–1791) «Сбитенщик» (см.: Княжнин Я.Б. Сбитенщик: Комическая опера в трех действиях. Впервые: Собр. соч. Т. 3. СПб., 1787). «Сбитенщик» — наиболее популярное произведение Княжнина, дольше всего удержавшееся на сцене, и одна из самых репертуарных русских пьес в конце XVIII — первой половине XIX в. Первые известные даты постановок — 2 октября

Заключение сего, пакорнейше прошу ваше сиятельство продолжить ка мне свои редкия и отменныя милости, которыми не столь давно имею щастие пользоваться. Я же с истинною благодарностию, со всегдашней- шим признанием, равно как и с глубочайшим почтением и преданностию астаюся

Вашего сиятельства
Милостиваго государя
Всепакорнейшим слугою

В 18е октября
1788 года
Мыза Нежинская

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 13–14 об.

Черновые варианты письма № 34 и исключенные фрагменты

Вариант 1²⁹⁰

Уже три раза пускали кровь, а лекарствами повсядневно принимаемыми утомлен несносно, и лишон силы тела. Чего ради в начале сего месяца принужден был ездить в Нарву к доктору господину Сандеру, которой снабдил меня недели на три лекарствами, сказав: естли они не преодолет моего врага, то бы приехать в Нарву, где не имея надежды выздоро- веть нанял но как в Нарве я и дом месяца на два или на три месяца нанял. Но как имею тут крайняя нужды побывать в столице, хочется прежде Нравы туда съездить прежде во столице, то через несколько дней увижу, куда болей в состоянии найдуся ехать: в Петербург или в Нарву.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 29–29 об.

1786 г. в Петербурге и 27 января 1787 г. в Москве. При жизни автора (до 1791 г.) в столице опера прошла шесть раз, поэтому вероятно, что Дьяконов видел и постановку, а не только читал. Впоследствии А.Р. Воронцов ставил эту оперу у себя в Андреевском (см.: [Княжнин Я.Б.] Яков Борисович Княжнин. Комедии и комические оперы / подг. изд. А.Ю. Веселовой и Н.А. Гуськова. СПб.: ГИПЕРИОН, 2003. С. 555).

²⁹⁰   Рукой мальчика; вставки на полях и над строкой от руки Дьяконова (выделены курсивом).

Болезнь неопасная, но пребеспокойная повсемерно, лишаящая сна, пищи и вкуса; три раза пускали кровь, а порошками и декохтами [нрзб] так меня ухаживали, что я лишился и силы, и тела. Признаюсь искренне, что я ~~бы~~ хотел бы лучше в сие время умереть, нежели столько страдать, да и теперь не видеть конца жестокому сему беспокойству, а закрывши вечна глаза, не видел бы более сего кандидова наилучшаго ~~кандидова~~ из всех возможных света, которой и все ~~из нас каждый~~ мы, но каждой лишь в свое время оставим, и тогда поравняется владыка с рабом²⁹¹.

quant'on a tout perdu
quant'on n'a plu despoir
La vie est un opropre
Et l'amor est une devoire²⁹².

Вот, ваше сиятельство, ~~милостивый государь и благодетель~~, сущест-
вительные причины моему молчанию, каторое и немало так быть пре-
врано, как и достоянием вашего бла[го]приятнейшаго письма. Город у
меня ни мало не в опале, а сколько не испытал ево в 1780 году²⁹³, и сколка
мне по слабому моему разумению видеть и судить ~~особливо наче же~~ осо-
бливо в 785 году, то нашол несколка ~~неоспоримо верным~~ что отнюдь не
он у меня, но я у сего С: Петра Града в опале²⁹⁴; и так ~~то~~ ~~мысливши~~ а в
таком образом мысливши, и читаю мысль свою совершенно вернейшею,
надлежит мне быть его подале; ибо видя и чувствуя себя в опале, было
бы безумно против ево, так как письмо в духовной морали.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 16–16 об.

²⁹¹ Отсылка к молитве, читавшейся по 10-й кафизме Псалтири (псалмы 70–76): «Егда престолы на суд поставятся, Господи, и судилищу Твоему предста-нут человецы: не предпочтется царь воина, не преимуществит владыка раба: кийждо бо от своих дел или прославится, или постыдится». Эта молитва могла читаться прихожанином самостоятельно как часть молитвенного правила.

²⁹² Цитата из «Меропы» Вольтера.

²⁹³ Отсылка к словам о «деяниях зависти», которые Дьяконов испытал на себе при выборах в совестный суд в 1780 г. См. об этом в письме № 2.

²⁹⁴ Отсылка к вопросу Воронцова, навсегда ли Петербург будет «в опале» у Дьяконова (письмо № 33).

Сей мой ответ мой противу исчисления времени... как ваше сиятельство от 30 сентября [1788] писать изволили, очень позднем зделался; при потаму что письмо ваше пришло ко мне на мызу 6 числа [октября], а тогда а я за два дни перед тем уехал в Нарву посетить больного господина Сутгофа, которой был уже при смерти, но перед моим приездом стало гораздо лучше, да и надежда есть к исцелению: при етом случае нужно мне было видиться и с доктором. Хотел и сам щитал и сам нуждаюсь [нрзб] е господином доктором Сандером и говорить о моей мерзкой болезни; он на первой случай дал мне порошков и декокта; скача в Ее Им

²⁹⁷а ездивши в Нарву, исполнил я должности по земской службе бытием же четыре дни в Ямбурге, но посетил предводителя для расписания рекрут; но благодарение на но кроме меня не было никаво нашей братии ни однаво дворянина не было. А не имея нужды, до Нарвы все таки бы приехал.

Не преодолеть его, то надобно приехать в мызу в лучшую, и как я более в отчаянии, нежели в надежде, то нашел себе с ноября на два или на три месяца и дом; куда и отправиться думаю поскорее, [нрзб] имело при крайней нужде

Побывать прежде в Петербурге; дней через пять увижу, в силах ли буду [нрзб] щастие видеть тот Город, у котораго не в опале²⁹⁸.

Во время бытности в Нарве исполнил я должности по земской службе²⁹⁹. О взятие Хотина, о надежде взять Очаков, и о шведских [делах] позвольте мне, ваше сиятельство, прийти, как человеку опальному, пребыть в молчании³⁰⁰, которое полезнее и спокойнее нежели нуето много и бесполезно глаголение деревенскаго жителя по словам нравственного веры и [нрзб] поучения: во многом глаголании несть спасения.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 17–17 об.

²⁹⁵ Текст перечеркнут.

²⁹⁶ Слова Иисуса, явившегося к Савлу на его пути в Дамаск: «Господь же рече: аз есмь Иисус, его же ты гониши: жестоко ти есть противу рожну прати» (Деян: 9:5).

²⁹⁷ Текст на правом поле рядом с перечеркнутым абзацем выше.

²⁹⁸ Текст рядом с перечеркнутым предложением на правом поле, также перечеркнут.

²⁹⁹ Далее — неразборчиво несколько строк рукой Дьяконова.

³⁰⁰ На поле Дьяконов приписал: «и не смею еще [нрзб] участия, кроме дачи и поставки рекрут, и кроме [нрзб] для собственного своего содержания».

Сиятельнейший граф!

Милостивый государь и благодетель!

Граф Александр Романович!

Не имея счастья получить от вашего сиятельства уведомления на последнее мое письмо от 18го октября³⁰², не думаю, однако ж, чтоб оно к вам не дашло; и хотя в том моем письме нет ничего нужного, но я хател бы очень узнать о вашем здравье: сделайте милость, удостойте сим желательным мною известием.

По случаю дошедшаго в сие время до меня сведения касательно по делам почтовым,читаю достойным вашего сиятельства любопытства что б вы узнать, каким образом самая внятныя и самая вразумительныя указы и законы приводятся в развратное толкование и понятие. Прилагаю сдесь список с указа о прогонах по случаю шведския войны³⁰³ вышедшаго; он так ясен и чист, что ни малейшему толку не подвергается; в нем точно сказано: платить прогоны по четыре копейки на лошадь за версту едущим от С: Петербурга в Финляндию. Но здешния почтовые комиссары искривили прямизну указа³⁰⁴, давши толк полезной для своей Алчной корысти, и емлют по всей сдешней дороге до самага Ревельскаго уезда, то есть пять верст за Нарву по четыре же копейки на лошадь за версту³⁰⁵. Ямбурской почтовый комиссар Янсон сказывал мне, будто и в

³⁰¹ Письмо написано рукой той же рукой («мальчика»), что и предыдущее.

³⁰² Письмо № 34.

³⁰³ То есть войны со Швецией, начавшейся 21 июня 1788 г. нападением шведов на крепость Нейшлот.

³⁰⁴ «Искривление прямизны» — отсылка к «Эпитафии подъячему» Сумарокова:

Подъячий здесь лежит, которой дело знал,
Что прямо то кривил, что криво то прямил;
Трудясь до самага последнего в том часу,
и умираючи еще просил запаса.

(Сумароков А.П. Эпитафия 7. Подъячему // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. IX. С. 136).

³⁰⁵ Речь идет об указе от 3 июля 1788 г., вышедшем на следующий день после опубликования манифеста о войне со Швецией. Согласно указу, до 4 копеек на версту (вместо обычных 2 коп., установленных в 1783 г. (см.: ПСЗ РИ I. Т. 21.

печатных подорожных, дающихся от почтовых дел, сия цена вписывается, — несказанно я тому удивился! Даже что и верить себе не позволяю: чтоб возмogli столь нагло и столь грубо превратить таковую ясность закона во мрак, непозволительно отягощающей всех проезжих. И хотя сие дело нимало до меня не касается, но жалко видеть со стороны такое невероятное, такое грубое и такое непозволенное развращение. При сем случае пришла мне на мысль одна притча покойнаго Ал: Петровича Сумарокова о Зайце: что от Юпитера вышел указ очень ясной, дабы вся рогатая скотина выбиралась из лесов. Сей указ по неимению у зайца рогов нимало до ево не касался; однако он как бедное, бесильное³⁰⁶ и слабое животное, подобное проезжающим на почте от Петербурга до Ревельския межи, вздохнувши *побежал из леса* и сказал:

Подьячей лют,
Подьячей плут,
Подьяческая души,
Лехко пожалуют в рога большая уши;
А ежели судьи и суд меня оправят,
То справки, выписки адни тогда задавят³⁰⁷.

Прастите, ваше сиятельство, естли сим некасающимся до меня повествованием можете вы обремениться. Вы приказывали всегда, чтобы к вам что нибуть я писал; а потаму и ласкаюсь, что вы меня на сей раз прастить изволите, да еще же и потому, что сие дело есть дело Городское, которое не так мелко, не так пусто и не так скучно, как сельское.

№ 15703) повышалась стоимость прогонов в губерниях, находившихся вблизи театра военных действий (см.: ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16683). Указ ограничивал взимание повышенной платы двумя прифронтовыми губерниями — Санкт-Петербургской и Выборгской — и русской частью Финляндии. Это событие не было незначительным: его отметил также адъютант Потемкина (см.: *Гарновский М.А.* Указ. соч. Т. XVI. С. 24).

³⁰⁶ Следует читать «бесильное».

³⁰⁷ Дьяконов цитирует притчу А.П. Сумарокова «Заяц». Сюжет притчи заимствован из басни Лафонтена (1621–1695) «Les oreilles du Lievre». Заяц напуган слухами о гонениях на зверей с большими рогами. В рассуждениях Зайца у Сумарокова использован очень характерный для него мотив — обличение подьяческого плутовства, отсутствовавший у Лафонтена. Здесь цит. по: Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Ч. VII. С. 98.

На сих днях еду я в Нарву к доктору³⁰⁸ *просить* милости и помощи
избавить от лютыя неприятельницы, изнуоряющия несказанно не только
тело, но и *чувствы*, и не позволяющия по сех пор действовать руками.

С истинным и должным почтением астаюсь и пребуду навсегда

Вашего сиятельства
Милостиваго государя
Всепакорнейшим слугою.

Ал. Дьяконов

В 23 дня ноября 1788 года
Мыза Нежинская

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 18–19 об.

³⁰⁸ Я.Ф. Сандер.

Сиятельнейший граф!

Милостивый государь и благодетель!

Граф Александр Романович!

Пришедшая сюда третьяго дня почта, с каторою имел я честь писать к вашему сиятельству³¹⁰, доставила мне почтеннейшее ваше письмо преисполненное всеми возможными знаками милостей, доброхотства, милостей, и даже, как вы сами называть изволите, и дружбы *вашей*. А судя по сим изъяснениям, ~~должен я себе могу себе~~ сказать, колико щастлив я приобретением такового редкаго благодетеля, каторой ~~против ожидания моего~~ искреннею своею откровенностию делает мне всевозможныя *утешения* *успокоения*, вознося малыя мои способности превыше *их* достоинства, и каторой изъясляет свою ~~милость и любовь~~ *ласку* и уведомлением о всех Городских происхожденииях, чего я думаю и в Лондон бо́лея не пишется³¹¹. ~~И так за все оныя вашего сиятельства взыскании~~ всякая словесная благодарность и признание будут слабы и недостаточны на изъяснение моих чувствований, ~~за все вашего сиятельства милости, которых~~ каторыя с моей стороны никогда и ничем переменяться не могут.

³¹² В письме моем от 18го октября упомянул я о господине Пиле и о псковском губернаторе Харитоне Зуеве³¹³ ~~в письме моем от 18го октября~~ ~~упомянул я~~ отнюдь не с тем, чтобы [нрзб] зачинать какия либо вновь предприятия, а еще меня трудить ваше сиятельство. Не прощаю себе и первые попытки в исходе 784 года в бытность мою у вас в Мурина, с вашего однако же позволения учиненной, которая кончилась столь неудачно, и я

³⁰⁹ Написано рукой мальчика-секретаря, а потом дописано самим Дьяконовым. В письме много исправлений и нет подписи, поэтому неясно, было ли письмо отправлено.

³¹⁰ Дьяконов имеет в виду свое письмо от 23 ноября 1788 г. (№ 35). В тот же день он получил письмо от Воронцова, написанное после 30 сентября 1788 г. Оно не сохранилось.

³¹¹ То есть к С.Р. Воронцову.

³¹² Этот фрагмент представляет собой черновик с большим количеством исправлений. По сути, это отдельное размышление, навеянное мыслями о неудачах, постигших Дьяконова за последние несколько лет. Неясно, отправил ли Дьяконов этот текст Воронцову с письмом, или же последний обнаружил его, разбирая бумаги Дьяконова после смерти.

³¹³ См. о Х.Л. Зуеве и И.А. Пиле коммент. к письму № 34.

думаю что пословица наша: истома пуще смерти ни над кем столь жестоко люто не действовала, как на до мною. По случаю же бывшего 22 сентября произведения³¹⁴ пришло мне тогда желание написать к вашему сиятельству одну лишь только повесть или примечание о моем жестоком и упрямом жребии, которого даже и вы при всем своем доброхотном желании и при всевозможных стремительствах, — так изволите изъясняться сами в нынешнем письме своем, — преодолеть нашлись и были не в силах. Словом! Хочется мне очень хотя бы несколько развязать порядочно и тихо тот заколдованной узел, в котором так я запутан, что все мои понятия на те и увидеть то, на что все мои понятия недостаточны; но как еще и теперь не магу писать своею рукою; то и аставляю до того времени, как придет ана в прежнее состояние. В заключении сей позвольте, ваше сиятельство, еще сказать: что для [нрзб] права ³¹⁵# не то прискорбно и огорчительно, что не вашол я в службу и не воспользовался ею, да что не мог войти, как будто римской Procril³¹⁶, то есть про написанной сие то уже крайне несносно и прямо болезненно#. Да и в какое же наконец малое и мелкое место, каков есть Ассигнационный банк, в которой силюю и могуществом, и силою господина Рибаса ко удивлению тогда всех введен коллежской советник Львов³¹⁷, не быв перед тем и года в том чине, а по Банку через год же и в Штатския советники вышел. Хотя из бывшего А[ссигнационного?] [нрзб] Банка, где лет с восемь регистратором и секретарем числился, не

³¹⁴ Речь о награждениях и производстве в чины, объявлявшихся ежегодно 22 сентября, в день коронации Екатерины II.

³¹⁵ Текст, отмеченный знаками #, дописан на л. 21 об.

³¹⁶ Не удалось точно установить, кого имел в виду Дьяконов. Хотя Procril написано достаточно отчетливо, вероятно, мог подразумеваться Procul — Гай Прокулей Варрон (Caius Proculcius Varrones) — римский всадник, близкий к императору Октавиану Августу, сестра которого была замужем за Меценатом и которому Август поручил доставить к нему Клеопатру. Ряд косвенных признаков позволяет думать, что у Дьяконова описка в имени. Так, страдавший болями в желудке, Прокулей, по сообщению Плиния Старшего, покончил с собой, выпив растворенный в воде гипс (Естественная история. XXXVI, LIX:183), а желание оставить этот свет — один из мотивов последних писем Дьяконова. Он записал это имя латинцей, что свидетельствует о знакомстве с этим персонажем по литературе на французском языке: например, по комментариям А. Дасье к сочинениям Горация, в которых упоминается и Прокулей (см.: [Horatius Flaccus Quintus]. Œuvres d'Horace en latin, traduites en françois par M. [André] Dacier, et le P[er]e Noël Etienne Sanadon. Amsterdam: chez J. Wetstein et G. Smith, 1735. Т. 2. Р. 474 ff., 481 ff.). Вероятно, в фигуре Прокулея Дьяконова могли привлечь и его верность Августу, и близость Меценату, т.е. личные качества, значимость которых перевешивала его официальные должности.

³¹⁷ В.Д. Львов.

самой лучшей. Аттестат вышел. Пускай он честной человек, да кто же и не таков, бесчестными людьми считаются только те, которые из общества исключены. Что же Касательно же до способностей господина Львова, то я ведаю их досканально: они отнюдь не есть, чтобы из 7 ранка³¹⁸ в 5й³¹⁹ через два года выпрыгнуть³²⁰. Простите, великодушный благодетель, моему многоглаголанию, которое До zde³²¹ мое многоглаголание. Простите ево, великодушный и милостивый благодетель!

³²²В Нарву ехать астановила меня на несколько дней неприятная ве-
домость о К: Еф: Сутоофе³²³: он 21го числа был уже отчаян а четыре дни
без памяти. Теперь, думаю, что умер³²⁴; и погребен, то, не хателось любя
человека, не хателось видеть при конце жизни к при себе умирающего,
да и на домашних ево смотреть было бы горестно; завтра ожидаю уве-
домления, коего по получении посылаю севодни нарочно осведомиться;
и потом поеду к доктору за здоровьем или, может быть, также и за гро-
бом, до которого, однакоже, пребуду с истинным и нижайшим почтением
и таковою же преданностью.

Вашего сиятельства
Милостиваго государя
Всепакорнейшим слоугою

В 25 ноября
1788 года
Мыза Нежинская

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 20–21.

³¹⁸ Следует читать «ранга».

³¹⁹ То есть из надворного советника (7-й класс по «Табели о рангах») сразу стать статским советником (5-й класс), минуя коллежского (6-й класс).

³²⁰ Отдельно сохранился черновой вариант этого фрагмента: «Что сколь великое число в сии годы поделали Вы [нрзб] рода дел [нрзб] наместников, губернаторов, кавалеров разных орденов, а Владимирских больших крестов, как например [нрзб] и протчие малых и говорить нечево, но моей участи переменить не могли, да и было желание мое было самое умереннейшее и самое малейшее не определиться в банк, куда господина советника Василия Львова, бывшего с год только в 6 классе, поместили [нрзб] А через год сей Львов и в штатския советники вошел» (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 37).

³²¹ То есть до сих пор. Зде (др.-русс.) — «здесь», «в этом месте» (см.: СРЯ XI–XVII. Вып. 5. С. 362).

³²² Начиная с этого места — продолжение основного текста письма (л. 21).

³²³ Так в письме. Речь о К.Е. Сутофе.

³²⁴ Сутоф умер 26 ноября 1788 г.

Сиятельнейший граф!
 Милостивый государь и благодетель!
 Граф Александр Романович!

Во время езды моей в Нарву пришло на почте в деревню мою почтеннейшее письмо вашего сиятельства от 4го сего месяца³²⁶, уведомляющее меня как о вашем состоянии, так и о городских происшествиях. По принесении искрения моего благодарности за сие вашего сиятельства письмо буду я отвечать по мере сил моих, каторыя, сверх продолжающей болезни, сделались еще слабыя от езды моей в Нарву; ибо, едучи в деревню в жестокия морозы, так азяб и простудился, что целую неделю не мог встать с постели и едва мог избавиться от горячки. Теперь немного от прастуды полутче; а старая болезнь все таки продолжается, и с генваря принужден ехать в Нарву для лечения тамо.

Имею честь поздравить ваше сиятельство с Очаковскою победою³²⁷; что будет впереди, нашей братье неизвестно, но и это взятие Очакова на сей раз уже харашо; но мне крайне худа кажется война Шведская, подкрепляемая Берлинским двором, как то и ведомости означают, так и молва подтверждает. Сохрани нас, Господи, от таво! а я все таки той веры, как

³²⁵ Написано рукой «мальчика», причем сохранился еще один, вероятно, переписанный набело, но не отправленный вариант письма (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 25–26 об.; не публикуется). Он также написан рукой мальчика, но не имеет подписи Дьяконова. Вставки в текст рукой Дьяконова присутствуют в обоих вариантах, но письмо на л. 22–24а подписано Дьяконовым и содержит приписанное его рукой поздравление с Новым годом, т.е. этот вариант, скорее, предназначался адресату.

³²⁶ То есть письмо от 4 декабря 1788 г.; не сохранилось.

³²⁷ В Петербурге стало известно о взятии Очакова 15 декабря к вечеру (см.: Потемкин — Екатерине II, 7 декабря 1788 г. // Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. С. 328–329; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 120). В газете известие о взятии Очакова было опубликовано 19 декабря 1788 г. (СПбВ. 1788. № 101. С. 1469). Штурм Очакова начался 1 декабря и, хотя завершился в ночь с 7 на 8 декабря 1788 г., но крепость была в руках русских уже 6 декабря, в день памяти св. Николая Мирликийского. У Завадовского взятие крепости в этот день вызвало прилив религиозного чувства: «И в наши дни святой Николай являет чудеса. Очаков взят, и вся мимо идоша»; он цитирует здесь апостола Павла (2 Кор. 5:17) (цит. по: П.В. Завадовский — П.А. Румянцеву, 10 января 1789 г. // Письма графа П.В. Завадовского к фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву... С. 318).

летом, будучи в Мурина, говорил, что бес³²⁸ благословения прусского не посмел бы никак штотгольмской самодур закалбродить³²⁹; и я так еще думаю: что после нашей перемены Северного союза³³⁰, верно, в то же еще время покойной прусской король³³¹ сделал между прочим и с шведским нужными для себя обязательства и сваясь. Дай боже, что бы я в сем мнении обманулся! Но веру мою и нынешнее последнее вашего сиятельства письмо довольно подкрепляет, в коем изъясняетесь сими словами: Нового у нас ничего нет, все во ожидании Очаковского жребия; дай Боже мир, никто онаго бóлее моево не желает³³².

О свете, что он был больше или меньше всегда таков и после нас то же будет, подобно игре лотерейной, я не совсем такого мнения³³³; и в доказательство истины моей донесу в краткости: что при Титах, Веспасианах и Аврелиях был он миллион раз лутче, нежели при Тибериях Клавдиях, Калигулах и при Неронах; а потому живущия при первых и пользовались и наслаждались желаемым благом, а при других страдали

³²⁸ Следует читать «без».

³²⁹ «Прусским самодуром» Дьяконов называет прусского короля Фридриха Вильгельма II (1786–1797), настроенного враждебно к России и Екатерине II лично, «штотгольмским (стокгольмским)» — соответственно шведского короля Густава III (1771–1792), объявившего войну России. «Самодурство» Густава III заключалось в том, что он якобы планировал, захватив Петербург, высадить десант на Красной Горке, затем «выжечь Кронштадт, идти в Петербург и опрокинуть статую Петра I» (см.: *Храповицкий А.В.* Указ соч. С. 65. Запись от 15 июля 1788 г.). Другие слухи, ходившие при дворе, уточняли этот план: «... пришед к Кронштадту, оной сжечь и потом водвориться в Петербурге, где, по достоверным известиям, король предполагал препроводить зиму, а весною обещал любовницам своим дать фриштик [завтрак, нем. Frühstück] в Петергофе» (см.: *Гарновский М.А.* Указ. соч. Т. XVI. С. 25. Запись от 13 июля 1788 г.). Не исключено, что Дьяконов отталкивался от какого-то из этих слухов.

³³⁰ «Северный союз» — внешнеполитическая доктрина, сформулированная Н.И. Паниным (1726–1783) в начале 1760-х годов. Ее краеугольным камнем был союз России с Пруссией, дополнявшийся сотрудничеством с другими северными державами: Англией, Речью Посполитой, Данией и Швецией; «перемена», т.е. отказ от него, состоялась в 1780–1781 гг., с отстранением Н.И. Панина от международных дел и заключением политического альянса с императором Священной Римской империи Иосифом II, в чем А.Р. Воронцов принимал активное участие.

³³¹ Дьяконов имел в виду Фридриха II — прусского короля в 1740–1786 гг.

³³² Подчеркнутое — цитата из несохранившегося письма Воронцова, написанного после 30 сентября и до 23 ноября 1788 г.; в имеющихся у нас письмах Воронцова эти слова появятся только через год в связи с Русско-шведской войной (письмо № 44).

³³³ Дьяконов обращается к не дошедшему до нас письму Воронцова, вероятно, от 4 декабря 1788 г., в котором и шла речь об «игре лотерейной».

и умерщвлялися лютейшими мучениями. Так же извольте взять в примечание владение нашей благотворительницы кроткия Екатерины вторыя со владением царя Иоанна Васильевича Грозного! Какое тут между ими неизмеримое различие, по которому ясно видно, какая превеличайшая разниа между одним и другим светом³³⁴! Да и в частных каждого общества положениях великая же разниа между управляющим светом, который разумею я даже не только до Губернии и до деревни, но и до каждого дома от вельможи до последнего крестьянина. Например: ваше сиятельство изволили знать господина Опухтина³³⁵ и знаете господина Игельштрома³³⁶ — наместников Уфимских: при катором лутче и общия и частныя дела шли? Следовательно, когда начальник области, или какого ни будь удела, или хазяин дома хорош, того и свет гораздо лутче, то есть и зависящия от них несравненно счастливей. Пришла мне на память еще Петербур[г]ская таможня:³³⁷ при коем ана была лутче как для общия пользы? так и для честных и достойных людей: при покойном ли князе М:³³⁸ с ево таварыщами? Или при господине Дале? и на конец донесу еще один

³³⁴ Данное рассуждение Дьяконова любопытно тем, что опровергает высказанное в новейшей историографии предположение, будто образ Ивана IV как тирана был «сотворен» Н.М. Карамзиным, т.е. возник лишь спустя несколько десятилетий (см.: *Филушкин А.И.* Сотворение Грозного царя: зачем Н.М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»? // *Тетради по консерватизму*. 2016. № 4. С. 123–130, здесь с. 123). Помимо «Древней российской вивлиофики» Н.И. Новикова (1770-е), к которой обращался и Карамзин (Там же. С. 124), сведения о характере и образе правления Ивана IV, его «гневе», «безмерной запальчивости» и употреблявшихся им «свирых наказаний» Дьяконов мог почерпнуть, например, из «Краткого российского летописца» Ломоносова (*Ломоносов М.В.* Краткий российский летописец с родословием. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1760. С. 30–34) или из «Известия о браках царя Иоанна Васильевича», опубликованного в «Месяцеслове на 1779 год» (цит. по: *Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов*. Ч. IV. СПб., 1790. С. 131, 135–136).

³³⁵ То есть А.И. Апухтина.

³³⁶ На тот момент О.А. Игельстром пользовался покровительством Г.А. Потемкина, однако прежде он принадлежал кругу П.А. Румянцева и Воронцовых. Ср.: «Из твоих уст одно только мне неприятно показалось, что ты присуждал лучшее награждение Игельштрому. Предо мною во все время войны он был человекугодником, а твоего родного брата он ненавидел и оклеветывал» (цит. по: П.В. Завадовский — А.Р. Воронцову, 1777 // АКВ. Кн. 12. С. 14; см. также: Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. С. 747).

³³⁷ Дьяконов вспоминает о Петербургской таможне, поскольку именно там началась его карьера в столице.

³³⁸ Речь о графе И.Э. фон Минихе, возглавлявшем Петербургскую таможню до 1780 г., когда его сменил Г.Ю. Даль. Ранее, в 1773 г. на должности президента Коммерц-коллегии его сменил А.Р. Воронцов. Дьяконов спутал его титул, назвав князем.

пример: ежели от государя учреждены два человека к делам одново рода, чтоб люди в крайности сущия через их изъясляли свой нужды. Адин из их всякого к себе допускает, всякого выслушивает и со всяким говорит и изъясняется, и всякому сказывает прямо свое мнение и расположение; то никто из просителей не возропшет и жаловаться не будет, кроме одних, не имеющих либо совести, либо разума. А другой: не только ниже своего состояния людей, но и своей братии к себе не допускает, а кто и добьется к ему, то наскажет, наманит и нальстит всякой небылицы, а после ничего не зделает. И тут та прямо будет истома пуще смерти. Здесь уже и вопрошать не для чего: при котором из сих двух вельможей свет лутче? Горестно сие и со стороны видеть, а каково та тем, которые от втораго чувствуют и сносят! Мог бы я и еще многия привести на сей случай примеры; но дабы не обременить и не отяготить бóлея ваше сиятельство таким сухим делом, да и при нынешнем военном празднике³³⁹ не помешать веселием наслаждаться, сокращаю и оканчиваю мое слово приношением искренняго и глубочайшаго моего к вам почтения и таковой же преданности, с каторыми астаюсь и пребуду навсегда.

Вашего сиятельства
Милостиваго государя
Всепакорнейшим слугою
Алексей Дьяконов

В 21ое декабря 1788 года
Мыза Нежинская

Всеискреннейше поздравляю с наступающим Новым Годом; дай боже, чтобы он и для вашего сиятельства и для отечества лутче был прошедших, а особливо последних общих дел.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 22–24 об., 24а.

339 Празднование — но еще не официальное торжество — взятия Очакова.

Мурино 25 декабря 1788

Живучи в Мурине с самой пятницы и оставляя сие место сего дня не без сожаления³⁴⁰, имел я здесь удовольствие получить дружеское ваше письмо от 21 декабря³⁴¹, которое не обыкновенным образом сюда пришло, то есть в третий день, место что³⁴² письма ваши и мои к вам обыкновенно недели две в дороге бывают.

Сожалею, мой милостивой друг Алексей Степанович, что вы нездоровы. Советую оное не пренебрегать, и когда вы имеете доверие нарвскому врачеванию, туда не помешкав ехать. Здоровье всего дороже. Нет благополучия, которое б оное заменить могло. Я знаю по себе, сколь неудобно и мелочи, касающиеся до оного с начала пренебрегать. Уведомьте меня, когда вы туда поедете, дабы я мог в Нарву к вам писать, а туда письма мои скорее и доходить будут.

О разных обстоятельствах, о коих вы упоминаете, много можно в два часа переговорить между друзьями, что и в целой дести³⁴³ не

³⁴⁰ Воронцов, как видно из его писем, провел осень и декабрь 1788 г. в Мурине, «под претекстом болезни», по словам Гарновского. Он считал, что Воронцов не приезжал ко двору, сказываясь больным, поскольку он «теперь при дворе в дурном положении» из-за политического провала: ему не удалось втянуть императрицу в войну с Пруссией. Гарновский намекал, что Воронцов тем не менее не останавливался в своих происках против светлейшего, действуя через Безбородко и Завадовского: «...да для чего и не сидеть спокойно [в деревне], когда помощники его здоровы», — добавлял Гарновский. В это время обсуждалась возможность союза с Францией, однако его заключение все откладывалось. С этим, по мнению Гарновского, было даже связано стремление Воронцова уехать туда чрезвычайным послом: «...чтоб союз с Францией привести в скорейшую деятельность и порядок». По его убеждению, оттуда «он никогда в Россию не возвратится». Это мнение он составил, видимо, из слов Шувалова о Воронцове: «Сей человек, обогащенный императором и французским двором, не жалец здешнего государства: при первом удобном случае переселится он в чужие края» (см.: *Гарновский М.А. Указ. соч. Т. XVI. С. 231*).

³⁴¹ Письмо № 37.

³⁴² То есть «вместо того, что».

³⁴³ См. коммент. к письму № 26.

поместится. И для того все оное оставляю до свидания, которое я искренно желаю. Что я вас люблю, вам бы истинно несправедливо было и сомневаться. И что также без увеличивая, скажу: беседа с вами не только для меня сутью удовольствительна, но часто и надобною для меня делается.

Хотя вы и весьма хорошо оговариваете меня мыслями, что свет был всегда таков, как есть, и будет таков же, я остаюсь в прежнем своем убеждении, ибо что вы говорите, хотя и справедливо, но мы частно и в общих положениях и правилах не можем не иметь изъятий, а тут и выдет само по себе та же лотерея, о коей я упоминал³⁴⁴.

Я здесь провел время в чтении, в письме, а иногда заставлял себя читать, в том числе Жильблаза истории³⁴⁵: очень хорошо по руски переведен³⁴⁶; при оказывании случая не оставлял я и прохаживаться. Время препровождал прямо без скуки и, так сказать, неохотно возвращаюсь в Город.

Поздравляю вас с переменою года: ежли б оно зависело от меня, вы б конечно благополучны были. Я не знаю, уведомил ли я вас о кончине князя Михаила Никитича³⁴⁷, о которой я крайню сожалю.

³⁴⁴ Воронцов продолжал начатый им в не дошедшем до нас письме спор, настаивая на неизменности этого «света», а любые исключения из этого правила относил на счет «лотереи», в то время как Дьяконов настаивал на существенных различиях в зависимости от правления.

³⁴⁵ Имеется в виду роман французского писателя А.Р. Лесажа «L'Histoire de Gil Blas de Santillane», написанный в 1715–1735 гг., — вероятно, последний в жанре плутовского романа в европейской литературе.

³⁴⁶ Автором перевода был В.Е. Теплов (1731/2 — после 1779), переводчик Академии наук: Лесажа А.Р. Похождения Жилблаза де Сантилланы: в 4 т. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1754–1755. Оценка Воронцовым перевода свидетельствует о том, что он читал роман ранее по-французски, возможно, еще во Франции. Перевод «Жильблаза» был настолько востребован, что переиздавался в 1760–1761, 1768, 1775, 1781–1783, и какое издание читал А.Р. Воронцов, неизвестно.

³⁴⁷ М.Н. Волконский; он умер 8 декабря 1788 г.

Мы ждем сюда князя Г Александровича³⁴⁸. Уповают, что он к Новому году будет³⁴⁹. Приезд его, может, здесь многое по делам развяжет³⁵⁰.

Прощай, мой милостивой друг, будь здоров и весел.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 29–30.

³⁴⁸ То есть Г.А. Потемкина.

³⁴⁹ Потемкина ожидали в столице в начале января: 18 декабря Н.А. Львов писал Г.Р. Державину в Тамбов: «Князя дожидают сюда через три недели», предупреждая его, по всей видимости, когда надо приехать в столицу, «чтобы опять невпазд не пришло» (цит. по: Н.А. Львов — Г.Р. Державину, 18 декабря 1788 г. // Львов Н.А. Указ. соч. С. 336). 3 января 1789 г. Гарновский записал: «Государыня с часу на час ожидает его светлость» (см.: *Гарновский М.А.* Указ. соч. Т. XVI. С. 235). Потемкин приехал в Петербург 4 февраля 1789 г. к вечеру (см.: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С. 141. Запись от 4 февраля 1789 г.). За несколько дней до этого императрица приказала «в Царском Селе иллюминировать Мраморные ворота и, украся морскими и военными арматурами, написать в транспаранте стихи, кои выбрать изволила из оды на Очаков Петрова <...>: “Ты в плесках внидешь в храм Софии”. <...> в Софии [городе между Царским селом и Павловском] есть Софийский собор; но он будет в нынешнем году в Цареграде, о том только не вдруг мне скажите», — записал Храповицкий за государыней: она не сомневалась, что в том же году Потемкин с русскими войсками будет в Константинополе (см.: Там же. С. 138–139. Запись от 26 января 1789 г.).

³⁵⁰ Фраза «многое по делам развяжет» могла быть отголоском ожиданий от приезда Потемкина. Если верить Гарновскому, то ждали не просто триумфатора: императрица «располагает, когда его светлость сюда прибудет, отсель уже никуда не выпускать. Иногда же, помышляя о приезде его светлости, тревожится. Сильно хочется удержать теперешнюю политическую систему, говоря, что и его светлость опрокинуть оную не возможет; но все сие, как мне кажется, не изъявляет твердости, чтоб системы переменить нельзя было, а посему и приезд его светлости тревожит». С другой стороны, ожидалось нарушение сложившегося при дворе баланса между интересами иностранных держав: «...что до приезда его светлости сюда касается, то у нас теперь такое время, каковому, по писаниям, надлежит быть при втором пришествии. Стоящие ошую трепещут, одесную же — же радуются, судимы будучи без суда каждый плодами дел своих. Венской [посол] — ходит прижавши хвост, который приподнять обещает ему французской — надеясь на прежний свой кредит у его светлости. Что же касается до прусского и английского — то сии ожидают его светлость нетерпеливо» (см.: *Гарновский М.А.* Указ. соч. Т. XVI. С. 234).

№ 39

А.С. Дьяконов — А.Р. Воронцову, 20 февраля 1789 г.³⁵¹

Сиятельнейший граф!

Милостивый государь и благодетель!

Граф Александр Романович!

По содержанию последнего вашего сиятельства письма от 3 сего месяца³⁵² о крестьянской семье, назначенной мною для поселения в Мурина, имею честь донести:

Прежде посылки верюшаго письма о совершении купчей, посылаю при сем записку³⁵³ о числе в той семье мужеска и женска пола, состоящаго по последней, 1782 года переписи, и о рожденных после того; из числа ревизских один мальчик умер; котораго прикажете ли написать? Ибо за ево отец, у меня ли будучи или у вашего сиятельства, подушная и почтовые деньги и другия подати платить все равно должен. Цена, думаю, изволите припомнить, положена по сту рублей за душу³⁵⁴. И так получа на сие ответ, немедленно пришло и верующее письмо о написании крепости. Желал бы я весьма продать еще одну семью, в трех или четырех ревизских³⁵⁵ душах состоящую, для таво, чтобы за мною асталось 518 душ, то бы 18 душ не пошли никуда в склатку для поставки рекрута, но платились бы с их всегда деньги вместе с мелкопоместными.

Ведая совершенно, что ваше сиятельство приемлете прямое и добротное участие в моем состоянии, то я теперь о нем донесу: недели с две таму назад болезнь мои стала было показывать лутчия виды. Но на сих днях опять ана не только на руках, но и на ногах зачала умножаться; и доктор³⁵⁶ севодни сказал, что требует ана не одново только времени, но и

³⁵¹ Письмо написано чужой рукой, но не «мальчика»-секретаря, которого, вероятно, Дьяконов не взял с собой в Нарву, откуда отправлено письмо.

³⁵² Это письмо А.Р. Воронцова от 3 февраля 1789 г. не сохранилось.

³⁵³ Записка не сохранилась.

³⁵⁴ Речь, вероятно, о продаже Воронцову девяти крепостных, купчая на которых была оформлена 30 марта 1789 г., как следует из завещания Дьяконова. См. Приложение № 4.

³⁵⁵ То есть ревизских.

³⁵⁶ Сандер.

довольного еще от меня терпения, которое сносить и приуготовляюсь. Во весь мой век не был я в таком лютейшем и изнурительнейшем страдании, от коего чтоб избавиться, отдал бы, право, половину своего имущества.

Беспредельная любовь моя к *Отечеству и таковое же* усердие не останавливают меня и во время болезни моей исполнять своего долга, ибо, живучи сдесь, имел я случай услышать, что в Риге перед Диматинскою крепостию³⁵⁷ на известной форт Комете³⁵⁸ строится для нынешняго времени батарея³⁵⁹ под надзиранием Фатова сына³⁶⁰. Услышавши сие, писал я в Ригу, дабы осведомиться обстоятельно: правда ли это? И полезно ли сия батарея? И почему при том строении и сын уже Фатова? Ответ получил достаточной и со планом на скорую только руку зделанным, а вернейшей после прислать хатели. Ежели ето правда, что ка мне пишут, то чудны дела твоя, господи! Хател было теперь послать и объяснени, и план к вашему сиятельству, но астановлюсь, дабы тем вас не обременить; а рассудил, прежде дать сие краткое сведение и спроситься: прикажете ли ету историю к себе прислать, а увидя ее и буде она найдется достойна вашего внимания, то можно еще осведомиться от рижскаго губернатора³⁶¹, таково ли действительно плохо или харашо сие дело? И ежели не столько полезно, как, может быть, фатовския виды, то и послать бы туда для осмотра господина Бале³⁶² — морскаго генерала майора, как давольно искуснаго и действительнаго умнаго и способнаго человека, или каво за благо рассудиться. — Простите, милостивый благодетель, излишнему моему рвению, которое не может быть никогда в покое, когда вижу отечества своего надобность, могущую быть полезною.

³⁵⁷ Имеется в виду крепость Дюнамюнде (нем. Dünamünde; Динамюнде, Усть-Двинск; современное название — Даугавгрива).

³⁵⁸ Форт Комета был построен на правом берегу Даугавы, у самого ее впадения в залив, в 1765 г. Сейчас форт не существует — укрепление было разрушено при отступлении русской армии в 1917 г. во время Первой мировой войны.

³⁵⁹ С 1783 по 1788 г. на рижском побережье сооружалась дамба, связывающая крепость Дюнамюнде с фортом Комета.

³⁶⁰ И.В. Фатов, купеческий сын, служил в Комиссии по строению Рижской гавани и выслужил потомственное дворянство к 1796 г. (см.: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797-м году. 10 т.; СПб.: Б.и., 1798–1836. <<https://gerbovnik.ru/arms/3920.html>> (дата обращения: 03.11.2021)).

³⁶¹ В 1783–1789 гг. рижским губернатором, сменившим И.А. Пиля, был генерал-майор А.А. Беклешов.

³⁶² И.П. Балле. См. о нем подробнее в коммент. к письму № 44.

С неперменным, нижайшим и искренним моим почтением и тако-
вою же преданностию

Вашего сиятельства
Милостиваго государя
Всепакорнейший и всеусерднейший слуга
Алексей Дьяконов

В 20^е февраля
1789 года
НАРВА

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 541. Л. 27–28 об.

Я думал, что вы, мой милостивой друг Алексей Степанович, будете в Город, а потому давно и не писал я вам. Но как видно нынче, вам из деревни вашей вакансии [быть] не может, то я решился к вам писать, прося вас уведомить меня о своем здоровье, принимая во всем, что до вас касается, искреннее участие.

Новое у нас только свадьба господина А. Матвеевича Мамонова на фредине княжне Щербатовой. Зговор был тому ден десять, а свадьба будет после завтра или в понедельник³⁶³. Из Финляндии и от галерного нашего флота ожидаем решительных известия произшествий, ибо оне в виду друг друга³⁶⁴.

³⁶³ Речь о свадьбе А.М. Дмитриева-Мамонова и княжны Д.Ф. Щербатовой. Их тайный роман длился около восьми месяцев, пока Дмитриев-Мамонов не признался императрице, что «полтора года влюблен смертельно» и просил разрешения на брак со Щербатовой. Императрица очень тяжело переживала его измену. 18 июня 1789 г. секретарь императрицы А.В. Храповицкий записывает: «С утра невеселы... Слезы. Зотов сказал мне, что паренька отпускают и он женится на княжне Дарье Федор. Щербатовой» (см.: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С. 162). «Год как влюблен. Буде бы сказал зимой, то полгода бы прежде сделалось то, что третьего дня. Нельзя вообразить, сколько я терпела. <...> Бог с ними! Пусть будут счастливы» (см.: Там же. С. 163. Запись от 20 июня 1789 г.). Слух о том, что Дмитриев-Мамонов влюблен в Щербатову, распространился еще в мае (см.: *Гарновский М.А.* Указ. соч. Т. XVI. С. 8). 20 июня (по сведениям Гарновского — 18-го или 19-го) Екатерина лично обручила Дмитриева-Мамонова и Щербатову: «...они, стоя на коленях, просили прощения и прощенья», — записал Храповицкий (см.: *Храповицкий А.В.* Дневник. С. 163, 164. Записи от 20, 22 и 23 июня 1789 г.; *Гарновский М.А.* Указ. соч. Т. XVI. С. 401).

³⁶⁴ «Оне в виду друг друга»: в 20-х числах мая эскадры Ревельская и Кронштадтская под командованием В.Я. Чичагова соединились у Ревеля, однако Чичагов затягивал с началом наступления на море, поскольку экипажи эскадр, укомплектованные новобранцами, нуждались в подготовке к линейному бою, требовавшей нескольких недель. Сухопутные войска в это время уже наступали в южной Финляндии. Основной флот шведов стоял с осени 1788 г. в Карлскроне, но 21 мая 1789 г. вышел на рейд (СПбВ. 1789. № 51. 26 июня. С. 797). 21 июня восемь шведских гребных судов прошли от Свеаборга к мысу Паркалаута, где находился русский пост, пресекавший сообщение гребным шведским судам между Гельсингфорсом и другими местами. Русские суда под командованием капитана Шешукова перешли в наступление, имел место бой около двух с половиной часов, и неприятель обратился в бегство, причем также и сухопутный отряд (СПбВ. 1789. № 52. 29 июня. С. 811–812).

Указ вышел о запрещении ввозить иностранные товары через пограничные таможи³⁶⁵. Сего указа давно желали и ожидали все те, кои видели крайной вред, наносящей нам сим пограничным торгом.

Сие письмо пишу к вам из Мурина, где я праздники препровождаю, и остаюсь в будни и в праздник искренно вам преданной.

Мурино 29 июня 1789

Его высокородию

Государю моему

Алексею Степановичу Дьяконову

В Копорских его деревнях

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 37–37 об., 38 об.

³⁶⁵ ПСЗ РИ I. Т. 22. № 16781 (26 июня 1789 г.). Именной указ запрещал ввоз определенных товаров (служащих «к роскоши») через сухопутные таможи, граничившие с Речью Посполитой, т.е. таможи Могилевского, Полоцкого, Киевского и Екатеринославского наместничеств. Автором проекта всеподданнейшего доклада и указа был А.Н. Радищев. Воронцов пригласил Радищева для обсуждения этого вопроса в Комиссию о коммерции 27 марта 1789 г. Вместе с ним Комиссия пригласила Г.Ю. Дала «для большего по всей той материи объяснения и рассуждения». 13 апреля 1789 г. Комиссия поручила Радищеву написать проект всеподданнейшего доклада и указа. Проект, представленный императрице, содержит правку Воронцова (см.: Проект доклада о запрещении провоза товаров иностранных чрез пограничные к Польше лежащая таможи // Радищев А.Н. Указ. соч. С. 73–86, 585–586). В этом указе хорошо видна экономическая позиция Воронцова: он выступал как главный защитник «запретов и сохранения высоких пошлин, не понимая, что именно от них происходит застой промышленности и процветание контрабанды», по словам французского посланника Сегюра (цит. по: Черкасов П.П. Русско-французский торговый договор... С. 46). Воронцов и его сотрудник Радищев проявили себя сторонниками умеренного потребления, борцами с роскошью, или, как писал тот же Сегюр: «Ему [Воронцову], видно, хотелось, чтобы русские пили только мед и одевались бы в платье домашнего покроя» (цит. по: Там же. С. 47).

Письмо ваше, мой милостивой друг, я получил. Оное было от 10 июля³⁶⁶ и довольно скоро дошло, ибо я его получил еще третьяго дня. О болезни М М Ека я недавно только сведал. Он, однако ж, сколько я слышу, получил в том облехчение. И И Михельсона³⁶⁷ я также не видал с приездом, хотя он и заезжал ко мне, но я тогда был в Мурина. Радуюсь, что вы чувствуете себе облехчение и обнадеживаете друзей своих чаемым сюда посещением, чему я крайне рад буду, а между тем о врачевании вашем моральном прошу уведомить. Оно нужно знать, ибо кто не имеет моральные болезни, а они, правно, еще иногда и чувствительнее всяких других. И так вы меня обяжете, когда о способах, коими себя излечили, меня уведомите. Спешу ехать в Мурино и для того не продолжаю сего письма. Пребываю навсегда искренно вам преданным

СП 17 июля 1789

Его высокородию государю моему
Алексею Степановичу Дьяконову
В Капорских его деревнях

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 35–35 об., 36 об.

³⁶⁶ Письмо не сохранилось.

³⁶⁷ И.И. Михельсон, командовавший сухопутным корпусом в Финляндии в составе 25 тыс. человек, должен был удерживать границу и не пропустить шведские войска на линии в районе Нейшлота, Вильманстранда и Абборфорса на реке Кюмени. 31 мая 1789 г. Михельсон занял город Христину, разбив вблизи русской границы тысячу шведов и 2 июня двинулся к Санкт-Михелю (Миккели), которым не мог овладеть до 8 июня (см.: СПбВ. 1789. № 48. 15 июня. С. 741–743; Продолжение действий Финляндской Армии // Там же. Прибавление к № 49. 19 июня 1789 г.; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 160–161. Запись от 4 и 11 июня 1789 г.). Видимо, после успешных действий Михельсон оставил фронт и приехал в Петербург по делам.

Мурино 5 августа 1789

Из письма вашего, сейчас мною полученного, с крайним сожалением уведомился я, мой милостивой друг Алексей Степанович, что вы вновь были больны. Желаю скорого и совершенного выздоровления и чтоб я мог иметь удовольствие вас здесь видеть, пока все арбузы у меня не прошли, а их много и очень хорошия³⁶⁸.

Также весьма любопытен я видеть или знать рецепт морального лечения. Оно часто нужнее еще и физических врачеваний. Но на беды, что моральные болезни еще более разнообразны многочисленных известных физических болезней, а потому и рецепты должны быть весьма разнообразны, так, что вылечивает одного, может еще и умножить боль другого.

Когда буду удовольствие иметь с вами увидиться, розкажу вам, что от некоторой моральной болезни я вылечился по милости одного человека, которого нет здесь в Городе и которой истинно и не имел ни мало намерения меня вылечить, а с тех пор я и в физическом своем состоянии чувствую большую в пользу свою перемену.

³⁶⁸ Еще в юности, во время его европейского гранд-тура конца 1750-х годов, на Воронцова произвели большое впечатление оранжереи при герцогском дворце в Штутгарте, где, как только наступали холода, сад закрывали деревянной кровлей и отапливали: «Имея столько леса, как у нас, содержание такого удовольствия не только государю, но и партикулярному человеку легко б иметь можно», — писал он отцу (цит. по: *Заозерский А.И.* Александр Романович Воронцов // Исторические записки: сб. ст. Т. 23 / отв. ред. Б.Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 132). Впоследствии в поместьях Воронцова были оранжереи, где выращивали самые экзотические фрукты, не только арбузы. Например, в Андреевском под Владимиром, где он жил в 1790-е годы, выращивали ананасы, в том числе на продажу (250 ананасов продавались за 500 руб.), лимоны и помаранцы (см.: *Алексеев В.Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М.: Центрполиграф, 2002. С. 115).

О Финских происшествиях все ваши разсуждении весьма основательны³⁶⁹, но что делать: часто в сем свете случаются дела, о коих сожалеешь, а помочь не можешь.

Я уповаю, что вы газеты с[анкт]-п[етербургские] получаете, в коих напечатано много примечательного о всем происходящем во Франции. Чем сия каша кончится, трудно предугадать³⁷⁰.

У нас лето прекрасное, и я оным крайне пользуюсь.

М М Эка я не видел давно уже, живучи сколько можно более в Мурине, но слышу я, что он начинает оправляться.

Прощай, мой милостивый друг. Будь уверен, что привязанность и дружба моя к вам истинно кончится, как со мною же.

PS Получено известие чрез нарочно присланного от адмирала Чичагова, что 15 июля он был атакован флотом шведским, и после сражения нескольких часов места баталии одержано флотом нашим, а потом шведы не могли препятствовать³⁷¹. Эскадра наша, которая была в Дании, соединилась с нашим флотом³⁷², и адмирал пошел за шведами да самого Карл-

³⁶⁹ К сожалению, это письмо Дьяконова до нас не дошло. Можно предположить, что речь шла о возможности «отложения» Финляндии от Швеции и переходе под русский протекторат. Переговоры об этом шли в Петербурге с представителями «Аньяльской конфедерации» в июле и ноябре 1788 г. (см.: Храповицкий А.В. Дневник. 1782–1793. С. 156. Запись от 22 ноября 1788 г.: «Финны готовы с нами соединиться, чтоб выгнать шведов из Финляндии»).

³⁷⁰ Речь о революционных событиях в Париже.

³⁷¹ Письмо это Воронцов начал писать 5 августа, но не отправил, а закончил постскриптумом 7 августа. Он отложил отправку, чтобы сообщить Дьяконову вести о сражении у острова Эланда (Öland) в Балтийском море 15 (26) июля 1789 г., переломном в Русско-шведской войне 1788–1790 гг. Рапорт об этом сражении и последующих действиях флота пришел к императрице 6 августа, но уже 4 августа при дворе появились разговоры о том, что сражение было 15 июля, а шведы ушли в Карлскрону, и попытки русского флота атаковать его на следующий день были безуспешны. «Победа равняется Чесменской; сражались 14 часов», — записал Храповицкий 6 августа (см.: Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 169). Таким образом, Воронцов передавал Дьяконову самые свежие новости. «Ведомости» опубликовали описание боя только через неделю (СПбВ. 1789. № 65. 14 августа. С. 1019–1021).

³⁷² Речь об эскадре вице-адмирала Т.Г. Козлянинова, стоявшей на рейде в Копенгагене. Чичагов имел приказание от императрицы объединить ее с эскадрами Кронштадтской и Ревельской, чему шведы пытались препятствовать. 4 июля при

скруны и, постоя там несколько дней, пошел за пресною водою. Шведы, судя что пошли в порт свой, конечно не без урона. Наш состоит в раненых и убитых человек до 4 сот. В числе убитых — господин Муловский, побочной сын графа И Григорьевича Чернышева³⁷³.

СП 7 августа

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 39–40.

дворе была получена реляция от Чичагова, что 22 шведских корабля и 14 фрегатов пошли в атаку на эскадру (см.: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С. 165). 14 июля, узнав, что шведский флот был замечен в 36 милях южнее Эланда и в 58 милях от русской эскадры, Чичагов назначил Козлянинову встречу в 90 милях южнее Готланда; а в случае начала сражения он должен был атаковать по прибытии. Эскадра Козлянинова опоздала и соединилась с другими в ночь с 19 на 20 июля.³⁷³ Г.И. Муловский подавал большие надежды как морской офицер. В 1787 г. императрица назначила его начальником первой русской кругосветной экспедиции с задачей провести исследование Тихого океана и, обойдя вокруг Мыса Доброй Надежды, пройти до Камчатки. В связи с началом войны с Турцией Екатерина остановила отправку экспедиции и предложила Потемкину направить Муловского в Красное море, «на Мекку и Медину», чтобы незаметно делать «туркам пакости» (Екатерина II — Г.А. Потемкину, 6 сентября 1787 г. // Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. С. 229). Смерть Муловского стала заметным событием. Об этом знала императрица (см.: *Храповицкий А.В.* Указ. соч. С. 169. Запись от 6 августа 1789 г.; Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. С. 785, 881) и другие современники, например, М.Н. Муравьев. В письме от 9 августа 1789 г. к сестре Федосье Никитичне и ее мужу С.М. Лунину он подробно описывает сражение при Эланде и отмечает: «Капитан <...> Муловский убит ядром в левой бок» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 53. Л. 59 об.). Убитый Муловский явил в сражении «опыты отличной храбрости», сообщали «Ведомости» (СПбВ. 1789. № 65. 14 августа. С. 1021).

Из письма вашего, мой милостивой друг Алексей Степанович, я с крайним сожалением усмотрел, сколь худо здоровье ваше поправляется, я не думаю, чтоб при таких припадках сходно было оставаться вам в деревне, где и врачебная помощь часто и во время притъти не может, и для того советовал бы вам, естли вы такого отвращения имеете к приезду в Питербурх, по крайней мере поехать в Нарву и остаться там до совершенного вашего вылечения. Можно и сельскою економию на час броситься, а помышлять о поправлении здоровья. А сие пишу я вам по искренней моей дружбе, которая последним вашим письмом истинно не мало тревожилась. Желая скоро иметь приятныя о вас известии, остаюсь искренно и навсегда вам преданным.

СП 13 августа 1789

Его высокоородию

Государю моему

Алексею Степановичу Дьяконову

В Капорских его деревнях

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 41–41 об., 42 об.

Получа письмо ваше, спешу, мой милостивой друг Алексей Степанович, доставить вам и ответ на оное. Покои для вас в каменном моем доме за Обуховым³⁷⁴ ~~домом~~ мостом будут готовы, и чем скорее вы в ~~мой~~ него вступите, тем приятнее будет для хозяина. Они будут в том флигеле, где Елизабета Пименовна³⁷⁵ жила, и часть тех самых, кои ее были, а внизу жить сыро. Следовательно, та ж бы самая были, но удобность, как и в вашем доме. О моральных болезнях, сколь они различны и как одна на другую не похожа, я весма с вами согласен, и о сем пространно можем поговорить, когда буду иметь удовольствие вас здесь видеть. А теперь удовольствуюсь сказать вам касающееся до здоровья вашего, в коем я искреннее участие приемлю, что естлиб вы давно на время деревенское хозяйство свое отложили, а поехали б сюда или в Нарву, скорее бы помощь получили, а особливо здесь, поговоря порядочно с господином Рочердсоном³⁷⁶, что советую учинить как возможно скорее.

Шведов принц Насау³⁷⁷ хорошо поколотил в сей победе. Знакомец ваш Г. Бале имел также участие³⁷⁸. Сей гребной наш флот вперед или

³⁷⁴ См. коммент. к письму № 7.

³⁷⁵ Неустановленное лицо.

³⁷⁶ То есть Роджерсоном. Он был личным другом Воронцовых. В 1784 г. С.Р. Воронцов упоминает в письме к брату, что Роджерсон дважды излечил его жену, а также называет его «notre ami» («наш друг») в письме 1786 г. (см.: АКВ. Кн. 9. М.: Типогр. Грачева. С. 2, 62). «Искренним другом» его называет Дашкова (см.: Дашкова Е.Р. Записки. С. 110). См. о связях Воронцовых с Роджерсоном и британской диаспорой в Петербурге: Kenny J.J. The Vorontsov Party in Russian Politics, 1785–1803. An Examination of the Influence of an Aristocratic Family at the Court of St. Petersburg: Ph.D. Diss. Yale Univ., 1975. P. 45.

³⁷⁷ Принц Нассау-Зиген. В мае 1789 г. императрица поручила ему командование всем русским гребным флотом. С галерным флотом он встал у Фридрихсгама, чтобы не дать шведскому флоту подойти к русскому берегу, и ожидал сражения. Состоявшаяся 13 августа 1789 г. битва при Роченсальме обернулась его блестящей победой (СПбВ. 1789. № 68. 24 августа. Прибавление. С. 1).

³⁷⁸ Накануне боя при Роченсальме, 12 августа, И.П. Балле был назначен командовать резервной эскадрой (Там же); 13 августа Балле, пройдя южным входом на рейд, сразился с превосходящими силами шведов, но отступил, израсходовав боеприпасы, поскольку второй отряд под командованием контр-адмирала Ю.П. Литта наткнулся на препятствие из затопленных кораблей в гавани Королевские ворота. Тем не менее русскому флоту удалось изменить ход сражения: потопить 33 и захватить 9 шведских судов. Шведы бежали к Ловиссе (совр. Ловисаген). Гарновский передает слова Безбородко, что Балле «большую часть победы приписать должно», хотя в реляции было написано, что Балле

лутче в погоню за шведами пошел. Да и граф Волентин Платонович имел также выступить, почему и ожидать должно на сих днях, что либо весьма решительного для сей шведской войны³⁷⁹, которой дай Боже конец, да и вообще мира никто более моего не желает.

М М Эк, сказывают, весьма худо оправляется. Более не пишу, а желаю и ожидаю с нетерпеливостью вас, любезного моего друга, увидеть.

СП 20 августа 1789

Его высокоородию
Государю моему
Алексею Степановичу Дьяконову
В Капорских его деревнях

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 43–43 об., 44 об.

ретировался: «...говорят, будто наконец струсил» (см.: *Гарновский М.А.* Указ. соч. Т. XVI. С. 413–414, 416. Записи от 17 и 25 августа 1789 г.). «Ведомости» в сообщении о победе русского флота над шведским 13 августа упомянули эскадру генерал-майора Балле: она «много способствовала <...> успеху сражения», выдержав «жестокое стремление неприятельское» (СПбВ. 1789. № 68. 24 августа. Прибавление. С. 4), так что к моменту получения письма от Воронцова Дьяконов мог уже знать о подвигах своего товарища. О происхождении знакомства Дьяконова с И.П. Балле ничего неизвестно.

³⁷⁹ В.П. Мусин-Пушкин. Ожидания были связаны с планировавшейся сухопутной операцией, о которой к 20-му августа, когда Воронцов писал это письмо, возможно, еще не было известий. Мусин-Пушкин должен был, получив известие о победе 13 августа на море, «простерти действия противу неприятеля», согласно рескрипту императрицы, атаковав шведские сухопутные войска (СПбВ. 1789. № 71. 4 сентября. Прибавление; *Гарновский М.А.* Указ. соч. Т. XVI. С. 415. Запись от 25 августа 1789 г.). Когда стало известно о провале операции, Екатерина так отозвалась о Мусине-Пушкине: «Он каналья, pardonnez le terme [прошу прощения за выражение]». 22 сентября 1789 г. «инакцию» (бездействие) Мусина-Пушкина Екатерина назвала единственной досадой прошедшего года царствования (см.: *Храповицкий А.В.* Дневник. С. 171, 173. Записи от 3 и 22 сентября 1789 г.).

СП 1 сентебря 1789

Ожидание мое не збылось, и я не имел удовольствие друга моего Алексея Степановича видеть на своих именинах; опасаюсь, не здоровье ли ваше тому попрепятствовало, о чем прошу меня уведомить.

Вышел указ о рекрутском наборе со ста душ, не изключая и С П губернию³⁸⁰.

М М-вич³⁸¹ третьего дня скончался, о чем сожалею, и вы, конечно, о нем сожалеть будете. Место его еще не отдано, буде сего дня не сделано, но уповательно, что заступит его место господин писатель, а сын сего последнего отцовское место заступит в Москве³⁸². Время у нас продолжается весьма изрядное. Желаю, чтоб и у вас таковое же было. Новаго у нас ничего нет ни из флота, ни из армии. Остаюсь искренно вам преданным.

Его высокородию
Государю моему Алексею Степановичу
Дьяконову в Капорских его деревнях
В Нежинской мызе

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 45–45 об., 46 об.

³⁸⁰ ПСЗ РИ I. Т. 23. № 16796 (27 августа 1789 г.).

³⁸¹ М.М. Экк.

³⁸² О ком речь, установить не удалось. Место директора Санкт-Петербургского почтамта занял коллежский советник Август Иванович Ган, бывший прежде директором Рижского почтамта (Месяцеслов... 1789. С. 45; Месяцеслов... 1790. С. 45).

Письмо ваше, мой милостивой друг Алексей Степанович, я получил. Сожалею о болезни вашей. Думаю, что в здешнем городе получите лутчую помощь, для чего б посоветовал более приездом вашим не мешкать, разве рекрутский набор вас еще удержит. Покои для вас в доме обуховском готовы.

Определении или указы и ответ ваш я читал. Не дивитесь всему, что делается в опеках, в губер[н]ском правлении и в других судах.

В прошлой понедельник отдал я последней долг М Матвеевичу, быв на его похоронах. Нового у нас ничего нет, а старое — что я вам искренно и душевно преддан.

СП 6 сентебря 1789

Его высокогородию государю моему
Алексею Степановичу Дьяконову
В Копорских его деревнях
В Нежинской мызе

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 47, 48 об.

С крайним сожалением, мой милостивой друг Алексей Степанович, усмотрел я из письма вашего от 8 сентября³⁸³, что вы вновь боль в боку чувствуете и что нарвская поездка вам не помогла, и сюда поездку отложили. Но какую помощь вы в деревне иметь можете, когда, может, поговоря здесь с хорошими врачами, а особливо с Фрезом³⁸⁴ или Рочардсоном³⁸⁵, может, и получили б пособие, а ехать можно бережно, хотя б два или три дни в дороге, но я все думаю, что вы рады и претен³⁸⁶ найти, чтоб с мельницею и полями своими не разстатся.

Я желел и желею о кончине М Матвеевича. Когда почта, им завещенная, уже не существует³⁸⁷, прошу при поездке иногда людей ваших в город приказывать, чтоб ко мне заходили, дабы переписка наша, толь для меня приятная, могла продолжаться. Оставаясь навсегда искренно вам преданным.

СП 11 сентября 1789³⁸⁸

Его высокородию государю моему
Алексею Степановичу Дьяконову
В Копорских его деревнях
В Нежинской мызе

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 49, 50 об.

³⁸³ Письмо не сохранилось.

³⁸⁴ Фридрих Петер(?) Фрез в 1780-е–1790-е годы лечил аристократов, среди них — графа Н.П. Шереметева, как видно из переписки последнего с домашними врачами (РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 326). Видный масон, состоял в переписке с А.Р. Воронцовым в 1803 г. (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1017). См. о нем: Серков А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 595. В справочниках объединяется с другим Фридрихом Петром (Федором Петровичем) Фрезом (1728–1795), также врачом, членом Медицинской коллегии и обер-директором Санкт-Петербургского опекунского совета.

³⁸⁵ То есть Роджерсоном. См. о нем коммент. к письму № 44.

³⁸⁶ Имеется в виду «предлог», от франц. *prétendu* — мнимый, так называемый.

³⁸⁷ Неясно, о чем идет речь.

³⁸⁸ Дата и место приписаны Воронцовым вдоль левого поля.

Приложения

1. Благоволение императрицы,
выказанное А.Р. Воронцову и А.В. Нарышкину
за сенаторскую ревизию (1785 г.)

Копия

Граф Александр Романович и Алексей Васильевич. Труды, подъятые вами в осмотр толь многих губерний, прилежность и точность, с каковыми входили вы в различные части управления, доказывают ваше усердие и радение о всем, что к добру общему и к исполнению намерений моих служит. Я приемлю сие с особливим удовольствием, пребывая впрочем вам благосклонная. На подлинном подписано собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА РУКОЮ тако:

ЕКАТЕРИНА

В С.П.бурге

сентября 8 дня

1785 года

Графу Александру Романовичу Воронцову
и Алексею Васильевичу Нарышкину

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 10. Л. 9.

2. Письмо К.Е. Сутгофа к А.Р. Воронцову
(24 апреля 1788 г., Нарва)

[Перевод]

Сиятельный граф!

Милостивый Государь!

Не могу я довольно восхвалиться отменным благоволением, которым ваше сиятельство во всякое время меня удостоивать изволите. Спро-
вожденное ко мне недавно письмо к его превосходительству господину губернатору Беклешову служит новым знаком онога: преисполнен будучи чувствованиями обязаннейшей признательности, ощущаю я и признаваю сию оказанную мне высокую милость. Я предвижу приятныя следствия действий от того письма и предварительно ласкаюсь надеждою, что высокомогущим предстательством вашего сиятельства толь неприятное для меня дело вскоре к окончанию приведено будет.

Господин бригадир Дьяконов уведомил меня, что ваше сиятельство желает иметь несколько англинских репных семян: без замедления

обратился я в то место, откуда прежде их получал, и сколько ко мне при-
слано, оныя при сем препровождаю, считая нужным к сожалению моему
сказать, что оне, как меня уверяли, от настоящих англинских несколько
отходят и разнятся, а сих последних на сей случай нигде достать не можно.
При чем принимаю я еще смелость приложить при сем несколько других
родов полученных мною здесь репных семян, желая, чтоб оне удались с
успехом и ко благодарности вашего сиятельства.

Препоручая себя в продолжение неоцененного благоволения Ваше-
го высокографского сиятельства имею честь пребывать с глубочайшим
высокопочтительством

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Нарва
апреля 24го дня

Всепреданнейший слуга
Карл Иоахим Сутгов

P.S. Несколько уже дней хвораю я нарочито тяжко.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 984. Л. 4–4 об.

Оригинал на немецком языке: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 984. Л. 2–3.

3. Рапорт А.Р. Воронцова и А.П. Шувалова о заготовке хлеба в Санкт-Петербурге и в губерниях Новгородской, Тверской, Рижской и Олонецкой (декабрь 1786 г.)

Всепресветлейшей державнейшей великой государыне
императрице и самодержице Всероссийской.

От действительных тайных советников графа Шувалова
и графа Воронцова

Всеподданнейший рапорт.

Вследствие высочайших вашего императорского величества указов, все-
милостивейше нам данных в 23 день минувшаго октября относительно
до зделания нужных распоряжений и подания достаточных пособий к на-
полнению здешняго запаснаго магазейна хлебом, имеем счастье вашему
величеству всеподданнейше донести. ге. Здешний запасный магазейн ныне
состоит под управлением статского советника Санкт-Петербургскаго ви-
це-губернатора Новосильцова, рачением коего и усердием оной магазейн

находится весьма в хорошем порядке и устройстве, продажа хлеба из оного происходит с надлежащим рачением и наблюдением правил, установленных в пресечение способа перекупщикам доставать хлеб в свои руки для непопозволенного возвышения цены в их прибыток и народную тягость, и вообще, как то мы по многим наведываниям известились, что все прямо бедные и не имущие довольных достатков люди довольствуются и пользуются безпрепятственно покупкою из оного магазейна хлеба. 2е. О препорученной нам на всемиловейше пожалованныя сто пятьдесят тысяч рублей закупке хлеба имеем счастье вашему императорскому величеству донести, что из числа означенной суммы отправлено нами к правящему должность Новгородского и Тверского генерал губернатора генерал порутчику Архарову для закупки хлеба во вверенных ему губерниях сорок четыре тысячи рублей, на которые он все уже и закупил, а сверх того отправлено нами к рижскому губернатору Беклешову шездесят тысяч рублей, которой на оныя деньги также несколько [хлеба] уже закупил. На пересылку сих денег шестидесяти тысяч рублей чрез здешний почтамт в Ригу употреблено триста рублей, а затем осталось сорок пять тысяч семь сот рублей. На сии остальные 45.700 руб. считали мы, что можно бы купить в Архангельске, полагая, что по причине остановленного от того порта отпуска за море цена на хлеб будет там умеренная, но как надлежало ведать прежде, во что обойтись может перевозка оттуда сухим путем до Повенецкой пристани, то и сообщали мы об оном правящему должность Олонецкаго и Архангельскаго генерала губернатора генералу-порутчику Тутолмину, которой по многим его стараниям не мог еще и поныне доставить нам об оном сведения, а потому и сочли мы необходимым препоручить и на сию остальную сумму закупку произвести генералу-порутчику Архарову, будучи убеждены как известною нам его расторопностью, так и изрядными успехами в первой Закупке. На конец держаем ваше императорское величество удостоверить, что здешний запасный магазейн сверх сего нами закупаемого количества хлеба¹ получит еще усиление в хлебном запасе посредством закупки внутри России разосланными людьми от здешняго вице-губернатора.

декабря дня 1786 года.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 279. Л. 1–6.

Черновик писарским почерком.

¹ Вставлено над строкой А.Р. Воронцовым.

4. Завещание Дьяконова и крепостная запись родственной на его имение (1789 г.)²

4.1. Завещание Дьяконова, не позднее 11 октября 1789 г.

1789го году октября в день бригадир Алексей Степанов сын Дьяконов в роде своем не последний, имею я благо-нажитое и благоприобретенное недвижимое имение, состоящее Санктпетербургской губернии в Ямбургском уезде мызу Нежинскую с четырнадцатью деревнями, в которой находилось по последней 1781го году переписи мужеска полу 580ть душ; из них продано после на вывоз его сиятельству господину сенатору, действительному тайному советнику и кавалеру графу Александр Романовичу Воронцову: 1782го декабря 13го тридцать одна, 1783го июля 20го девятнадцать, 1789го марта 30го девять душ; да в 1786м году сентября 3го две души подарены коллежскому ассесору Александр Семенову сыну Бобкову, находящемуся ныне в службе в Государственной иностранной коллегии: а всего продано и подарено шездесят одна душа, за тем по сие число состоит за мною действительно 519ть душ. Сия же Нежинская мыза с деревнями досталась мне покупкою в прошлом 1774м году от генерал майора и кавалера графа Сергея Володимировича Солтыкова, и та купчая совершена в Москве. А как по всемилостивейшей ея императорскаго величества о пожалованных российскому дворянству правах и преимуществах в 1785м году апреля 21го дня Грамоте между прочим в 22й статье сказано: «Благородному свободная власть и воля оставляется, быв первым приобретателем какого имения, благоприобретенное им имение дарить, или завещать или в приданые или на прожиток отдать, или передать или продать, кому за благо разсудит, наследственным же имением да не распоряжает инако, как законами предписано», то я, по силе оной дарованной от ея императорскаго величества российскому дворянству милости, все вышеписанное мое недвижимое имение мызу Нежинскую с деревнями, со всеми в наличности находящимися крестьянами с их имением, строением и со скотом, также со всею землею и угодьями поступаюсь и дарю свойственнику моему отставному примьер майору Григорью Иванову сыну Жукову и его наследникам, с таковым завещанием: что не прежде он может вступить во владение, как по смерти моей; а доколе я жив, то остается в моей воле владеть и управлять непосредственно так, как ныне,

² Завещание и крепостная запись написаны на двух сложенных пополам листах голубой бумаги формата in plano, вложенных один в другой и образующих, таким образом, небольшую тетрадь in folio. Крепостная запись (л. 2–3) находится внутри завещания (л. 1–1 об., 4–4 об.).

даже что могу все то имение продать, или сколько разсужу на вывоз по семьям и по одиначке как мужеск, так и женск пол продавать. А каким образом и на каком основании после смерти моей вышеупоминаемой майор Жуков, по укреплении за себя законным порядком того недвижимого подаренного ему от меня имения, должен им владеть и управлять, то чрез сие даются ему от меня следующие предписании:

1е. Известно всем, что здешней климат есть самой жесточайшей, то есть зима почти всегда восемь месяцев продолжающаяся, а потому и земли не только средния, но которые и лутшими называются, без удобрения никакого плода не приносят; удобрение же земель посредством содержания скота не только для крестьян, но и для самих владельцев столь трудно, или, можно сказать, и невозможно, что по сих пор ни те, ни другия, паче же крестьяне не могут достигнуть до желаемого намерения. А посему как ему майору Жукову, так его наследникам и потомкам и всем, кому означенное имение пришлось бы во владение продажею или другим каким случаем, посылать и ходить на господскую работу с каждого тягла, на котором мужик да баба во весь год, каждому два дни в неделе: мужику конному, а бабе пешей.

2е. Как уже выше сего сказано о здешнем жестком климате, которой главною причиною неимущества крестьян, и для того со крестьян мызы Нежинской сверх вышеписанных рабочих дней никаких сборов, которые называются здесь под словом пятины, отнюдь не требовать и не собирать, как то ни пятаго снопа с поля, ниже отсыпного хлеба, ни баранов, ни куриц, ни яиц, ни масла, ниже за оное деньгами: одним словом, не брать ничего как ему майору Жукову, так и никому вечно, кто будет владеть Нежинскою мызою.

3е. У кого случится на тягле много детей, кои могут по силам своим исправлять какую нибудь работу, и отец пожелает из них отдать кому из найма в работу, тем не воспрещать.

4е. Тяглы на крестьянских детей не накладывать ниже 18ти лет, разве бы сами, будучи менее сих лет, взять пожелали.

5е. Для житья господской ржи и ерового должен помещик взять всех поголовно, которые только могут жать, а после то число дней, которые жали, зачесть из положенных рабочих дней одним только тягловым, а детям их не зачитать.

6е. Ежели майор Жуков или его наследники пожелают сие недвижимое имение продать, или подарить, то не иначе оное продать и подарить могут, как на силе сего постановления; да и те, которые после будут покупать или дарить и поступаться, равным же образом владение и

власть их в рабочих днях и во всех вышеписанных постановлениях далее выходить не может.

7е. При отказе за себя майору Жукову сего имения объявить сие учреждение всем крестьянам и дать им от Ямбургского судебного места копию.

8е. А как из сего недвижимого имения 500 душ состоит в закладе в Заемном банке, то каждой год майор Жуков из доходов сей водчины имеет выплачивать на срок в банк по 1.600 рублей.

9е. У помянутого майора Жукова находится в военной службе капитаном брат его родной Иван Жуков. Последние от него письма были из под Очакова в прошлом 178...³ году, а после того уже он не писал; и так естли он жив, давать ему после смерти моей на содержание по 300 рублей всякой год до его смерти, хотя бы майор Жуков оное имение и продал, то из полученных за то имение денег.

10е. Дворового человека моего Кондратя Савельева подарил я его сиятельству графу Александру Романовичу Воронцову; и для того после смерти моей дать на него законную крепость.

11е. Дворового человека повара Ивана Ефремова по смерти моей отпустить на дом и дать ему за его доброе поведение сто рублей.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 399. Л. 1-1 об., 4-4 об.

4.2. Крепостная запись дарственной на имение Дьяконова, 11 октября 1789 г.⁴

Копия

Лета тысяща семь сот восемьдесят девятого года октября в первый на десять день, бригадир Алексей Степанов сын Дьяконов в роде своем не последней, по основанию всемилостивейше пожалованной от ея императорскаго величества благородному российскому дворянству на права и преимущества, в тысяща семь сот восемьдесят пятом году ноября⁵ дватцать перваго дня грамоты, дватцать второй статьи, подарил я свойственнику моему отставному примьер майору Григорью Иванову сыну Жукову в вечное и потомственное владение собственное мое

³ В документе здесь пробел.

⁴ Пометы: на л. 2 вдоль левого поля: «записать в книгу», вдоль нижнего поля: «по приходной № 408, по записной № 54»; вдоль верхнего поля на развороте л. 2 об. — 3: «Лист санкт петербургской губернии палаты гражданских дел».

⁵ Так в рукописи. Должно быть «апреля».

благоприобретенное недвижимое имение, доставшееся мне по купчей в тысяща семь сот семдесят четвертом году от генерал майора и ковалера графа Сергея Владимировича Салтыкова, состоящее Санкт Петербургской губернии в Ямбургском уезде мызу Нежинскую, с деревнями, в которых по четвертой ревизии, за исключением проданных и подаренных, и на волю отпущенных мужеска полу всего пять сот семнатцать душ с женами их и детьми и со всем их крестьянским имуществом с пашенною и непашенною землею, с хлебом стоячим, молоченным и в земле посеянным, с лесы с санными покосы и со всеми угоды, не исключая из того имения кроме вышеписанных проданных, подаренных и на волю отпущенных людей ничего, что мне по купчим и по всяким крепостям, и по межеваниям принадлежит, все без остатку; а равномерно дарю ему же Жукову отрезную землю, по бывшему в Ингермо[н]ландии последнему межеванию от Неженской мызы купленную мною от надворного советника Крестьяна Криднера по крепости, писанной в тысяща семь сот семдесят седьмом году апреля в четвертый день, в Санкт Петербургской крепостной канторе с тем, чтоб ему Жукову во владение онаго моего подареннаго недвижимаго имения вступить не прежде, как после моей смерти; а до кончины моей, оному недвижимому моему имению быть в полном моем владении и распоряжении, и что я то имение в жизнь свою волен продать, заложить, и во всякие крепости укрепить, кому пожелаю, по вступлении[и] ж во владение он Жуков должен вносить на срок в Государственной заемной банк по тысяче по шестисот рублей в платеж за то заложенное мною имение; а цену тому недвижимому имению по совести моей объявил я дватцать тысяч шесть сот восемьдесят рублей, с которой в казну пошлины платить ему Жукову. Напредь же сего то мое недвижимое имение от меня иному никому не продано, не заложено и ни в какие крепости не укреплено, и ни за что ни отписано; а буде кто в то мое недвижимое имение почему нибудь станет вступаться, то ему Жукову и наследникам его от тех вступщиков очищаться самим по тем крепостям, по которым то имение мне во владение досталось; касательно же до движимаго имения моего, в доме моем находящагося, то иное все без остатка, подарил ему же майору Жукову.

На подлинной крепости подписали:

К сей крепости бригадир Алексей Степанов сын Дьяконов в том, что я вышеозначенное недвижимое и движимое имение подарил и цену недвижимому имению по совести моей дватцать тысяч шесть сот восемьдесят рублей объявил, руку приложил. У сей крепости действительной тайной советник сенатор и Комерц коллегии президент граф Александр

Романов сын Воронцов свидетелем был и руку приложил. У сей крепости генерал майор и Санкт-Петербургский обер комендант Андрей Гаврилов сын Чернышев свидетелем был и руку приложил. У сей крепости коллежский асессор Андрей Дмитриев сын Дмитриев свидетелем был и руку приложил. У сей крепости Государственного заемного банка секретарь Алексей Мокеев сын Евдокимов свидетелем был и руку приложил. У сей крепости находящейся в Государственном заемном банке кассиром, губернский секретарь Петр Петров сын Гавеман свидетелем был и руку приложил. У сей крепости коллежский секретарь Александр Федотов сын Стаханов свидетелем был и руку приложил. У сей крепости находящейся в Государственном заемном банке старшим бухгалтером коллежской секретарь Генрих Остафьев сын Деллингсгаузен свидетелем был и руку приложил. У сей крепости коллежский секретарь Тимофей Васильев сын Замятин свидетелем был и руку приложил. У сей крепости провинциальной секретарь Михайла Яковлев сын Боровиков свидетелем был и руку приложил.

Сию запись писал Санкт-Петербургской губернии
палаты гражданских дел писец Яков Семиняков.

Запрещения нет, кроме значущаго в Государственном заемном банке займа, которой по сей крепости переводится платежом на приобретателя того недвижимаго [имения] майора Жукова. 1789 году октября в 11 день. По указу совершить, секретарь Иван Иванов; 1789 года октября в 11 день сия запись Санкт-Петербургской губернии, в полате гражданских дел писана и в книгу записана, пошлин тысячу тридцать четыре рубли принял и совершил надсмотрщик Дмитрий Степанов.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 13. Д. 399. Л. 2–3.

Аннотированный именной указатель

Аврелий — см. Марк Аврелий Антонин 41, 261

Александр Павлович (1777–1825) — великий князь, российский император Александр I с 1801 г. 59, 148

Апраксин Матвей Федорович, граф (1744–1803) — поручик 89

Апраксина Вера Николаевна (1768–1845) — супруга П.А. Завадовского с 1787 г. 133, 225, 230

Апраксина Софья Осиповна (ур. Закревская, 1743 — после 1804) — фрейлина императрицы, мать В.Н. Апраксиной, племянница А.Г. и К.Г. Разумовских 225

Апухтин Аким Иванович (1724–1798) — генерал-поручик, в 1773–1783 гг. — член Военной коллегии, в 1782–1784 гг. — уфимский и симбирский генерал-губернатор 36, 178, 262

Аристотель (384–322 до н.э.) — древнегреческий философ 117, 121

Арланд Франсуа Лоран д', маркиз (1742–1809) — французский офицер, участник первого полета на воздушном шаре 21 ноября 1783 г. 44, 188

Архаров Николай Петрович (1742–1814) — генерал-поручик, с 1785 по 1796 г. новгородский и тверской генерал-губернатор 286

Аш Иван Федорович, барон (1726–1807) — русский дипломат, секретарь посольства в Варшаве 37, 193, 195, 213, 217, 222

Бакунин Большой Петр Васильевич (1725–1782) — тайный советник, член Коллегии иностранных дел 56

Бакунин Меньшой Петр Васильевич (1732/1734–1786) — тайный советник, член Коллегии иностранных дел 56, 57, 58, 65, 66, 70, 92, 93, 196, 210, 211

Бакунин Михаил Васильевич (1730–1803) — действительный статский советник, вице-президент Камер-коллегии, в отставке с 1779 г. 58

Бакунин Модест Петрович (1765–?) — сын П.В. Бакунина Меньшого 57

Бакунин Павел Петрович (1776–1805) — сын П.В. Бакунина Меньшого 57

Бакунина Анна Сергеевна (ур. Татищева, 1741–1778) — супруга П.В. Бакунина Меньшого, дочь Прасковьи Илларионовны Воронцовой (в замужестве Татищевой), двоюродная сестра А.Р. Воронцова 57

Бакунина Любовь Петровна (ур. княж. Мышецкая, 1738–1814) — супруга М.В. Бакунина 58

Балле (Баллей) Иван (Яган) Петрович (1741–1811) — генерал-майор, обер-интендант флота, участник Русско-шведской войны 1788–1790 гг. 268, 277, 278

Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737–1814) — архивист, историк, управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел в 1783–1814 гг. 158

Баранов Адам Юрьевич (Адам Рейнгольд, ум. 1791) — с 1762 г. генерал-майор, комендант города Нарвы (1764–1791) 92, 173

Баратаев Петр Михайлович (Мельхиседекович), князь (1734–1789) — генерал-поручик, правитель

- Симбирского наместничества в 1780–1789 гг. 98
- Барков Иван Семенович (1732–1768) — поэт, переводчик Академии наук 23, 119, 135
- Безбородко Александр Андреевич, граф (1747–1799) — статс-секретарь у принятия прошений, докладчик по иностранным делам с 1780 г., второй присутствующий в Коллегии иностранных дел, впоследствии канцлер (1797–1799 гг.) 37, 39, 43, 44, 55–58, 64–66, 68–70, 74, 76, 78–80, 82, 93, 96, 97, 107, 111, 131, 134, 145, 148, 165, 174, 189, 190, 193, 194, 196, 206, 209, 235, 264, 277
- Беклешов Александр Андреевич (1743/1745–1808) — генерал-майор, рижский губернатор в 1783–1789 гг., впоследствии член Императорского Совета при Павле I, генерал-прокурор Сената 268, 285, 286
- Бергман Бальтазар (1736–1789) — масон 31
- Бессель Христиан Георг фон (1636–1688) — писатель, юрист, советник курфюрста бранденбургского 113
- Бибииков Александр Ильич (1729–1774) — генерал-аншеф, маршал Уложенной комиссии, воевал в 1771–1773 гг. против польских конфедератов, в 1773–1774 гг. провел ряд успешных операций против войск Пугачева 163, 183
- Бибииков Василий Ильич (1740–1787) — драматург, управляющий императорским театром в 1765–1787 гг., родной брат А.И. Бибиикова 136
- Бобков (Бабков) Александр Семенович — землемер в Ораниенбаумском уезде до 1785 г., с 1788 г. — чиновник Коллегии иностранных дел 164, 184, 211, 212, 237, 287
- Бологовский Николай Васильевич — председатель Петербургской уголовной палаты (с 1781 г.) 173
- Боровиков Михаил Яковлевич — провинциальный секретарь 291
- Браницкая Елизавета Ксавьеревна (1792–1880) — дочь К.П. Браницкого, супруга М.С. Воронцова 226
- Браницкий Ксаверий Петрович (Франциск Ксаверий) (1731–1819) — польский коронный гетман, противник короля Станислава Августа 226
- Булгаков Яков Иванович (1743–1789) — дипломат, посланник в Константинополе в 1781–1789 гг. 232, 233
- Варий — см. Луций Варий Руф 134
- Вергилий — см. Публий Вергилий Марон 134, 138, 141
- Веспасиан — см. Тит Флавий Веспасиан 41, 261
- Волков Федор Григорьевич (1729–1763) — создатель первого русского драматического театра, актер, поэт, переводчик 19, 20, 51
- Волконский Михаил Никитич, князь (1713–1788) — генерал-аншеф, сенатор, посол в Варшаве в 1769–1771 гг., главнокомандующий в Москве в 1771–1780 гг. 265
- Вольтер Франсуа-Мари Аруэ (1694–1778) — французский философ и писатель 39, 40–42, 54, 123, 129, 172, 236, 252
- Воронцов Михаил Илларионович, граф (1714–1767) — вице-канцлер в 1744–1758 гг., канцлер в 1758–1763 гг., дядя А.Р. Воронцова 53, 56
- Воронцов Михаил Семенович, граф (1782–1856) — сын С.Р. Воронцова, впоследствии — участник войны 1812 г., генерал-фельдмаршал, с 1845 г. — светлейший князь 56
- Воронцов Роман Илларионович, граф (1717–1783) — действительный камергер, генерал-аншеф и сенатор, в 1778–1783 гг. владимирский, пензенский, тамбовский и костромской генерал-губернатор 31, 53, 63, 67, 68, 84, 103, 161, 195, 197
- Воронцов Семен Романович, граф (1744–1832) — дипломат, в 1784–1806 гг. посол в Лондоне, родной брат

- А.Р. Воронцова 55, 56, 66, 82, 85, 100, 101, 138, 159, 184, 195, 197, 225–227, 257, 277
- Вяземский Александр Алексеевич, князь (1727–1793) — действительный тайный советник, сенатор, генерал-прокурор Сената в 1764–1792 гг. 76, 77, 82, 213, 217, 241
- Вяземский Андрей Иванович, князь (1750/1754–1807) — с 1779 г. генерал-майор, с 1789 г. генерал-поручик, нижегородский и пензенский генерал-губернатор в 1796–1797 гг., впоследствии сенатор 207
- Вяземский Петр Андреевич, князь (1792–1878) — поэт, литератор, мемуарист 207
- Гавеман Петр Петрович — губернский секретарь, кассир в Заемном банке 291
- Гаврилова Анна — мать
О.А. Кипренского, крепостная
А.С. Дьяконова 48, 49
- Гай Прокулей Варрон (75/65 до н.э. — 10/1 н.э.) — римский всадник, приближенный императора Октавиана Августа 258
- Галактионов Семен — заседатель сестного суда Санкт-Петербургской губернии, избранный от купечества 86
- Ган Август Иванович (Иоганн Август) фон, барон (1730–1799) — санкт-петербургский почт-директор с 1789 г. 279
- Гарновский Михаил Антонович (1764?–1810/1817?) — адъютант Г.А. Потемкина 39, 55, 69, 70, 74, 75, 78–80, 98, 99, 134, 143, 145, 217, 224, 230, 232, 235, 244–246, 255, 261, 264, 266, 270, 277, 278
- Гартвис Генрих Антон фон (? — ок. 1795) — обер-комендант в Риге в 1765–1769 гг., с 1787 г. — заседатель в уездном суде и дворянской опеке в Волмаре Рижского наместничества 181
- Глазырин Сергей — заседатель сестного суда Санкт-Петербургской губернии, избранный от государственных крестьян 86
- Голенищев-Кутузов Иван Логгинович (1729–1802) — генерал-майор, адмирал (с 1782 г.), с 1762 г. директор, а с 1788 г. — главный директор Морского кадетского корпуса, переводчик, член Академии художеств, Вольного экономического общества и Российской академии 43, 52, 91, 94, 96–98, 209, 212, 214, 215
- Голенищева-Кутузова Евдокия (Авдотья) Ильинична (ур. Бибикина, 1743–1807) — супруга И.Л. Голенищева-Кутузова 94, 212
- Головкин Гавриил Иванович, граф (1660–1734) — канцлер в 1709–1734 гг., президент Коллегии иностранных дел с 1717 г., кабинет-министр в 1731–1734 гг. 19, 91
- Головкин Михаил Гаврилович (1699–1754) — действительный статский советник, вице-канцлер (1740–1741) 19
- Гольбах Поль Анри, барон (1723–1789) — французский философ-просветитель 123
- Гораций — см. Квинт Гораций Флакк 23, 59, 118, 119, 134, 135, 137, 138, 140, 142, 167, 258
- Грейг Самуил Карлович (1735–1788) — адмирал (с 1782 г.), командующий Балтийским флотом в 1788 г. 56, 92
- Гудович Иван Васильевич (1741–1820) — генерал-губернатор рязанский и тамбовский в 1785–1796 гг., участник русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг., инспектор армии по пехоте и кавалерии 98, 219
- Густав III (1746–1792) — король Швеции в 1771–1792 гг. 261
- Гюнтцель Карл фон (Гинцель Карл Христианович) (1741–1816) — генерал-поручик, в 1785–1793 гг. — правитель Выборгского наместничества в должности губернатора 98
- Д'Аламбер Жан Ле Рон (1717–1783) — французский философ-просветитель 54, 123, 154
- Давид (ок. XI–X вв. до н.э.) — царь Израиля 129, 178

- Даль Герман Юрьевич (1723–1789) — действительный статский советник, с 1780 г. — советник для таможенных дел в Санкт-Петербургской Казенной палате, фактический глава Петербургской таможни 62, 63, 93, 109, 110, 203, 226, 262
- Дасье Андре (1651–1722) — французский ученый-классик, филолог, переводчик и комментатор античных текстов 134, 135, 258
- Дашкова Екатерина Романовна, княгиня (ур. Воронцова, 1743/1744–1810) — статс-дама, директор Петербургской академии наук и президент Российской академии с 1786 по 1796 г., родная сестра А.Р. Воронцова 53, 55, 59, 64, 65, 81, 82, 100, 101, 120, 175, 195, 197, 211, 217, 225, 226, 277
- Демидов Александр Григорьевич (1737–1803) — советник Берг-коллегии, дворянский заседатель совестного суда Санкт-Петербургской губернии в 1781–1783 гг. 86
- Державин Гавриил Романович (1743–1816) — литератор и государственный деятель 37, 58, 98, 138, 144, 145, 151, 152, 159, 193, 208, 209, 266
- Дидро Дени (1713–1784) — французский философ-просветитель, писатель 56, 123, 154
- Диллингсаузен Генрих Остафьевич — коллежский секретарь, старший бухгалтер в Заемном банке 291
- Димсдейл Томас, барон (1712–1800) — английский врач, доктор медицины, действительный статский советник, в 1768 г. приглашен в Россию для прививания оспы императрице Екатерине II и наследнику престола 56
- Дмитревский Иван Афанасьевич (наст. фам. Нарыков, Дьяконов 1734–1821) — актер, драматург, поэт, переводчик 20, 51
- Дмитриев Андрей Дмитриевич — коллежский асессор 291
- Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — поэт, баснописец; сенатор, министр юстиции (1810–1814) 250
- Дмитриев Михаил Александрович (1796–1866) — поэт, мемуарист 250
- Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич (1758–1803) — поручик, адъютант Г.А. Потемкина, с 1788 г. — генерал-поручик, генерал-адъютант, фаворит императрицы в 1786–1789 гг. 79, 80, 270
- Дмитриева Мария Александровна (ур. Пиль) — племянница И.А. Пиля, мать М.А. Дмитриева 250
- Дьяков Алексей Афанасьевич (1720/1721 — 1789/1791) — статский советник, бригадир, отец сестер Александры, Марии и Дарьи Дьяковых (в зам. Капнист, Львова и Державина) 57
- Дьякова Авдотья Петровна (ур. княж. Мышецкая, 1729–1795) — супруга А.А. Дьякова 58
- Евдокимов Алексей Мокеевич — секретарь в Заемном банке 291
- Екатерина II Алексеевна (1729–1796) — российская императрица с 1762 г.; великая княгиня (1745–1762) 38, 55, 68, 70, 81–83, 93, 94, 159, 179, 185, 191, 196, 204, 209, 216, 217, 224, 233, 258, 260–262, 270, 275, 278, 284
- Елагин Иван Перфильевич (1725–1793/1794) — литератор, приближенный Екатерины II (с 1782 г. обер-гофмейстер), масон, с 1772 г. — Провинциальный Великий мастер России (Великая ложа Англии) 30–32, 84–86, 96, 110, 125, 126, 130, 174, 186, 217
- Жокур Луи (1704–1779) — французский литератор, один из основных авторов «Энциклопедии» 123
- Жуков Григорий Иванович (ок. 1742 — до 1810) — премьер-майор, с 1791 г. — гофмейстер в Морском кадетском корпусе 51, 52, 289–291
- Жуков Иван Иванович — капитан с 1788 г., с 1789 г. — секунд-майор Санкт-Петербургского гарнизона, брат Г.И. Жукова 290
- Завадовский Петр Васильевич, граф (1739–1812) — кабинет-секретарь

- Екатерины II, ее фаворит в 1774–1776 гг., впоследствии первый министр просвещения 39, 65, 70, 71, 75–79, 96, 98, 99, 103, 110, 133, 134, 138, 145, 172–175, 181, 204, 209, 210, 217, 223, 225, 227, 229, 230, 232, 233, 235, 237, 245, 260, 262, 264
- Замятин Тимофей Васильевич — коллежский секретарь 291
- Зубов Александр Николаевич (1727–1795) — тайный советник, обер-прокурор Первого департамента Сената (с 1789) 191
- Зубов Платон Александрович (1767–1822) — фаворит Екатерины II в 1789–1796 гг., участник Русско-шведской войны 1788–1790 гг. 81
- Зуев Харитон Лукич (1730–1806) — действительный статский советник (с 1788 г.), вице-губернатор Псковского наместничества в 1782–1785 гг., губернатор Олонецкого наместничества в 1785–1786 гг., правитель Псковского наместничества в 1788–1797 гг. 37, 73, 74, 159, 208, 249, 257
- Иванов Иван — секретарь Гражданской палаты Санкт-Петербургской губернии 291
- Игельстром Осип Андреевич (Отто Генрих), барон (1737–1823) — с 1776 г. генерал-поручик, в 1784–1792 гг. генерал-губернатор сибирский и уфимский, в 1788–1790 гг. состоял в Финляндской армии, впоследствии генерал-аншеф, командующий войсками в Польше 98, 262
- Ионафан (ок. XI в. до н.э.) — старший сын царя Израиля Саула 129
- Иосиф II (1741–1790) — император Священной Римской империи с 1765 г., соправитель императрицы Марии Терезии до 1780 г. 37, 65, 196, 197, 233, 261
- Калигула (Гай Юлий Цезарь Германик) — римский император в 37–41 гг. н.э. 41, 261
- Кантемир Антиох Дмитриевич, князь (1708–1744) — поэт, переводчик, дипломат 21–23, 118
- Капнист Василий Васильевич (1758–1823) — поэт 58
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — писатель и историк 15, 115, 146, 158, 167, 262
- Квинт Горацій Флакк (68–8 до н.э.) — древнеримский поэт 23, 59, 118, 119, 134, 135, 137, 138, 167, 258
- Кипренский Орест Адамович (1782–1836) — русский художник 46–50
- Клеопатра (69–30 до н.э.) — царица Египта 258
- Княжнин Яков Борисович (1740–1791) — поэт, драматург 81, 160, 250
- Кобенцль Людвиг фон (1753–1809) — в 1779–1797 гг. посланник, затем посол Священной Римской империи в России, сопровождал императора Иосифа II в поездке в Могилев в 1780 г. 196, 233
- Кобург-Заальфельдский Йозиас Фридрих, герцог (1737–1815) — командующий войсками Габсбургов в войне с Турцией 1787–1791 гг. 245
- Кожин Алексей Никитич (1737–1805) — прокурор Камер-коллегии в 1764 г., затем камер-директор в Могилевской губернии, с 1775 г. — в Новгородской губернии: председатель Уголовной палаты, в 1776 г. вице-губернатор, в 1780–1783 гг. — губернатор Псковского наместничества 37
- Козлянинов Тимофей Гаврилович (1740–1798) — морской офицер, командовал эскадрой в Гогландском сражении 1788 г., осенью 1788 г., после смерти С. Грейга, принял временное командование Балтийским флотом, с марта 1789 г. — вице-адмирал 274, 275
- Константин Павлович (1779–1831) — великий князь 59, 148
- Кречетников Михаил Никитич (1729–1793) — с 1775 г. генерал-поручик, с 1789 г. генерал-аншеф, в 1777–1780 гг. наместник в Калужской, Тульской и Рязанской губерниях, в 1781–1793 гг.

- тульский и калужский генерал-губернатор 186
- Лабзин Александр Федорович (1766–1825) — писатель, переводчик, член кружка Н.И. Новикова 148
- Лаважетти Петр — купец 89
- Лафермьер Франц Герман (1737–1796) — писатель, драматург, в России — с 1766 г., служил преподавателем французского языка и литературы у великого князя Павла Петровича, затем секретарь и библиотекарь великого князя и великой княгини Марии Федоровны 56, 100, 101
- Левашов Василий Иванович (1740–1804) — генерал-поручик, командовал лейб-гвардии Семеновским полком с 1777 г., во время Русско-шведской войны 1788–1790 гг. командовал войсками при Фридрихсгаме 191
- Лесаж Ален Рене (1668–1747) — французский писатель-романист, переводчик, автор романов «Хромоый бес» и «История Жиль Блаза из Сантильяны» (1715–1735) 265
- Литта Юлий Помпеевич (1763–1839) — на русской службе с 1789 г. в чине капитан-командора, произведен в контр-адмиралы за храбрость, проявленную в Роченсальмском сражении, член Мальтийского ордена 277
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) — поэт, ученый, историк, академик Петербургской академии наук 24, 119, 262
- Лопиталь (Л’Опиталь) Поль-Франсуа де Галлюсио, маркиз (1697–1767) — французский посол при русском дворе в 1757–1760 гг. 53
- Лунин Сергей Михайлович (1760–1817) — муж Ф.Н. Луниной, зять М.Н. Муравьева 59, 139, 275
- Лунина Федосья Никитична (ур. Муравьева, 1760–1792) — сестра М.Н. Муравьева 59, 138, 139, 275
- Луций Варий Руф (74–14 до н.э.) — древнеримский поэт 134
- Львов Василий Дмитриевич (?–1814) — коллежский советник в гражданской палате Санкт-Петербургской губернии в 1786 г., с 1787 г. — в правлении Ассигнационного банка, с 1788 г. — статский советник, с 1796 г. в отставке в чине действительного статского советника 38, 39, 159, 227, 258, 259
- Львов Николай Александрович (1751–1803) — поэт, архитектор, музыкант, член Академии художеств, коллежский, затем статский советник при Главном почтовых дел правлении 58–60, 101, 111, 138, 141, 144, 145, 151, 152, 196–198, 209, 227, 266
- Малиновский Василий Федорович (1765–1814) — переводчик Коллегии иностранных дел, дипломат, писатель, впоследствии — первый директор Царскосельского лицея 148, 194
- Марк Аврелий Антонин — римский император в 161–180 гг., философ-стоик 41, 261
- Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.) — римский политический деятель, писатель, философ 118, 120, 125, 127, 128
- Меценат Гай Цильний (?–8 до н.э.) — богатый римский всадник, приближенный императора Октавиана Августа, покровитель поэтов Горация, Вергилия и др. 118, 134, 258
- Миних Иоганн Эрнст фон, граф (1707–1788) — действительный статский советник, в 1766–1780 гг. возглавлял Петербургскую таможенную (Главную над таможенными сборами канцелярию), в 1764–1773 гг. — президент Коммерц-коллегии 55, 262
- Михельсон Иван Иванович (1739–1807) — генерал-поручик, в июне 1788 г. назначен командующим корпусом в составе нескольких полков в Финляндии 244, 272
- Монгольфье, братья — Жозеф Мишель (1740–1810) и Жак-Этьен (1745–1799) — изобретатели и испытатели воздушного шара, наполненного горячим воздухом 44, 188

- Морков (Марков) Аркадий Иванович (1747–1827) — дипломат, полномочный посол в Нидерландах в 1781–1782 гг., посланник в Швеции в 1783–1786 гг., с 1786 г. — член Коллегии иностранных дел, где занял место П.В. Бакунина Меньшого 70
- Муловский Григорий Иванович (1758–1789) — участник сражения при Гогланде в 1788 г., в чине капитана бригадирского ранга командовал линейным кораблем и погиб в сражении при Эланде 15 июля 1789 г., внебрачный сын адмирала И.Г. Чернышева 275
- Муравьев Михаил Никитич (1757–1807) — поэт, литератор, учитель великих князей Александра и Константина Павловичей, впоследствии сенатор, товарищ министра просвещения и попечитель Московского университета (с 1803 г.) 16, 51, 58–60, 121, 122, 138–141, 143, 203, 275
- Муравьева Екатерина Федоровна (ур. баронесса Колокольцева, 1771–1848) — супруга М.Н. Муравьева 16, 60
- Мусин-Пушкин Валентин Платонович, граф (1735–1804) — вице-президент Военной коллегии с 1786 г., главнокомандующий русской армией во время Русско-шведской войны 1788–1790 гг., фельдмаршал (с 1797 г.) 232, 244, 278
- Нагаев Иван Николаевич — управляющий вотчинами Воронцовых, сын Н. Нагаева 192
- Нагаев Николай — управляющий Петербургской домовою конторой Воронцовых, вероятно, также управляющий имением Андреевское (д. Матренино, Владимирская губ.) и Костромским вотчинным правлением Воронцовых 192
- Нарышкин Алексей Васильевич (1742–1800) — сенатор, дипломат, литератор, товарищ Воронцова по сенатским ревизиям в 1785–1787 гг. 59, 72, 73, 88, 98, 159, 189, 195, 208, 215, 219, 284
- Нассау-Зиген Карл Генрих Никола Оттон, принц (1745–1808) — на русской службе с 1788 г., в 1789 г. командующий гребной эскадрой на Балтийском море в чине вице-адмирала, победитель при Роченсальме 13 августа 1789 г. 277
- Неранчич Давыд Гаврилович (1751–?) — флигель-адъютант императрицы, генерал-майор с 1785 г., командующий гусарскими полками во время Русско-турецкой войны в 1787–1791 гг., брат фаворита Екатерины II С.Г. Зорича 186, 187
- Нерон (Нерон Клавдий Цезарь Август Германик) — римский император в 54–68 гг. 261
- Новиков Николай Иванович (1744–1818) — просветитель, писатель, глава московских розенкрейцеров, издатель 40, 91, 262
- Новосильцев Петр Иванович (1744–1805) — статский советник, бригадир (с 1786 г.), вице-губернатор Санкт-Петербургской губернии в 1785–1793 гг., с 1790 г. — генерал-провиантмейстер, с 1794 г. — присутствующий в Военной коллегии 285
- Октавиан Август — римский император в 27 г. до н.э. — 14 г. н.э. 258
- Олсуфьев Адам Васильевич (1721–1784) — статс-секретарь Екатерины II с 1762 г., сенатор 191
- Остерман Иван Андреевич, граф (1725–1811) — вице-канцлер в 1775–1796 гг. 64, 92, 194, 196, 227, 237
- Павел Петрович, великий князь (1754–1801) — российский император с 1796 г. 70
- Панин Никита Иванович, граф (1726–1783) — дипломат и государственный деятель, фактический глава Коллегии иностранных дел в 1763–1781 гг. 261
- Пашков (Панков, Папков) — неустановленное лицо 211
- Петров Василий Петрович (1736–1799) — поэт и переводчик, библиотекарь Екатерины II 119, 266

- Пeutлинг Александр Александрович, барон (1739–1795/1799?) — с 1784 г. генерал-майор, правитель Уфимского наместничества в 1785–1794 гг. 98
- Пиль Александр Алферьевич — надворный советник при уголовной палате Саратовской губернии в 1784–1795 гг., брат И.А. Пили 250
- Пиль Алферий Павлович — выходец из Швеции, в русской службе с 1686 г., с 1712 г. полковник, отец И.А. и А.А. Пилей 62
- Пиль Елизавета Ивановна (ур. Янова, 1746–1814) — супруга И.А. Пили 250
- Пиль Иван Алферьевич (1730–1801) — с 1776 г. генерал-майор, состоял при Финляндской дивизии, с 1782 г. генерал-поручик, в 1782–1783 гг. рижский губернатор, в 1783–1788 гг. правитель Псковского наместничества, в 1788–1794 гг. генерал-губернатор иркутский и колыванский 37, 61–63, 69, 70, 73, 109, 159, 249, 250, 268
- Плиний Старший (22/24–79) — римский ученый и писатель 258
- Полянская Елизавета Романовна (ур. Воронцова, 1739–1792) — фрейлина, фаворитка императора Петра III, сестра А.Р. Воронцова 225, 226
- Попов Кирила — заседатель совестного суда Санкт-Петербургской губернии, избранный от купечества 86
- Поповский Николай Никитич (1728–1760) — поэт, переводчик, профессор риторики, первый ректор гимназии при Московском университете 118, 137, 138
- Потапов Устин Сергеевич — генерал-майор, Санкт-Петербургский губернатор в 1780–1784 гг. 92, 174
- Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) — государственный и военный деятель, фаворит Екатерины II, в 1775–1784 гг. вице-президент, в 1784–1791 гг. президент Военной коллегии 29, 35, 36, 39, 55, 62, 64–66, 70, 77–82, 93, 94, 96, 99, 134, 176, 177, 179, 190, 191, 193, 226, 232, 235, 238, 239, 255, 260, 262, 266, 275
- Потемкин Павел Сергеевич (1743–1796) — генерал-аншеф, генерал-губернатор и наместник саратовский и кавказский (1782–1787); родственник Г.А. Потемкина 221, 222
- Походяшин Григорий Максимович (ок. 1760–1820) — сын верхотурского винного откупщика, масон, сотрудник Н.И. Новикова по Типографической компании и другим начинаниям, в особенности в благотворительности 191
- Публий Вергилий Марон (70–19 до н.э.) — древнеримский поэт 134, 138, 141
- Радищев Александр Николаевич (1749–1802) — писатель, в 1780–1790 гг. помощник советника таможенных дел Казенной палаты Санкт-Петербургской губернии 15, 33, 40, 42, 47, 62–64, 80, 81, 82, 93, 109, 110, 114, 132, 133, 144, 159, 160, 163, 168, 226, 271
- Радищев Монсей Николаевич (1756–1804) — директор Архангельской таможни, брат А.Н. Радищева 63
- Радищев Павел Александрович (1783–1866) — сын А.Н. Радищева, мемуарист 42, 93, 160
- Разумовский Алексей Григорьевич, граф (1709–1771) — фаворит императрицы Елизаветы Петровны, генерал-фельдмаршал 19, 31, 107, 183, 225
- Разумовский Кирилл Григорьевич, граф (1728–1803) — гетман Украины в 1750–1764 гг., президент Петербургской академии наук в 1746–1798 гг., генерал-фельдмаршал 134, 225, 229
- Рамзи Эндрю Майкл де (1686–1743) — французский мистик и писатель шотландского происхождения, якобит 128
- Рейнгольд Иван Михайлович (Рейнгольд Иоганн) фон (1733–1792) — генерал-поручик с 1779 г., в 1778–1781 гг. правитель Полоцкого наместничества, губернатор нижегородский в 1782–1786 гг., генерал-губернатор нижегородский и пензенский в 1786–1792 гг. 98

- Ржевский Алексей — секунд-майор Ширванского полка, автор дневника 152, 156
- Ржевский Степан Матвеевич (1732–1783) — генерал-поручик 179
- Рибас Осип Михайлович де (Дерибас) (1749–1800) — на русской службе с 1772 г., по происхождению испанец, воспитатель сына Екатерины II А.А. Бобринского, участник Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. 39, 258
- Роджерсон Джон Сэмюэль (Иван Самойлович) (1741–1823) — лейб-медик императрицы Екатерины II 56, 161, 277, 281
- Розье Жан-Франсуа Пилатр де (1754–1785) — ученый-естествоиспытатель, совершивший вместе с маркизом д'Арландом первый полет на воздушном шаре, сооруженном Монгольфье, 21 ноября 1783 г. 44, 188
- Роллен Шарль (1661–1741) — французский историк, писатель 41, 206
- Румянцев Петр Александрович (Румянцев-Задунайский), граф (1725–1796) — русский военачальник, государственный деятель 29, 55, 56, 64, 78, 110, 137, 172, 173, 175, 210, 229, 230, 232, 233, 239, 245, 260
- Румянцев Сергей Петрович, граф (1755–1838) — русский посланник в Берлине в 1786–1788 гг., сын фельдмаршала П.А. Румянцева 210
- Румянцева Екатерина Михайловна (ур. княж. Голицына, 1724–1779), графиня — статс-дама, гофмейстерина, супруга П.А. Румянцева-Задунайского 159
- Рылеев Никита Иванович (1749–1808) — генерал-майор, обер-полицейстер Петербурга с 1784 по 1793 г. 211
- Сазанов Иван — заседатель совестного суда Санкт-Петербургской губернии, избранный от государственных крестьян 86
- Салтыков Сергей Владимирович (1739–1800) — генерал-майор, писатель 33, 291
- Самборский Андрей Афанасьевич (1732–1815) — священник русской посольской церкви в Лондоне в 1765–1781 гг., законоучитель великих князей Александра и Константина Павловичей с 1784 г., настоятель храма св. Софии в г. Софии близ Царского Села с 1788 г. 148
- Сандер Якоб Фридрих (1727–1803) — нарвский врач, родом из Кёндрингена (близ Фрайбурга-им-Брейсгау) 199, 207, 251, 256, 267
- Светоний (Гай Светоний Транквилл (ок. 70 — после 122 н.э.)) — древнеримский писатель, историк 134
- Сегюр Луи Филипп, граф (1753–1830) — французский посол при русском дворе в 1785–1789 гг., мемуарист 45, 65–67, 232, 271
- Семяников Яков — писец 291
- Синельников (Сенельников) Иван Максимович (1741–1788) — генерал-майор, участник операций по подавлению восстания Пугачева и переселению христиан из Крыма в 1778 г., в 1784–1788 гг. — екатеринославский генерал-губернатор 37, 193, 195, 209
- Соймонов Михаил Федорович (1730–1804) — генерал-майор, президент Берг-коллегии и Главный директор департамента горных и монетных дел в 1771–1776 гг., сенатор, ученый, приходился двоюродным дядей Н.А. Львову 55, 58
- Соллогуб (Сологуб) Иван (Ян) Антонович (1747–1812) — майор польской артиллерии, генерал-адъютант короля Станислава-Августа, с 1777 г. в русской службе 86, 186, 187
- Сорен Бернар Жозеф (1706–1781) — французский драматург 160
- Стаханов Александр Федотович — коллежский секретарь 291
- Степанов Дмитрий — надсмотрщик в Гражданской палате Санкт-Петербургской губернии 291

- Страхова Авдотья Васильевна (1758–1825) — родственница Г.Р. Державина, в замужестве Синельникова 193
- Суворов Александр Васильевич (1730–1800) — российский военачальник 240
- Судиенков Осип Степанович — полковник, статский советник в Главном почтовых дел правлении в 1786–1796 гг., впоследствии действительный статский советник 230
- Сумароков Александр Петрович (1717–1777) — поэт и драматург 19, 20–22, 25–28, 31, 40–42, 50, 61, 107, 114, 115, 134, 179, 180, 254, 255
- Сумов — неустановленное лицо 228
- Сутгоф Карл Ефимович (Карл Иоахим) (1735–1788) — купец первой гильдии, житель Нарвы 206, 253, 259, 284
- Теплов Василий Егорович (1731/1732 — после 1779) — переводчик Петербургской академии наук 265
- Тиберий Клавдий — см. Тиберий Клавдий Нерон 41, 261
- Тиберий Клавдий Нерон — римский император в 14–37 гг. 41, 261
- Тит Флавий Веспасиан — римский император в 69–79 гг. 41, 261
- Тит Цезарь Веспасиан Август — римский император в 79–81 гг. 41, 261
- Тредиаковский Василий Кириллович (1703–1768) — поэт, переводчик, филолог, профессор Петербургской академии наук 22, 41, 113, 114, 137
- Трубецкой Никита Юрьевич, князь (1699–1767) — генерал-прокурор Сената в 1740–1760 гг. 91
- Трубецкой Николай Никитич, князь (1744–1820) — деятель русского масонства, писатель, переводчик, управитель казначейства для остаточных сумм в 1786–1792 гг., впоследствии сенатор 91
- Трубецкой Петр Никитич (1724–1791) — действительный тайный советник, сенатор, литератор, масон 49
- Трубецкой Сергей Никитич, князь (1731–1812) — генерал-поручик, масон 49, 91, 92, 94–96, 173, 176, 180
- Трубецкой Юрий Никитич, князь (1736–1811) — деятель русского масонства, розенкрейцер 91
- Тургенев Иван Петрович (1752–1807) — бригадир, видный масон, впоследствии — директор Московского университета (1796–1803 гг.) 121
- Турчанинов Петр Иванович (1746–после 1823) — бригадир (1782), генерал-майор (1785), впоследствии — генерал-поручик 176
- Уткин Николай Иванович (1780–1863) — художник, гравер, считается незаконнорожденным сыном М.Н. Муравьева 60
- Фатов Венедикт Иванович — вяземский купец 1-й гильдии, торговавший в Риге, титулярный советник (с 1776 г.), в 1776 г. избран директором над расчисткой Двины от камней и порогов, мешавших купеческим судам 203
- Фатов Иван Венедиктович — коллежский асессор, состоял в Комиссии по строению Рижской гавани, сын В.И. Фатова 268
- Фрез (Фрезе, Фреез) Фридрих Петр, Федор Петрович (? — не ранее 1803) — врач, штаб-лекарь лейб-гвардии Конного полка (1768–1782), масон, Великий меченосец Великой провинциальной ложи 281
- Фридрих II (1712–1786) — король Пруссии в 1740–1786 гг. 261
- Фридрих Вильгельм II (1744–1797) — король Пруссии в 1786–1797 гг. 261
- Хемницер Иван Иванович (1745–1784) — поэт, переводчик, русский генеральный консул в Смирне в 1782–1784 гг. 58
- Храповицкий Александр Васильевич (1749–1801) — статс-секретарь Екатерины II, писатель, переводчик, автор «Памятных записок» («Дневника»), масон, член

- елагинских лож 76, 78, 94, 150, 240, 245, 266, 270, 274
- Цицерон — см. Марк Туллий Цицерон 118, 120, 125, 127, 128
- Чернышев Андрей Гаврилович (1720/1721–1797) — генерал-майор; обер-комендант Санкт-Петербурга; впоследствии генерал-аншеф 291
- Чернышев Захар Григорьевич, граф (1722–1784) — генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии в 1762–1774 гг. 29, 35, 177
- Чернышев Иван Григорьевич, граф (1726–1797) — генерал-фельдмаршал флота, вице-президент Адмиралтейств-коллегии (с 1769 г.) 275
- Чирикова — неустановленное лицо 207
- Чичагов Василий Яковлевич (1726–1809) — адмирал, участник Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., с 1789 г. — главный начальник Ревельского порта и командующий Балтийским флотом 270, 274
- Швальбе Адам (1742?–1807) — отец (возможно, приемный) О.А. Кипренского, дворовый человек А.С. Дьяконова 47–50
- Шереметев Николай Петрович, граф (1754–1809) — камергер, сенатор, директор Дворянского банка в 1777–1786 гг. 22, 281
- Шешковский Степан Иванович (1727–1794) — обер-секретарь Сената, фактический начальник Тайной экспедиции при Первом департаменте Сената в 1762–1794 гг. 30, 80, 81
- Штакельберг Отто Магнус (Антон Егорович) (1736–1800) — русский посол в Варшаве с 1772 по 1790 г. 193, 213, 215
- Шталь Георг Эрнст (1659–1734) — немецкий естествоиспытатель, врач 249
- Штелин Яков Яковлевич (Якоб) (1709–1785) — действительный статский советник, академик Петербургской академии наук, искусствовед, историограф, педагог 19, 20
- Шувалов Андрей Петрович, граф (1743/1744–1789) — действительный тайный советник, сенатор, директор Ассигнационного банка с 1768 г. 38, 39, 70, 75, 76, 78, 79, 97, 98, 145, 150, 209, 214, 221, 229, 232, 246, 264, 286
- Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790) — сенатор (1779–1788), президент Камер-коллегии (1778–1784); философ, историк, публицист 67, 68, 101, 102, 112, 151
- Щербатова Дарья Федоровна, княжна (1762–1801) — фрейлина, в замужестве Дмитриева-Мамонова 270
- Экк (Ек, Эк) Матвей Матвеевич — действительный статский советник, директор Санкт-Петербургского почтамта (почт-директор) в 1764–1789 гг., член Главного почтовых дел правления с 1783 г., фактически возглавлял почту империи 93, 107, 162, 190, 279
- Энгельгардт Александра Васильевна (1754–1838) — племянница Г.А. Потемкина, в замужестве Браницкая 226
- Ягужинский Сергей Павлович, граф (1731–1806) — генерал-поручик 89
- Якоби Иван Варфоломеевич (1726–1803) — генерал-поручик, уфимский и симбирский генерал-губернатор в 1781–1783 гг., иркутский и колыванский генерал-губернатор в 1783–1788 гг. 69, 249
- Янсен (Янсон) Иван — секунд-майор, почтмейстер в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии в 1780-е годы 254

Д86 «...душевно к вам привязан»: Переписка графа Александра Воронцова и бригадира Алексея Дьяконова (1780-е годы) [Текст] / сост., науч. ред., авт. науч. ст. и коммент. М. Б. Лавринович ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — (Новые источники по истории России = Rossica Inedita). — 303, [1] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2581-4 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2492-3 (e-book).

В издании впервые вводится в научный оборот переписка графа А.Р. Воронцова и его современника бригадира А.С. Дьяконова. Письма касаются проблем, составлявших повседневность и формировавших жизненный мир русского дворянства: служба, хозяйство, награждения, петербургский двор, войны и связанные с ними рекрутские наборы. Второй существенный пласт переписки — это размышления о связывавших корреспондентов взаимоотношениях, попытки говорить о них разным языком, открывающие с неожиданной стороны внутренний мир как знаменитого вельможи, так и рядового на первый взгляд военного.

Книга адресована как историкам, культурологам, филологам, так и широкому кругу читателей.

УДК 929
ББК 63.2

“...Heartily Attached to You”: The Correspondence Between Count Aleksandr Vorontsov and Brigadier Aleksei Dyakonov (1780s) / edited and with an introduction and commentary by Maya B. Lavrinovich ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2022. — (New sources on the history of Russia = Rossica Inedita) — 304 pp. — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-2581-4 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-2492-3 (e-book).

This volume introduces the correspondence of Count Aleksandr R. Vorontsov and his contemporary, Brigadier Aleksei S. Dyakonov. Letters cover the issues that framed the daily routine and shaped the life of Russian nobles: state service, estate management, seeking and receiving awards, changes at the Imperial court in St. Petersburg, wars and the military draft. Another significant layer of correspondence, however, are the attempts of the two correspondents to reflect on the relationship between them and to work out ways of talking about this friendship, opening up unexpected vistas on the inner world of these two very different members of the elite, an illustrious dignitary, on the one hand, and an apparently ordinary officer, on the other.

The book is addressed to scholars working in the fields of history and cultural studies, as well as to all readers interested in history.

СОСТАВИТЕЛЬ, НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР,
АВТОР НАУЧНОЙ СТАТЬИ И КОММЕНТАРИЕВ

Майя Борисовна Лавринович,

кандидат исторических наук, доцент, приглашенный преподаватель Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Специалист в области социальной истории XVIII — начала XIX в. Автор публикаций в журналах *Cahiers du monde russe*, *Russian Review*, *Российская история*, *Slavonic and East-European Review* и др.

Адрес А.С. Дьяконова, написанный
рукой А.Р. Воронцова на обороте
письма, запечатанного сургучной
печатью

Источник: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 68. Л. 7 об.

Д.Г. Левицкий. Портрет графа
Александра Романовича Воронцова
(1741–1805). 1780-е годы

Источник: <[https://commons.wikimedia.org/wiki/
File:AlexandrRomanovichVorontsov.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:AlexandrRomanovichVorontsov.jpg)>

Двор мызы Нежинской близ Копорья, принадлежавшей А.С. Дьяконову. К моменту создания этого и двух других рисунков, изображающих мызу, она перешла в собственность Г.И. Жукова (ум. до 1810 г.) или его прямых наследников. Рисунок О.А. Кипренского. 1807 г. Бумага, итальянский карандаш

Источник: Государственный Русский музей (Санкт-Петербург). Шифр: Р-30430

[illegible]

en Banned by the

Страница из письма А.Р. Воронцова
А.С. Дьяконову от 3 октября 1786 г.
На левом поле — помета Дьяконова
о получении письма (9 октября)
и ответе на него (15 или 16 октября)

"30- Июня Августа 1787-Года

12

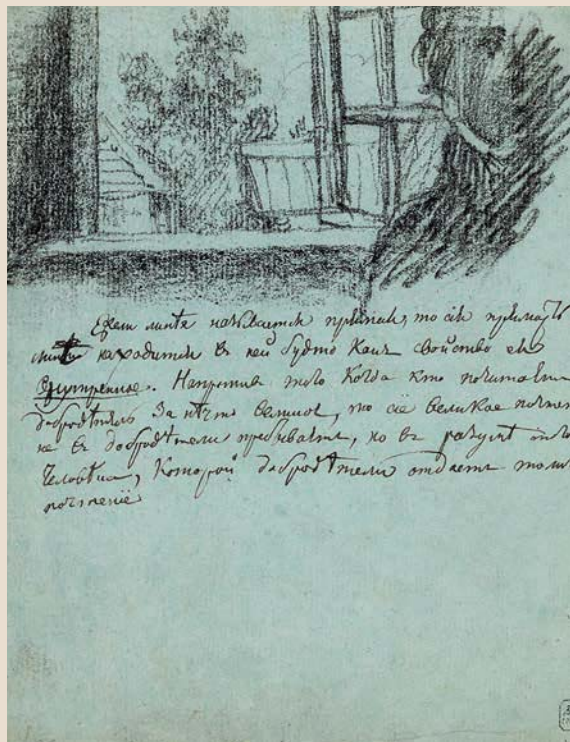
Рябеневский Граф!
Великодушный благотворитель и добродетель!
Милостивый Государь Граф Александр
Романов!

Долгов и обязанности не имея
от себя Адам Принести Вашему Патрону
Искреннее и всеглаголющее поздрав-
ление со днём Вашего Патрона; да патрону
примите здешнее и сердечное ^{ваше} Адам
Многоуважаемого и благопожелательного ^{ваше} Дарения.
А на мнѣ горожане (всѣх имѣющих)
поимѣе и мнѣе мнѣе Полковника,
и за патрону во мнѣ Адам мою преданность
со Губернатором и нѣкимъ ^{ваше} Полю-
битель и тѣмъ же Губернатором

Всего Рябеневского
Милостивого Государя
Всеподобнейшего Адама
А. Дьяконова

Письмо А.С. Дьяконова А.Р. Воронцову
от 30 августа 1787 г. с поздравлением
с днем его святого патрона Александра
Невского. Внизу справа — подпись
А.С. Дьяконова, слева отчеркнуто место
написания письма — мыза Нежинская

Источник: Государственный Русский музей
(Санкт-Петербург). Шифр: Р-30529

Ал. Петровича Сумарокова обидеть: что есть Юпитера
 вышла узнать отны ясной дабы вся роковая скотина
 выбиралась из лесовъ. сей злое почитанію узайма
 роговъ мнилъ до сего некасался; однако онъ какъ бѣное
 бѣснѣное и слабое животное, пороховъ протѣкающаго на потѣ
 отъ Петербурга до Ржевскія мжи, воздохнувши ^{побѣдилъ изъ} некасался.

- „Подвѣсти Мотъ,
- „Подвѣсти плути,
- „Подвѣсти души,
- „Лехко пожалуютея въ рота большія уши;
- „а ехали суды и суды меня справять,
- „то справки выписки одни тогда задвѣять.

Простите ваше С. съими силъ некасающимися до меня
 повѣствованіяхъ можете вы обрѣсти. вы приказывали
 всегда что вы къ воли что мѣдѣ я писалъ; а потѣмъ
 и ласкаюсь что вы меня насей розѣ простите и вселите,
 да еще же и потому что сіе дѣло есть дѣло Городско.

Страница из письма А.С. Дяконова
 А.Р. Воронцову от 23 ноября 1788 г.,
 написанного рукой «мальчика»-секре-
 таря и содержащего цитату из притчи
 А.С. Сумарокова «О зайце»

Набросок вида хозяйственных построек
мызы. Рисунок О.А. Кипренского.
1807 г. Бумага, итальянский карандаш

Источник: Государственный Русский музей
(Санкт-Петербург). Шифр: Р-30413

Научное издание

Серия
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ
ROSSICA INEDITA

«...ДУШЕВНО К ВАМ ПРИВЯЗАН»:
Переписка графа Александра Воронцова
и бригадира Алексея Дьяконова (1780-е годы)

Составитель и научный редактор *Майя Лавринович*

Зав. книжной редакцией *Елена Бережнова*
Редактор *Анастасия Архипова*
Корректоры: *Анастасия Архипова, Надежда Андрианова*
Дизайн серии: ABCdesign
Обложка и вклейка: ABCdesign
Татьяна Борисова
Макет: *Даниил Бондаренко*
Верстка: *Ольга Быстрова*

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации
Тел.: +7 499 611-24-16, +7 495 624-40-27
bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 06.10.2022. Формат 84×108/32
Гарнитура Arno Pro. Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 16,6
Печать струйная ролевая. Тираж 600 экз. Изд. № 2602

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 495 624-40-27

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru
Тел.: +7 499 270-73-59